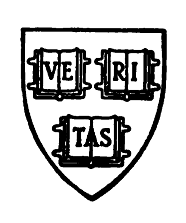

ВЛІЯНІЕ ЦЕРКОВНАГО УЧЕНІЯ

И

ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

НА

МІРОСОЗЕРЦАНІЕ РУССКАГО НАРОДА

И ВЪ ЧАСТНОСТИ НА НАРОДНУЮ СЛОВЕСНОСТЬ,

ВЪ ДРЕВНІЙ ДО ПЕТРОВСКІЙ ПЕРІОДЪ

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСѢЯ ПОПОВА.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета
1883.

Опредѣленіемъ Совѣта Казанской духовной академіи печатать разрѣшается февраля 10-го дня 1883 года.

Ректоръ академіи, протоіерей *А. Владимірскій*.

Древне-русскіе писатели, обыкновенно, обвиняли русскій народъ въ двоевѣріи и язычествѣ. Убѣжденіе, что русскій народъ двоевѣренъ и даже болѣе—съ принятіемъ христіанства, по прежнему, остался язычникомъ, раздѣлялось многими во весь періодъ его христіанской исторіи. А нѣкоторые и въ настоящее время даже готовы признать его язычникомъ. Но при изученіи словесныхъ произведеній русскаго народа, въ которыхъ вылился его духъ, его задушевныя убѣжденія и искреннія вѣрованія, его чаянія и идеалы, нельзя не замѣтить, что народъ, со времени принятія христіанства, сдѣлалъ громадный шагъ впередъ по пути своего религіознаго и нравственнаго образованія. Правда, въ міросозерцаніи русскаго народа мы найдемъ не мало элементовъ языческихъ; но это только жалкіе остатки стараго язычества, въ большинствѣ случаевъ уже утратившіе свой прежній смыслъ,—и за нихъ въ настоящее время нельзя обвинять русскій народъ въ язычествѣ: они неизбѣжная переходная ступень къ чистому христіанству. И не у русскаго только, а и у всякаго другаго христіанскаго народа христіанскія понятія въ массѣ прививались не вдругъ, языческія суевѣрія держались долго. Только поголовное систематическое образованіе можетъ сдѣлать полный переворотъ въ міросозерцаніи народа. А образаванія-то на Руси и не было почти—мы не говоримъ уже—систематическаго, даже мало-мальски сноснаго. Небольшое образованіе имѣли возможность получать не очень многія лица. Такимъ образомъ, въ силу уже исторически

сложившихся условій, усвоеніе христіанскихъ понятій русскимъ народомъ должно было происходить медленно. Но за то—нужно сознаться—христіанскія понятія переваривались и усвоивались русскимъ народомъ глубоко и входили, такъ сказать, въ плоть и кровь его духовной природы, тѣснѣйшимъ образомъ переплетались и связывались со всѣмъ складомъ его воззрѣній. Обыкновенно, высокія истины христіанскія сначала схватывались народомъ только съ своей внѣшней стороны, въ какомъ либо отношеніи имѣвшей сходство съ прежними воззрѣніями; потомъ народъ болѣе и болѣе знакомился съ христіанскими понятіями, понималъ ихъ глубже и наконецъ усвоялъ ихъ (конечно за нѣкоторыми исключеніями) во всей ихъ чистотѣ и глубинѣ. Между тѣмъ языческія вѣрованія мало по малу теряли свое значеніе, пока одни не утратили его совершенно, и не отошли въ область сказокъ и вымысловъ, а другіе не приняли колоритъ, далеко отличающій ихъ отъ ихъ прежняго вида. Что же касается языческихъ обычаевъ, то многіе изъ нихъ дѣйствительно сохранились до настоящаго времени, но они тоже утратили свой религіозный смыслъ, совершаются по привычкѣ и составляютъ для народа не болѣе, какъ предметъ забавы и развлеченія.

До призванія на княженіе Рюрика русскій народъ былъ язычникомъ и находился почти въ дикомъ состояніи. Не будучи въ состояніи устроить своей общественной жизни, онъ, какъ извѣстно, обращается къ варягамъ и проситъ у нихъ князя. Съ прибытіемъ Рюрика, общественная жизнь русскаго народа начинаетъ складываться въ опредѣленную форму, и вырабатывается государственный организмъ. Нечего и добавлять, что этотъ государственный организмъ носилъ чисто языческій характеръ. Но такъ или иначе установившіяся сношенія съ Византіей, государствомъ христіанскимъ, не могли не отозваться если не въ ближайшемъ будущемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ отдаленныя времена на всемъ строѣ государственной, обще-

стоенной и религіозно-индивидуальной жизни русскаго народа. Рускіе послы, еще до формальнаго принятія христіанства Владиміромъ, уже знакомились съ христіанствомъ въ Византіи. Такъ напр. въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи подъ 912 годомъ говорится, что Царь Леонъ принялъ русскихъ пословъ ласково, повелѣлъ показать имъ достопримѣчательности и межу прочимъ—„страсти Господни, вѣнецъ и гвоздье и хламиду багряную, и мощи святыхъ, учаще я къ вѣрѣ своей и показующе имъ истинную вѣру“.(1). Подобное знакомство русскихъ людей съ христіанскими святынями и христіанскимъ ученіемъ конечно не проходило для нихъ безслѣдно. Фактъ столкновенія язычниковъ въ Кіевѣ съ христіаниномъ—варягомъ свидѣтельствуетъ, что еще задолго до Владиміра въ Кіевѣ были христіане. Да и тотъ фактъ, что жители Кіева не оказали большаго сопротивленія Владиміру, когда онъ вздумалъ крестить русскій народъ, свидѣтельствуетъ, что Кіевляне чрезъ своихъ собратій христіанъ уже имѣли кое-какое представленіе о христіанствѣ. Но какъ бы то ни было, еще количество христіанъ было ничтожное. Только со времени крещенія св. Владиміра христіанство на Руси начинаетъ распространяться быстро. Крестившись по примѣру своей прабабки Ольги, Владимиръ не захотѣлъ, подобно Ольгѣ, ограничиться своимъ собственнымъ крещеніемъ. Онъ вздумалъ крестить и русскій народъ. Задача для Владиміра предстояла серьезная. Крестить русскій народъ, быть можетъ, было и не особенно трудно; но привить къ нему христіанскія понятія, сдѣлать его христіаниномъ было дѣло нелегкое. Для этого нужны были средства. Прежде всего нужны были лица, которыя бы занялись перевоспитаніемъ русскаго народа, а потомъ нужны были храмы, священные предметы, необходимыя для богослуженія, богослужебныя и назидательныя книги и т. п. И

(1) Полное Собраніе русскихъ лѣтописей I, 16 стр.

дѣйствительно, возвращаясь послѣ крещенія изъ Корсуня, онъ взялъ съ собою оттуда нѣкоторыя святыни, напримѣръ, мощи „Климента и Фивы, ученика его, сосуды церковныя, иконы на благословенье себѣ (¹)". Прибывъ изъ Корсуня въ Кіевъ, Владиміръ приказываетъ (988) низвергнуть Перуна и призываетъ Кіевлянъ къ рѣкѣ ко крещенію,—при чемъ ослушникамъ его воли угрождаетъ немилостью: „аще не обрящеться кто рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ". Се слышавши—продолжимъ рѣчь языкомъ лѣтописи — людье съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: „аще бы не добро было, не бы сего князь и боляре пріяли". Явился на Днѣпръ и Владиміръ „съ попы царицины и съ Корсуньскыми". Въ то время, какъ Кіевляне „влѣзоша въ воду и стояху овы до шіе а друзіи до персій, попове же стояще молитвы творяху". И — добавляетъ лѣтописецъ—бяше си вѣдѣти радость на небеси и на земли (²). А особенно былъ радъ Владиміръ, „яко позна Бога самъ и людье его" (³). Крестивъ русскій народъ, Владиміръ повелѣлъ „рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумиры". (На мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, Владиміръ поставилъ церковь св. Василія) Устраивая церкви, Владиміръ поставлялъ къ нимъ „и попы" (⁴). Священниковъ на первыхъ порахъ Владиміръ бралъ изъ Болгаріи,—а потомъ стали ставиться въ священники на ряду съ греками и русскіе. Для того чтобы проходить обязанности священника—нужно было знакомство съ грамотою. Поэтому Владиміръ позаботился объ открытіи школъ и отбиралъ у знатныхъ родителей дѣтей „на ученье книжное". Лѣтописецъ поэтому поводу замѣчаетъ, что „матери же чадъ своихъ плака-

---

(¹) П. С. Р. Л, I. 50 стр.

(²) П. С. Р. Л. I, 50 стр.

(³) П. С. Р. Л. I, 51 стр.

(⁴) П. С. Р. Л. I, 51 стр.

хуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою" (¹). Матери, болѣе привязанныя къ языческимъ традиціямъ, естественно скорбѣли за своихъ дѣтей, которые, побывавъ въ школѣ, становились поборниками новой вѣры,—особенно, если принимали священный санъ. Что касается, далѣе, книгъ церковныхъ, необходимыхъ при богослуженіи, то навѣрное также Владиміръ заботился объ ихъ пріобрѣтеніи. Древній сочинитель краткаго житія и похвалы Владиміру восхваляетъ Владиміра какъ „дѣлателя вѣры Христовой", взоравшаго Русь крещеніемъ и насѣявшаго ее святыми книгами (²). Извѣстно, что Симеонъ болгарскій царь, этотъ ревнитель славянскаго просвѣщенія, присылалъ къ Владиміру священниковъ и книги (³). На сколько имѣлъ возможность, Владиміръ такимъ образомъ дѣлалъ все, что нужно было для распространенія христіанства: „рубилъ" церкви, приготовлялъ и ставилъ священниковъ, заботился о пріобрѣтеніи книгъ и священныхъ предметовъ. Дѣло Владиміра продолжаютъ и его преемники. Они также устраиваютъ церкви, заботятся объ увеличеніи книгъ, приготовленіи пастырей церкви. Такъ какъ они понимали, что христіанство можетъ распространиться среди русскаго народа только благодаря дѣятельности духовенства, то духовенству они оказывали особенное благорасположеніе и вниманіе. Монашество было у князей, кажется, еще въ большемъ уваженіи, чѣмъ бѣлое духовенство,—тѣмъ болѣе, что пастыри церкви, стоявшіе на высшихъ іерархическихъ ступеняхъ, были лица монашествующія. Извѣстно, что Ярославъ „попы любяше повелику, излиха же черноризьцѣ". Ярославъ любилъ читать книги, и заботился о списываніи ихъ: „книгамъ прилежа и почитая é часто въ нощи и въ дне; и собра письцѣ мно-

---

(¹) П. С. Р. Л. I, 51 стр.

(²) Правосл. собесѣдн. 1858 г. I, 277 стр.

(³) Татищ. I, 38, II 75—76; Прав. Соб. 58 г. I, 274 стр.

гы и прекладаше отъ Грекъ на словенское письмо и спиша книгы многы" (¹). Ярославъ, какъ и Владиміръ, строилъ церкви по городамъ и населеннымъ мѣстамъ, поставлялъ (при нихъ) „попы" и давалъ имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто по церквамъ; и умножишася — добавляетъ лѣтописецъ—презвутери, людье христіанстіи (1037 — 6545 г.) (²). Владиміръ Всеволодовичъ (ум. 1125 г.), какъ извѣстно изъ лѣтописей, подобно Ярославу, строилъ церкви, почиталъ монашескій и поповскій чины, и давалъ имъ содержаніе „еже на потребу" (³). Андрей Боголюбскій, сынъ Георгія, внукъ Владиміра Мономаха (убитъ 1175 г.) также строилъ церкви и монастыри (напр. во Владимірѣ) и заботился о содержаніи духовенства, „кормитель бѣ чернцамъ и убогимъ" (⁴). Тѣми же качествами отличался и Всеволодъ, сынъ Юрія, внукъ Владиміра (умеръ 1212 г.). Великій князь Константинъ Всеволодовичъ также заботился „о созданіи прекрасныхъ Божіихъ церквей, исполняя (ихъ) книгами и всякыми украшеніи", онъ, по лѣтописи, почиталъ „паче мѣры іерейскый и мнишьскій чинъ, подая имъ, еже на потребу и принимая отъ нихъ молитвы и благословенье". Онъ любилъ читать книги (⁵). Волынскій князь Владиміръ Васильковичъ самъ переписывалъ книги для многихъ церквей, особенно имъ самимъ устроенныхъ—евангеліе, апостольскія посланія, прологи на всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ и разныя богослужебныя книги (⁶). Въ настоящее время въ Румянцевской библіотекѣ хра-

(¹) П. С. Р. Л. I, 65 стр.

(²) П. С. Р. Л. I, 66 стр.

(³) П. С. Р. Л. I, 129 стр.

(⁴) П. С. Р. Л. I, 156 стр.

(⁵) П. С. Р. Л. I, 187 и 188 стр.

(⁶) Въ Каменецкую церковь Благовѣщенія и въ церковь Галицкаго монастыря имъ были положены сборники выдержекъ изъ святоотеческихъ

нится отъ него экземпляръ кормчей, написанной имъ въ 1286 г. (1). Романъ Ростиславичъ Смоленскій, по свидѣтельству Татищева, заводилъ училища и учителей, между прочимъ Грековъ содержалъ на своемъ иждивеніи (2).

Мы не приводимъ болѣе образцовъ дѣятельности князей въ пользу религіознаго просвѣщенія русскаго народа. Изъ представленныхъ примѣровъ мы видимъ, что князья въ большей или меньшей степени заботились о распространеніи христіанства среди русскаго народа и о его религіозномъ образованіи. Заводили-ли они школы и заставляли духовенство обучать мальчиковъ въ этихъ школахъ, или строили церкви и монастыри, менѣе заботясь о школахъ, они служили одной цѣли. Этою цѣлію было—дать русскому народу духовное просвѣщеніе. А духовное просвѣщеніе, даваемое народу въ церкви и школѣ, носило одинъ и тотъ же характеръ—религіозный. Въ школахъ обучали по тѣмъ же богослужебнымъ книгамъ, которыя употреблялись и въ церкви. Часословъ и псалтирь были книгами и богослужебными, и школьными (3). Религіозный характеръ преподаванія въ школахъ—само собою разумѣется—обусловливался тѣмъ, что преподавателями на первыхъ порахъ были лица духовныя и монахи. Лица духовныя и иноки были самыми образованными людь-

---

твореній. Волын. лѣт. П. С. Р. Л. II, 222 и 223 стр. Правосл Собесѣд. 1858 г. I, 278 стр.; 1862 г. I, 161 стр.

(1) Опис. рук. Румянц. библ. 312 стр. Правосл. Собесѣд. 1862 г I, 162 стр.

(2) Татищ III, 196. 220. 238.

(3) Изревле, замѣчаетъ Θеодоръ справщикъ на Московскомъ печатномъ дворѣ въ концѣ 17 и началѣ 18 в. «издревле обычай бѣ и есть учити дѣти малая азбуцѣ, потомъ часословцу и псалтири, тоже писати, на сихъ же нѣцыи преподаютъ и чтеніе Апостола, возрастающихъ же препровождаютъ ко чтенію и священной Библіи и бесѣдъ евангельскихъ и апостольскихъ. Прав. Соб. 58 г. I, 27 стр. Икон. 4 стр.

ми въ древней Руси, конечно понимая подъ тогдашнею образованностію грамотность и начитанность. Что касается духовенства, то оно безъ грамотности и обойтись не могло,—а среди монашества грамотность развивалась потому легко, что у монаховъ для образованія были и время, и средства. Со временемъ и свѣтскія лица, не состоявшія ни въ монашествѣ, ни на духовной службѣ, стали знакомиться съ грамотою. Но характеръ ихъ образованія былъ тотъ же, что и у духовенства съ монашествомъ, то есть, носилъ религіозную подкладку. Такъ что главными дѣятелями въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія русскаго народа все же были пастыри церкви, все же было духовенство и монашество. Мы говорили, что князья оказывали особенное уваженіе къ „іерейскому и монашескому чину", духовенству и монастырямъ давали содержаніе и дѣлали это по той причинѣ, что въ нихъ видѣли силу, которая можетъ просвѣтить русскій народъ и привить къ нему христіанскія религіозно-нравственныя понятія. Дѣйствительно, князья не ошиблись. Все, что русскій народъ ни воспринялъ въ свои воззрѣнія отвнѣ возвышеннаго, христіанскаго, все это—дѣло духовенства и монашества, результатъ дѣятельности пастырей церкви. Само собою разумѣется, что и аскетическій характеръ религіозно-нравственныхъ воззрѣній древне-русскаго монашества и духовенства [1] долженъ былъ сообщиться народнымъ воззрѣніямъ. И

---

(1) На сколько аскетическій духъ преобладалъ въ сочиненіяхъ древней Руси, можно судить по сохранившимся доселѣ древнерусскимъ рукописямъ. Изъ 2673 книгъ помѣщенныхъ въ описи степенныхъ монастырей приходится до тысячи экземпляровъ исключительно аскетическаго содержанія. Изъ 1426 книгъ Соловецкой библіотеки болѣе 400 (219 сочиненій и 200 сборник.) тоже чисто аскетическія. Содѣйств. русскихъ монаст. просв. Прав. Собесѣдн. 1858 г. I т. 503—510. Чтен. И. Общ. Ист. и Древн, 1848 г. № 14. Правосл. Собесѣд. 1859 г. 1 и 2 кн, Опытъ изслѣдованія о культур. значеніи Византіи въ Русской исторіи. Иконникова 229—232.

дѣйствительно сообщился: въ народныхъ воззрѣніяхъ онъ сквозитъ довольно рѣзко.

Какимъ бы путемъ не происходила передача народу новыхъ христіанскихъ воззрѣній: путемъ ли школьнаго образованія, путемъ ли частной домашней бесѣды пастырей съ пасомыми, или путемъ церковной проповѣди, только запасъ христіанскихъ понятій отъ времени наполнялся у народа все болѣе и болѣе. Языческое міросозерцаніе народа не могло устоять противъ наплыва и напора этихъ новыхъ понятій. Оно должно было пошатнуться—даже болѣе—совершенно пасть. Вновь пріобрѣтаемыя знанія подрывали его въ корнѣ.

Насколько же и въ какомъ видѣ народъ русскій усвоилъ христіанское ученіе, это мы можемъ видѣть въ произведеніяхъ народной словесности, въ которыхъ выразилось все міросозерцаніе народа.

Народная словесность, это складъ, въ которомъ заключено все духовное богатство народа. Народная мудрость, пріобрѣтенная многовѣковымъ опытомъ, народныя убѣжденія, вѣрованія, симпатіи, чаянія, идеалы, все это хранится здѣсь—въ памятникахъ народнаго творчества. Народная словесность съ своей внутренней стороны, можно сказать, душа народа, субстратъ его духовныхъ силъ, а съ внѣшней—зеркало, въ которомъ отпечатлѣвается духовный обликъ народа. Произведенія русской народной словесности: загадки, пословицы, сказки, легенды, пѣсни, былины, стихи духовные,—въ своей совокупности представляютъ изъ себя стройную систему міросозерцанія, всѣ они проникнуты однимъ духомъ, всѣхъ ихъ стягиваетъ и сшиваетъ одна нить. Своей массой они ярко обрисовываютъ цѣлостный духовный образъ, цѣлостную сложившуюся физіономію русскаго народа. Правда, во многихъ народныхъ произведеніяхъ, напр. хоть въ пословицахъ, не мало встрѣчается разнорѣчія (даже противоположности); но рѣзкость ихъ, нужно добавить, тотчасъ же ослабѣваетъ, если охватить взоромъ всю массу народныхъ воззрѣній. Народъ, во время своего

многовѣковаго существованія, много пережилъ и переиспыталъ, много передумалъ и перечувствовалъ. О многихъ предметахъ, быть можетъ, не разъ пришлось ему перемѣнить свои воззрѣнія. Принимая новыя воззрѣнія, народъ не могъ же сразу забыть и прежнихъ, какъ и мы долго помнимъ свои дѣтскія представленія. Да и то нужно сказать, что народъ — съ другой стороны — не одинъ человѣкъ. Въ массѣ народа всегда найдутся лица разномыслящія.

Произведенія русской словесности, обрисовывая духовную физіономію русскаго народа, показываютъ въ тоже время и самый процессъ образованія личности, показываютъ историческій ходъ народнаго міросозерцанія, формаціи и наслоенія въ народныхъ воззрѣніяхъ. Какую бы форму народныхъ произведеній мы не взяли: загадку ли, пословицу ли, пѣсню, сказку, — мы вездѣ найдемъ, кромѣ настоящихъ воззрѣній народа, указаніе и на прошедшія. Наряду съ христіанскими воззрѣніями во всѣхъ народныхъ произведеніяхъ обрисовываются тѣни и вѣрованій прошедшихъ. Поэтому, занимаясь вопросомъ о вліяніи церковнаго ученія и древне-русской духовной письменности на міросозерцаніе русскаго народа, мы рѣшаемся бросить свѣтъ и на языческую пору народнаго міровоззрѣнія, то есть, показать цѣлый историческій ходъ народнаго міросозерцанія. Тогда намъ отчетливѣе представится, какъ прививались къ народу новыя христіанскія понятія, какъ они переработывались въ народномъ міросозерцаніи, переплетаясь со всею массою народныхъ воззрѣній. Новое строится на развалинахъ стараго и, какъ вѣрно замѣтилъ г. Знаменскій, „на половину изъ стараго матеріала“. Историческій ходъ народнаго міросозерцанія, исторія духа, убѣжденій, обычаевъ народа именно тѣмъ отличается, что здѣсь прошедшее съ настоящимъ въ самой тѣсной связи, въ самомъ полномъ взаимодѣйствіи. Консервативность — отличительная черта исторіи народныхъ воззрѣній и вѣрованій. Старыя воззрѣнія и вѣрованія, старыя повѣрья и обряды, ста-

рые обычаи—какъ показываетъ опытъ—народъ сохраняетъ долго. Онъ хранитъ ихъ, какъ завѣтъ старины, и тогда, когда ихъ уже не понимаетъ. Старыя вѣрованія долго не умираютъ, они сливаются съ новыми вѣрованіями, сначала уподобляя ихъ себѣ, а затѣмъ видоизмѣняются сами. Что касается усвоенія христіанскихъ понятій, то старыя воззрѣнія языческія также кладутъ на нихъ рѣзкій отпечатокъ. Если посмотримъ, какъ христіанство привилось къ тому или другому народу, то найдемъ, что у различныхъ народовъ оно носитъ различный характеръ. Причина такого явленія въ различіи прежнихъ воззрѣній, различіи, обусловливаемомъ историческою жизнію народа и его особенностями. Въ статьѣ „Очерки изъ исторіи славянской миѳологіи“ удачно сдѣлано сравненіе народа съ растеніемъ (1). Изъ одной и той же почвы—говоритъ авторъ указанной статьи—берутъ соки растенія,—но эти соки перерабатываются сообразно съ органическими законами каждаго растенія. Народъ тоже своего рода организмъ, имѣетъ свои органическіе законы, свои отличительные черты, словомъ то, что называется народностію. Къ нему не привьется то, что не согласно съ его народностію. Въ его жизни бываютъ заимствованія отъ другихъ народовъ, усвоеніе чужаго. Но это чужое заимствуется не цѣликомъ, не безусловно. Народный организмъ втягиваетъ въ себя только то, что ему сродно, и, по мѣрѣ усвоенія чужаго, обращаетъ послѣднее въ свою собственную плоть и кровь. Заимствованное перерабатывается на народный ладъ, дѣлается своимъ, теряя многія прежнія свойства и получая новыя народныя черты“. Такимъ образомъ последовательность въ историческомъ ходѣ народнаго міросозерцанія, тѣсная связь прошедшихъ воззрѣній и вѣрованій съ настоящими, повторяемъ, заставляетъ насъ

(1) Очерки изъ исторіи славянской миѳологіи. Нижегор. Еп. Вѣд. 1863 г. № 17. 23 стр.

представить уже усвоеніе русскимъ народомъ новыхъ понятій, заимствованныхъ изъ письменной литературы, въ цѣломъ ходѣ народнаго міросозерцанія.

Всѣ народныя произведенія, въ какой бы формѣ они ни были, въ формѣ ли пословицы, загадки или пѣсни,—одинаково будутъ служить для насъ основаніемъ при нашихъ разсужденіяхъ. Чтобы не навязывать народу того, чего онъ не имѣетъ,—какъ это часто случается даже съ крупными учеными авторитетами,—мы постоянно будемъ иллюстрировать свою рѣчь рѣчью народною, выражаться мѣстами изъ того или другаго народнаго произведенія. А дѣлать выводы будемъ на столько, на сколько дастъ намъ право народный словесный матеріалъ. Только при вопросѣ о первобытныхъ воззрѣніяхъ нашихъ предковъ мы будемъ допускать догадку,—и то основываясь на установившихся психологическихъ законахъ мышленія. Во всякомъ случаѣ фактическая сторона для насъ будетъ стоять на первомъ мѣстѣ. А фактическая сторона — это народныя произведенія: Загадка, какъ первоначальная форма народныхъ произведеній, дастъ намъ возможность заглянуть въ окруженную туманомъ сѣдую старину. Она покажетъ намъ, что тогда интересовало человѣка, какіе возникали у него вопросы и какъ онъ ихъ рѣшалъ. Пословица еще болѣе выяснитъ, къ какимъ воззрѣніямъ на окружающій міръ и на самого себя приводилъ человѣка жизненный опытъ. Пословица покажетъ, далѣе, какъ этотъ жизненный опытъ увеличивался у человѣка, какъ умственный кругозоръ человѣка расширялся, взглядъ на вещи становился у него болѣе трезвымъ. Въ пословицахъ мы найдемъ массу научныхъ положеній, рядъ аксіомъ, до которыхъ дошелъ человѣкъ путемъ опыта. Наряду съ народными аксіомами—пословицами мы поставимъ, такъ сказать, и иллюстрацію ихъ въ картинахъ и образахъ пѣсенъ, сказокъ и т. д. Человѣкъ первобытный не можетъ мыслить отвлеченно: ему непремѣнно нуженъ образъ, картина. И вотъ наряду съ загадкой и пословицей, гдѣ главная мысль

высказана сжато, какъ извѣстно, являются пѣсни, сказки, былины, гдѣ извѣстная истина иллюстрируется, гдѣ главная мысль проводится уже въ цѣломъ разсказѣ. Съ запасомъ жизненнаго опыта, когда взглядъ на вещи невольно долженъ былъ мѣняться у народа,— разсказы народные, какъ и пословицы, тоже не могли не подвергнуться измѣненію. Въ общемъ форма ихъ въ большинствѣ случаевъ оставалась прежняя,—картины оставались старыя, можетъ быть, болѣе только совершенствовались, но они становились выразителями уже новыхъ понятій, новыхъ воззрѣній. Впрочемъ, какъ въ народномъ міросозерцаніи обветшалыя воззрѣнія уступали новымъ,—такъ и въ словесныхъ народныхъ произведеніяхъ къ старымъ—выразимся—научнымъ положеніямъ и картинамъ прибавлялись новыя. Но если въ силу времени шло постоянное и непрерывное развитіе и измѣненія народныхъ воззрѣній, а слѣдовательно и произведеній народной словесности,—то что сказать о вліяніи на народное міросозерцаніе христіанства? Христіанство несло съ собой цѣлую массу новыхъ понятій, и поэтому, при усвоеніи его, должно было дать громадный толчекъ народной мысли. Дѣйствительно, въ словесныхъ произведеніяхъ русскаго народа мы находимъ остатки того интереснаго процесса, какой совершался при наплывѣ въ языческое міросозерцаніе христіанскихъ понятій, — понятій съ совершенно новымъ духомъ и характеромъ; замѣчаемъ даже и тѣ ступени, по которымъ народъ восходилъ до высоты чистаго и вѣрнаго пониманія христіанскихъ истинъ.

I.

НАРОДНЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ О БОГѢ.

Перенесемся теперь мыслію въ отдаленнѣйшія времена—къ нашимъ предкамъ, когда они не имѣли еще ни опыта, ни знаній. Что мы увидимъ? Увидимъ безпомощность нашего предка. Природа производитъ на него чарующее впечатлѣніе, но въ тоже время дѣйствуетъ и гнетущимъ образомъ. Онъ, ученикъ и рабъ природы, не можетъ еще оглядѣться въ мірѣ, не можетъ разобраться съ тѣмъ громаднымъ матеріаломъ, который дается для его разсмотрѣнія. Все окружающее предка, воздѣйствуя на него всею своею совокупностію, подавляетъ его своимъ единствомъ Природа прежде всего представляется цѣлою и единою. Но дающая себя замѣтить, постоянная смѣна явленій тепла и холода, свѣта и тьмы, постоянное движеніе въ окружающей его средѣ убѣждаетъ нашего предка, что окружающая природа такая же живая, какъ и онъ самъ. Чувствуя свое безсиліе, онъ невольно преклоняется предъ этимъ живымъ „не я“,—невольно считаетъ природу своимъ владыкою, богомъ. Каждое свое состояніе, каждый свой шагъ онъ ставитъ въ полную зависимость отъ этого всеобъемлющаго существа. Не опытность нашего предка и его постоянныя ошибки иногда заставляютъ его дорого расплачиваться за нихъ. Предокъ испытываетъ то пріятное состояніе, то непріятное, то радость, то печаль. Кто виновникъ этого? Да этотъ же живой окружающій міръ! Что онъ захочетъ, то и сдѣлаетъ. Онъ захочетъ даровать че-

ловѣку счастіе,—и дастъ; не захочетъ,—и человѣкъ будетъ бѣдствовать. Слово его законъ для человѣка, его божественное опредѣленіе—роковое. Опытъ предка такъ малъ, что онъ не можетъ еще ручаться за тотъ или другой результатъ своего дѣла. Человѣкъ хочетъ сдѣлать такъ, а между тѣмъ многое совершается вопреки его волѣ,—стало быть, по волѣ этого живаго міра. А воля воображаемаго божества ему не извѣстна. Узнать ее, для того чтобы менѣе платиться за ошибки при столкновеніи съ міромъ, можно только изученіемъ, опытомъ. А у предка нашего еще нѣтъ ни того, ни другаго. Что же послѣ этого оставалось дѣлать нашему предку какъ не положиться на божественное опредѣленіе міра, не отдать себя во власть этого независимаго отъ человѣка суда божія—судьбы, рока? „Чему быть, того не миновать. Коли быть бѣдѣ, такъ ее не минуешь. Отъ судьбы не уйдешь" (¹). Разсуждаетъ неопытный нашъ предокъ, и начинаетъ понемногу пробовать свои силы, конечно на авось: „пусть будетъ, чему не миновать" (²). Удается предку дѣло или не удается, онъ одинаково разсуждаетъ: „видно, такъ суждено; видно, такая судьба; видно, такъ рокъ сулилъ" (³). Природа, повторяемъ, прежде всего подавляетъ человѣка своею массою, гнететъ его непрестаннымъ могущественнымъ дѣйствіемъ на него.

Но присматривается болѣе нашъ предокъ къ окружающему міру,—онъ начинаетъ различать разнообразіе окружающихъ его явленій. Образъ природы, какъ цѣльнаго и единаго божескаго существа, не имѣя за собою содержанія, становится тусклымъ. Онъ дробится въ представленіи человѣка на два божественныхъ образа. Небо человѣкъ начинаетъ ясно отличать отъ земли. Возможный для человѣка, жизненный опытъ

(¹) Даль 26. 27. Снегиревъ 541.

(²) Даль 30.

(³) Ibidem.

опредѣляетъ воззрѣніе человѣка на небо и землю и ихъ взаимныя отношенія. Человѣческая жизнь возможна только подъ условіемъ брака. Это же явленіе замѣчается человѣкомъ и надъ ближайшими животными. Отчего не тоже явленіе должно быть основою жизни и во всемъ мірѣ вообще? Небо принимаетъ воздѣйствующій мужской типъ, а земля женскій, воспринимающій. Ихъ взаимною связью человѣкъ начинаетъ объяснять происхожденіе всего, что онъ ни находитъ. Все рождается отъ неба и земли: „небо—отецъ, земля—мать“. Названіе неба „отцемъ“ (батюшкой) а земли—„матерью“ (матушкой) у русскаго народа сохранилось и доселѣ [1]. И доселѣ простолюдинъ говоритъ иногда: „не земля родитъ, а небо“, выражая, что „земля принимается за свой родъ“ и даетъ урожай только подъ условіемъ воздѣйствія на нее неба. Фигура божественнаго существа—неба, очень можетъ быть, что рисовалась въ образѣ человѣка громадныхъ размѣровъ. Нашъ предокъ еще не въ состояніи былъ отдѣлить небесныхъ явленій одно отъ другого. Неудивительно поэтому, что свѣтила могли показаться ему глазами неба, тучи—бородой, волосами, громъ—голосомъ и проч. Какъ мужескому типу, предокъ придаетъ небу и дѣятельность мущины, насколько она могла сложиться въ то время. Быть можетъ, ужъ тогда мущина игралъ первенствующую роль въ семьѣ, отъ его воли зависѣлъ починъ или исходъ того или другаго дѣла, его слову повиновались жены и дѣти. Эти черты отца или владыки переноситъ человѣкъ на небо. Но масса и сила вліянія на человѣка неба заставляютъ предка видѣть въ немъ неприступное могущественное божество, отъ воли котораго зависитъ каждый шагъ человѣка. Послѣ того, какъ мы видѣли фантастическій образъ міра, какъ единаго живаго существа и всецѣлаго виновника человѣческой судьбы,

---

(1) Посл. Даля 1029. Аѳан. Поэт. воззр. I, 127 и 126 стр.

за неимѣніемъ содержанія, началъ тускнуть и исчезать, рокъ сталъ терять подъ собою почву. Судъ Божій, роковое божественное опредѣленіе передается новому божеству — небу. Все зависитъ отъ воли неба. Испытываетъ ли человѣкъ свѣтъ или тьму, тепло или холодъ, радость или печаль, — все это онъ относитъ къ волѣ и хотѣнію неба. Если что нибудь человѣку нужно, чего нибудь онъ желаетъ, онъ инстинктивно обращается къ нему съ своею просьбою. „Ты, небо, видишь, ты небо слышишь" (1) Съ рабскимъ страхомъ и смиреніемъ преклоняется предокъ нашъ предъ своимъ грознымъ Владыкою и его опредѣленіе считаетъ для себя рокомъ, судьбою. Но время, наблюденіе и опытъ снова выводятъ нашего предка изъ обольщенія. Образъ видимаго неба, какъ цѣлостнаго единаго существа, начинаетъ терять свои живыя черты и уходитъ въ даль—начинаетъ дробиться. Нашъ предокъ дѣлается уже въ состояніи отдѣлить свѣтила, какъ самостоятельныя начала, одно отъ другаго; а отъ свѣтилъ если не съ отчетливостію, то, по крайней мѣрѣ, хоть съ тусклымъ представленіемъ—отдѣлить атмосферическія явленія: тучу, громъ, молнію. Въ каждомъ изъ небесныхъ и атмосферныхъ явленій предокъ замѣчаетъ перемѣну состояній; поэтому каждое изъ нихъ онъ признаетъ за живое существо. Сила же, неотразимое благодѣтельное или вредное вліяніе ихъ на предка заставляютъ его преклониться предъ ними, какъ предъ своими владыками. Дѣйствительно, предокъ покланяется имъ, пока время снова не отрезвитъ его. Мы увидимъ далѣе, — какъ предокъ нашъ замѣтитъ неодушевленность свѣтилъ и небесныхъ явленій и передастъ божескія черты новымъ существамъ.

Итакъ небо, какъ небо, повторяемъ, навсегда утрачиваетъ свой божественный образъ. Оно нисходитъ на степень неодушевленныхъ предметовъ и начинаетъ

---

(1) Аѳан. Поэт. возвр. I т. 62 стр.

представляться предкамъ нашимъ не болѣе, какъ небеснымъ полемъ (1), или океаномъ (2), или островомъ (3), или теремомъ (4). Со времени усвоенія христіанства небо представляется народу уже жилищемъ Бога христіанскаго. „Небо—теремъ Божій—говоритъ народъ—звѣзды — окна, откуда ангелы смотрятъ" „Небо престолъ Бога, земля подножіе". (5). Вторая пословица представляетъ почти буквальное заимствованіе у пророка Исаіи. „Небо престолъ мой, земля же подножіе ногъ моихъ" (6). Въ псалмахъ не рѣдко встрѣчаются указанія на небо, какъ мѣсто особеннаго присутствія Божія (7). Точно также въ апокрифахъ, напр. въ „Откровеніи Авраама" встрѣчается указаніе на небо, какъ жилище Божества, и на божественный престолъ, на которомъ возсѣдаетъ Богъ (8). Что же касается взгляда на звѣзды, какъ окна, откуда ангелы смотрятъ, то онъ вѣроятно составился, съ одной стороны, отъ того, что мѣстопребываніе ангеловъ въ небѣ, а съ другой—что каждому человѣку, по изображенію псалмовъ, приданъ „ангелъ Господень", чтобы „сохранити" его „во всѣхъ путѣхъ" его, что у всякаго человѣка, по слову Спасителя, хранители „ангели выну видятъ лице Отца небеснаго" (9).

Какъ небо чрезъ рядъ превращеній утратило свой живой образъ и сдѣлалось въ представленіи народа

(1) Послов. Даля 1060—1061.

(2) Даль. 1060. Этн. сбор. 17, 59. Лѣт. рус. Лит. I т. 2 вып. рус. нар. пѣсн. Бусл. 98 ст.

(3) Островъ Буянъ - весеннее небо. Аѳан. поэт. воззр. II. 131—136 стр.

(4) Журн. мин. нар. просв. 63 г. Ст. Щапова 84 стр.

(5) Послов. Даля 300.

(6) Прор. Исаіи 66 гл. I ст.

(7) Псаломъ 138, 7—10 стих.

(8) Памят. отр. литер. I, 65 и 67 стр.

(9) Псал. 33, 8; 90, 10. 11; Матв. 18, 10.

жилищемъ, особеннымъ мѣстопребываніемъ Бога христіанскаго, такъ и рокъ, какъ опредѣленіе неба, оторвавшись отъ почвы, тоже въ концѣ концевъ долженъ былъ уступить мѣсто христіанскому Богу. Мы уже говорили, что рокъ представлялся необходимымъ, неизбѣжнымъ, неумолимымъ, что ему подчинялись даже боги. Подчиненіе року боговъ показываетъ, что рокъ является главною пружиною въ механизмѣ природы, что все въ мірѣ вертится около него, какъ центра. А возникновеніе такого взгляда и естественно, если мы припомнимъ, что природа прежде всего подавляла человѣка единствомъ своихъ дѣйствій на него; а потомъ гармонія между всѣми явленіями неба и земли съ одной стороны, и человѣкообразное представленіе предметовъ, вызвавшее образъ неба—владыки земли,—съ другой, естественно, вели къ мысли о рокѣ, единомъ божественномъ опредѣленіи, обязательномъ и для человѣка, и для видимаго міра. Стихійные боги, какъ представители только частей міра, такимъ образомъ, уже въ силу своей ограниченности, становились кругъ дѣятельности рока. Рокъ представлялся самою могущественною силою, но непонятною, темною. Живой божественной образъ, опредѣленіе котораго было роковымъ для всего міра, затемнился. Вообще, рокъ, какъ божественный судъ, судьба, какъ божественное опредѣленіе, потерялъ своего владыку. Владыкою его сталъ X—неизвѣстное. Когда христіанство сообщило народу понятіе о Всеблагомъ Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ міра, народъ инстинктивно нашелъ затерявшееся искомое. Рокъ, какъ опредѣленіе какого то X, становится опредѣленіемъ Божіимъ. На первыхъ порахъ безотрадныя черты рока народъ всецѣло прикладываетъ къ Богу; но большее знакомство съ христіанствомъ выводитъ его изъ ошибки, и онъ приписываетъ Богу уже чисто христіанскія черты Творца и Промыслителя міра. Въ народныхъ словесныхъ произведеніяхъ можно прослѣдить путь, какъ рокъ, уступивши мѣсто христіанскому Богу, сталъ отходить на задній планъ и терять свои черты. Представленіе рока, какъ силы, отъ кото-

рой человѣкъ находится въ полной зависимости, вызывалось недостаткомъ опыта и знанія міра. Видя, что многое совершалось съ нимъ вопреки его волѣ, человѣкъ и пришелъ къ мысли, что „видно, такъ суждено; видно, такая судьба" ([1]).

Замѣчая опытомъ, что одинъ въ болѣе лучшихъ условіяхъ живетъ, чѣмъ другой; что одному счастье и въ бракѣ, и въ дѣтяхъ, и въ предпріятіяхъ, предокъ нашъ приходитъ къ окончательному убѣжденію, что „року не миновать", что отъ „судьбы не уйдешь". Предокъ убѣжденъ, что каждый шагъ человѣка, начиная отъ рожденія и кончая смертію, есть дѣло рока. Ужъ „на роду написано", кому быть счастливымъ или несчастливымъ. „Что на роду написано, того не обойдешь, не объѣдешь". Коли быть бѣдѣ, такъ ее не минуешь. „Бѣду и на кривыхъ оглобляхъ не объѣдешь" ([2]). Коль скоро опредѣлена человѣку удача, то ни что не воспрепятствуетъ всякому его дѣлу идти счастливо. „Кому счастье служитъ, тотъ ни очемъ не тужитъ". „Счастливый, что калачъ въ меду",—къ нему такъ добро и пристаетъ. „Счастливый пойдетъ—на кладъ набредетъ, а несчастный пойдетъ и гриба не найдетъ" ([3]). „Таланный и въ морѣ сыщетъ". „Счастливый—къ обѣду, а роковой подъ обухъ" ([4]). Если „безъ счастья и по грибы въ лѣсъ не ходи", то ничего не остается пожелать человѣку, какъ: „родись не хорошъ, не пригожъ, родись счастливъ". Бракъ тоже дѣло рока. „Суженаго и конемъ не объѣдешь". „Кому на комъ жениться, тотъ въ того и родится" ([5]). „Суженый уродъ будетъ у воротъ" ([6]). „Скорая женитьба — видимый

([1]) Даль 27.

([2]) Даль 27.

([3]) Послов. Богдан. I, 21.

([4]) Даль 28.

([5]) Даль 841.

([6]) Труд. этн. отд. общ. естест. V кн. 2 отд. 249.

рокъ“ (1). Удача въ бракѣ—дѣло счастья. „Кладъ да жена—на счастливаго“. Смерть, которая является къ человѣку неожиданно,—и положительно роковое дѣло. „Безъ року смерти не будетъ“ (2). Кому какая смерть опредѣлена, тотъ тою и умретъ. „Кому повѣшену быть, тотъ не утонетъ. Кому суждено опиться, тотъ обуха не боится. Кому скоромнымъ кускомъ подавиться, хоть вѣкъ постись, комаромъ подавится“ (3). Наглядное представленіе судьбы каждаго человѣка мы найдемъ въ одномъ малорусскомъ преданіи. Заблудился крестьянинъ въ лѣсу и набрелъ на избушку, гдѣ жила старушка судьбина. Судьбина, обыкновенно, одинъ день жила бѣдно—въ ветхой избушкѣ, въ другой—богато, въ пышныхъ палатахъ. На невѣдомый голосъ, спрашивавшій: какая судьба того или другаго новорожденнаго, она отвѣчала: „такая же, какъ у меня“. Когда крестьянинъ воротился домой, то нашелъ, что жена безъ него родила двоихъ дѣтей: одного въ счастливый день, другаго въ безталанный. И что же? вся жизнь близнецовъ была оправданіемъ судьбы! (4). Былина о Святогорѣ служитъ также полнымъ подтвержденіемъ приведенныхъ выше старинныхъ пословицъ о судьбѣ. Святогоръ поѣхалъ спрашивать судьбину: гдѣ и на комъ ему жениться? Встрѣтившійся Микула Селяниновичъ указалъ Святогору на миѳическихъ кузнецовъ, которые могутъ сказать ему о его невѣстѣ. Тѣ дѣйствительно сказали, что невѣста Святогора въ поморскомъ царствѣ, въ престольномъ городѣ тридцать лѣтъ лежитъ въ гноищѣ. Святогоръ нашелъ невѣсту. Тѣло ея было цѣлая уже кора. Раздосадованный Святогоръ ударилъ по корѣ мечемъ и уѣхалъ. Между тѣмъ отъ удара кора спала съ невѣсты, — и

(1) Снегиревъ 372.

(2) Даль 24. Снегиревъ 11.

(3) Даль 41.

(4) Поэт. воззр. III, 391—2. стр., изъ Маяка 1842 г. VI. 27.

она сдѣлалась неописанной красавицей. Святогоръ, наслышавшись о красотѣ ея, снова явился къ своей невѣстѣ и взялъ ее (1). Смерть Святогора, какъ и бракъ, тоже была предопредѣлена. Святогоръ въ путешествіи съ Ильей Муромцемъ встрѣтилъ гробъ. Для Ильи гробъ оказался великъ, для Святогора же какъ разъ въ мѣру. Только что Святогоръ слегъ въ гробъ и Илья наложилъ на него крышку, Святогоръ уже не могъ встать изъ гроба. Сколько Илья ни рубилъ крышки, она не ломалась, а только росли на ней желѣзные обручи (2). Смерть другаго богатыря Василія Буслаева была тоже дѣломъ рока. Василій даже борется съ рокомъ, но тѣмъ не менѣе оказывается рабомъ рока (3).

Поставивши за законъ міру и людямъ вмѣсто рока волю христіанскаго Бога, народъ не могъ сразу дойти до чистаго и высокаго пониманія дѣятельности Божіей. Во многихъ еще словесныхъ произведеніяхъ русскаго народа сохранились указанія на переходныя ступени въ выясненіи себѣ промысла и дѣятельности Божіей въ мірѣ. Въ нѣкоторыхъ, напр. пословицахъ волѣ Божіей придаются почти такія же черты, какъ и року. „Божья рука владыка" (4). „Какъ Богъ попуститъ, такъ все и случится". „Богъ свое строитъ". „Ты свое, а Богъ свое" (5). „Еще дзецятко спиць, а долька у Бога росцець" ужъ (6). Богъ назначаетъ долю каждому человѣку. „Господь николи не спиць: у того щасте отбирае, а тому дае" (7). „Не равно Богъ дзѣлиць: у одного возмець, а другому даець" (8). „Одному

(1) Рыбн. 1, 40—41.

(2) Рыбн. 1, 41—42.

(3) Сказ. рус. нар. Сахар. Былины рус. люд. 4 кн. 22 стр.

(4) Даль 1.

(5) Даль 3.

(6) Зап. И. Геогр. Общ. Этн. Отд. 1, 291.

(7) Област. Слов. 126, 236. Аѳан. III, 377.

(8) З. И. Г. О. I, 371.

Богъ даетъ счастье, а другому только сулитъ" (1). Кто Богомъ не забытъ, тотъ и сытъ". „Лежень лежитъ, а Богъ для него долю держитъ". „Счастливому таланъ отъ Бога данъ": „лихо не возмець, коли Богъ не даець" (2). Хорошо, если Богъ благоволитъ человѣку, а иначе бѣда: „охнешь и ты, какъ Богъ недастъ ни въ чемъ пути!" (3). Бракъ и смерть человѣка—дѣло Божье. „Смерть да жена Богомъ суждена. Богъ души не вынетъ, сама душа не выйдетъ" (4). „Чего Богъ не пошлетъ, того человѣкъ не понесетъ" (5) Остатки подобнаго воззрѣнія на волю Божію, какъ на деспотическую, можно найти въ былинахъ. Когда Добрыня жалуется матери на свою судьбу, — мать отвѣчаетъ ему:

Я бы рада, дитятко, тебя спородити
Таланомъ—участью въ Илью Муромца,
Силой въ Святогора богатыря,
Смѣлостью въ смѣлаго во Алешу во Поповича,
Красотой бы я въ Осипа Прекраснаго,
Походкой бы тебя щепливою (мелкою)
Въ того въ Чурилу во Пленковича,
Я бы вѣжествомъ во Добрыню Никитича:
Сколь тыя статьи (качества) есть, а другихъ Богъ не далъ,
Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ (6).

Или по другимъ варіантамъ: „такого молодца тебя Господь Богъ спородилъ" (7). „Какова мнѣ-ка Господь Богъ далъ" (8). Мать Добрыни всю вину несча-

(1) Снегиревъ 309.

(2) Аѳан. Поэт. воззр. III, 376. Даль 30—33.

(3) Снегир. 318.

(4) Даль 2.

(5) Ibidem.

(6) Пѣсни Кирѣев. 26. 31. Гильф. 751. 804.

(7) Рыбн. III, 71. Гильф. 1018. 1092. 1303.

(8) Гильф. 876.

стія своего сына складываетъ на одного только Бога, а не добавляетъ, что и самъ Добрыня отчасти „кузнецъ своего счастія“. Въ легендахъ и сказкахъ иногда разсказывается, что еще при рожденіи человѣку назначается та или другая участь. Такъ въ „Малорусскихъ Преданіяхъ“ Драгоманова приводится разсказъ, подобный выше приведенному нами преданію о судьбинѣ. Одинъ бѣдный парень, отыскивая невѣсту, запоздалъ. Замѣтивъ, что въ одной недостроенной избѣ свѣтится огонекъ, взумалъ взойти въ нее. Зашелъ и легъ опать на печь. Вдругъ приходятъ въ избу два священника, въ золотыхъ ризахъ; затеплили свѣчу и закусываютъ просфорой. Одинъ изъ пришедшихъ былъ Богъ. Нѣсколько времени спустя, прилетаетъ ангелъ и спрашиваетъ Бога: какое дать счастіе новорожденному ребенку? „Дарую ему таке щастя, въ якому це я сегодня“—отвѣчалъ Богъ. На другой день парень снова ложится на печь въ пустой домъ,—и снова являются два человѣка, но на этотъ разъ уже въ образѣ двухъ мужиковъ, одѣтыхъ не бѣдно и не богато. Ѣдою имъ служитъ „окраецъ хліба“. На вопросъ ангела о счастіи новорожденнаго получается старый отвѣтъ. На третій день снова являются въ избу и парень, и старые посѣтители, но только въ образѣ нищихъ и пищею имъ служатъ размоченные сухари. На вопросъ ангела о счастьи третьяго новорожденнаго получается старый отвѣтъ. „Дарую ему таке щастія, въ якому я це сегодня“.—Самая разительная картина предопредѣленія человѣку, еще при рожденіи, его участи представляется въ сказкѣ о Маркѣ богатомъ и Василіи безсчастномъ. Марко богатый имѣлъ несмѣтное богатство. Возгордившись своимъ богатствомъ, онъ высказалъ желаніе, чтобы Господь „пожаловалъ“ къ нему „въ гости“, Дѣйствительно, Господь къ нему явился въ видѣ убогаго старца, — и проситъ ночлега. Марко помѣстилъ Господа на скотномъ дворѣ. Въ заутрени, когда Богъ, облекшись въ ризы, совершалъ службу, прилетаетъ къ нему ангелъ и спрашиваетъ о

судьбѣ новорожденнаго. Богъ говоритъ, что награждаетъ новорожденнаго Марковымъ богатствомъ. Узнавъ о такомъ опредѣленіи Божіемъ, Марко богатый употребляетъ всѣ свои силы, чтобы воспротивиться ему. Онъ находитъ и покупаетъ безчастнаго ребенка. Марко бросаетъ ребенка въ снѣгъ, но тутъ случайно находятъ его купцы. Марко покупаетъ ребенка, распарываетъ ему брюхо и въ ящикѣ спускаетъ въ воду. Но малютку спасаютъ монахи. Узнавши чрезъ 18 лѣтъ безчастнаго въ монастырѣ, Марко богатый посылаетъ его къ женѣ своей съ письмомъ, прося затравить его собаками. Но ночью ангелъ замѣняетъ у безсчастнаго письмо другимъ, гдѣ высказывается приказаніе выдать за Василья дочь. Такъ что Марко ничего не могъ подѣлать противъ роковаго опредѣленія (¹). Что касается необходимости смерти, то тоже опредѣленіе Божіе о смерти иногда рисуется неумолимымъ. Въ одной руской легендѣ разсказывается слѣдующая исторія. Одна баба родила двойни. Богъ посылаетъ ангела вынуть изъ нея душу. Ангелу стало жаль двухъ малютокъ-младенцевъ, — онъ не вынялъ души изъ женщины и воротился обратно къ Богу. На вопросъ: вынулъ ли онъ душу изъ женщины, ангелъ отвѣчаетъ, что нѣтъ, и оправдывается въ своемъ поступкѣ тѣмъ, что у нея два беззащитныхъ и безпомощныхъ младенца. Богъ беретъ жезлъ и ударяетъ камень. Въ трещинѣ оказываются два червя. „Кто питаетъ этихъ червей, тотъ пропиталъ бы и двухъ младенцевъ", говоритъ Господь, непослушавшему Его ангелу, — лишаетъ его крыльевъ и осуждаетъ на землю жить въ продолженіи трехъ лѣтъ (²). Здѣсь чувствуется неумолимость опредѣленія, но съ другой стороны и далекій шагъ впередъ. Богъ даетъ опредѣленіе вынуть душу изъ женщины, не какъ деспотическое существо, не дающее себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, а какъ Вла-

(¹) Нар. рус. сказ. Аѳан. изд. 2, кн. III, 109—119.

(²) Легенды 26. Поэт. воззр. III, 56.

дыка—отецъ, каждое дѣйствіе котораго мудро предусмотрѣно и который въ самомъ безъисходномъ положеніи можетъ нуждающимся оказать помощь.

Послѣ такого пониманія воли Божіей, народу предстояло подняться еще на одну ступень, то есть, дойти до такого пониманія воли Божіей, гдѣ бы Богъ, при своемъ всемогуществѣ, являлся не существомъ, стѣсняющимъ волю человѣка, а добрымъ и вмѣстѣ строгимъ Отцомъ, который даетъ человѣку указаніе какъ жить, и вмѣстѣ свободу слѣдовать или не слѣдовать Его указаніямъ, который, для укрѣпленія нравственныхъ силъ человѣка, посылаетъ ему испытанія и вмѣстѣ подаетъ руку помощи, если человѣкъ падаетъ въ искушеніи. Представленіе русскаго народа о промыслительной дѣятельности Бога, намъ кажется, доходитъ до чистаго христіанскаго пониманія. Правда, и сейчасъ можно встрѣтить среди массы народной лицъ, представленіе которыхъ о промыслѣ Божіемъ низкаго достоинства; но масса—не одинъ человѣкъ. По крайней мѣрѣ, въ народныхъ произведеніяхъ,—а это достояніе всего народа,—промыслительная дѣятельность Божія рисуется въ самыхъ симпатичныхъ чертахъ. Конечно, представленіе Бога у народа человѣкообразно, но иначе и невозможно народу представить себѣ Бога. Народъ не привыкъ еще мыслить отвлеченно. Онъ не можетъ представить себѣ духа безъ чувственной формы. Да и образованныя—то лица могутъ-ли? Для оживленія и ясности представленія мысль какъ-то невольно у всякаго къ понятію духа подставляетъ человѣческій образъ. Народъ русскій, дѣйствительно, рисуетъ Бога въ человѣческомъ образѣ, но тутъ же можно замѣтить, что онъ, конечно, не отдавая себѣ яснаго отчета, на самомъ дѣлѣ считаетъ Бога не такимъ, какимъ себѣ рисуетъ, а Существомъ высшимъ, превосходящимъ его пониманіе. Въ народныхъ произведеніяхъ, сообразно съ разными случаями и обстоятельствами, Богъ представляется не всегда въ одномъ и томъ же видѣ. Онъ является то въ образѣ старца,

то въ образѣ лица духовнаго, то въ образа царя, то въ образѣ нищаго. Различное представленіе Бога подъ человѣческою формою самымъ фактомъ своего существованія показываетъ, что эти внѣшнія черты, приписываемыя Богу, суть только временныя пособія для представленія Бога. Съ другой стороны, рисуя дѣятельность Божію въ человѣкообразной формѣ, русскій народъ приписываетъ Богу черты уже вовсе не человѣческія: напр., всевѣдѣніе, всемогущество и т. д.

Оставляя пока въ сторонѣ воззрѣнія русскаго народа на существо и свойства Божіи, мы разсмотримъ сначала народныя воззрѣнія на промыслительную дѣятельность Божію. Это много прольетъ свѣта въ вопросѣ о народномъ пониманіи Бога. Если рокъ представляется пружиною, центральною силою во всѣхъ явленіяхъ природы, то и Богъ представляется существомъ, такъ сказать, центральнымъ въ мірѣ. Отъ Него все зависитъ, всѣмъ Онъ управляетъ. Въ мірѣ все Божье. „Божье тепло, божье и холодно. „Божья вода по божьей землѣ бѣжитъ". „Божья роса божью землю кропитъ" (1). Какъ божье, все въ мірѣ и совершается по Божьей волѣ. „Все въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ", не по нашему хотѣнію, а по Божьему изволенью", или еще вѣрнѣе: „все на свѣтѣ творится благостію Божіею, да глупостію человѣческою" (2). Все зависитъ отъ Бога; но что Богъ ни дѣлаетъ, Онъ все мудро предусматриваетъ. „Дастъ Богъ ротокъ, дастъ и кусокъ" (3). Дасць Богъ дзѣцей, дасць и на дзѣцей". „Дастъ Богъ утро и день, дастъ и пищу" (4). „Богъ далъ животъ, Богъ

---

(1) Даль стр. 4, 1.

(2) Ibidem. 24, 4 и 301.

(3) Труд. этн. отд. общ. естеств. V кн., стр. 244.

(4) Даль, стр. 2, Снегир. 84. Труды этн. отд. общ. естеств. кн. V, стр. 26. 244.

дастъ и здоровье". „Богъ вымочитъ, Богъ и высушитъ". „Богъ отыметъ, Богъ и подастъ" (¹). Богъ за всѣмъ слѣдитъ, никого не забываетъ. „Ни отецъ до дѣтей, какъ Богъ до людей". „Человѣкъ съ хитростью, Богъ съ милостью". „Богъ не свой братъ, скорѣе поможетъ". „Всякъ про себя, а Богъ про всѣхъ". „Врагъ хочетъ голову снять, а Богъ и волоса не дастъ". „Безъ воли Божіей и волосъ съ головы не падаетъ" (²). Самъ человѣкъ слабъ, и потому Богъ руководитъ его постоянно. „Богъ пути кажетъ". „Человѣкъ ходитъ, Богъ водитъ" (³). „Безъ Бога человѣку не до порога", а „съ Богомъ хоть за море". „Богъ на истинные пути наставляетъ" (⁴). Богъ постоянно помогаетъ человѣку. „Баба прядетъ, а Богъ ей нити даетъ". „Кому Богъ поможетъ, тотъ все переможетъ". „Коли не Господь созидаетъ домъ, то всуе трудъ". „Коли Господь не сохранитъ града, то всуе стража и ограда" (⁵). Впрочемъ, руководя человѣка, Богъ не насилуетъ его воли. „Коли самъ плохъ, такъ не дастъ Богъ". „На Бога надѣйся, а самъ не плошай". Только „береженаго Богъ бережетъ" (⁶). Человѣкъ даже можетъ отталкивать Божественную помощь; но только безъ помощи Божіей ему бѣда. „Отстанетъ Богъ, покинутъ добрые люди" (⁷). Лучше всего—человѣку слушаться воли Божіей: „подъ Богомъ ходить, Божью волю носить". „Кто къ Богу, къ тому и Богъ". А „съ Богомъ пойдешь, до благаго дойдешь" (⁸). Правда, Богъ, повиди-

(¹) Снегир. 17, Даль, 4 и 425. Этн. сбор. II, стр. 65.
(²) Снегир. 299. Даль 1. 3.
(³) Даль, 2.
(⁴) Снегир. 9 и 477. 444. Даль 6.
(⁵) Снегир. 175—177. Даль, 6.
(⁶) Снегир. 176. 12. 16.
(⁷) Даль, 2.
(⁸) Ibidem. 4. 2.

кому, не одинаково дѣлитъ блага, но Богъ лучше насъ знаетъ, чего дать, чего не дать человѣку. „Богъ видитъ, что куда идетъ". Если „Богъ богатитъ и высипъ, убожитъ и смиряетъ", человѣка значитъ, такъ нужно: „у Бога нѣтъ неправды" (¹). Да и человѣкъ слѣпъ, — часто добро принимаетъ за худо. Быть можетъ, „быть было худу, да Богъ не велѣлъ". „Отъ всякой печали Богъ избавляетъ". „Кого Богъ хранитъ, тому зла никто не учинитъ". „Добръ отецъ до дѣтей, добръ и Богъ до людей". „Не по грѣхамъ нашимъ Господь милостивъ". Если Богъ и вздумаетъ послать на кого испытаніе, то Онъ „по силѣ крестъ налагаетъ" и дѣлаетъ это по любви къ человѣку: „его же Господь любитъ, того и наказуетъ". Все на свѣтѣ къ лучшему. Вѣдь „не узнавъ горя, не узнаешь и радости"; такъ что: „подумаешь — горе, а раздумаешь—власть Господня" (²).

Отеческое, а не гнетущее деспотическое отношеніе Бога къ человѣку рисуется и въ другихъ словесныхъ произведеніяхъ. На ряду съ дѣятельностію Бога, какъ видимъ, идетъ дѣятельность самого человѣка, при чемъ Богъ только руководитъ человѣкомъ, направляетъ его ко благу. Если человѣкъ худо поступаетъ, то ужъ онъ самъ виноватъ, коли дурно что случится съ нимъ; это ужъ дѣло не рока, а его воли: „не рокъ головы ищетъ, а сама голова на рокъ идетъ" въ такомъ случаѣ. Даже смерть человѣка, при такомъ воззрѣніи, ужъ отчасти зависитъ отъ него самого. Правда „Богъ души не вынетъ, сама душа не выйдетъ", и если смерть придетъ, то „отъ смерти не отмолишься, не открестишься"; но не нужно забывать, что и „родится человѣкъ на смерть, а умираетъ на животъ". Хотя, съ другой стороны, „день къ вечеру—

(¹) Ibidem. 4. 190.
(²) Снегир. 98. 179. 326. Даль, 1. 23. 4.

ко смерти ближе", однако человѣкъ можетъ и долго жить, „поколѣ Господь грѣхамъ терпитъ". Ускоряетъ смерть человѣкъ, обыкновено, самъ,—а особенно отъ него зависитъ характеръ смерти. „Жилъ собакой, околѣешь псомъ". „Каково житье, такова и смерть". Собачья смерть безъ покаянья" выпадаетъ, по народному воззрѣнію, на долю грѣшниковъ. Поэтому, каждый простолюдинъ проситъ Бога: „дай Богъ умереть, дай Богъ покаяться".—Смерть же безъ покаянія, „смерть грѣшниковъ — въ глазахъ народа-люта" (¹). Если смерть обусловливается частію самимъ человѣкомъ, то о дѣятельности человѣка и говорить нечего. Мы по пословицамъ показывали воззрѣніе народа на отношеніе Бога къ человѣку; теперь посмотримъ еще, какъ это отеческое отношеніе Бога къ человѣку рисуется въ другихъ словесныхъ произведеніяхъ народа. Въ былинахъ постоянно можно встрѣтить указаніе на помощь Божію человѣку. Сколько богатыри ни сильны, а не рѣдко прибѣгаютъ къ Богу съ просьбою о помощи. Въ то время какъ Илья Муромецъ, при столкновеніи съ богатыремъ Нахвальщиной, падаетъ и Нахвальщина хочетъ убить его,— Илья обращается за небесною помощію:

Тольки молитсе Спасу съ Богородицей:
Не дай меня поганому на поруганіе,
Буду я служить до свѣту до вѣку
За тѣ церкви за Божіи,
За тую вѣру за крешшоную (²).

При столкновеніи съ идолищемъ поганымъ, которое на конѣ летало подъ облаками, Илья Муромецъ проситъ Бога, чтобы онъ лишилъ коня возможности летать:

(¹) Даль, стр. 289—292. 294—298. Ср. Псал. 34, 23.

(²) Пѣсни Кирѣев. 1 вып., стр. 54.

Ты дай-ка мнѣ, Господи, дожжичка
Частенькаго и то меленькаго,
Чтобы подмочило у идолища добра коня крылатаго,
Опустилось бы идолище на сыру землю,
Поѣхало бъ идолище по чисту полю.

И Господь исполняетъ просьбу богатыря:

Далъ тутъ Господь дожжичка
Частенькаго и то меленькаго,
Подмочило у идолища добра коня крылатаго (1),

По одной изъ былинъ, когда царь Калинъ подступилъ къ Кіеву, Владиміръ сильно опечалился. Илья Муромецъ утѣшаетъ Владиміра надеждою на Бога.

Ни о чемъ ты, Осударь, не печалуйся.
Боже Спасъ оборонитъ насъ,
А не что Пречистой и всѣхъ сохранитъ,

И совѣтуетъ предложить Калину по „мисѣ“ чиста серебра, красна золота и скатна жемчуга (2). Добрыня, уѣзжая на богатырскіе подвиги, послѣ того, какъ слышитъ укоръ отъ матери за то, что ее оставляетъ,— отвѣчаетъ ей, что онъ поручаетъ ее Богу:

Да оставляю тебя, матушка, да я на Господа,
На чудотворецъ града Кіева (3).

Или по другимъ варіантамъ:

Повидаю свою матушку на Бога,
На Спаса Христа да съ Богородичей (4).

Божья помощь и божественное заступничество въ судьбѣ богатырей играетъ вообще видную роль. Въ былинахъ не рѣдко встрѣчаются указанія на божественную помощь.

---

(1) Рыбн. III, 32.

(2) Пѣсни Кирѣев. стр. 74.

(3) Гильф. 1128.

(4) Пѣсни Кирѣев. вып. 2 [illegible] 19.

И пособилъ ему Господи Ивану
Одолѣть Кощея безсмертнаго (¹).

Или въ былинѣ о томъ, какъ поляница удалая хотѣла убить Илью:

Тутъ по божественному повелѣнью,
Рука правая въ плечѣ застоялася (²).

Даже пожеланіе: „Божья помочь" въ русскомъ народѣ считается не пустымъ дѣломъ. По свидѣтельству былинъ, когда поляница удалая поѣхала мимо богатырей (съ Ильею во главѣ), „насмѣялася" и „не сказала (имъ) Божьей помочи", богатыри разсердились (³). А когда Вольга, встрѣтивъ оратая, сказалъ: „Богъ тебѣ помочь", Микула Селяниновичъ съ серьезностію отвѣчаетъ: „мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовати" (⁴). Господь, по народному представленію, является и помощникомъ людей, и хранителемъ ихъ. „Господь съ тобою"—обычное привѣтствіе русскаго простолюдина, особенно при опасности. Въ думахъ малороссійскихъ нерѣдко встрѣчается такое пожеланіе. Въ одной думѣ представляется отраженіе турецкаго набѣга на казаковъ. Казаки, стоявшіе на стражѣ, чувствуютъ себя въ опасности и бѣгутъ „къ пану Ивану" извѣстить о ней. Но ворота дома заперты. Казаки, не достучавшись, поручаютъ пана волѣ Божіей.

Пане Іване, чі спиш, чі не спиш?
Ой, коли спиш, Господь з тобою.
А коли не спиш, промовь за мною,
Що нь наши города турки вступили (⁵).

(¹) Рыбн. III, 116.
(²) Рыбн. I, 170.
(³) Ibidem, I, 67.
(⁴) Гильф. 436.
(⁵) Истор. пѣсни малор. нар. т. [illegible] стр. 31.

Алексѣй Поповичъ въ одной малороссійской думѣ, во время одной исповѣди на морѣ, себѣ въ вину ставитъ то, что онъ не обращался за помощью къ Богу, а надѣялся только на себя. А въ иныхъ думахъ вообще казаки исповѣдываются, что они.

„Милосердаго Творца на поміе не призываютъ" (¹). Въ одномъ изъ малорусскихъ народныхъ преданій разсказывается, что человѣкъ, понадѣявшійся на себя, по повелѣнію Юрія, былъ преданъ на растерзаніе волкамъ. При чемъ въ разсказѣ замѣчается: „Це ему такъ Богъ поробивъ за те, шо вин казав: самъ знаю, шо буде, а такъ не годиться казать, а треба казать: „буде якъ Богъ дасть" (²).

Вожественное вмѣшательство въ человѣческія дѣла дѣйствуетъ на человѣка однако не гнетущимъ образомъ. Богъ, по народному воззрѣнію, помогаетъ человѣку, руководитъ имъ, но и постоянно даетъ ему средства проявить свою волю. Богъ на каждомъ шагу посылаетъ человѣку испытаніе, каждый часъ ставитъ его въ такія положенія, что человѣкъ долженъ дѣлать выборъ между добромъ и зломъ. Въ народныхъ легендахъ разсказывается не мало случаевъ, какъ Богъ испытываетъ иногда человѣка, да и ангеловъ. Мы уже представляли легенду о томъ, какъ ангелъ, посланный вынуть душу у женщины, имѣвшей двухъ малютокъ, впалъ въ искушеніе и воспротивился волѣ Вожіей. Обыкновенно, Богъ испытываетъ, насколько человѣкъ милостивъ, и по этому является къ человѣку чаще всего въ образѣ нищаго. Въ сказкѣ о Маркѣ богатомъ мы уже видѣли, какъ мудро испыталъ Богъ гордаго богача (³). Марко желаетъ видѣть у себя Бога, и Господь является къ нему въ образѣ бѣднаго старца. И чтожe? владѣтель, быть можетъ, и большаго

(¹) Истор. пѣсни мал. нар. т. 1, стр. 190 и 195.

(²) Малор. нар. пред. Драгом. стр. 5.

(³) Нар. рус. сказ. Аѳан. изд. 2. т. III, стр. 109—119.

имущества, но бѣдный умомъ, Марко отталкиваетъ высокаго Нищаго, не подозрѣвая, что видимый міръ есть только часть Его богатства. Приведемъ, пожалуй, еще нѣсколько сказаній, какъ Богъ испытывалъ людей. Разъ Богъ странствовалъ по землѣ со св. Николаемъ и Петромъ. У Петра износилась одежда. Господь позволилъ ему взять новую у бѣдной женщины. Женщина при всей своей бѣдности, не стала сѣтовать на то, что у нея взяли одежду. Потомъ Господь заходитъ къ женщинѣ въ домъ и проситъ обѣда. Женщина готова бы дать обѣдъ, но у нея нѣтъ ничего. Тогда Господь творитъ чудо: въ печи оказались кушанья. Отъ бѣдной женщины Господь идетъ къ богачу. У богача пиръ, но пріемъ высокимъ посѣтителямъ отъ хозяевъ—холоденъ. Хозяинъ велитъ дать имъ милостыню, а хозяйка даже разсердилась на предложеніе мужа: „ты гляди своихъ людей, що частуеш, і не оглядайся до старців; бо як ти принадиш сіх дідів, той не будуть чреэъ ніх двері зачинятьcя". По приказанію мужа, хозяйка все таки дала нищимъ старцамъ „по маленькій чароці горилкі і по шматочку хліба". По выходѣ отъ богача, попадается странникамъ волкъ и проситъ у Бога пищи. Господь велитъ взять ему корову у бѣдной женщины, нѣкогда пріютившей ихъ. На другой день, странники встрѣчаютъ на пути бочку золота. Господь велитъ катиться ей къ богачу. Когда Николай и Петръ удивляются такому несправедливому, повидимому, распредѣленію благъ, Господь показываетъ будущую судьбу богача и бѣдной женщины. Оказывается, что первый будетъ мучиться въ аду, вторая блаженствовать въ раю (1). Пути испытанія у богача и бѣдной женщины различны. И женщина, при испытаніи, обнаруживаетъ высокія нравственныя качества, достойныя райскаго блаженства, тогда какъ богачъ—низкую распущенность страстей, достойную полнаго

(1) Манжур, нар. пред. Драгом. 110—111.

осужденія. Еще примѣръ. Господь, странствуя съ апостоломъ Петромъ, доходятъ до рѣки. Ѣдетъ богачъ. Они просятъ его перевести ихъ чрезъ рѣку, и богачъ отказывается исполнить ихъ просьбу. Подъѣзжаетъ къ рѣкѣ бѣдный. Они просятъ его перевести ихъ, и этотъ соглашается перевозить ихъ. Какъ высшую ступень испытанія, Господь посылаетъ бѣдному смерть его лошади (¹). Приведенные разсказы объ испытаніи Богомъ людей носятъ слишкомъ обыденный характеръ. Но внѣшняя форма не умаляетъ еще достоинства главной мысли сказаній. Какія картины знакомы народу, въ тѣхъ онъ и рисуетъ христіанскія воззрѣнія. Какъ бы то ни было, но промыслительная дѣятельность Бога въ отношеніи къ человѣку понимается русскимъ народомъ чрезвычайно высоко, и въ народныхъ воззрѣніяхъ мы находимъ множество самыхъ симпатическихъ чертъ божественнаго промысла о людяхъ. Припомнимъ народный стихъ „Плачъ земли“. Когда земля указываетъ на беззаконія людей и проситъ Бога наказать ихъ, Господь увѣщеваетъ землю потерпѣть:

Потерпи же ты нѣсколько времени, сыра земля!
Не придутъ ли рабы грѣшные къ Самому Богу съ чистымъ покаяніемъ?...
Если придутъ, прибавлю имъ свѣту вольнаго, царство небесное;
Если не придутъ ко Мнѣ къ Богу,
Убавлю Я имъ свѣту вольнаго,
Прибавлю имъ муки вѣчныя,
Поморю ихъ гладомъ голоднымъ (²).

Но „морить гладомъ“ Богъ хочетъ только послѣ того ужъ, какъ люди окажутся совершенно неисправимыми. Бѣдствіе человѣка, какъ видимъ, принимы-

(¹) Малор. пред. Драгоман. стр. 120. Въ подобномъ же духѣ идутъ разсказы—стр. 120—129.

(²) Кирѣев. XXX.

вается винѣ его самого. Даже съ непонятными и, по-видимому, безпричинными бѣдствіями человѣка примиряется русскій народъ, считая ихъ за испытаніе, посылаемое человѣку Богомъ для пользы самого же человѣка. Испытывая незаслуженныя бѣдствія, человѣкъ, по народному воззрѣнію, долженъ положиться на милость Божію и терпѣливо переносить ихъ. „На Бога положишься, говоритъ народъ, не обложишься. Ино горько проглотишь да сладко выплюнешь. Горько съѣшь, да сладко отрыгается. Все на свѣтѣ къ лучшему. Не все ненастье, проглянетъ и красное солнышко" (¹). Роковой гнетущей силы въ божественномъ опредѣленіи почти не замѣчается. Частію — жизненный опытъ достаточно ужъ убѣдилъ человѣка, что онъ и самъ отчасти „кузнецъ своего счастія", что на одно счастіе полагаться нельзя, такъ какъ „счастье что палка—о двухъ концахъ", что вѣрнѣе надѣяться на свои силы: „авось, небось да какъ нибудь,—добра не будетъ" (²). Отсюда естественный выводъ: „паши не лѣниво, будешь счастливъ", „Работой богатъ не будешь, а сытъ будешь". Коль скоро человѣкъ уже опытно убѣждался, что его благополучіе частію зависитъ и отъ него самого, то ему было легче усвоить и христіанское понятіе о промыслѣ Божіемъ. Мы видѣли, что во многихъ пословицахъ выражается самое чистое, высокое понятіе о Божественной дѣятельности въ мірѣ,—многія пословицы представляютъ собою почти буквальное повтореніе библейскихъ выраженій, особенно изъ псалтири. Псалтирь всегда была любимою книгою у русскаго народа. Ее онъ изучалъ и въ школахъ, и въ церкви. Поэтому, возвышенное представленіе о Промыслѣ Божіемъ, представляемое въ псалмахъ, всецѣло отражается и на народномъ воззрѣніи. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ псал-

---

(¹) Даль, 23—24.

(²) Этн. отд. общ. ест. кн. V, 2 вып., 243. Даль, 48, 49.

мовъ, рисующихъ Божественный промыслъ. „Очи Господни на праведныя и уши Его въ молитву ихъ; лице же Господне на творящая злая, еже потребити отъ земли память ихъ; Воззваша праведніи и Господь услыша ихъ, и отъ всѣхъ скорбей ихъ избавитъ я Господь (Псал. 33, 16—21; ср. 1 Петр. 3, 12). Возверзи на Господа печаль твою и Той тя пропитаетъ (пс. 54, 13, срав. 32, 18—19). Якоже щедритъ отецъ сыны, ущедри Господь боящихся Его: и правда Его на сынѣхъ сыновъ, хранящихъ завѣтъ Его, и помнящихъ заповѣди Его, творити я (пс. 144, 18—20). Близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его. Хранитъ Господь вся любящія Его, и вся грѣшники потребитъ (пс. 144, 18—20). Такъ изображается въ псалмахъ Давида отеческое попеченіе Бога о людяхъ. Припомнивъ указанныя уже народныя пословицы и мѣста изъ другихъ народныхъ произведеній о промыслительной дѣятельности Бога, мы увидимъ, что если народъ русскій и нѣсколько, такъ сказать, вульгарно изображаетъ Божественную дѣятельность, то все же духъ библейскій усвоенъ имъ. Вульгарность выраженія библейскихъ понятій, иногда возбуждающая улыбку въ человѣкѣ образованномъ (припомнимъ, напримѣръ, легендарныя сказанія о путешествіи Бога съ цѣлію испытанія людей), неизбѣжна. И требовать отъ народа точныхъ и, яко бы, лучшихъ, книжныхъ опредѣленій, касающихся Бога, Его свойствъ и дѣятельности, несправедливо. Народъ къ отвлеченному философскому или богословскому мышленію не привыкъ. Перемѣнить „чистую золотую монету созерцанія на бумажныя деньги книжныхъ опредѣленій“—выразимся словами Гейне—онъ не имѣлъ еще времени, потомучто научнаго богословскаго образованія ему еще не давали. А съ другой стороны, если библейскія воззрѣнія, облеченныя въ чисто русскую форму, не потеряли своего духа, то это говоритъ за то только, что онѣ усвоены рускимъ народомъ и, переработавшись, вошли, такъ сказать, въ плоть и кровь его духовной природы, что

русскій духъ возвысился до библейскаго духа и слился съ нимъ, не потерявши однако своей самостоятельности. Кромѣ того, не нужно забывать и то, что многія библейскія выраженія, касающіяся промышленія Божія,—да и другихъ вообще важныхъ христіанскихъ понятій, народъ повторяетъ почти буквально и сдѣлалъ ихъ своими пословицами. Припомнимъ, напр., приведенныя нами пословицы: „Коли не Господь созиждетъ домъ, то всуе трудъ. Коли Господь не сохранитъ града, то всуе стража и ограда" (1). Онѣ составляютъ повтореніе перваго стиха 126 псалма: „Аще не Господь созиждетъ градъ, всуе трудишася зиждущіе: аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрегій". Возьмемъ еще двѣ пословицы, но уже въ другомъ родѣ: „Богъ по силѣ на человѣка крестъ налагаетъ. Ни отецъ до дѣтей, какъ Богъ до людей". Соотвѣтствующее мѣсто первой пословицѣ мы находимъ въ первомъ посланіи ап. Павла къ Коринѳянамъ: „вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести" (2). А второй могутъ соотвѣтствовать слѣдующія слова Спасителя: „Аще убо вы зли суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага съ вѣрою просящимъ у Него". Приведенныя пословицы представляютъ не только сжатое выраженіе указанныхъ сейчасъ библейскихъ мѣстъ, но точное и вполнѣ соотвѣтствующее первоисточнику. Такимъ образомъ, согласившись, что своеобразное представленіе библейскихъ воззрѣній, но вѣрное по духу и по существу, не теряетъ еще отъ этого своего полнаго значенія, мы имѣемъ полное право заключать, что христіанское понятіе о промыслѣ Божіемъ въ отношеніи къ человѣку усвоено русскимъ народомъ глубоко. Духъ и главныя черты

---

(1) Снегир. стр. 175. 176.

(2) 1 Кор. 10, 13.

возврѣнія русскаго народа о промыслѣ Божіемъ заимствованы, какъ мы видѣли, изъ псалмовъ и евангелія; а частныя и изъ другихъ источниковъ, среди которыхъ не послѣднюю роль играютъ и апокрифическія сочиненія. Напр. сдѣланная нами выдержка изъ народнаго духовнаго стиха—„плачъ земли" представляетъ собою заимствованіе изъ апокрифа — „слово отъ видѣнія апостола Павла". Въ видѣніи представляется, какъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, море, рѣки и земля поочередно вопіютъ къ Богу о беззаконіяхъ людей и испрашиваютъ у него позволенія наказать ихъ; но Господь отвѣчаетъ, что самъ Онъ знаетъ грѣхи, но не наказываетъ ихъ потому, что ожидаетъ отъ людей покаянія: „Азъ вся си свѣдѣхъ и видитъ око мое, но трьплю имъ, покаянія время дая, аще ли покаются, то сужю имъ тогда" (¹). Въ народномъ стихѣ, вопервыхъ, та особенность, что сѣтованіе на беззаконія людей выражаетъ только одна земля, а во вторыхъ,—что Господь не только переноситъ беззаконія людей, но и выражаетъ готовность расточать блага людямъ, если они покаются. Что касается сказаній, гдѣ повѣствуется, будто ангелы являются къ Богу съ докладами, то они отчасти имѣютъ для себя основаніе въ книгѣ Іова (гл. 1.), отчасти заимствованы изъ апокрифическихъ сказаній (²). Легенды объ испытаніи Богомъ людей также имѣютъ для себя основаніе въ древне-русской письменной словесности. Такъ напр. въ рукоп. прологѣ солов. библ. № 59 передается слѣдующее сказаніе. Одинъ святой старецъ молился, чтобы и ученики его были вмѣстѣ съ нимъ въ раю. Господь, для испытанія старца и учениковъ, передаетъ прологъ—„нищаго образъ восприемъ и яко прокажденъ посредѣ пути лежаше". Ученики старца

(¹) Правосл. Собес. 1858, г. стр. 602—603

(²) «Слово о видѣніи ап. Павла», Ист. рус. слов. И. Я. Порф. 264. «Смерть Моисея» Пам. отр. лит. I, 80. «Хожденіе Павла» Пам. отр. лит. II. 42.

прошли мимо, не оказавъ нищему помощи, а старецъ поступилъ совершенно иначе, — онъ рѣшился нести больнаго нищаго. Когда понесъ, сначала чувствовалъ обыкновенную тяжесть, потомъ ноша его становилась легче и легче, пока „носимый“ не сдѣлался совершенно „невидимъ“. Тогда послышался старцу голосъ, что ученики его получатъ царство небесное только въ томъ случаѣ, когда будутъ подобны ему, старцу (1). Еще укажемъ на подобный случай испытанія Богомъ людей въ „зерцалѣ великомъ“, какъ „Ѳеофанъ Господа во убозѣмъ образѣ пріятъ“. Ѳеофанъ былъ сострадателенъ къ нищимъ и принималъ ихъ всякій день. „Во единъ день, говорится, пріиде нѣкто странный съ прочими и введенъ бысть въ домъ, и за трапезу“. Когда же господинъ, по обычному смиренію, „хотяше воду дати нищимъ на руцѣ ихъ“, нищій сталъ невидимъ. Въ ближайшую ночь показался Ѳеофану Господь Іисусъ Христосъ и сказалъ ему въ видѣніи: „въ прочая дни мене въ членовѣхъ или удесѣхъ моихъ, дне же вчерашняго мене во мнѣ самомъ пріялъ еси (2).

Вопросомъ объ отношеніи Бога къ человѣку народъ нашъ болѣе интересовался, чѣмъ вопросомъ объ отношеніи Бога къ міру вообще. Не имѣя яснаго понятія о природѣ, не умѣя объяснить себѣ ея явленій, народъ все относитъ къ непостижимой дѣятельности Божественной и категорически заявляетъ: „Все въ мірѣ творится Божьимъ судомъ“. Что Богу угодно сдѣлать, то Онъ и дѣлаетъ. „Огню да водѣ Богъ волю далъ“. „Богъ не дастъ, и земля не родитъ. Богъ дастъ дождь, дастъ и рожь“ (3). Обыкновенно, въ народныхъ воззрѣніяхъ является представленіе, что, на ряду съ дѣятельностью Бога въ мірѣ, идетъ дѣятельность ангеловъ и святыхъ. Мы ниже покажемъ, како-

(1) Рукоп. прологъ Солов. библ. № 59. Окт. л. 120—121.
(2) Рук. Солов. биб. Зерцало великое № 238—339.
(3) Даль, 1029.

му святому какую область дѣятельности народъ предоставляетъ, а теперь выяснимъ только то, въ какомъ отношенiи ангелы стоятъ къ Богу.

Ангелы и угодники святые, по народному воззрѣнiю, представляются только исполнителями воли Божiей. Дѣятельность ихъ всегда сопровождается „моленiемъ“ къ Богу,—а очень часто только въ моленiи и состоитъ, тогда какъ вся сила въ „повелѣнiи“ Божiемъ. Въ стихѣ о „Николаѣ“ чудесно освобожденный изъ плѣна, Василiй разсказываетъ родителямъ объ освобожденiи такимъ образомъ:

Находила на меня Божiя воля,
Подымала же меня святымъ духомъ...
Знать, по Божьему все повелѣнью,
По святителя Николая—свѣтъ моленью (¹).

Ѳедоръ Тиронъ, поразивъ змѣя и утопая въ его крови, молится, чтобы земля развѣрзлась и поглотила кровь. По его умоленью—замѣчается въ стихѣ,—

По Божьему изволенью,
Разступилась мать сыра земля (²).

Въ стихѣ о Егорiи храбромъ встрѣчается подобное описанiе столкновенiя со змѣемъ, и съ тѣмьже характеромъ (³). Кромѣ того, подобныя выраженiя встрѣчаются при описанiи дѣятельности и мукъ Егорiя:

По Божьему все повелѣнью,
По Егорьеву все моленью,
Разрослись лѣса по всей землѣ свѣтлорусской (⁴).
По Божьему повелѣнью,
По Егорьеву моленью,
Не берутъ пилы жидовскiя (⁵).

(¹) Калѣки пер. вып. 3, стр. 575 и 566.

(²) Ibidem, 532, 548.

(³) Ibidem, 26, 418.

(⁴) Ibidem, 416.

(⁵) Ibidem, 411.

Точно также объясняется перемѣщеніе двухъ полоняночекъ, взятыхъ Мамаемъ, въ храмъ Дмитрія Солунскаго.

По Божьему все повелѣнью
И по Димитрія святому моленью,
Возставали сильны вѣтры,
Подымали коверъ (съ образомъ Дмитрія) со двумя со дѣвицами,
Подносили ихъ ко граду ко Солуну (¹).

Подобныя мѣста встрѣчаются и въ былинахъ. Припомнимъ то мѣсто, когда Илья Муромецъ несчастливо сталкивается съ сыномъ въ полѣ, который хочетъ убить его.

Тутъ по Божьему повелѣнію.
Рука правая въ плечѣ застоялася (²).

Обиліе указаній на то, что святые постоянно сопровождаютъ свою дѣятельность „моленіемъ", показываетъ, что они играютъ роль второстепенную по Богѣ, являются только служителями Божіими, исполнителями Его „повелѣній". Многимъ изъ ангеловъ и угодниковъ народъ приписываетъ только извѣстную опредѣленную дѣятельность. Въ своей области святой дѣйствуетъ уже съ могуществомъ; хотя, съ другой стороны, онъ постоянно отдаетъ отчетъ Богу о своихъ дѣйствіяхъ и постоянно проситъ Его помощи.

Что касается отношенія ангеловъ и святыхъ къ людямъ, то они, по народному воззрѣнію, представляются посредниками между Богомъ и людьми. Роль ангеловъ и святыхъ, какъ молитвенниковъ и ходатаевъ предъ Богомъ, прекрасно обрисовывается въ народной пословицѣ: „*Проси Николу, а онъ Спасу скажетъ*" (³). Никола, по пословицѣ, посредникъ между

(¹) Калѣки перех. вып. 3, стр. 592.
(²) Рыбн. I, стр. 70.
(³) Даль, стр. 7.

Спасомъ и человѣкомъ. Онъ, какъ угодникъ, стоитъ ближе человѣка къ Богу, а слѣдовательно и скорѣе можетъ выпросить у Бога то, что нужно человѣку. Нечего и добавлять, что народъ, обращаясь съ молитвою къ Богу, въ тоже время молится и святымъ. Воззрѣніе на ангеловъ и святыхъ, какъ хранителей людей, молитвенниковъ предъ Богомъ, совершенно согласно съ церковнымъ ученіемъ и заимствовано изъ библіи, преимущественно псалмовъ и евангелія (1). Не приводя множества мѣстъ изъ свящ. писанія о молитвѣ предъ Богомъ за міръ и людей, какъ специальной дѣятельности ангеловъ и угодниковъ, мы припомнимъ только апостольское чтеніе въ день памяти св. пророка Иліи. „Илія человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ и молитвою помолися да не будетъ дождь: и не одожди по земли лѣта три и мѣсяцъ шесть. И паки помолися, и небо дождь даде, и земля прозябе плодъ свой". При этомъ въ апостолькомъ чтеніи замѣчается даже, что „много можетъ молитва праведнаго поспѣшествуема" (2). Таже мысль проводится во множествѣ молитвословій ко святымъ, гдѣ испрашивается заступленіе и ходатайство ихъ предъ Богомъ. Кому неизвѣстна молитва къ св. Богородицѣ: „Нескверная, неблазная" и т. д.? А такихъ молитвъ много. Многія молитвословія оканчиваются вообще словами: „молитвами Пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ помилуй насъ" (3). Въ свято-отеческихъ твореніяхъ, распространенныхъ въ древней Руси (напр. Кирилла александрійскаго, Ефрема Сирина и т. д), также не рѣдко указывается на молитву святыхъ предъ Богомъ за родъ человѣческій. Мы не говоримъ уже о житіяхъ святыхъ: почти въ каждомъ житіи разсказывается нѣсколько чудесъ, совершенныхъ молитвою того или другаго угодника.

(1) Пс. 38, 8; 90, 7. 10. 11; Мѳ. 18, 10; Апок. 8, 3.
(2) Посл. Іаков. 5, 17—18.
(3) Рук. требн. солов. библ. № 1085, л. 142. 253.

Напомнимъ, что приведенный нѣсколько выше, народный стихъ о чудѣ освобожденія изъ плѣна двухъ полонянóчекъ, взятыхъ Мамаемъ, составляетъ почти буквальную передачу сказанія о чудесномъ избавленіи изъ плѣна двухъ дѣвицъ, помѣщеннаго въ житіи Св. Дмитрія Солунскаго. Какъ въ народномъ стихѣ, такъ и въ житіи чудо совершается дѣйствіемъ Божіимъ по молитвѣ святаго (1). Въ Домостроѣ и Стоглавѣ дѣлается прямое внушеніе: „Святыхъ угодниковъ Божіихъ моли, аки помощники суща и заступники притекающимъ къ нимъ, понеже пріяша дерзновеніе аки угодной рабѣ къ своему господину“ (2).

Другое воззрѣніе, что ангеламъ Богъ поручаетъ части и стихіи міра, также заимствовано народомъ изъ древнерусской письменности. Въ толкованіяхъ Епифанія Кипрскаго на книгу бытія свидѣтельствуется, что есть „ангелъ духомъ и бурь, ангелъ облакомъ и мглѣ, и снѣгу, ангелъ студени и зною, и зимѣ, и осени, и всѣмъ духомъ, ангелъ земли, пропасти и водамъ, ангелы въ звукахъ и громахъ, ангелы мороза и града, лѣса и росы, ангелъ и очи, свѣта и дня“ (3). Въ Палеѣ (16 в.) такъ же проводится мысль, что „суть дуси служебны и, на службу Бога посылаеми, ангелы градомъ, ангелы громомъ, ангелы ледомъ, ангелы мгламъ, ангелы голотемъ, ангели инью, ангели мразу, ангели росамъ, ангели гласомъ, ангели молніямъ, ангели грому, ангели зноеви, ангели зимѣ, веснѣ, лѣту, осени и всѣмъ созданіемъ его“ (4). Не нужно также забывать, что въ апокалипсисѣ есть указанія о четырехъ ангелахъ,

---

(1) Мин. Четіи митр. Макарія Окт. 26, стр. 1888—9.

(2) Чт. въ Общ. ист. и др. 1872, кн. 3, 105.

(3) Рук. Сол. библ. № 913, л. 544. № 923. Рук. для сел. пас. 1867, т. I, 587—8.

(4) И. Я. Порф. Апокр. сказ. о ветхозав. соб. 3 И. А. Н. 17 т. 84 стр. изъ палеи XVI в. Подоб. ibid. 17 т. стр. 24. Рукоп. сол. библ. № 860. л. 120 обор.

„держащихъ вѣтри земскія", объ ангелѣ „водномъ" и объ „ангелѣ, имѣющемъ область на огни" (¹). Въ Четь минеяхъ Димитрія Ростовскаго подъ 8 числомъ ноября подобное представленіе развивается довольно подробно.

Но если русскій народъ слышалъ, что святые и ангелы могутъ управлять стихіями, подобно Иліѣ, сводящему дождь съ неба, то въ тоже время, онъ слышалъ, что святые дѣлаютъ такъ несамостоятельно, а по молитвѣ къ Богу, что всетаки вся сила въ Богѣ, которому „всяческая работна", по выраженію псалмопѣвца, въ Богѣ, который солнце свое сіяетъ на злыя и благія, дождитъ на праведныя и неправедныя,—въ Богѣ, который даетъ „всѣмъ животъ и дыханіе и вся" (²). Въ богослужебныхъ молитвахъ, среди славословій не рѣдко встрѣчаются такія мѣста: „Твоею бо волею отъ небытія въ бытіе привелъ еси всяческая. Твоею властію содержиши тварь. И твоимъ помысломъ строиши весь міръ, тебе трепещутъ силы мысленныя вся, тебе поетъ солнце, тебе славитъ луна, тебе послушаетъ свѣтъ, тебе трепещутъ бездны, тебе работаютъ источницы. Ты пропя(т) небо яко кожу" и т. д. (³). Все въ мірѣ представляется въ полномъ общеніи съ Богомъ, все совершается по Божественному опредѣленію. Тѣ же понятія проводятся въ древнерусскихъ поученіяхъ. Не рѣдко, послѣ указанія на какое нибудь событіе важное и поразительное, замѣчается: „отъ сего разумѣемъ, яко ничтоже безъ строенія и безъ промысла бываетъ на земли и на небеси. Но по всей земли и на небеси судове Божіи суть, и промысли его во всѣхъ дѣлѣхъ его" (⁴). Въ Измарагдѣ въ словѣ „о глаголющихъ яко злѣ умирающіи не Бо-

(¹) Апок. 7, 1; 16, 5, 15, 18.

(²) Іак. 5, 17. 18; пс. 118, 90. 91; 144, 15—16, Мө. 5, 45, Дѣян. 17, 25.

(³) Рукоп. солов. библ. требн. № 1086, стр. 43—44.

(⁴) Великія Минеи четіи митр. Макарія. Рук. синод. библ, май № 494, л. (обор.) 251.

жіимъ повелѣніемъ умираютъ" замѣчается, что все въ мірѣ совершается по Божьему повелѣнью. „Огонь бо и градъ, и снѣгъ идетъ, и гади, и птицы, и звѣри, и скоти—вся творятъ повелѣнія Божія; небо и земля и море вся стоятъ въ уставѣ, ничто есть само-властное предъ Богомъ, вся бо Того повелѣнію повинуются. Владѣетъ бо всѣми тварьми Господь Творецъ и Богъ всѣхъ и Того повелѣнми вся творима суть, развѣ грѣха" (1).

Мы изложили народныя воззрѣнія на промыслительную дѣятельность Божію, совершающуюся какъ непосредственно, такъ и чрезъ посредство ангеловъ и святыхъ. Теперь переходимъ къ изложенію народныхъ воззрѣній на существо Божіе и свойства Божіи. Когда мы вели рѣчь о томъ, какъ народъ представляетъ себѣ дѣятельность Божію, мы уже тогда могли замѣтить, въ какихъ чертахъ рисуется Богъ въ народныхъ воззрѣніяхъ. Христіанскія понятія о свойствахъ Божіихъ русскій народъ усвоилъ какъ нельзя лучше. Богъ въ народномъ представленіи рисуется съ тѣми же чертами всемогущества, всевѣдѣнія, премудрости, справедливости, благости, святости, какія приписываются Ему и въ библейскомъ ученіи. Тотъ фактъ, что „все въ мірѣ совершается Божіимъ судомъ", какъ нельзя болѣе, свидѣтельствуетъ о всемогуществѣ Божіемъ. „Божья рука сильна". У Бога все возможно". „Богъ дастъ и въ окошко подастъ". А „Богъ накажетъ никто не укажетъ". „Божьей воли не переневолишь". „Больше Бога не будешь". „На волю Божію не подашь". „Съ Богомъ не биццa". Такъ что: „какъ ни толкуй, а Богъ всѣхъ больше" (2). Величество и могущество Божіе увеличивается еще тѣмъ, что Богъ все знаетъ. „Предъ попомъ утаишь, а предъ Богомъ

(1) Велик. чет. мин. митр. Макар. Іюль Смар. № 996 л. 783. Измар. рук. Сол. библ. № 270, л. 186 (обор), 187.

(2) Даль, 2—5; 116; Зап. Имп. Геогр. Общ. I, 343.

не утаишь“. „Богъ не дремлетъ, все слышитъ“. Не успѣетъ обиженный замѣтить козней своего врага, а „Богъ ужъ видитъ, кто кого обидитъ“. „Какъ ни хорони концовъ, а Богъ найдетъ“—выдастъ. „Чужая тайна Богу явна“. Все „Богъ видитъ, да намъ не скажетъ“. Богъ видитъ не только настоящее и прошедшее, но и будущее. „Завтра одному Богу вѣдомо“ (¹), Поэтому то такъ и премудра дѣятельность Божія. „Богъ видитъ, что куда идетъ“. Когда, напр., „Богъ добро перемѣряетъ“: „у того щасте отбирае, а тому дае“, Онъ уже „знаетъ, что дать, чего не дать“ человѣку. Положимъ: „дастъ Богъ день, Богъ дастъ ужъ и пищу“. „Дастъ Господь ротокъ, дастъ и кусочекъ“. „Дасць Богъ дзѣтей, дасць и на дзѣцей“ (²). Бѣдствія, выпадающія на долю нѣкоторыхъ, только повидимому, говорятъ противъ премудрости Божіей. На самомъ дѣлѣ, человѣкъ самъ виновникъ своихъ бѣдствій. „У Бога нѣтъ неправды“, „Богъ любитъ правду. Богъ тому и даетъ, кто правдою живетъ“. „Кто добро творитъ, тому Богъ отплатитъ“. Бѣдствуетъ человѣкъ — значитъ — заслужилъ. „Богъ за худое плательщикъ. Въ правдѣ Богъ помогаетъ, въ неправдѣ Онъ же запинаетъ“. „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“. За то ужъ „не скоръ Богъ, да мѣтокъ“. „Богъ долго терпитъ, да больно бьетъ“ (³). Впрочемъ, сверхъ мѣры Богъ не наказываетъ человѣка. „Дважды Богъ не мучитъ“. Правда, Богъ иногда посылаетъ человѣку испытаніе; но испытаніе всегда бываетъ по силамъ человѣка. „Богъ по силѣ крестъ налагаетъ“. Съ другой стороны испытаніе это—благо для человѣка и Богъ посылаетъ его по любви къ человѣку. „Его же Богъ любитъ, того и наказуетъ“. Человѣку нужно только терпѣніе. „Въ бѣ-

(¹) Даль, 2. 4. 5. 193. Снегир. 16. 242. 460; Зап. Имп. Геогр. Общ т. I. стр. 305 425.

(²) Труды этн. отд. общ. ест. кн. V, вып. 2, 244. Снег. 17. 18 Зап. Имп. Геогр. Общ I, 290; Даль, 2.

(³) Даль, 3. 4 6. 183. 190. Снегир. 18, 56. 77. 85.

дѣ не унывай, а на Бога уповай". „Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ". „Мы съ печалью, а Богъ съ милостью". Стоитъ только обратиться человѣку къ Богу, и Богъ сейчасъ пошлетъ помощь. „Съ отказной Богъ ни къ кому не проходилъ". „Чего не попросишь развѣ того Богъ не дастъ". „У Бога милости много". „Голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ". „За сиротою самъ Богъ съ калитою". „Ни отецъ до дѣтей, какъ Богъ до людей". „Богатъ Богъ милостью" (¹). „Не по грѣхамъ нашимъ Богъ милостивъ", особенно если вспомнить, какъ самъ Онъ святъ. „Единъ Богъ безъ грѣха". „Одинъ Богъ безгрѣшенъ" (²). Это ли не милость, если Безгрѣшный разсыпаетъ свои щедроты на грѣшниковъ? Впрочемъ „у Бога всего много" на столько, что Онъ, по своей милости, находитъ не противнымъ для себя подѣлиться благами и съ недостойными существами. Богъ богатъ настолько, что все можетъ и сдѣлать, и дать: „чего не попросишь, развѣ того Богъ не дастъ". Богъ расточаетъ блага и на людей. Впрочемъ, сколько ни расточаетъ благъ, благъ не убываетъ. „Богъ богатъ, болѣй маець, чимъ раздавъ". Какъ у существа вседовольнаго, „у Бога каждый день праздникъ" (³).

Такимъ образомъ рисуютъ Бога народныя пословицы. Въ тѣхъ же чертахъ рисуется Богъ и въ другихъ словесныхъ произведеніяхъ народа. Мы не будемъ распространяться о всемогуществѣ Божіемъ,— по народному воззрѣнію. Когда мы разсматривали народное воззрѣніе на дѣятельность Божію, мы уже видѣли, какое неизмѣримое могущество приписываетъ народъ Богу. Всѣ явленія природы, всю жизнь въ мірѣ онъ объясняетъ „Божіимъ судомъ", опредѣленіемъ во-

(¹) Даль 1. 3. 4. 5. 108. Снегир. 15. 78. 98. 299. 390. 409, 449. Рус. посл. Богданова, 3.

(²) Снегир. стр. 111. Даль 11. 207.

(³) Зап. Имп. Геогр. Общ. этн. отд. I, 389. 262. Даль, 1. 911. Снегир. 409.

ли Божіей. Кому только ни приписываетъ народъ силу кромѣ Бога — богатырямъ, святымъ, ангеламъ. И всѣ они являются въ тоже время слабыми въ сравненіи съ Богомъ. Сами они ничего не могутъ сдѣлать, при каждомъ дѣйствіи они нуждаются въ „повелѣніи“ Божіемъ. Что касается другихъ свойствъ Божіихъ, то въ народныхъ произведеніяхъ съ особенною рѣзкостью обрисовывается всевѣдѣніе Бога, Его милосердіе и справедливость. Въ народныхъ легендарныхъ сказаніяхъ можно найти не мало указаній на то, какъ для Бога открыты всѣ тайныя мысли человѣка и какъ Онъ знаетъ будущее. Мы не будемъ приводить многихъ сказаній, а воспользуемся только сказаніемъ о томъ, какъ Богъ и Петръ испытываютъ людей. Въ сказаніи представляется, что Господь съ Петромъ въ пустынѣ. Петру захотѣлось пить, и какъ разъ въ это время ѣдетъ богатый человѣкъ съ водою. Петръ хочетъ попросить у него воды. Но Господь не совѣтуетъ: „э, Петръ, не ходи лучше, бо не дастъ“. Дѣйствительно, слово Господне сбылось: богачъ не далъ Петру пить. Немного спустя, Петръ обращается съ просьбою о водѣ къ бѣдняку, — и этотъ отдаетъ ему свою послѣднюю воду. Приходятъ Господь съ Петромъ въ деревню. Петръ идетъ въ домъ къ богачу, у котораго онъ просилъ воды въ пустынѣ. Господь предупреждаетъ Петра, что богачъ не пуститъ ихъ. Дѣйствительно, богачъ ихъ не принялъ въ домъ. Когда же странники обращаются съ просьбою къ бѣдному, тотъ ихъ принимаетъ съ радостію (1). Петръ, встрѣчаясь съ новыми лицами, обнаруживаетъ полное незнаніе ихъ душевныхъ качествъ, тогда какъ Богъ, зная ихъ душевныя качества, предсказываетъ и будущіе ихъ поступки. Въ малорусскомъ сказаніи о странствованіи Бога съ Николаемъ и Петромъ разсказывается, что Богъ позволилъ у одной бѣдной вдовы взять вол-

(1) Малор. пред. собран. Драгомановымъ стр. 120.

ку послѣднюю корову, указавъ на ея примѣты и цвѣтъ. Николай чудотворецъ, жалѣя женщину, во время сна Бога, вымазалъ корову, чтобы волкъ не узналъ ее. Богъ, хотя спалъ, но — по сказанію — обличаетъ Николая. „Все знае", замѣчаетъ разсказъ про Бога (¹). Не представляя множества указаній изъ народныхъ произведеній на эту черту въ Богѣ, мы ограничимся лишь ссылкою на слова матери Добрыни. Когда Добрыня, узнавъ о бракѣ Алеши Поповича со своею женою, является къ матери, та удивляется приходу Добрыни и замѣчаетъ: „не узналъ то Святымъ Духомъ (²). Милость Божія точно также не рѣдко изображается въ былинахъ и духовныхъ стихахъ. Особенно въ яркихъ чертахъ рисуется она въ указанномъ нами „плачѣ земли".

Потерпи-жъ ты нѣсколько времячка, сыра земля!
Не придутъ ли рабы грѣшные къ Самому Богу
Съ чистымъ покаяніемъ?
Ежели придутъ, прибавлю имъ свѣту вольнаго,
Царство небесное.

Земля не можетъ выносить беззаконій человѣческихъ, но Господь переноситъ грѣхи людскіе по своей благости и ждетъ исправленія людей (³). Милость Божія рисуется не безотчетною. Если Богъ и терпитъ грѣхи людей, то до времени только, а потомъ Онъ наказываетъ грѣшниковъ. Въ томъ же „плачѣ земли" онъ говоритъ:

Ежели не придутъ ко мнѣ къ Богу,
Убавлю я имъ свѣту вольнаго,
Прибавлю имъ муки вѣчныя,
Поморю ихъ гладомъ голоднымъ.

(¹) Малор. пред. Драгом. стр. 112.
(²) Гильфердь. 496.
(³) Кирѣев. XXX.

Наказаніе Божіе принимается русскимъ народомъ не какъ жестокость со стороны Бога, а какъ справедливое возмездіе за грѣхи людей. Справедливость Божія, какъ и милость, изображается въ народныхъ произведеніяхъ однимъ изъ неотъемлемыхъ свойствъ Бога. Георгій храбрый заявляетъ свою вѣру предъ Діоклетіаномъ мучителемъ такимъ образомъ:

Ужъ я вѣрую
Самому Христу,
Самому Христу,
Судьѣ праведной,
Все разгадливой (¹).

Въ такихъ чертахъ рисуется Богъ въ произведеніяхъ народной словесности. Черты, какъ видимъ, приписываются Богу высокія, христіанскія. Нечего и говорить, что такое возвышенное народное представленіе о Богѣ сложилось подъ вліяніемъ церковнымъ. Въ книгахъ библейскихъ, богослужебныхъ, въ твореніяхъ отцовъ церкви, въ поученіяхъ и житіяхъ, и другихъ памятникахъ древне-русской письменности заключается основаніе для такого представленія. Но главнымъ образомъ сказывается въ народныхъ воззрѣніяхъ вліяніе всетаки псалмовъ и евангелія. Припомнимъ пословицу: „у Бога все возможно". Она буквально заимствована изъ Евангелія Матеея „у Бога вся возможна" (Мѳ. 19, 26). Много подобныхъ выраженій о всемогуществѣ Божіемъ и у другихъ евангелистовъ (²). Въ псалмахъ Давида Богъ также изображается могущественнымъ существомъ: „Богъ нашъ на небеси и на земли, вся елика восхотѣ, сотвори" (³), говоритъ пророкъ Давидъ и эту мысль въ своихъ псалмахъ онъ развиваетъ нерѣдко (⁴). „Чу-

(¹) Калѣк. пер. вып. 2, стр. 494.

(²) Мр. 14, 36. Лук. 1, 37.

(³) Пс. 113, 11.

(⁴) Пс. 23, 10; 134, 6; 32, 6; 103, 27—30.

жая тайна Богу явна" (1), говоритъ пословица о Божественномъ вѣдѣніи. „Нѣсть тварь не явлена предъ Нимъ, вся же нага и объявлена предъ очима Его", читаемъ мы въ посланіи къ Евреямъ ап. Павла (2). Русскій народъ убѣжденъ, что „у Бога милости много". Взглядъ этотъ тоже библейскій: „Никто же благъ токмо единъ Богъ", замѣчается въ евангеліи отъ Марка. „Благъ Господь всяческимъ", говоритъ Давидъ, и эта мысль развивается въ его псалмахъ постоянно (3). Мысль о справедливости Божіей также почерпнута изъ библіи. Въ псалмахъ, евангеліи, посланіяхъ апостольскихъ, а также и другихъ библейскихъ книгахъ не рѣдко указывается на это свойство въ Богѣ (4). Въ богослужебныхъ пѣсняхъ, представляющихъ славословіе Господа, очень часто изображаются свойства Божіи, особенно милосердіе: „Господи Боже спасенія нашего, милостивый и щедрый, и долготерпѣливый и многомилостивый, преклонивый небеса и сшедый на спасеніе роду человѣческому, не хотяй смерти грѣшнику, но обращенія и живота: Ты самъ Владыко умоленъ бывъ рабы твоими, и якоже далъ имъ еси время покаянія милостію си, подаждь и оставленіе всякому прегрѣшенію вольному и невольному, смирися съ ними, и сочетай я ко святѣй твоей церкви" (5). Такъ напр. читается одна изъ молитвъ въ чинѣ исповѣди. А молитвословій съ подобнымъ характеромъ въ богослуженіи очень много. Припомните также молитвословіе на часахъ: „Иже на всякое время и на всякій часъ на небеси и на земли ... долготерпѣливе и много-

(1) Снегир. 469.

(2) Іоан. 3, 20. Пс. 146, 5; 1 Кор. 2, 11 и т. п.

(3) Мр. 10, 18; Пс. 117, 1; 33, 9; 79, 1; 85, 5; 118, 68; 134, 3; 131, 1.

(4) Іоан. 3—38; Римл. 3, 4; Апок. 3, 7; 21, 5. 22, 6. Пс. 30, 32. 4; 118, 89. 90.

(5) Рукоп. требн. Сол. библ. № 1111, стр. 104.

милостиве, многоблагоутробне, иже праведныя любяй и грешныя милуяй" и т. д. Наконецъ, нерѣдко встрѣчается изображеніе свойствъ Божіихъ въ древне-русскихъ поученіяхъ, житіяхъ святыхъ и другихъ произведеніяхъ. Богъ изображается какъ „единъ нерожденный и присносущный, единъ безначаленъ и нетлѣненъ и единъ безконечный и непостижимый и не изслѣдный и невидимый, иже всякаго написанія и постиженія выше имѣя существо... непрестанный источникъ щедротъ и благости" (¹). Изъ свойствъ Божіихъ въ древне-русскихъ поученіяхъ и житіяхъ чаще всего встрѣчается указаніе на милосердіе Божіе. Какъ на доказательство милосердія Божія указывается, обыкновенно, на то, что Богъ, изъ любви къ человѣку, для спасенія его отъ грѣха, проклятія и смерти, не пощадилъ Единороднаго Сына своего,—послалъ на землю (²). Бѣдствія, испытываемыя человѣкомъ, повидимому, противорѣчащія милосердію Божію, обыкновенно, въ древне-русскихъ поученіяхъ примиряются съ милосердіемъ Божіимъ. „Почто смущаеши(ся) зря святыхъ въ печальнѣ житіи, иже бо скорбь терпятъ здѣ, то въ небесное царство водворяются радостно, а иже зліи и лихоимцы, тати жъ и грабители, и клеветницы въ обиліи живутъ, таковымъ вѣчныя муки огненныя готовятся" (³). При рѣчи о бѣдствіяхъ человѣка, если только они не представляются заслуженными, проводится мысль, что они, обыкновенно, посылаются для испытанія человѣка: „его же Господь любитъ, того и наказуетъ (⁴). Такъ что въ общемъ—по-

(¹) Слово Мих. Арх. рук. солов. библ. Минеи Четіи Нояб. № 506 л. 142.

(²) Прол. рук. Сол. библ. № 66. л. 72 обор. Мин. Чет. Макар. изд. археографич. комис. стр. 720.

(³) Мин. Чет. м. Макар. рук. Синод. биб. № 996. Смарагдъ л 732.

(⁴) Измар. рук. Сол. б. № 270, л. 25 (об.). (Печат.) Прол. 16 Марта.

вторяемъ — милосердіе Божіе въ древне-русскихъ поученіяхъ является истиной весьма часто повторяемой. „Еда жена забудетъ отроча свое или еже не помиловати отъ роды чрева своего, аще ли и забудетъ жена, но Азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь“, говорится въ словѣ Злат. подъ 9 сент. въ прологѣ (¹).

Рельефно изображено милосердіе Божіе въ нѣкорыхъ апакрифахъ, особенно въ апокрифѣ „смерть Авраама“. Авраамъ, по апокрифу, вознесенъ былъ на твердь и оттуда увидѣлъ беззаконія людей. Богъ позволилъ произносить Аврааму судъ надъ людьми. Авраамъ сталъ судить людей такъ строго, что Богъ повелѣлъ Михаилу архангелу возвратить его на землю. „Аще тако видитъ многихъ, творящихъ злобы, и погубитъ землю всю; и не дай ему обходити всея земли, юже сотворихъ, не милуетъ бо никогоже, не сотворилъ бо имъ есть“, говоритъ Господь (²). Такъ же рельфно изображается милосердіе Божіе и въ упомянутомъ выше, „Хожденіи ап. Павла по мукамъ“ (XVI в). Земля вопіетъ о неправдѣ людей и требуетъ отмщенія, а Господь не наказываетъ ихъ и ожидаетъ ихъ исправленія. „Азъ видѣ вся и нѣсть и того, иже укрыется грѣхъ своихъ отъ мене, и беззаконія Азъ видѣ. Моя благость ожидаетъ ихъ, дондеже обратятся ко мнѣ. Аще ли не придутъ ко мнѣ, Азъ сужу“ (³). Впрочемъ въ древне-русскихъ поученіяхъ, если и часто изображается Богъ милосерднымъ, который хочетъ, дабы всѣ люди спаслись (⁴), то не рѣдко также Онъ представляется и судіею—мздовоздаятелемъ, наказывающимъ людей за грѣхи. Указывая на бѣдствія, которыя претерпѣвала русская земля, проповѣдники нерѣдко замѣчаютъ, что это Богъ за беззаконія наказываетъ

(¹) Прол. рук. сол. биб. № 59, л. 33.

(²) Памят. отреч. лит. I, 87. Ист. рус. слов. И. Я. Пор. 242—3.

(³) Памятн. отреч. лит, II, 41.

(⁴) Слово св. отецъ о постѣ. Прав. Соб. г. 58, ч. I 153.

русскую землю. Припомнимъ поученія Феодосія о казняхъ (1), припомнимъ поученія Серапіона (2). Подобныя мысли встрѣчаются также въ „Златоустѣ" (1555 г.) (3), въ минеяхъ (4), апокрифическихъ сочиненіяхъ (5). Изъ другихъ свойствъ Божіихъ древнерусская письменность останавливается на величіи Божіемъ (6), премудрости Божіей (7), всемогуществѣ (8), вездѣприсутствіи Божіемъ (9).

Если русскій народъ сравнительно легко могъ составить христіанское понятіе о Богѣ со стороны Его дѣятельности и свойствъ, то далеко ему труднѣе было составить понятіе о существѣ Божіемъ. Догматъ троичности лицъ въ Богѣ, непостижимый для человѣческаго разума, требуетъ для уясненія не мало напряженія мысли. Массѣ русскаго народа, которая не могла пользоваться услугами школы, тѣмъ труднѣе было усвоить догматъ о троичности лицъ въ Богѣ, что въ своихъ прежнихъ воззрѣніяхъ она не имѣла ничего подобнаго.

Но не смотря на трудность и новость предмета, понятіе о троичности Бога усвоено русскимъ народомъ. Правда, воззрѣніе народа на троичность лицъ божественныхъ не отличается полнотою, иногда кажется нѣсколько колеблющимся и сбивчивымъ, но тѣмъ не

---

(1) Слово Феод. о казнахъ. Зап. Ак. Наукъ вып. 2. кн. 2. Христ Ор. Мил. 190.

(2) Поуч. Серапіона—Истор. Макарія. V, 135.

(3) Опис. Рум. муз. 232.

(4) Поуч. на 1-е сент. Мин. Чет. м. Мак. изд. археогр. комис., стр. 113. Минеи Чет. м. Мак. рук. син. биб. № 993, л. 415 (обор.)

(5) Слово пр. Исаіи. И. Я. Пор. Апокр. скав. т. 17; 35 И. А. Н. 265—266.

(6) Маргар. Мин. Чет. мит. Мак. 780.

(7) Ibid. 781. 1177. Также апокр. «о всей твари». Сб. Троицко-Серг. Лавры 1531 г. Пам. отреч. лит. II, 321.

(8) Маргар. Мин. Чет. мит, Макар. 791.

(9) Ibid. поуч. на 1 сент. стр. 113. Маргар. 779. Также «епистолія о недѣли» сбор. XVI в. Пам. отреч. литер. II, 321.

менѣе народъ различаетъ лица Божественныя: Отца Сына и Св. Духа. Русскій народъ признаетъ единаго Бога, хотя на ряду съ этимъ, не отдавая себѣ отчета въ своемъ представленіи, какъ мы сейчасъ сказали, признаетъ и трехъ лицъ св. Троицы. Указанія на троичность Бога и Божественныя лица есть въ народныхъ произведеніяхъ, но ихъ не могло. Такъ какъ догматъ этотъ труденъ еще для народа и усвоенъ болѣе кратко и поверхностно, чѣмъ другіе, то въ народныхъ произведеніяхъ онъ отразился только слегка. Среди пословицъ найдемъ двѣ—три какихъ-нибудь, которыя бы касались этого догмата, да и тѣ отличаются неопредѣленностію, „Богъ любитъ троицу". „Безъ троицы домъ не строится" (¹). Вотъ все, что даютъ пословицы въ данномъ вопросѣ. Въ духовныхъ стихахъ есть нѣсколько указаній на Троицу. Въ „Голубиной книгѣ" бѣлый русскій царь потому представляется царемъ надъ всѣми царями, что:

Онъ вѣруетъ вѣру крещеную.
Онъ во Матерь Божію Богородицу
И во Троицу нераздѣлимую (²).

Въ стихѣ „о Егоріи храбромъ", Георгій на вопросъ Царища Демьянища: „скажи, въ которую ты вѣруешь", отвѣчаетъ:

А я вѣрую вѣру Самому Христу Царю небесному,
И Матери Пресвятой Богодицѣ,
Святой Троицѣ нераздѣлимой (³).

Еще:

Я вѣрую Самому Христу,
Самому Христу Сыну Божію,
И во матерь Божію Богородицу,
И во святую Троицу нераздѣлимую.

(¹) Снегир. стр. 11.

(²) Калѣки перех. 2 в. 271.

(³) Калѣки перехожіе, 2 вып. стр. 403. 487, 394. 423. 428. 434. 442. 451. 462. 486. 489.

Тѣже выраженія о Троицѣ употребляются и тогда, когда стихъ говоритъ о томъ, какъ Егорій утверждалъ вѣру христіанскую ([1]). Въ сказанныхъ стихахъ Троица именуется „нераздѣлимою" и признается, повидимому, самостоятельною. Но есть стихи, въ которыхъ народъ какъ будто смѣшиваетъ Троицу съ Богородицей. Напр., въ Троицынъ день молодежь, отправляясь въ лѣсъ, поетъ хоромъ:

Благослови-ка Троица-Богородица
Намъ въ лѣсъ пойти,
Намъ вѣнки завивать,
Ай Дидо, ой ладо! ([2]).

Егорію храброму, запертому въ погребѣ, говоритъ стихъ:

Явленная явилася сама
Мать Пресвятая Богородица,
Святая Троица нераздѣлимая ([3]).

Намъ кажется, что стихъ этотъ искажонъ, быть можетъ, отъ частаго и механическаго повторенія пѣвца. Бога народъ русскій хорошо отличаетъ отъ Богородицы; да и въ другихъ стихахъ о Егоріи храбромъ, Богородица, поставленная рядомъ съ Троицей, уже не смѣшивается.

Вѣрую вѣру крещеную
Самому Христу Царю небесному,
Во Матерь Пресвятую Богородицу,
Еще въ Троицу нераздѣлимую ([4]).

Въ нѣкоторыхъ стихахъ смѣшиваются, повидимому, Іисусъ Христосъ и Св. Духъ. Напр. въ стихѣ о

([1]) Ibid. 439. 454. 467.

([2]) Сказ. рус. нар. I, 260.

([3]) Кал. пер. вып. 2, 404.

([4]) Калѣки перех. 2 вып. 428.

„страшномъ судѣ", когда Христосъ, на просьбу Пресвятой Дѣвы о прощеніи грѣшниковъ, отвѣчаетъ вопросомъ:

Развѣ ты хочешь видѣть Меня
Вовторые Бога на распятіи?

Божья Матерь говоритъ:

О святой Духъ предсладкій!
Мой Сынъ Іисусъ Христосъ, царь небесный свѣтъ!
Не могу я тебя во второй разъ видѣти.... (¹).

На ряду съ этимъ въ другихъ стихахъ духовныхъ проводится полное различіе между св. Духомъ и Сыномъ. Кирикъ, во время своихъ мукъ, пригвожденный ко кресту, молится:

Господи, Отецъ, Сынъ, Святой Духъ!
Услышьте молитву святова младенца Кирика,
Отгвоздите меня отъ дерева превысокаго (²).

Въ стихѣ различаются всѣ лица Св. Троицы.

Въ народныхъ произведеніяхъ если встрѣчаются сбивчивыя представленія о Св. Троицѣ, то есть и такія мѣста, гдѣ представленіе о троичности Бога совершенно правильное. Въ нѣкоторыхъ изъ варіантовъ стиха „12 пятницъ" говорится:

Въ ту пятницу сошелъ Духъ святый на землю,
Показался Господь въ трехъ лицахъ,
Отецъ и Сынъ, и святый Духъ (³).

(¹) Ibid. вып. 5, стр. 132.

(²) Варенцовъ стр. 83.

(³) Отношеніе Сына къ Св. Духу.—Кал. перех. 6 вып. 121 125. 129. 132. Варен. 321. Калѣки пер. вып. 6, стр. 115. 119. Срав. Молитву Кирика Варенц. 83.

Послѣдній стихъ, въ одномъ варіантѣ записанный Верешевымъ, въ другомъ — заимствованный отъ слѣпаго Андрея Леонтьева даетъ право думать, что представленіе русскаго народа о существѣ Божіемъ стало на значительную высоту, и если не отличается глубиною и полнотою, то приближается къ истинному пониманію догмата. Извѣстное краткое молитвенное воззваніе: „во имя Отца и Сына, и св. Духа", на ряду съ молитвой Іисусовой, народомъ употребляется почти предъ каждымъ дѣломъ. Точно также оно часто встрѣчается и въ народныхъ заговорахъ. Намъ нѣтъ нужды говорить, что понятіе о троичности лицъ въ Богѣ есть чистое пріобрѣтеніе народа. Если свѣдѣнія народа еще скудны въ вопросѣ о троичности Божества, то это объясняется, какъ мы уже сказали, и трудностью пониманія предмета, и неподготовленностью народа къ усвоенію. Да и пастыри церкви, видя младенческое состояніе вѣры народа, не заботились о полнотѣ изложенія этого догмата. „Се, братіе, первѣе всего сію заповѣдь извѣстно (несомнѣнно, твердо) должны есмы вси крестіане держати вѣровати: въ единъ Богъ въ троици славимъ, въ Отца и Сына, и св. Духа, якоже научили апостоли, святіи отцы утвердиша" (¹). Проповѣдникъ (Лука Жидята) не находитъ нужнымъ болѣе распространяться по данному вопросу. Онъ считаетъ достаточнымъ, если народъ и кратко усвоитъ догматъ о троичности лицъ въ Богѣ. Или еще примѣръ: въ словѣ св. отецъ о постѣ (XI и XII в.) мы читаемъ: „прежде всего, братія, всякому человѣку христіанину должно вѣровать въ Господа Бога своего, во имя котораго мы крестились, т. е. во имя Отца, и Сына, и св. Духа, въ Пресвятую Троицу, въ истиннаго Бога нашего", (²),—и въ этомъ словѣ догматъ о

(¹) Хр. Буслаева, 891—894. Опытъ историч. обозр. рус. слов. Ор. Миллера 182—183.

(²) Прав. Соб. 1858, т. I, стр. 141—142.

троичности лицъ въ Богѣ изображается въ краткихъ чертахъ. Въ такомъ же краткомъ видѣ слышалъ русскій народъ ученіе о Троицѣ въ формулѣ таинства крещенія: „Крещается рабъ Божій во имя Отца и Сына, и Св. Духа". Въ болѣе полномъ раскрытіи этотъ догматъ слышалъ народъ въ символѣ вѣры. Въ древне-русскихъ сочиненіяхъ подробныя изложенія догмата о троичности лицъ въ Богѣ встрѣчаются, но преимущественно въ такихъ сочиненіяхъ, которыя не были предназначены для массы народной. Напр. мы его находимъ въ сочиненіи кіевскаго митрополита Леонтія объ опрѣснокахъ, гдѣ онъ довольно долго останавливается на этомъ догматѣ, разбирая ученіе объ исхожденіи святаго Духа *„отъ Сына"* и доказывая несостоятельность послѣдняго, какъ вводящаго два начала въ св. Троицу ([1]). Находимъ мы раскрытіе этого догмата въ переведенныхъ на русскій языкъ съ издавна сочиненіяхъ Діонисія Ареопагита: „дѣйствіе Единаго отъ троицы всего Божества есть дѣйство" ([2]). Въ четвертомъ и пятомъ словѣ Маргарита говорится о равенствѣ лицъ св. Троицы ([3]),—также въ историческомъ словѣ объ обрѣтеніи креста („Богъ славимъ въ Троицы, едино бо тріе и тріе едино, въ нихъ же божество") ([4]) и въ словѣ о святѣй Троицѣ ([5]). Подробное изложеніе ученія церкви о св. Троицѣ встрѣчаемъ мы въ исповѣданіи Иларіона, по случаю рукоположенія его въ митрополиты ([6]), — въ статьѣ „о правой вѣрѣ" Константина философа ([7]) и т. д. Но, повторяемъ, для

([1]) Ист. рус. Цер. Мак. I, стр. 109—110.

([2]) Мин. Чет. м. Макар. изд. археогр. комис. 3 окт. стр. 377.

([3]) Чет. Мин. м. Мак. стр. 827.

([4]) Мин. Чет. митр. Мак. сент. 14, 685.

([5]) Златостр. XVI в. рук. сол. библ. № 259. л. 248.

([6]) Ист. рус. церк. Мак. II, 19.

([7]) Болгарск. сборн. 1384 г. Свѣдѣн. о малоизв. писат. XXXVI Прилож. къ XI т. З. И. А. Н., стр. 47.

массы народной сообщеніе тонкостей богословскихъ о св. Троицѣ было еще преждевременно. Для нея достаточно было и краткаго, но точнаго изложенія этого непостижимаго догмата.

Вопросъ о Богѣ, по народному представленію, нами почти законченъ. Намъ остается упомянуть только, какъ народъ представляетъ Бога, какъ Творца міра. Твореніе міра, нужно замѣтить, представляется русскимъ народомъ сбивчиво. Да и вообще вездѣ, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ фактическая сторона, русскій народъ имѣетъ сбивчивыя представленія. Библейскіе разсказы къ народу переходили не непосредственно, изъ перваго источника, а изъ вторыхъ уже рукъ, и часто въ искаженномъ видѣ, будучи заимствованы изъ апокрифовъ. Апокрифическія сказанія, дающія большой просторъ для воображенія, болѣе нравились народу и скорѣе запоминались имъ. Отъ того въ народныхъ сказаніяхъ на ряду съ истинными фактами изъ библейской исторіи, идутъ вымыслы. Съ твореніемъ міра, какъ оно изображается въ библіи, народъ имѣлъ, конечно, возможность, хотя нѣсколько, познакомиться, слыша первую главу Бытія въ пареміяхъ на праздникъ Рожд. Христова, въ первую недѣлю великаго поста, въ великую субботу и т. д. Но сжатое изложеніе исторіи творенія Богомъ міра, какое представляется въ книгѣ Бытія, сравнительная рѣдкость чтенія этого мѣста были, частію, причиною слабаго усвоенія народомъ послѣдовательнаго хода и подробностей творенія. Правда, иногда проповѣдники выясняли народу происхожденіе міра, но всетаки для массы, при отсутствіи школъ, было этого недостаточно. Да и свѣдѣнія, почерпаемыя изъ поученій, не отличались полнотою. Проповѣдники останавливались только на томъ, чтобы показать народу, что все сотворено Богомъ. „Онъ сотворилъ небо и землю, и море и все, что въ нихъ находится“, читаемъ мы въ одномъ изъ древнерусскихъ поученій,—„взявъ отъ земли, сотворилъ наше тѣло и не только тѣло, но и душу вдохнулъ, и живыми насъ сдѣлалъ; Онъ сотворилъ также ангеловъ, херувимовъ

и серафимовъ, престолы и господствія, сотворилъ солнце и мѣсяцъ, и звѣзды, озера, рѣки и источники, всѣ горы и холмы, вѣтры и снѣги, и дожди, скотовъ и звѣрей, и птицъ, и гадовъ, и всякое земное древо. И все это боится Господа и трепещетъ, и не преступаетъ повелѣнія Его" [1]. Увѣровавъ, что все сотворено Богомъ, и даже выработавъ пословицу „изъ ничего только одинъ Богъ міръ создалъ", русскій народъ, на ряду съ краткимъ церковнымъ ученіемъ о твореніи міра, усвоилъ еще вымышленные легендарные разсказы на ту же тему. Вотъ какимъ образомъ разсказывается въ народныхъ сказаніяхъ о твореніи Богомъ міра. По морю-по океану плавали два гоголя: одинъ бѣлый, другой черный. Эти гоголи были никто иные, какъ Богъ и сатана. По Божьему повелѣнью, сатана вынулъ со дна моря горсть земли. Изъ этой горсти земли Богъ сотворилъ ровныя мѣста, а дьяволъ пропасти и горы. Другіе народные разсказы нѣсколько иначе представляютъ дѣло творенія міра [2]. Богъ сталъ творить міръ, гдѣ бы могли жить люди, говоритъ сказаніе. Богъ ужъ устроилъ море,—оставалось только насѣять землю. Является къ Богу дьяволъ и говоритъ: „ты, Господи, все творишь: весь міръ сотворилъ, океанъ—море напустилъ; дай мнѣ хоть землю насѣять. Опускается на дно моря за пескомъ. Но достать песку не можетъ. Только уже когда въ третій разъ дьяволъ опустился въ море, Господь дозволилъ ему вынуть изъ воды одну песчиночку. Богъ изъ одной песчиночки и насѣялъ землю съ ея тварями, лѣсами и всѣми угодьями. Послѣ того и говоритъ дьяволъ Господу: „будемъ съ тобой, Господи, братьями родными,—ты будешь меньшой братъ, а я большой", Господь усмѣхнулся. Дьяволъ соглашается признать Господа равнымъ братомъ. Но Господь, вмѣсто разсужденій, предлагаетъ дьяволу

(1) Слово св. отецъ о постѣ Прав. Соб. 1858, I, 154.

(2) Поэт. воззр. слав. на прир. Афан. II, 462.

помѣряться съ нимъ силами. Дьяволъ, въ сравненіи съ Богомъ, оказывается совершенно безсильнымъ. „Люди, да еще святые люди, замѣчаетъ разсказъ, нарицаются сыны Божіи, а лукавый хотѣлъ къ Господу въ братья залѣсть“ (1). Въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ еще иначе передается процессъ творенія. Богъ начинаетъ творить міръ послѣ совѣта съ Сатанаиломъ. Рѣшившись создать міръ, Богъ велитъ Сатанаилу опуститься въ воду и взять горсть песку, — но только подъ условіемъ—„во имя Господне“. А Сатанаилъ хочетъ схитрить. Беретъ песокъ и говоритъ: „беру тебя, земля, на имя Господне и свое“. Вытащить песку Сатанаилъ не можетъ. Вода размываетъ песокъ въ рукѣ. Только уже въ третій разъ, когда Сатанаилъ сказалъ, что онъ беретъ землю „на имя Господне“, онъ вытаскиваетъ горсть песку наверхъ. Изъ принесеннаго песку Господь устраиваетъ землю, землю хорошую, гладкую; но Сатанаилъ начинаетъ плевать на нее: гдѣ онъ плюетъ, тамъ выростаетъ гора и скала. Оттого-то земля и неровна. Горы эти стали рости. И если бы ихъ не закляли Петръ и Павелъ, Богъ знаетъ, до чего бы онѣ поднялись (2).

Что касается творенія человѣка, то народное представленіе о твореніи человѣка также изукрашено вымыслами. Въ одномъ малорусскомъ сказаніи твореніе человѣка представляется такимъ образомъ. Богъ сначала создалъ Адама. Видя потребность Адама въ подобномъ ему существѣ, Богъ научаетъ его, бросая назадъ камни, создать дьявола и потомъ Еву. Первый человѣкъ, не предполагая вреда отъ дьяволовъ, натворилъ ихъ множество (3). Въ другихъ сказаніяхъ дѣло представляется иначе. Создавъ тѣло человѣка, Богъ

(1) Лѣт. рус. лит. Рус. нар. пѣсни Буслаева отд. II, 100. Ист. оч. нар. слов. стр. 437.

(2) Малор. нар. пред. Драгом. 91.

(3) ibid. 92.

ушелъ, а къ дверямъ рая приставилъ собаку, звѣря чистаго, чтобъ не пускала дьявола. Дьяволъ, по однимъ сказаніямъ, бросивъ собакѣ кусокъ хлѣба, по другимъ— пообѣщавъ ей шерсти, такъ какъ до сей поры шерсти на ней не было,—нашелъ доступъ въ рай: собака пропустила его. Лукавый, увидавъ тѣло человѣка, возьми да и оплюй его! Всего оплевалъ, — остались неоплеванными только голова, части, покрытыя волосами (напр. борода), да оконечности пальцевъ на рукахъ и ногахъ (а по другимъ сказаніямъ, и ничего не осталось неоплеваннымъ, начиная съ головы и кончая послѣднимъ мизинцемъ на лѣвой ногѣ). Затѣмъ дьяволъ оплевалъ человѣка, чтобъ его сдѣлать немощнымъ. А Богъ вначалѣ создалъ человѣка здоровымъ и совсѣмъ неуязвимымъ. Приходитъ въ рай Богъ, видитъ—человѣкъ оплеванъ дьяволомъ. Что дѣлать? Богъ взялъ да и выворотилъ тѣло человѣка! Поэтому то все дурное— харкотина, кишки слизистыя, слюни и проч. находятся внутри человѣка. Изнутри человѣка происходятъ скорби, болѣзни, злые помыслы, похоть и т. п. Покончивъ съ тѣломъ, Богъ вложилъ въ человѣка душу (¹). Твореніе Богомъ жены, наряду съ вышеуказаннымъ, представляется иногда похожимъ на библейское сказаніе. Разсказывается, что Богъ послалъ на перваго человѣка сонъ, во время сна „выломалъ" у него лѣвое ребро, а изъ того ребра „сталася жінка" (²). Народныя сказанія о твореніи міра носятъ дуалистическій характеръ. Подобный разсказъ о твореніи міра встрѣчается въ апокрифической статьѣ „свитокъ божественныхъ книгъ", составившейся подъ вліяніемъ „вопросовъ Іоанна Богослова", въ которыхъ особенно рѣзко выразилось богомильское ученіе (³). Въ „свиткѣ"

(¹) Истор. очерк. русск. нар. слов, Буслаев, I, 438, Лѣт. рус. лит. «русск. нар. пѣсни I, 101. Зап. Имп. Георг. об. II, 38—39.

(²) Мал. нар. пред. Драгом. 92.

(³) Апокриф. сказ. о ветхозав. лицахъ и событіяхъ, Изслѣд. И. Я. Порф. 129—131.

разсказывается, что Богъ сидѣлъ сначала въ трехъ камерахъ на воздусѣхъ, и отъ лица его былъ свѣтъ „семьдесятъ седмерицею“ свѣтлѣе сего свѣта. Тогда не было еще ни неба, ни земли, ни моря, ни облаковъ, ни звѣздъ, ни дня, ни ночи. И вотъ Богъ создаетъ словомъ небо, облака, звѣзды, дуновеніемъ вѣтръ. Потомъ Богъ насаждаетъ рай. Затѣмъ создаетъ Тиверіадское море, безбрежное. „И сниде на море по воздуху... и видѣ на морѣ гоголя плавающа, а той есть рекомый сатана заплелся въ тинѣ морской. И рече Господь Сатанаилу аки не вѣдая его: ты кто еси за человѣкъ? И рече ему сатана: азъ есмь богъ.—А мене како нарещи? Отвѣчавъ сатана: ты Богъ богомъ и Господь господомъ. Аще бы сатана не рекъ Богу такъ, тутъ же бы сокрушилъ его Господь на морѣ Тиверіадскомъ. И рече Господь Сатанаилу: понырни въ море и вынеси мнѣ песку и кремень. И взявъ Господъ песку и кремень и разсѣя по морю и глаголя: буди земля толста и пространна!“ Потомъ разсказывается, что Богъ переломилъ на двое камень и изъ одной половины натворилъ ангеловъ. Сатана, съ своей стороны, изъ другой половины камня натворилъ бѣсовъ, которые сначала составляли десятый чинъ. Когда Сатанаилъ съ подчиненными бѣсами возгордился, между воинствами ангеловъ и бѣсовъ произошла битва. Михаилъ архангелъ свергнулъ бѣсовъ съ неба (1). Подобныя сказанія въ письменныхъ памятникахъ, давая матеріалъ для фантазіи народа, естественно вели къ тому, что народъ самъ еще болѣе разукрашивалъ ихъ. Но тѣмъ не менѣе, твореніе міра, по крайней мѣрѣ, всего лучшаго въ мірѣ приписывается одному Богу.

---

(1) Аѳан. «Поэтич. воззр.» II, 443. Ист. оч. нар. слов. Бусл. I, 615—618.

II.

НАРОДНЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ОБЪ ІИСУСѢ ХРИСТѢ.

Показавъ происхожденіе христіанскаго понятія о Богѣ подъ вліяніемъ древне-русской церковной письменности мы переходимъ къ вопросу о представленіи русскимъ народомъ лица Спасителя и Его дѣла, совершеннаго на землѣ.

Въ памятникахъ народнаго творчества лице І. Христа рисуется двояко: то въ видѣ Страдальца, рѣшившагося для спасенія людей умереть мучительною смертію на крестѣ, то въ видѣ Владыки міра, которому повинуются силы ангельскія и демонскія, которому послушны солнце, луна и звѣзды, громъ и молнія, море и земля, отъ котораго зависитъ жизнь и смерть царствъ растительнаго и животнаго, жизнь, смерть и счастіе человѣка. Крестная заслуга Спасителя изображается преимущественно въ духовныхъ стихахъ, а могущество и власть надъ міромъ—въ заговорахъ.

Въ заговорахъ, противъ чего бы они направлены ни были: противъ нечистой силы, противъ болѣзней, на подходъ ко властямъ и т. д., почти постоянно можно встрѣтить призываніе имени Христа (1). Въ духовныхъ же

(1) Какъ Владыка видимаго міра, І. Христосъ призывается на помощь: при охотѣ на звѣрей (Труды эт. отд. общ. ест. V. 2. вып. 169. 170. 183.), при охотѣ на птицъ (Ibid. 183. № 45. 184), при рыбной ловлѣ (Ibid. 180 № 28), при болѣзняхъ скота (Ibid. 176 № 18, 192. 175). Какъ Врачъ и Цѣлитель болѣзней, І. Христосъ помогаетъ отъ кро-

стихахъ мы встрѣтимъ разсказы о рожденіи І. Христа, и о жизни Его, и о страданіяхъ, и смерти, и воскресеніи, и вознесеніи Его на небо. Кромѣ того, среди духовныхъ стиховъ мы найдемъ цѣлый циклъ пѣсенъ о страшномъ судѣ, на которомъ Господь І. Христосъ будетъ Судіею.

Какъ же народъ усвоилъ ученіе о жизни Спасителя и какъ онъ понялъ лице І. Христа? Цѣль вочеловѣченія І. Христа и Его крестная заслуга въ православной церкви выражается въ символѣ вѣры, который поётся каждую литургію. Въ символѣ вѣры говорится: „Вѣрую... въ Единаго Господа І. Христа, Сына Божія, Единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго... насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ, и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчшася. И распятаго за ны при Понтійстемъ Пилатѣ, и страдавша, и погребенна, и воскресшаго въ третій день по Писаніемъ, и восшедшаго на небеса, и сѣдящаго одесную Отца, и паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Его же царствію не будетъ конца“.

Здѣсь краткое, но точное изложеніе христіанскихъ истинъ о Христѣ и Его дѣлѣ. Болѣе полное раскрытіе этихъ истинъ русскій народъ слышалъ въ евангельскихъ и апостольскихъ чтеніяхъ, пареміяхъ, церковныхъ пѣсняхъ, поученіяхъ, житіяхъ и т. п. Всюду цѣлью вочеловѣченія І. Христа и Его страданій представляется спасеніе падшаго человѣка, искупленіе его

вавыхъ ранъ (Ibid. V. 2. 213. № 71; 214. № 77; 219, № 103; Зап. И. Г. Общ. II 484; 216 № 503), отъ окушенія змѣи (Зап. Г. Г. общ. II, 490), отъ лихорадки (Тр. эт. от. общ ест. V, 2, 208); по стиху «12 пятницъ» отъ всякой болѣзни (Кал. пер. 6 вып. 132), въ частности отъ зубной боли (Ibid. 121), отъ трясавицы (139. 129. 122. 145). отъ всѣхъ грѣховъ, какъ причины болѣзней (132) и т. п. А насколько Христосъ представляется сильнымъ, можно судить по слѣдующему мѣсту одного заговора: «какъ на истиннаго небеснаго Христа никто не можетъ злой думы думать и мысли мыслить, ни зло творить... такъ бы...» и пр. (Этн. отд. общ. ест. V. 2. 155.

отъ грѣха. Народъ хотя, быть можетъ, и не глубоко понимаетъ крестную заслугу Искупителя, но тѣмъ не менѣе онъ дошелъ до сознанія, что І. Христосъ родился „насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія". Народъ усвоилъ библейское ученіе о паденіи человѣка, воспринялъ также ученіе о необходимости крестной жертвы І. Христа. Когда мы будемъ выяснять народное воззрѣніе на человѣка, коснемся и его грѣховности; а теперь просто укажемъ на „плачъ Адама", гдѣ народъ, въ лицѣ своего праотца (Адама), исповѣдуетъ свою грѣховность.

„Расплакался Адамъ
Передъ раемъ стоя:
Рай ты, мой рай,
Пресвѣтлый мой рай!
Мене ради, Адама,
Сотворенъ, строенъ,
Мене ради, Адама,
Рай заключили;
Ева согрѣшила,
Адама прельстила,
Весь родъ нашъ отгнала
Отъ раю святаго,
Себе помрачила,
Во тьму погрузила" (¹).

Выходъ изъ такого бѣдственнаго положенія—рожденіе и крестная заслуга Спасителя. Въ томъ же „Адамовомъ плачѣ" мы находимъ указаніе на цѣль явленія І. Христа на землю.

„Христосъ Богъ родится,
Въ Ердани крестится,
Весь міръ возновится,
Адамъ свободится" (²).

(¹) Кал. перех. 6 в. 292.
(²) ibid 290.

Иногда дѣло Христа представляется въ „плачѣ Адама", какъ уже совершившійся фактъ.

„Господь народился,—
Адамъ свободился,
Во Іорданѣ крестился,—
Весь міръ обновился" (¹).

Еще яснѣе обрисовывается крестная заслуга Спасителя и цѣль Его пришествія на землю въ стихахъ на „рожденіе Христа" и о страшномъ судѣ.

„Христосъ родывся,
Тварь веселися!
Спасеніе открылось намъ,
Богъ зъ чоловикомъ помырывся,
Прощенъ нашъ праотецъ Адамъ" (²).

На страшномъ судѣ І. Христосъ, отсылая грѣшниковъ во адъ, напоминаетъ грѣшникамъ о совершенномъ Имъ дѣлѣ спасенія.

„Я Самъ былъ отъ дѣвы Божіей рожденный,
Азъ ко кресту пригвожденъ былъ,
Я два дни (³) за васъ былъ умершій,
Все ради вашего спасенья" (⁴).

Народъ, какъ видимъ изъ представленныхъ стиховъ, понялъ вѣрно цѣль вочеловѣченія Сына Божія Божія. *Врази бывше примирихомся Богу смертію Сына Его*, говоритъ Св. Апостолъ Павелъ, *множае паче примирившеся, спасемся въ животѣ его*: (Рим. 5, 10; под. 2 Кор. 5, 19; Еф. 2, 19) *Якоже о Адамѣ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ.* (1 Кор.

(¹) Кал. пер. VI. вып. 241. Подоби. смотр. 272 287.
(²) Кал. пер. 4, вып. 29 стр. Терещ. VII. 66.
(³) Въ иныхъ стихахъ «три дни».—Кал. пер. 5 вып. 80 и 81 стр.
(⁴) Кал. пер. 5 вып. 76 стр. 83. 84. 88.

15, 22.) *Предахъ бо вамъ испервa, яже и пріяхъ*, говоритъ тотъ же Апостолъ, *яко Христосъ умре грѣхъ нашихъ ради, по писаніемъ.* (1 Кор. 15, 3). Кромѣ этихъ мѣстъ Священнаго Писанія, народъ могъ слышать ученіе о цѣли вочеловѣченія и страданіяхъ Іисуса Христа особенно въ церковныхъ пѣсняхъ въ страстную недѣлю великаго поста и Рождество Христово, и въ поученіяхъ на эти же празднества. Что касается сказаній о рождествѣ І. Христа, Его жизни, крещеніи, страданіи, смерти, воскресеніи и вознесеніи на небо, то русскій народъ нѣсколько разъукрасилъ библейскія сказанія. Впрочемъ, наряду съ вымышленными сказаніями, въ произведеніяхъ народныхъ встрѣчаются сказанія, вполнѣ вѣрныя евангельскимъ. Въ евангеліи на Рождество разсказывается событіе и обстоятельства рожденія Спасителя. На первомъ часѣ въ навечеріи Рождества Христова читается евангельскій разсказъ, какъ Іосифъ, замѣтивъ, что Пресвятая Дѣва оказалась „имущею во чревѣ отъ Духа Свята“— „восхотѣ тай пустити ю“, и какъ ангелъ Господень, явившись Іосифу во снѣ, разъяснилъ ему его недоразумѣніе и указалъ величіе имѣющаго родиться отъ Дѣвы Сына ([1]). Народъ не обратилъ особеннаго вниманія на это евангеліе, онъ только замѣтилъ, что І. Христосъ родился отъ Дѣвы, тогда какъ другія евангелія, читаемыя въ праздникъ Рождества Христова, всецѣло вошли въ народныя произведенія. Въ евангеліи на 6-мъ часѣ и на утрени содержится повѣствованіе уже о рожденіи І. Христа. Въ немъ разсказывается, какъ Іосифъ, въ силу повелѣнія кесаря Августа сдѣлать перепись по землѣ, долженъ былъ изъ Назарета отправиться въ Виѳлеемъ,—передается, какъ Пресвятая Дѣва родила Спасителя и положила Его въ ясляхъ, какъ ангелы возвѣстили о рожденіи І. Христа пастухамъ, и тѣ явились въ вертепъ поклониться Госпо-

---

([1]) Матѳ. 2 зач; 1 гл. 18—25 ст.

ду (1). Въ евангеліи на 9-мъ часѣ и на литургіи передается разсказъ о поклоненіи І. Христу волхвовъ, повѣствуется о звѣздѣ, путеводившей волхвовъ, о дарахъ, какіе принесли они Господу и о злоумышленіи Ирода (2). Что касается содержанія апостольскихъ чтеній на Рождество, то въ нихъ выясняется Божественная природа І. Христа, отношеніе Спасителя къ Отцу и къ міру, отношеніе ветхозавѣтнаго закона къ новозавѣтному (3). Въ пареміяхъ содержатся ветхозавѣтныя пророчества объ І. Христѣ, Его рожденіи отъ Дѣвы въ Виѳлеемѣ, происхожденіи отъ Іакова, — дѣлѣ спасенія и примиренія людей чрезъ Него съ Богомъ. Въ церковныхъ пѣсняхъ многократно повторяются библейскія сказанія о рожденіи Спасителя. Проповѣдники также не упускали случая выяснить народу лице Христа и передавать евангельскіе разсказы о Его рожденіи и жизни. Въ великихъ минеяхъ четіяхъ митрополита Макарія находится до 12-ти словъ и поученій на Рождество Христово.

Посмотримъ: что же изъ этихъ источниковъ заимствовалъ народъ и въ какомъ видѣ представилъ заимствованное въ духовныхъ стихахъ и легендахъ о жизни Спасителя? Въ извѣстномъ „снѣ Богородицы“ Божія Матерь, разсказывая о своемъ снѣ, въ пророчественномъ видѣ передаетъ событіе рожденія Спасителя. Она говоритъ про себя:

---

(1) Матѳ. 3 зач.; 2, 1—12. ст.

(2) Матѳ. 4 зач.; 2 гл. 13—23 ст.

(3) Мы не разсказываемъ полнаго содержанія, укажемъ только, что апостолъ на 1-мъ часѣ въ навечеріи Рождества — 303 е зачало, т. е. первые 10-ть стиховъ 1 й главы посланія Апостола Павла къ Евреямъ на 3-мъ часѣ 208-е зачало — изъ посланія къ Галатамъ 13-ей гл. съ 32—28 ст.); на 6-мъ 304-е зачало—изъ посланія къ Евреямъ (1 гл. 11—14 ст.), на 9-мъ 306-е (изъ того же посланія къ Евреямъ — 2-й гл. 11—18 ст.), на литургіи 209 е зачало (изъ посланія Ап. Павла къ Галатамъ 4 гл. 4—7 ст.).

Кабы сына Божьяго спородила,
Отъ Святаго Духа загодила (получила),
Во тѣ пелены спеленала,
Шелковыи поясы свивала,
Въ рѣкѣ въ Іордани искупала" (1).

Въ стихахъ о „рождествѣ Христовомъ" уже полнѣе рисуется исторія рожденія Спасителя.

„Въ городѣ во Виѳлеемѣ" говорится въ народномъ стихѣ,

Со вечера звѣзда восходила,
Со полуночи возсіяла;
Что Пречиста Голубица
Что Христа Бога породила,
И во пелены спеленала,
И во ясли Христа Бога полагала (2).

Далѣе разсказывается въ стихахъ о поклоненіи родившемуся Божественному Младенцу пастуховъ и волхвовъ.

„Пастухи съ ягненкомъ
Съ (предъ) молодымъ дѣтенкомъ
На колѣни упадали,
Христа прославляли.
А и царь Давидъ
Во всѣ струны ударялъ,
Христа прославлялъ" (3).

Дѣтски—наивно представляется рожденіе І. Христа и поклоненіе ему пастуховъ въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ стихахъ.

Обстановка, въ которой находится новорожденный, рисуется въ самомъ бѣдномъ видѣ. Божья Матерь кладетъ Іисуса въ ясли и приговариваетъ:

---

(1) Кал. пер. 6 вып. 180 стр.
(2) Кал. пер. 4 вып. 18 стр.
(3) Кал. пер. 4 вып. 20 23 стр.

„Ляжы, ляжы, Езу малюсеньки,
Древо зимне (холодно), а самъ нагусеньки
Зняла серпяночекъ зъ головы,
Стеле постель Пану Езусови“ (¹).

Приводимъ еще другой стихъ, гдѣ представляется приходъ пастырей въ вертепъ:

„Ажъ тамъ лежить царь богаты
Ни въ палацу, ни въ хати:
Нѣма сѣньца подъ реберца,
Полотенца—ни рубца;
Зъ одного боку—быдлячекъ (воликъ),
А съ другаго—ослячокъ;
Огрѣваютъ Христа Бога,
И хухаютъ яко мога“,

Т. е. дышутъ сколько можно, чтобъ согрѣть Его (²). Такимъ же наивнымъ характеромъ отличаются малорусскіе и бѣлорусскіе стихи о поклоненіи І. Христу волхвовъ. Когда Господу волхвы принесли „честные дары“, то—по сказанію бѣлорусскаго стиха—„принималъ Милосердной, Самъ заплакалъ“ (³). Какъ примѣръ изображенія библейскаго событія въ обыденныхъ чертахъ русской жизни, мы приводимъ слѣдующій малорусскій стихъ:

„А тріе цари
Принеслы дары
Христу, ажъ видъ востока:
Тутъ ихъ поклалы
И поздоровлялы
По письменьски-зъ высока!
Исько (Іосифъ) старенькій
Бувъ имъ раденькій,
Гостынцы попрыймавъ:
Сидайте жъ у насъ,

(¹) Кал. пер. 4 вып. 31—32 стр.
(²) Кал. Пер. 4 вып. 37 стр.
(³) Кал. пер. 4 вып. 20 стр.

Мы почастуемъ (угостимъ) васъ,
Чимъ Богъ намъ давъ:
Та якъ пиднисъ имъ
По каганцю сивухи
И по кухлю варенухы:
Якъ хлеснулы,
Такъ и поснулы,
И Иско свитло погасывъ" (¹).

Далѣе въ стихѣ разсказывается, какъ ангелъ Божій приказываетъ волхвамъ не возвращаться уже къ Ироду. Въ великорусскихъ стихахъ картина поклоненія волхвовъ І. Христу описывается въ болѣе строгомъ видѣ и приближается къ евангельскому изображенію, хотя расширяется рѣчью Спасителя. Когда волхвы поднесли І. Христу въ даръ „злато и ливаны" Онъ отвѣчаетъ имъ:

„Мнѣ не дороги ваши дары,
А Мнѣ дороги ваши души,
А Я буду Богъ надъ богами,
А Я буду Царь надъ царями,
А Я выберу себѣ апостоловъ,
А Я дамъ-то имъ свою печать,
А Я дамъ-то имъ свое крещеніе,
Разошлю ихъ по всѣмъ странамъ;
Кто пріемлетъ ихъ, той спасется,
А не пріимлетъ ихъ, мучиться будетъ" (²).

Посольство апостоловъ на проповѣдь совершилось черезъ 30-ть слишкомъ лѣтъ послѣ рожденія І. Христа, а право крестить дано апостоламъ уже послѣ воскресенія Спасителя; но народъ сказаніе о посольствѣ на проповѣдь апостоловъ влагаетъ, какъ пророчество, уже въ уста младенца Іисуса. Рядомъ со сказаніемъ о поклоненіи І. Христу волхвовъ, идетъ раз-

(¹) Кал. пер. 4 вып. 27 28 стр. Сравн. Терещ. VII, 68—69.
(²) Кал. пер. 4 в. 18 стр.

сказъ о коварномъ замыслѣ противъ Него Ирода и объ избіеніи младенцевъ. Иродъ, узнавъ отъ волхвовъ о рожденіи Спасителя, проситъ ихъ извѣстить его, когда они отыщутъ чуднаго Младенца. Но, наученные ангеломъ, волхвы при возвращеніи домой, не зашли къ Ироду ([1]). Узнавъ обманъ волхвовъ, по сказанію стиха,—

„Иродь царь возмущается:
Не хощетъ онъ Бога видѣти
И Божьей славы слышати.
Послалъ Иродъ царь посланниковъ
Побить младенцевъ сущіихъ
Отъ двухъ годовъ и полутору.
Побилъ онъ младенцевъ сущіихъ
Три тьмы и двѣ тысячи,
Сотворилъ онъ плачъ въ Виѳлеемѣ градѣ.
Возрыдали младенцы сущія,
Речетъ Господь къ нимъ:
Подите, младенцы, къ Богу въ рай,
Ко святому Авраамію, отцу праведному",—

или по другимъ стихамъ:

„Подите вы... во царствіе во небесное,
За ту за смерть, за напрасную,
Ко святому Авраамію,
Ко Исааку, ко Іакову" ([2]).

Краткое евангельское повѣствованіе о преслѣдованіи І. Христа Иродомъ вызвало не мало легендарныхъ сказаній въ народѣ. Извѣстный раскольническій стихъ объ „аллилуіевой женѣ" основаніемъ имѣетъ библейское сказаніе о бѣгствѣ І. Христа въ Египетъ, но представляетъ это бѣгство въ искаженномъ, вымышленномъ видѣ. Бѣгство Спасителя во Египетъ — по Евангелію—было вызвано преслѣдованіемъ Ирода. На-

([1]) Варенц. 47, 48.
([2]) ibidem.

родъ хотя указываетъ и на преслѣдованіе Христа Иродомъ, но рядомъ ставитъ и ненависть іудеевъ, которая—по Евангелію—возникла уже послѣ проповѣди Спасителя.

„Врази окаянные, супостаты
Свѣдали Христово нахожденье,
Захотѣли Христа Бога поймати,
Да на разныя муки предати;
Злодѣи ко граду приступили,
Начали младенцевъ загубляти,
Побили младенцевъ сорокъ тысячь
Отъ двухъ лѣтъ до полутору году" (¹).

Божія Матерь хочетъ сохранить І. Христа,—бѣжитъ изъ города. Идетъ Божія Матерь полемъ и предчувствуетъ за собою погоню. Попадается Ей на встрѣчу селянинъ,—пшеницу сѣетъ. Сообщивъ селянину, что за нею будетъ погоня, Она проситъ его сказать жидамъ время, когда Она проходила, указавъ на свою работу (т. е. сѣяніе). Лишь только Божія Матерь ушла,—пшеница поспѣла и сѣявшій поселянинъ долженъ былъ жать ее. Являются жиды. На вопросъ послѣднихъ: не проходила ли тутъ Дѣва? — поселянинъ отвѣчаетъ:

„Коли я ту оравъ, пшеничейку сѣявъ,
А теперь уже я пшеничейку зажавъ" (²).

Жиды такимъ образомъ обмануты (имъ представляется, что Дѣва проходила давно),—и Христосъ спасенъ. Въ упомянутомъ уже стихѣ о „милосердной" или объ „аллилуіевой женѣ" бѣгство Христа раскрашивается такимъ вымысломъ. По однимъ стихамъ Пресвятая Дѣва, по другимъ — Самъ І. Христосъ просятъ милостивую жену бросить своего младенца въ печь и взять на руки Господа.

(¹) Кал. пер. 4 вып. 121. под. 126, 127, 137.

(²) Кал. пер. 4 вып. 117.

„Милостивая жена, милосердая!
Брось своего сына въ печь, во пламя,
Прими Христа на руцѣ,
Наслѣдай себѣ царствіе небесное!"
Милостивая жена перекрестилась,
Господне слово возлюбила" (1).

Въ стихѣ представляется, что милостивая жена въ то время, какъ явились Іисусъ съ Марією, топила печь и на рукахъ держала своего младенца. Милостивая жена представляется христіанской. Просьбу Господа она исполняетъ безпрекословно и даже перекрестившись. Народъ не домекнулъ еще, что крестъ во время бѣгства Христа отъ Ирода не могъ существовать. На вопросъ жидовъ: „куда она Христа Бога дѣвала, куда Его схороняла"?—милостивая жена притворяется незнающей Христа.

„Я сама Христа Бога не знаю:
Куда мнѣ Его дѣвати,
Куда схороняти?
На пути, на дорогѣ младенца поймала,
Въ огонь-пламя бросила" (2).

Жиды осмотрѣли печь и дѣйствительно въ пламени замѣтили младенца. Жиды обрадовались, „скакали—плясали",—но скоро они провалились въ наказаніе за это (3). Въ иныхъ же стихахъ дѣлается такое добавленіе:

„И скоро пѣтухи вскричали:
Жидове тутъ пропали" (4).

Между тѣмъ милостивая жена держала Христа на рукахъ, какъ своего сына. Только она—замѣчаетъ стихъ—

(1) Кал. перех. 4 вып. 122 под. 124.
(2) Кал. пер. 4 вып. 124.
(3) Кал. пер. 4 вып. 122. 129, 131.
(4) Кал. пер. 4 вып. 134.

Не могла Христа Бога содержать,
На Его на свѣтлость наглядѣться:
Не стало Христа у ней на руч(к)ахъ...
Онъ невидимо съ рукъ—съ колѣнъ стекаетъ (¹).

Горюя, что она и Христа потеряла, и сына лишилась, милостивая жена пошла къ печи, „желѣзныя подпоры отпирала, мѣдныи заслоны отслоняла“,—и что же видитъ?

„По Божьему суду—изволенью,
Въ пламени травушка выростала,
Лазоревы цвѣты разцвѣтаютъ,
Молоденецъ по печи гуляетъ,
Святой Евангель читаетъ,
Ангелъ младенца утѣшаетъ“ (²).

По другимъ стихамъ—такъ даже „зеленъ садъ выростаетъ“ въ пламени, „райскія пташки въ саду распѣваютъ“. Видя такое чудо,

„Милосливая жена перекрестилась:
Премудръ Господь, Сынъ Божій,
Премудра твоя небесная сила“ (³).

Мы уже видѣли, что, избитые Иродомъ, младенцы получили въ награду за „смерть напрасную“ „царствіе небесное“. Точно также не осталась безъ награды и милостивая жена. За спасеніе Христа,

„Она перва въ раю пребываетъ“ (⁴).

Въ иныхъ стихахъ представляется, что милостивая жена, какъ мать, не можетъ подавить въ себѣ жалости къ своему сыну,—и І. Христосъ утѣшаетъ ее:

(¹) Кал. пер. 4 вып. 120 и 123 стр.
(²) Ibid.—120, 118, 125, 136, 138 стр.
(³) Ibidem—130 и 123.
(⁴) Ibid.—121.

„За эти тебѣ за слезы
Да будетъ рѣка медовая!
За эти тебѣ за рыданія
Да будетъ тебѣ вѣчное радованіе".

Въ представленныхъ стихахъ о спасеніи I. Христа милостивою женою, какъ видимъ, содержится чистый вымыселъ. Но вымыселъ этотъ носитъ симпатичныя черты. Народъ не можетъ примириться съ опасностію, которой подвергался Христосъ. Онъ выдумываетъ средства спасти I. Христа. По его представленію, каждая женщина, которая бы могла спасти Христа, даже съ самою тяжелою жертвою для себя, должна принять на себя это дѣло. И милостивая жена (не даромъ же милостивою названа!) жертвуетъ своимъ сыномъ, чтобъ спасти отъ преждевременной смерти Сына Божія. Но если можно примириться съ приведенными стихами о бѣгствѣ Спасителя и сохраненіи Его у милосердной жены, то совершенно непріятное и отталкивающее впечатлѣніе производитъ этотъ разсказъ въ стихахъ секты раскольнической глухой нѣтовщины. Въ стихѣ объ аллилуіевой женѣ, у этой секты проводится догматъ самосожигательства. Въ приведенныхъ нами стихахъ сожженіе младенца милостивой жены вызывается необходимостію,—и является, какъ единичный фактъ,—а съ другой стороны, это ни больше, какъ мистификація жидовъ: младенецъ, брошенный въ печь, остается живъ. Въ стихахъ же глухой нѣтовщины въ уста I. Христа вложена рѣчь, гдѣ Онъ проповѣдуетъ самосожигательство.

„Какъ возговоритъ аллилуіевой женѣ
Христосъ Царь небесный:
Охъ ты гой еси, аллилуіева жена милосердая,
Ты скажи мою волю всѣмъ моимъ людямъ,
Всѣмъ православнымъ христіанамъ,
Чтобъ ради меня въ огонь бросалисѣ
И кидали-бы туда младенцевъ безгрѣшныхъ,
Пострадали-бы всѣ за имя Христа—свѣта,
Не давались-бы въ прелесть хищнаго волка,

Хищнаго волка, антихриста злаго,
Что антихристъ на землѣ взялъ силу большую,
Погубитъ во всемъ свѣтѣ вѣру Христову,
Поставитъ свою злую церковь?
Онъ брады брить всѣмъ повелѣваетъ,
Креститься щепотью всѣмъ завѣщаетъ,
Мою вѣру Христову хочетъ искоренити" (¹).

Вообразивъ, что наступаютъ времена пришествія антихриста, нѣтовцы и воспользовались стихомъ для проведенія догмата самосожженія, какъ средства избѣжать „прелести хищнаго волка"—антихриста.

Въ изображеніи обстоятельствъ рожденія І. Христа, какъ видимъ, народъ русскій допускаетъ не мало произвола, обставляетъ такими подробностями, которыя не имѣютъ для себя основанія въ Евангеліи. Впрочемъ, нѣкоторыя подробности, какъ напр., снятіе съ головы платка, чтобы завернуть въ него младенца, отогрѣваніе младенца волами, угощеніе волхвовъ должны были возникнуть сами собою: потому что это самыя обыденныя и самыя знакомыя народу картины убогой обстановки, въ которой можетъ находиться младенецъ бѣдныхъ родителей. На бѣдной обстановкѣ, въ которой находился І. Христосъ, народу тѣмъ естественнѣе было остановиться, что и проповѣдники любили оттѣнить замѣчаемое здѣсь уничиженіе Спасителя. Что касается замѣчанія, будто при рожденіи І. Христа Давидъ ударилъ въ струны и пѣлъ псалмы, то это вѣроятно произошло отъ того, что пѣснь ангеловъ: „слава въ вышнихъ Богу" напоминаетъ собою хвалебные псалмы Давида. Не малую роль въ сказаніяхъ о младенчествѣ І. Христа играетъ жена аллилуіева. Образъ жены аллилуіевой, намъ кажется, составился подъ вліяніемъ апокрифическаго сказанія о еврeянкѣ, которая, по повелѣнію Божію, должна была явиться въ вертепъ и которую встрѣчаетъ Іосифъ, отправив-

---

(¹) Сборн. Кирѣев. XIV ст., стр. 194—195; Варенц. 176 стр.

шись за бабкой для Пресвятой Богородицы (1). Это сказаніе со временемъ было обставлено подробностями и употреблено было для пропаганды раскольническихъ ученій.

Теперь переходимъ къ изображенію народнаго воззрѣнія на крещеніе Господне. — На дѣло своего служенія І. Христосъ выступилъ 30-ти лѣтъ, — послѣ своего крещенія во Іорданѣ отъ Іоанна. Разсказъ о крещеніи Господа передается въ евангеліяхъ, читаемыхъ на праздникъ Крещенія. Въ первомъ часѣ — изъ „послѣдованія часовъ пѣваемыхъ въ навечеріи просвѣщенія“ читается евангеліе о проповѣди Іоанна Крестителя въ пустынѣ (2), гдѣ онъ указываетъ пророчески на „грядущаго Искупителя“. На третьемъ часѣ читается первое зачало отъ Марка (3), гдѣ также разсказывается о проповѣди Крестителя и указывается различіе между Іоанновымъ крещеніемъ и крещеніемъ Христа. На шестомъ часѣ и на литургіи читается зачало 6-ое отъ Матөея (4), гдѣ передается уже самое событіе крещенія. На утрени и на девятомъ часѣ также читается по 2-му зачалу отъ Марка (5) разсказъ о крещеніи Христа. Въ апостолахъ (6) говорится о значеніи крещенія, о ветхозавѣтныхъ преобразованіяхъ этого таинства, о благодати, ниспосылаемой въ таинствѣ крещенія. Кромѣ того, источниками, откуда народъ могъ заимствовать свои свѣдѣнія о крещеніи Господнемъ, могли быть церковныя пѣсни, проповѣди (7), путешествія во Іерусалимъ. Если мы

(1) Мин. чет. Митр. Макар. изд. арх. коммис. 8 сент. 360 стр.

(2) Зач. 5-е отъ Матө. 3, 1—12.

(3) 1 гл. 1—7 ст.

(4) 3 гл. 13—17 ст.

(5) 1 гл. 8—15 ст.

(6) На 1-мъ часѣ 33-е зачало. Дѣян. 13 г. 25 ст. и д.; на 3-мъ часѣ—42-е зачало. Дѣян. 19 гл.; на 6-мъ часѣ 91-е зачало. Посл. къ Римл. 6 гл. 3—10 ст.; на 9-мъ и на литург. 302-е зачало.

(7) Въ Мин. четіихъ митр. Мак. до 14 словъ и поученій на день Крещенія Господня.

сравнимъ народныя сказанія о крещеніи І. Христа съ евангельскимъ сказаніемъ, то увидимъ, что народъ иначе представляетъ крещеніе, чѣмъ оно изображается въ Евангеліи. Крещеніе Спасителя народъ изображаетъ въ томъ же видѣ, въ какомъ оно совершается надъ дѣтьми, при чемъ представляетъ около крещаемаго Господа цѣлое воинство ангеловъ. Когда І. Христосъ родился, Божія Матерь,—разсказывается во „снѣ Богородицы",—

„Во тѣ пелены спеленала,
Шелковыи поясы свивала,
Въ рѣки во Іордани искупала,
Крестилъ же Иванъ, Божій Креститель,
Иванъ Богословъ принимаетъ" (¹).

Въ болѣе полныхъ редакціяхъ „сна Богородицы" представляется, что крещеніе Христа совершается ангелами и попами.

„Зійшлися къ ий сорокъ ангеливъ,
Сорокъ ангеливъ, дванайцять попивъ,
Взяли сыной на Ардань рѣку,
На Ардань рѣку, го охрестили.
Стали они тамъ книги читати,
Книги читати, имья гледати,
Имья гледати Сына Божьяго.
Имъянуймо го та святымъ Петромъ.
Божія Мати то незлюбила,
То незлюбила и не дозволила".

Также Божія Матерь не дозволила наречь Христа „святымъ Павломъ", а согласилась назвать „паномъ небеснымъ". По другимъ варіантамъ—предлагали Божіей Матери имя „Иліи", „святаго Петра", а Она согласилась дать Спасителю имя „Іисуса Христа" (²).

(¹) Кал. пер. 6 вып. 180 стр.; подоб. Труды этн. отд. общ. естест. V кн. 2-й вып. 39 стр.

(²) Кал. пер. 4 вып. 40 стр., подобн. Варенц 242.

Кромѣ нареченія имени въ нѣкоторыхъ стихахъ прибавляются и имена кумовъ.

„Свента Марья сына уродила,
Была кумою святая Анна, (¹).
Крестилъ же Иванъ, Божій Креститель,
Иванъ Богословъ принимаетъ“ (²).

Въ стихѣ о„ двѣнадцати пятницахъ“ двѣнадцатою считается пятница предъ Крещеніемъ. Въ стихѣ о пятницахъ, обыкновенно, представляется основаніе, почему слѣдуетъ чтить ту, или другую пятницу.

Пятницу предъ Крещеніемъ — говоритъ стихъ — слѣдуетъ потому почитать, что

„Въ тую великую пятницу
Окрестился Самъ Исусъ Христосъ,
Во святой рѣкѣ, Іорданѣ,
Со Ильею со небеснымъ,
Со святымъ со Іоанномъ Крестителемъ“ (³).

Въ „голубинной книгѣ“ Іорданъ называется матерью всѣхъ рѣкъ. На вопросъ: почему „Іорданъ всѣмъ рѣкамъ мати“—дается отвѣтъ:

„Окрестился въ ней самъ Исусъ Христосъ
Со силою небесною,
Со ангелами, со архангелами,
Со Іоанномъ свѣтомъ, со Крестителемъ.(⁴).

Изъ приведенныхъ нами стиховъ оказывается, что народъ, во первыхъ, представляетъ крещающагося Іисуса младенцемъ и описываетъ актъ крещенія не въ евангельскихъ чертахъ, а въ томъ видѣ, въ какомъ совершается крещеніе дѣтей въ храмѣ.

(¹) Кал. пер. 4 вып. 39 стр.

(²) Кал. пер. 6 вып. 180 стр.

(³) Кал. пер. 6 вып. 120 — 123, подоб. 124. 134. 137, 147, 152 стр

(⁴) Кал. пер. 2 вып. 303 стр.

Въ стихахъ изображается на ряду съ крещеніемъ и нареченіе имени. Къ сказанію о крещеніи I. Христа народъ, кажется, примѣшалъ евангельскій разсказъ о нареченіи имени Іоанна Крестителя. ([1]) Тамъ дѣйствительно разсказывается, что когда въ 8-й день родственники хотѣли дать имя новорожденному Захарія, мать настояла, чтобъ его назвать Іоанномъ.—съ чѣмъ согласился и отецъ. Наконецъ, присутствіе при крещеніи Спасителя сонма ангеловъ и архангеловъ, съ одной стороны, и Иліи—съ другой, указываетъ, что народъ къ библейскому сказанію о крещеніи I. Христа присоединилъ нѣкоторые элементы изъ сказаній о преображеніи и вознесеніи Господнемъ. Нѣкоторые стихи даютъ поводъ полагать, что, по народному представленію, вмѣстѣ съ Христомъ крестились во Іорданѣ и ангелы, и Іоаннъ Креститель.

„Окрестился въ ней Самъ Исусъ Христосъ
Со силою со небесною
Со ангелами, со архангелами,
Со Іоанномъ свѣтомъ, со Крестителемъ“ ([2]).

Но рядомъ съ такимъ оборотомъ рѣчи въ стихахъ встрѣчается множество мѣстъ, гдѣ крещеніе Христа представляется совершеннымъ отъ Іоанна.

„А рѣка рѣкамъ мать Іорданъ рѣка,
Потому что въ ней крестился Самъ Іисусъ Христосъ
Отъ Іоанна Предтечи“ ([3]).

Въ сказаніяхъ о крещеніи Іисуса Христа самое видное мѣсто Евангеліе отводитъ факту свидѣтельства Отца о Сынѣ и нисхожденія Св. Духа на I. Христа, въ видѣ голубя. Отъ народнаго вниманія не ускользнуло это важное событіе. Въ стихахъ, гдѣ изобра-

---

([1]) Лука 1 гл. 59 ст. и дал.

([2]) Кал. пер. 2 вып. 303 стр.

([3]) Кал. пер. 2 вып. 337 стр.

жается крещеніе Господа, нерѣдко упоминается и о сошествіи на Него Св. Духа.

„И въ той часъ сниде на Него Духъ святый
Во образѣ голубя (1).

Изученію жизни I. Христа много способствовали установленныя церковію празднества въ воспоминаніе рождества Христова, крещенія, преображенія и т. д. Чрезъ евангельскія и апостольскія чтенія, церковныя пѣсни, поученія, народъ знакомился съ тѣми фактами изъ жизни Спасителя, которые служили поводомъ къ установленію празниковъ.

Преображеніе Господне, какъ и крещеніе, остановило на себѣ вниманіе русскаго народа. Въ Евангеліи, какъ на утрени, (2) такъ и на литургіи, (3) расказывается событіе, послужившее основою праздника. Въ томъ и другомъ евангеліи повѣтствуется, какъ I. Христосъ, взявъ съ собою Петра, Іакова и Іоанна, взошедъ съ ними на гору и тамъ преобразился предъ ними. „И въ то время“, говоритъ Евангелистъ „просвѣтися лице Его, яко солнце, ризы же Его бѣша бѣлы, яко снѣгъ. И се явистася имъ Моисей и Илія, съ нимъ глаголюща“. Пораженный Петръ предлагаетъ Господу навсегда остаться на Ѳаворѣ. Но не успѣлъ онъ окончить своей рѣчи, какъ осѣнилъ всѣхъ свѣтлый облакъ и послышался изъ облака голосъ: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ: того послушайте“. Тропарь на Преображеніе также описываетъ событіе преображенія Господня. „Преобразился еси на горѣ, Христе Боже нашъ, показавый ученикомъ Твоимъ славу Твою, якоже можаху“... и т. д. Въ народныхъ стихахъ, напр.: „о двѣнадцати пятницахъ“, въ „голубиной книгѣ“— преображеніе Господа рисуется въ общемъ согласно

(1) Ibidem.

(2) 45 зач. отъ Лук., т. е. 9 гл. 28—36 ст.

(3) 70 зач. отъ Матѳ. 17, 1—9.

съ библейскимъ, но при этомъ обнаруживается нѣкоторая шаткость воззрѣній и дѣлаются прибавленія.

„Въ тую великую пятницу,
Преобразился самъ Исусъ Христосъ,
Показалъ онъ славу ученикамъ своимъ“ (¹).

Въ иныхъ стихахъ добавляется: „Петру, Якову“. Такъ разсказывается о преображеніи Господа въ стихѣ о 12-ти пятницахъ. „Ѳаворъ гора — говорится въ голубиной книгѣ—всѣмъ горамъ мати“, потому что

„Преобразился на ней Самъ Исусъ Христосъ,
Исусъ Христосъ, царь небесный, свѣтъ,
Со Петромъ, со Іоанномъ, со Іаковомъ,
Со двунадесятью апостолами,
Показалъ славу ученикамъ своимъ (²).

Въ нѣкоторыхъ стихахъ, на ряду съ апостолами, упоминаются ангелы (³).

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ стихахъ представляется, что І. Христосъ на Ѳаворѣ бесѣдовалъ съ учениками и раскрывалъ предъ ними свое ученіе.

„Учинилъ (Христосъ) славу ученикамъ Своимъ,
Показалъ Господь, кому мука, кому рай будетъ,
На чемъ рай будетъ, чѣмъ душу спасать?
У рай войти святою милостынею,
Душу спасти постомъ и молитвами,
И земными низкими поклонами“ (⁴).

Изложивши событіе преображенія Господня, по воззрѣніямъ русскаго народа, мы перейдемъ къ изображенію народныхъ воззрѣній на страданія Господа,

(¹) Кал. пер. 6 вып. 120 — 122. 126. 130. 133. 136 и 141. 146, 150.

(²) Кал. перех. 2 вып. 303. 277. 281. Варенц. 233.

(³) Кал. перех. 2 вып. 272.

(⁴) Ibidem.—333.

Его крестную смерть и воскресеніе. Евангельскіе разсказы о страданіи I. Христа (¹) и церковныя пѣсни въ послѣдніе дни великаго поста поразительны для образованнаго и необразованнаго человѣка. Слушая ихъ, русскій народъ самъ страдалъ и сраспинался со Христомъ. Въ его произведеніяхъ схвачена почти каждая медкая черта, относящаяся до страданій Спасителя. Часто народъ добавляетъ евангельскія сказанія подробностями, заимствованными даже изъ своей жизни. Страданія Богоматери, при видѣ распятаго Сына, также вызываютъ въ народѣ полное сочувствіе и состраданіе. Стихи, въ которыхъ изображается грусть Богоматери, полны глубокаго драматизма. Краткое сказаніе о страданіяхъ Спасителя мы находимъ во „снѣ Богородицы". Народъ какъ будто хочетъ приготовить Богоматерь къ тѣмъ великимъ страданіямъ, къ тѣмъ жестокимъ ударамъ, которые должно было переиспытать Ея любящее материнское сердце. Увидѣвъ страшный сонъ, Богоматерь съ тревогою спрашиваетъ своего Сына: что бы значило Ея видѣніе? I. Христосъ подготовляетъ свою Матерь къ будущимъ ударамъ. Онъ отвѣчаетъ, что эти страданія Христа, видѣнныя Богоматерью во снѣ, должны нѣкогда совершиться на яву.

„Быть мнѣ матушка распяту,
На первой день меня замучатъ,
На другой Меня день, матушка, зароютъ,
На третій день, матушка, воскресну,
На небеса вознесусь со ангелами,
Съ херувимы, серафимы" (²).

Страданія и смерть Спасителя неизбѣжны. Враждебно настроенные противъ Христа, жиды уже ищутъ случая схватить Его. Въ „четвертокъ, когда жиды со-

---

(¹) У Матѳ. 26—28 гл., Мар. 14—16, Лук. 22—24, Іоан. 18—21 гл.

(²) Кал. пер. 6 вып. 185 стр.

вѣтъ сотворили и думали—гадали", какъ бы уловить Господа,—является къ нимъ Іуда и ускоряетъ безбожное дѣло. Онъ предлагаетъ жидамъ свои услуги,—хочетъ имъ выдать Господа.

„Что же вы мнѣ, жиды дадите,
Продамъ я вамъ Сына Божія"? (¹).

Жиды рады предложенію Іуды. Видя, что ихъ богопротивный замыселъ можетъ быть легко приведенъ въ исполненіе, они предлагаютъ Іудѣ деньги.

„Бери серебра, сколько хочешь",

только выдай намъ Сына Божія, говорятъ жиды,—и

Іуда на серебро заглядѣлся,
Сердцемъ своимъ распалися,
Пошелъ онъ выдавать Сына Божія" (²).

Въ народныхъ произведеніяхъ указывается, сколько получилъ Іуда денегъ за предательство Христа. Въ стихахъ Іуда представляется, какъ ученикъ Господа, „за тринадесять сребреницъ Христа продавшій". Въ другихъ варіантахъ счетъ денегъ, полученныхъ за Христа Іудою,—русскій. Говорится, что Іуда выпросилъ за Христа „тридцать рублей злата" (³). Итакъ, Іуда получилъ деньги, и „пошелъ выдавать Сына Божія", не подумавъ, что онъ

„Пошелъ съ Богомъ воевать"! (⁴).

Давъ жидамъ обѣщаніе выдать своего Учителя, Іуда снова возвращается къ Господу.

„Вже Іуда побѣгъ зъ дому,
Бы то не бывъ у чужому" (⁵).

(¹) Кал. пер. 4 вып. 195 стр.

(²) Ibidem.

(³) Ibid. 202. 196 стр.

(⁴) Ibid 197.

(⁵) Ibid. 176 стр.

Іуда до поры—до времени хочетъ скрыть свой поступокъ, но І. Христосъ, какъ Богъ—серцевѣдецъ, знаетъ о предательствѣ ученика и обличаетъ Іуду.

„И Христосъ хлѣбомъ у соль обмочитъ,
Да Іудѣ и подалъ хлѣба,
Да и возглаголалъ потомъ:
„Іуда Христа продалъ“.
А онъ думаетъ—гадаетъ
И своимъ разумомъ размышляетъ:
Почему Христосъ знаетъ,
Что продалъ онъ Его“? (¹).

Послѣ того, какъ Іуда былъ обличенъ въ предательствѣ, І. Христосъ окончательно приготовляется къ крестнымъ страданіямъ. Въ евангельскомъ сказаніи о тайной вечери представляется и прощальная бесѣда І. Христа. Полная высокаго чувства, проникнутая, съ одной стороны, глубокою скорбью и грустью, съ другой—божественною добротою, она только у черствой души не вызоветъ слезъ умиленія. Народъ съ трепетомъ слушаетъ эту возвышенную бесѣду. Онъ готовъ запомнить каждое слово, но .. бесѣда велика а память слаба, —незнаніе грамоты совершенно лишаетъ народъ возможности запомнить бесѣду дословно. Но тѣмъ не менѣе народъ пытается хоть въ короткѣ воспроизвести рѣчь Господа.

„Встаньте, ученики мои, не спите,
А Христовой страсти поглядите,
На Христовъ вѣнецъ воззрите,
И станьте, ученики, не спите,
Христовой смерти подождите,
И что скорбно душѣ моей до смерти, и скорбно,
И умершій часъ приходитъ.
Людіе, мои, люди вѣрніе!
Съ умомъ—съ разумомъ сумлевайтеся,
И по всякій часъ къ смерти приспѣвате“ (²)...

(¹) Кал. пер. 4 вып. 176 стр.

(²) Ibid 200 стр.

Въ иныхъ стихахъ I. Христосъ внушаетъ своимъ ученикамъ учить людей, особенно „малыхъ дѣтей“, проситъ описать Его страданія. Во всѣхъ стихахъ выражается скорбь Христа.

„Прискорбна душа моя до смерти“,—(¹)

Повторяетъ въ своихъ стихахъ народъ слова Господа. И дѣйствительно, у кого душа не содрогнется при созерцаніи тѣхъ страшныхъ мукъ, какія долженъ былъ переносить Христосъ! Часъ страданій приблизился. Іуда „лобзаніемъ“ предаетъ Господа (²). Схвативъ Христа, жиды начинаютъ мучить Его.

Взяли Христа жиды распинати,
Святую кровь Его проливати,
Святое лице Ему оплевали,
Желчіемъ Христа напоили,
Святыя уста Его помазующи;
Терповый вѣнецъ на главу Его возложиша;
Жиды Христа Бога поругали,
Всю ризу на Немъ истерзали,
И по жребьямъ разметали,
И на крестъ жиды Христа пригвоздили,
Тростіемъ главу Его пробивали,
Копіемъ ребра Ему пробождали,
Святую Его кровь они проливали,
По мимо Христа жиды проходили,
Главами своими оны покивали;
Не чаяли жиды Сына Божьева
Видѣть предъ собою на распятіи.
Во гробъ Христа кладовали,
Обручи желѣзные набивали,
Во землю Его зарывали.
Изъ мертвыхъ Христосъ воскресе“ (³).

(¹) Ibid. 176 стр.
(²) Кал пер. 4 вып. 197 стр.
(³) Ibid. 203. 205. 207; 6 вып. 161 стр.

Мы выписали довольно длинный стихъ о страданіи Христа. Здѣсь, какъ видимъ, въ сжатомъ видѣ упомянуты всѣ муки, какимъ подвергали іудеи Спасителя. Здѣсь разсказывается и про поношеніе и заушеніе, которымъ подвергали Христа іудеи, и про распятіе, на которое, наконецъ, осужденъ былъ поруганный Спаситель. Евангеліе представляетъ, что апостолы, когда былъ схваченъ ихъ учитель, разбѣжались, хотя и интересовались Его судьбою. Въ Евангеліи передается фактъ, какъ апостолъ Петръ вошелъ во дворъ, гдѣ мучили Христа, и какъ онъ отрекся отъ Христа, когда замѣтили ему, что его видали въ сообществѣ со Христомъ. Народъ запомнилъ этотъ фактъ,—и такимъ образомъ передаетъ его:

Петръ апостолъ слезно плакалъ,
Христосъ на Петра взираетъ,
Со двора Петра посылаетъ:
На путяхъ рабы стояли,
Петра апостола узнали...
Петръ апостолъ отрекался,
Отрекшись, глаголъ вспомнилъ,
Три дня во рву о томъ плакалъ (¹).

Если народъ интересовала скорбь апостоловъ при видѣ страждущаго своего Учителя, то гораздо болѣе онъ интересовался состояніемъ духа Богоматери, при созерцаніи своего Сына на крестѣ. Евангеліе намъ не передаетъ внутреннихъ чувствъ Богоматери, оно въ самыхъ краткихъ словахъ передаетъ слова Іисуса Христа, направленныя къ ней,—но кому не понятно, что должно было испытывать материнское сердце Пресвятой Дѣвы, при видѣ невинно страждущаго сына—да и не обыкновеннаго сына человѣческаго, а Сына Божія! Духовныя муки Богоматери давали церковнымъ поэтамъ прекраснѣйшій матеріалъ для возвышенныхъ пѣсней. Въ церковныхъ пѣсняхъ на великую пятницу встрѣчаются самыя трогательныя изліянія чувствъ Бо-

(¹) Кал. перех. 4 вып. 197 стр.

гоматери. Въ народныхъ словесныхъ произведеніяхъ Божія Матерь также представляется глубоко страждущею, при видѣ распятаго Сына.

Увидѣла матушка Его Марія,
Его измученнаго,
Течетъ ко Христу Мати со слезами...
Сама ко Христу мати припадала,
Въ слезахъ Учителю причитала,
„О пресладкій Сыне мой Іисусе!
Неповинную кровь, Сынъ, проливаешь,
Понапрасну муку принимаешь....
Сыне мой любезный,
Надежда моя,
Волею пойде
На крестную смерть.
Нынѣ сердце мое терзается....
Почто оставляешь
Едину меня здѣсь?
Вкупѣ бы вкусила
Съ Тобою я смерть (¹).

Не много словъ, но много чувства!... Тутъ и горячая привязанность Богоматери къ Сыну, и боль за Его незаслуженныя муки, и сознаніе Его чистоты и невинности, и наконецъ, какъ-бы затаенный ропотъ, зачѣмъ Онъ дозволилъ врагамъ взять Его. Народъ, сочувствуя страданіямъ Богоматери, какъ-бы стремится скорѣе утѣшить ее, умѣрить Ея муки. Онъ словами распятаго Господа отвѣчаетъ Ей, что муки Сына Ея неизбѣжны, что страданія Его временны, а между тѣмъ влекутъ за собою вѣчныя блага для человѣчества. Слыша стенанія Богоматери, говоритъ народъ,—

Іисусъ на крестѣ самъ прослезился;
Не рыдай Мене, мати, зряща во гробѣ,
Не скорби, мати, своею утробой,

(¹) Кал. пер. 4 вып. 203, подобно 206—8; 218—19, 216—17.

Да не прослези, мати, своихъ ясныхъ очей (1).
Всего Ты у Бога, матерь, не знаешь,
Мою живоносную смерть не вѣдаешь (2)..
Моя смерть, мать, животъ вѣчный;
Я вѣрнымъ дарую на спасеніе;
Безвѣрнымъ на вѣчную муку (3).
Пожди, мати, малое время,
Егда мое тѣло со креста соймутъ,
И во плащаницу я, мати, положуся,
Тогда погребенъ я, мати, буду,
И во третій день, мати, воскреснуся,
И на небо я, мати, вознесуся...
Со ангеламъ и со херувимамъ,
И со всей со небесною силой (4).

Утѣшая Свою матерь, Іисусъ Христосъ указываетъ Ей на высшіе пути Провидѣнія. Онъ говоритъ Богоматери, что плачь Ея, это человѣческій плачь матери, которая „невѣдаетъ“ смерти своего Сына, не понимаетъ ея важности, не знаетъ, что „Его смерть животъ вѣчный“. Іисусъ Христосъ пророчественно указываетъ на свое воскресеніе и будущую славу свою,— чѣмъ умѣряетъ Ея душевныя муки. Въ нѣкоторыхъ стихахъ отвѣтъ Христа Богоматери стоитъ ближе къ евангельскому:

Не плачь, Мати Божія, Марія,
Не одну я тебя спокидаю,
И спокидаю я тебя со Св. Духомъ
И на святаго Іоанна, на Богослова (5).

Послѣ осмѣянія и поруганія, Іисусъ Христосъ былъ пригвожденъ ко кресту. Относительно крестнаго древа среди народа ходитъ множество легендарныхъ ска-

---

(1) Кал. пер. 4 в. 364 стр.
(2) Ibid.—200.
(3) Ibid.—206. Труды этн. отд. общ. естест. 5 кн. 2 вып. 39 стр.
(4) Кал. пер. 4 в. 203—4 стр.
(5) Ibid. 6 вып. 192 стр.

заній, заимствованныхъ изъ апокрифич. литературы. Крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ, по этимъ сказаніямъ, былъ сдѣланъ изъ древа, которое выросло изъ вѣтки, принесенной умиравшему Адаму изъ рая Сиѳомъ. Крестъ былъ водруженъ на Галгоѳѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежала голова Адамова. Кровь, точившаяся изъ ранъ Спасителя, лилась на голову нашего праотца и смывала его преступленіе. (Народныя сказанія о древѣ крестномъ мы ниже укажемъ). И такъ

На томъ древѣ, на кипарисѣ,
Объявился намъ животворящій крестъ.
На тѣмъ, на крестѣ животворящемъ,
Распятъ былъ Самъ Исусъ Христосъ (¹).
Онъ между двухъ воровъ, двухъ разбойниковъ (²).

Намъ нѣтъ нужды также останавливатвся долго на изображеніи той картины явленій въ мірѣ, которыя сопровожали смерть Спасителя. Мы приведемъ только одинъ или два стиха, рисующихъ картину смерти Христа,—при чемъ мы отмѣтимъ тотъ фактъ, что всѣ эти явленія вызываются—по стиху—стенаніями Богоматери.

У Божіей церкви, у царскихъ дверей,
Завѣса на двое раздиралася,
Древа по дубровамъ преклонялися,
Камени на двое распадалися.
Рыданье и слезы услышалъ Господь:
Начали трястися небо и земля,
Солнце и мѣсяцъ не стали свѣтить
Отъ шестаго часа до девятаго.
Со страху и со ужасти
Жидовья упали ничкомъ на землю,
Внѣ ума лежали четыре часа,
Они, окаянніи, не покаялися.
За то осудилъ ихъ Господь въ вѣчную тьму,
И мукамъ ихъ не будетъ конца (³).

(¹) Кал. пер., 2 вып. 303 стр.
(²) Кал. пер. 2 вып. 272 стр.
(³) Кал. пер. 4 вып. 218—20 стр.

Знаменія, въ мірѣ происшедшія со смертію І. Христа, ясно показываютъ, что Божеское могущество Спасителя не утрачивается со смертію Его, что смерть Христа только временная, что Онъ долженъ воскреснуть.

Въ первомъ часу заутрени
Бѣлые камни раскатались,
Желты пески рассыпались,
А невѣрные поругалися.
Ницъ на землю покидалися.
Уставъ же Христосъ изъ гробика:
Его личика свѣтлошнивка,
Его платвика бѣлешнивка,
Да явился жъ Онъ мироносицамъ,
А дыли (далѣе) потымъ всѣмъ апостоламъ
Онъ дверюшкой да затворенною. (¹).

Христосъ воскресъ. Своею смертію и воскресеніемъ Онъ даровалъ людямъ спасеніе. Въ народныхъ стихахъ разсказывается еще о нисхожденіи І. Христа во адъ. Когда І. Христосъ былъ „ни въ живыхъ и не въ мертвыхъ“,

Пошолъ Онъ во адію,
Во адіи двери отворилися.
Всѣхъ Царей истинный Христосъ
Батюшка нашъ изъ адію вынулъ,
Одного царя Соломона въ адію покинулъ (²).

Соломонъ плачетъ, что Христосъ его одного покинулъ въ аду. Спаситель отвѣчаетъ, что онъ на столько мудренъ, что самъ найдетъ средства выйти изъ ада. Но Соломонъ сознается въ своемъ безсиліи.

Батюшка, истинный Христосъ,
Небесный Отецъ!
Не мудренъ я своими мудростями,

(¹) Терещ. VI. 108 109.
(²) Кал пер. 6 вып. 206 стр.

Мудрёнъ я святыми Твоими
Господними молитвами ([1]).

По завершеніи своего дѣла спасенія на землѣ, I. Христосъ вознесся на небеса.

Вознесся Христосъ на небеса
Со силами небесными,
Со Іоанномъ Крестителемъ....
Со ангелами со хранителями,
Со двѣнадцатьми учителями,
Съ книжниками, съ харусеями ([2]).

Мы представили краткій очеркъ жизни I. Христа по народнымъ воззрѣніямъ. Выдержками изъ народныхъ произведеній мы отмѣтили характерныя черты народныхъ воззрѣній на то или другое событіе жизни Спасителя. Оказывается, что многія библейскія сказанія о жизни Христа народомъ усвоены не твердо, поняты неправильно. Но тутъ же мы видѣли и стремленіе народа усвоить эти сказанія. Если народъ не замѣчаетъ иногда важныхъ сторонъ въ тѣхъ или другихъ библейскихъ сказаніяхъ, то, съ другой стороны, онъ запоминаетъ иногда мельчайшія подробности въ этихъ сказаніяхъ. Особенно народъ, какъ мы видѣли, слѣдилъ за ходомъ страданій I. Христа. Муки Христовы, муки Богоматери отзывались жгучею болью въ его сердцѣ. Образъ Страдальца, безвинно и безропотно несущаго свои муки, изображенъ въ народныхъ произведеніяхъ самыми симпатичными чертами. Каждое слово о Христѣ проникнуто живѣйшею любовью къ Нему, — за каждымъ шагомъ Спасителя народъ слѣдилъ съ живѣйшимъ участіемъ. Вмѣстѣ съ Виѳлеемскими пастухами, онъ, какъ сердобольная мать, (почти) съ женственною нѣжностью смотритъ на „нагусенкаго“ младенца. Онъ

([1]) Калѣки перех. 6 вып. 206 стр.
([2]) Ibid. — 121. 129. 139 стр.

готовъ предупредить каждое Его желаніе, готовъ подложить Ему „сѣна подъ реберца“, готовъ вмѣстѣ съ быкомъ и воломъ отогрѣвать дыханіемъ Его зябнущіе члены. Но не успѣлъ любимый младенецъ вырости, какъ подвергается крайней опасности. Безбожный Иродъ хочетъ погубить Его. Народъ съ тревожнымъ чувствомъ слѣдитъ за судьбою младенца. Но—благодареніе Богу! — милосердная жена спасаетъ Іисуса. Несмотря на вражду жидовъ, несмотря на опасности, въ которыхъ находился Спаситель, Онъ выростаетъ и дѣлается учителемъ. Каждый шагъ Спасителя сопровождается какимъ нибудь добрымъ дѣломъ. Слѣпые, хромые, разслабленные, бѣдные ходятъ толпами около Христа,—и Онъ ихъ не презираетъ, и всѣмъ имъ Онъ оказываетъ помощь и всѣхъ ихъ Онъ научаетъ! Но вотъ Христосъ дѣлается жертвою вражды: этотъ Христосъ, который такъ много сдѣлалъ добра людямъ.... При видѣ страданій Христа, кто не содрогнется? Тутъ— „весь міръ на землѣ прослезится“ (1). Одни только жиды способны на такую безчувственность. Только они одни въ состояніи искать смерть Господа. Но... сколько ни свирѣпствуй злоба, она должна быть побѣждена: „добро худо переможетъ“. Пусть враги убьютъ Господа, Онъ возстанетъ! Итакъ Христосъ умираетъ. Раздается вопль Богоматери, природа содрогается, видя висящимъ на крестномъ древѣ Господа и слыша стоны Его святѣйшей Матери. Солнце меркнетъ, не смѣя освѣтить земли, запятнанной ужаснымъ преступленіемъ; мать—земля сотрясается, видя свою радость, свою утѣху, самаго лучшаго своего сына бездыханнымъ... Но скорбь эта временная—только до воскресенія Христа. А воскреснетъ Христосъ, тогда будетъ всеобщая радость.

Солнце возсіяетъ,
Небо и земля возрадуется!

---

(1) Кал. перех. 6 вып. 192 стр.

И весь міръ возвеселится на земли,
Дождавшись Христова воскресенія (¹).

Радуясь Христову воскресенію, народъ скорбитъ при воспоминаніи о вознесеніи Христа на небо. Народу какъ будто жаль растаться со Христомъ. Когда

Возносился Христосъ Богъ на небеса,
Со ангелами и со архангелами,
Съ херувимами и серафимами,
Расплачется нищая братья:

(по другимъ варіантамъ: бѣдные—убогіе,—слѣпые и хромые, добры сиротки):

Ужъ Ты истинный Христосъ, Царь небесный,
На кого Ты насъ оставляешь?
Ино кто насъ поить—кормить будетъ,
Одѣвати станетъ, обувати,
Отъ темныя ночи охраняти?...

Но Христосъ заботится о бѣдныхъ и даетъ имъ Свое „имя", съ которымъ они будутъ ходить по міру и которымъ будутъ кормиться. Дать имъ кусокъ хлѣба „Христа ради" не откажется никто. Христосъ—Самъ воплощенное милосердіе—и людямъ оставляетъ въ завѣщаніе милосердіе же. Эта заповѣдь Спасителя, кажется, нигдѣ не нашла для себя лучшей почвы, какъ въ сердцѣ русскаго народа. „На Руси съ голоду никто не умиралъ", говоритъ народъ, характеризуя свою наклонность къ дѣлу милосердія и взаимной помощи.

(¹) Кал. пер. 4 вып. 203—208 стр.

III.

НАРОДНЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ О СВЯТЫХЪ.

Изложивъ народныя представленія объ Іисусѣ Христѣ, какъ Искупителѣ рода человѣческаго, и показавъ зависимость ихъ отъ ученія церковнаго, мы переходимъ къ народному представленію о—святыхъ.

Изслѣдователи народной словесности и народнаго міросозерцанія, при анализѣ народныхъ воззрѣній на того или другаго святаго, извѣстнаго народу, обыкновенно, останавливаются на отысканіи миѳическихъ чертъ, приданныхъ народомъ святому. Такой путь изслѣдованія вполнѣ естественъ, если принять въ соображеніе, что святые въ народномъ созерцаніи заступили мѣсто языческихъ боговъ и вытѣснили ихъ изъ народной памяти. Но только, къ сожалѣнію, ученые, увлекшись отысканіемъ миѳическаго элемента въ религіозныхъ воззрѣніяхъ народа, не рѣдко доходятъ до крайности, до признанія святыхъ старыми языческими богами, только съ христіанскими именами. Правда, и мы соглашаемся съ тѣмъ, что на первыхъ порахъ, по принятіи христіанства, народъ русскій не могъ вдругъ дойти до чистаго христіанскаго представленія о святыхъ, и его воззрѣнія должны были носить слишкомъ много языческихъ элементовъ; но добавляемъ, что со временемъ языческія черты, приданныя святымъ, сгладились, и если можно еще усмотрѣть въ народныхъ воззрѣніяхъ языческіе элементы, то это явленіе—только остатки старыхъ языческихъ воззрѣній. Основаніе къ сближенію и слитію христіанскихъ святыхъ съ языческими богами даетъ

то, что народъ считаетъ ихъ владыками и распорядителями видимой природы, и особенно то, что каждому святому народъ приписываетъ спеціальную, опредѣленную дѣятельность, которую, до принятія христіанства, нерѣдко связывали съ тѣмъ или другимъ языческимъ образомъ. Всѣ добрыя языческія божества (Ладо, Перунъ, Волосъ, Ярило, Купало и т. п.), какъ извѣстно, представлялись виновниками жизни и плодородія во всѣхъ его видахъ: плодородія земли, плодовитости животныхъ и чадородія людей. Христіанскіе святые также представляются русскимъ народомъ покровителями жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ: и въ царствѣ растительномъ, и въ царствѣ животномъ, и въ человѣчествѣ. Языческія божества боролись съ враждебною человѣку и мертвящею природу силою; и христіанскіе святые борятся съ нечистою силою, грозящею всему живому и въ частности человѣку смертію. Но сходство между святыми и языческими божествами только видимое: христіанскимъ святымъ приданъ особенный обликъ, котораго не было у языческихъ боговъ, и борьба ихъ съ бѣсовскою силою, стремящеюся ввести человѣка въ грѣхи, также носитъ, незнакомую языческому міру, христіанскую моральную окраску.

Говоря о святыхъ, мы сначала остановимся на тѣхъ святыхъ, которымъ народъ отдаетъ въ вѣдѣніе различныя области природы, а потомъ перейдемъ къ святымъ, которыхъ народъ считаетъ цѣлителями той или другой болѣзни. Излагая нравственныя возрѣнія народа, мы укажемъ святыхъ, которыхъ народъ знаетъ и считаетъ за представителей той или другой добродѣтели.

Начинаемъ съ Іоанна Крестителя. Іоаннъ Креститель въ народныхъ воззрѣніяхъ представляется, съ одной стороны, покровителемъ растительнаго царства и особенно цѣлебныхъ травъ, съ другой, угодникомъ Божіимъ — цѣлителемъ головныхъ болѣзней. Время празднованія памяти Іоанна Крестителя совпало съ языческимъ празднествомъ Купалы. Благодаря тому,

что празнество Купалы было въ большомъ уваженіи у нашихъ предковъ, христіанскій образъ Іоанна Крестителя не сложился вполнѣ въ народномъ міросозерцаніи; на оборотъ, въ значительной мѣрѣ носитъ на себѣ языческія черты. Всѣ игры и обряды, совершающіеся въ ночь на 24 іюня (купанія, зажиганія костровъ и прыганія чрезъ нихъ, собираніе цѣлебныхъ растеній) — остатокъ язычества, хотя въ тоже время, нужно сказать, многое въ этихъ обрядахъ утратило уже свой прежній смыслъ и совершается только въ силу обычая. Опредѣленнѣе сложился въ народномъ представленіи образъ Іоанна Крестителя, какъ цѣлителя головныхъ болѣзней. Въ одномъ заговорѣ отъ руды мы читаемъ объ Іоаннѣ слѣдующее: „на томъ (Латырѣ) камнѣ стоитъ Іоаннъ Креститель, подпершись желѣзнымъ посохомъ, и уговариваетъ у раба Божія кровавую рану посѣченную, порѣзанную“ и т. д. (¹). Въ стихѣ „12 пятницъ“ девятая пятница въ честь Крестителя. Она

Супротивъ Іоанна Предтечи,
Отсѣченія главы:
Въ ту великую пятницу
Царь Иродъ Іоанну главу отсѣкъ
За вѣру Христову.

Кто будетъ почитать эту пятницу, тотъ, говоритъ стихъ, будетъ спасенъ отъ „сабли, меча, ножа“, отъ всякаго порѣзу, отъ безсонной головной болѣзни, отъ зубной и головной боли, отъ зубной и головной ломоты, отъ скудости, муки“ (²). Судя по стиху о 12 пятницахъ, можно думать, что народъ знаетъ о смерти Крестителя и его „скудости“ во время земной жизни. Почему народъ представляетъ его исцѣляющимъ головныя боли по преимуществу, то это потому, должно

(¹) Записки Имп. Геогр. Общ. эт. отд. II, 482.
(²) Кал. перех. 6 вып. 122, 126. 130. 133. 135. 142.

быть, что представленіе народа о Крестителѣ главнымъ образомъ связано съ отсѣченіемъ главы его. Въ прологахъ и житіяхъ мы находимъ сказанія объ обрѣтеніяхъ честной главы Іоанна Предтечи, и всюду дѣлается замѣчаніе о чудесахъ, совершенныхъ честною главой Крестителя (¹). Въ рукописномъ прологѣ Соловецкой библіотеки № 59, послѣ повѣствованія объ обрѣтеніи главы Крестителя двумя мнихами и тайной передачѣ ея другимъ владѣтелямъ, разсказывается, что одинъ владѣтель главы Евстафій Аріанинъ продавалъ „цѣлбы, иже честною главою бываемыя“ (²).

На ряду съ Іоанномъ Крестителемъ, владыкою растительнаго царства природы, долженъ быть поставленъ другой покровитель земнаго плодородія, податель дождя, святый Пророкъ Илія, заступившій въ народныхъ воззрѣніяхъ мѣсто языческаго божества грозы. Причина, почему народъ считаетъ Св. Пророка Илію подателемъ дождя и владыкою надъ громомъ и молніей, заключается въ сказаніи о жизни Св. Пророка. Изъ сказанія о жизни Св. Иліи извѣстно, что онъ чудеснымъ образомъ низводилъ съ неба всепожирающій огонь, творилъ засуху и проливалъ дождь, а при кончинѣ чудесно взятъ на небо на огненной колесницѣ и огненныхъ коняхъ (³). Въ апостолѣ, читаемомъ въ день памяти Пророка Иліи, эти чудесныя дѣйствія его разсказываются такимъ образомъ: „Илія человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ и молитвою помолися, да не будетъ дождь, и не одожди по земли лѣта три и мѣсяцъ шесть: и паки помолися, и небо дождь даде и земля прозябе плодъ свой“ (⁴). Въ статьѣ „огненосное восхожденіе, иже во пророцѣхъ великаго Иліи“ замѣ-

(¹) Минеи Чет. Митр. Мак. Рук. Син. биб. № 994 л. 726 (подъ 25 Мая).

(²) Прол. Сол. библ. № 59 л. 621.

(³) 3 Царст. гл. 17—19; 4 цар. 1, 2.

(⁴) Посл. Іоаков. 5 гл. 17 и 18 ст. зачало 57.

чается о святомъ Пророкѣ, что онъ „огнь съ небеси трижды сведе и дождь на своемъ языцѣ носивый и воздвигъ мертвыя... и на небо колесницею огненною вшедъ". Въ Измарагдѣ въ словѣ св. апостолъ и отецъ о велицѣмъ постѣ говорится: „постився Илія Пророкъ, молитвою огнь съ небесе сведе и сына вдовича воскреси и землю одождити сотвори и на огненной колесницѣ взятъ бысть и донынѣ есть живъ" (¹). Въ церковныхъ пѣсняхъ также указывается на низведеніе Иліею дождя. „Илія словомъ дождь держитъ на земли, и паки словомъ съ небесе низводитъ"... (8-я пѣснь въ канонѣ послѣд. во время бездождія). Ораторы церковные, въ порывѣ воодушевленія, называли Илію „огненоснымъ", „небопарнымъ орломъ", „тученоснымъ облакомъ" (²). Въ сборникахъ древнерусскихъ помѣщались такія объясненія молніи. „Молнія есть сіяніе огня, сущаго вверху на тверди; небесный же огонь, то ты разумѣй огнь сущій, его же Илія молитвою сведе на полѣна и на все сожженіе: сего огня сіяніе есть молнія (⁴). На лубочныхъ картинахъ Илья Пророкъ изображается на колесницѣ съ огненными колесами, которая со всѣхъ сторонъ окружена пламенемъ и облаками и запряжена четырьми крылатыми конями. Лошадьми управляетъ ангелъ, а Илья Пророкъ держитъ въ рукахъ мечь (⁵) Въ нѣкоторыхъ памятникахъ древнерусской письменности поясняется что св. Илія не на колесницѣ возсѣдаетъ, а „благодать имѣетъ на дожди, да ся молить Богу, да въ годину бездождія дабы далъ на землю дождь" (⁶) Слыша въ церкви и внѣ ея, что

(¹) Прол. рук. Сол. биб. № 60 л 309.

(²) Измар. рук. Сир. библ. XV в № 270 л. 207.

(³) Поэт. воззр. Аѳан. I т. 469—489.

(⁴) Жур. Мин. Нар. Просв. 63 г. Щап. Истор Очерк. мір. 1 ст. 14.

(⁵) Поэт. воззр. Слав. I и 70 стр.

(⁶) Мин. чет. Митр. Мак. 2 окт. изд. арх ком. 190—191.

Илія сводитъ съ неба дождь, поднимается на небо на огненной колесницѣ и коняхъ, народъ, вмѣсто прежняго своего тученоснаго бога, и призналъ владыкою грозъ св. Пророка Илію. Воззрѣніе на св. Илію, какъ на владыку грозъ, имѣющее, какъ мы видѣли, для себя основаніе въ сказаніяхъ объ Иліи, могло закрѣпиться въ народномъ воззрѣніи сильнѣе еще отъ того, что память Пророка Иліи совпадаетъ сравнительно съ дождливымъ временемъ года (припомнимъ пословицу: до Ильи попъ дождя не умолитъ, послѣ Ильи баба фартукомъ нагонитъ) и вмѣстѣ съ началомъ жатвенной поры, когда чествовался (въ языческую пору) богъ—покровитель плодородія. Народное представленіе о св. Иліи, какъ молитвенникѣ о дождѣ—нужно сознаться—носитъ нѣсколько грубыя черты. Громъ, по представленію народа, происходитъ отъ стука колесницы, на которой разъѣзжаетъ по небу Илія. А вообще вотъ какъ рисуется св. Илія въ народныхъ произведеніяхъ. „Илія грозы держитъ", говоритъ народъ. „На Ильинъ день гдѣ нибудь загорается отъ грозы". „Илья пророкъ въ полѣ копны считаетъ". „Илья въ воду налья" (проливаетъ дождь) (¹). Въ Нижегородской губерніи при громѣ говорятъ: „Илья великій гудитъ" (²). У скопцовъ поется слѣдующая пѣсня:

У насъ было на сырой на землѣ
Претворилися такія чудеса:
Растворилися седьмыя небеса;
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя еще огненныя.
Ужъ на той колесницѣ огненной
Надъ пророками пророкъ сударь гремитъ,
Нашъ батюшка покатываетъ.
Утверждаетъ онъ святой Божій законъ.
Подъ нимъ бѣлой храбрый конь;

(¹) Терещ. Быт. Русск. нар. V кн. 75 стр.

(²) Аѳан. Поэт. воззр. 1, 470. 473. Посл. Даля 990—1 стр.

Хорошо его конь убранъ,
Золотыми подковами подкованъ,
Ужъ и этотъ конь не простъ:
У добра коня жемчужный хвостъ,
А гривушка позолоченая,
Крупнымъ жемчугомъ унизанная,
Въ очахъ его камень маргаритъ,
Изъ устъ его огнь пламень горитъ (¹).

Въ заговорахъ Илья также рисуется разъѣзжающимъ на конѣ, низводящимъ дождь и сгоняющимъ съ земли снѣгъ. „Я тебѣ св. Илія милостивому помолюся и поклонюся о себѣ, рабѣ Божіемъ (имя рекъ) и о моемъ промыслѣ, и какъ ты св. Илія милостивый, на своемъ савосивомъ конѣ ѣздишь во всѣ четыре страны, по крутымъ, краснымъ горамъ, по желтымъ пескамъ; и какъ ты, св. Илія милостивый, своимъ святымъ духомъ подымаешь и очищаешь бѣлъ снѣгъ съ крутыхъ горъ, съ желтыхъ песковъ, и берега омываешь, очисти же ты съ меня раба Божьяго (имя рекъ). и съ моего угодія и съ моихъ ставушекъ и ловушекъ всякихъ, всякую порчу и всяку притчу" (²). Въ заговорѣ указывается также на библейское сказаніе о низведеніи дождя на землю. Въ заговорѣ отъ руды мы читаемъ: „во дни Ахава царя не бысть дождя на землю три годины и шесть мѣсяцъ, земля же измѣдѣла, небеса ожелѣзнеша, источницы замыкашася,—и ты кровь стани, а не кани" (³)... „Какъ Илья пророкъ изсушилъ рѣки, источники, такожде бы у раба Божія (имя рекъ) твердо утвердились" и пр. (⁴). Еще заговоръ: „на морѣ, на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ гонитъ Илья пророкъ въ колесницѣ громъ съ великимъ

(¹) Поэт, воззр. Аѳан. I, 470—1.
(²) Труды этн. отд. общ. ест. V. 2 вып. 190 стр.
(³) Зап. И. Г. Общ. II 485.
(⁴) Зап. И. Г. Общ. II 483 483.

отъ старыхъ корней пошли новые, свѣжіе побѣги. Дождевыя тучи то и дѣло носятся надъ полемъ и поятъ землю; чудный уродился хлѣбъ — высокой да густой, сорной травы совсѣмъ не видать, а колосъ налился полный—полный, такъ и гнется къ землѣ. Пригрѣло солнышко, и созрѣла рожь—словно золотая стоитъ на полѣ. Много пожалъ мужикъ сноповъ, много наклалъ копенъ, ужъ собрался возить, да въ скирды складывать. На ту пору идетъ Илья съ Николою мимо; узнаетъ Илья, что поле мужикомъ выкуплено, и говоритъ: постой же, отниму я у хлѣба спорынью: сколько бы не наклалъ мужикъ сноповъ, больше четверика за разъ не вымолотить!" Никола угодникъ идетъ къ мужику и совѣтуетъ ему, во время молотьбы, больше, какъ по одному снопу, не класть на токъ. Сталъ мужикъ молотить: что ни снопъ, то и четверть зерна; всѣ закромы, всѣ клѣти засыпалъ рожью, и еще все много остается; пришлось строить новые амбары" (¹). Такимъ образомъ св. Николай, по народному представленію, добрѣе св. пророка Иліи. Илія мстителенъ, суровъ, тогда какъ св. Николай въ той же легендѣ рисуется добрымъ угодникомъ.

Кромѣ признанія Иліи покровителемъ земнаго плодородія, народъ русскій считаетъ пророка Илію побѣдителемъ демоновъ. „Еще покорюся я, рабъ Божій", читаемъ въ заговорѣ отъ разныхъ болѣзней, „Ильѣ пророку: свѣтъ ты, Илья пророкъ, огненная карета и огненная колесница, тую ты тянешь, мѣтко стрѣляешь, врага и супостата убиваешь и огнемъ опаляешь, что бы меня, раба Божія, не испорчивать, не исколдовывать, ни колдуньѣ, ни злому и лихому человѣку" (²). Илья представляется поражающимъ нечистую силу. Когда мы поведемъ рѣчь о злыхъ демонахъ, мы коснемся еще пророка Иліи, какъ громовержца. А те-

(¹) Поэт. воззр. Слав. Аѳан. I т. 476—7 4. Нар. Р. Леген. 10.

(²) Зап. Им. Геогр. общ. II. 498 стр.

перь скажемъ слова два объ Ильѣ, какъ ратоборцѣ противъ вражеской силы. Представляя Илью покровителемъ плодородія земли, народъ не могъ уже не представлять Илью и покровителемъ людей, — благосостояніе которыхъ значительно обусловливается изобиліемъ плодовъ земныхъ.

Покровительство предкамъ и сохраненіе ихъ отъ враговъ народъ главнымъ образомъ воплотилъ въ Ильѣ Муромцѣ. Хотя нравственный обликъ Ильи Муромца на столько обособился отъ Ильи пророка, что нельзя никакимъ образомъ считать ихъ за единый образъ; тѣмъ не менѣе между Ильею пророкомъ и Ильею Муромцемъ (по народнымъ произведеніямъ) есть сродство, и очень можетъ быть, что образъ Ильи въ началѣ былъ одинъ, а потомъ раздробился: Илья пророкъ остался на небѣ и побѣдоносно борется съ демонами, а Илья Муромецъ спустился на землю, и въ образѣ героя — богатыря, защищаетъ русскій народъ отъ враговъ, борется за его самостоятельность. Что народъ сближаетъ Илію Муромца съ Ильею пророкомъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Худяковъ разсказываетъ, что ему въ селѣ Хорошиловѣ, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, удалось слышать такое объясненіе грома, будто бы громъ происходитъ отъ того, что „Илья Муромецъ на шести жеребцахъ ѣздитъ“ (¹). Не далеко отъ Мурома есть родникъ, явившійся — по преданію—отъ копытъ быстроногаго коня Ильи Муромца; на немъ поставлена часовня, но не въ честь Ильи Муромца, а во имя Иліи пророка (²). За близость Ильи Муромца съ Ильею пророкомъ, намъ кажется, говоритъ и то, что Ильѣ на бою смерть не написана. Илья пророкъ не умеръ, — не можетъ умереть и Илья Муромецъ, хотя многократно подвергается неминучей опастности умереть. Еще при рожденіи ему опредѣлена такая судьба.

(¹) Матер. для изуч. нар. словес. Худякова 5 стр.

(²) Поэт. воззр. слав. Аеан. I, 621 стр.

Послалъ Господь (говоритъ конь Ильѣ) ангеловъ милостивыхъ
На твое рожденное на мѣсто;
Далъ тебѣ Господь руцѣ-позѣ;
Не написано тебѣ, старой казакъ, Илья Муромецъ,
Не написана тебѣ смерть на убоищи (¹).

И самъ Илья выражаетъ эту же мысль:

А на бою-то мнѣ-де, стару казаку, смерть не написана (²).

Представивъ народныя воззрѣнія на Іоанна Крестителя, Св. Илію, какъ покровителей растительнаго царства и плодородія земли, мы переходимъ къ другимъ святымъ, владыкамъ міра —покровителямъ царства животнаго. Покровителями царства животнаго русскій народъ считаетъ св. Власія, св. Георгія, св. Фрола и Лавра, св. Модеста, Василія.

Признаніе св. Власія покровителемъ животныхъ имѣетъ для себя основаніе въ житіи святаго. Прологъ замѣчаетъ о св. Власіи, что онъ жилъ въ „нѣкоей пещерѣ горьстѣй идеже диви звѣрія кротими благословеніемъ Святаго являхуся" (³). Въ рукописныхъ четьихъ минеяхъ Сол. библіотеки № 508 и 509, и также въ житіяхъ св. Димитрія Ростовскаго, передаются слѣдующія подробности о св. Власіи. Власій былъ епископомъ Севастійскимъ. Во время гоненій Діоклитіана и Ликинія, онъ скрывался въ одной пещерѣ пустынной горы. Здѣсь онъ подвизался въ безмолвіи и непрестанной молитвѣ. Дикіе звѣри посѣщали его. Власій возлагалъ на нихъ руки и благословлялъ ихъ, —больныхъ звѣрей исцѣлялъ. Случилось что Игемонъ Агриколай послалъ ловцовъ наловить жестокихъ звѣ-

(¹) Гильфер. 649 стр.

(²) Гильфер. 985 стр.

(³) Прол. рук. Сол. библ. № 59. л. 586.

рей. чтобъ травить христіанъ. Увидѣвъ около пещеры Власія стадо звѣрей, ловцы донесли объ этомъ Игемону, который приказалъ привести Власія. На пути къ Игемону Власія встрѣчаетъ женщина и жалуется на волка, что тотъ унесъ у нея ягненка. Власій успокоилъ женщину, сказавъ, что она получитъ обратно ягненка. Дѣйствительно, волкъ принесъ ягненка цѣла и невредима. Власій же былъ заключенъ въ темницу, и принялъ мученическій вѣнецъ (¹). На старинныхъ иконахъ Власій изображается сидящимъ на конѣ и окруженнымъ лошадьми, коровами, овцами. Въ одной изъ древнихъ Новгородскихъ церквей на иконахъ Власій былъ представленъ сидящимъ на скалѣ и окруженнымъ скотомъ (²). Признавъ Власія покровителемъ животныхъ, народъ обращается къ св. Власію съ молитвою о скотѣ. Какъ въ Малороссіи, такъ и на великой Руси есть обыкновеніе въ день Власія ставить предъ иконою угодника свѣчу, служить обѣдню и окроплять скотъ святою водою. Для этого лошади приводятся къ церкви. Въ день Власія хозяева входятъ также въ хлѣва и здѣсь крещенскою водою окропляютъ коровъ, лошадей, овецъ, даже куръ. По угламъ хлѣвовъ ставятъ прутики освященной вербы, курятъ ладономъ, чтобъ изгнать нечистую силу и предохранить скотъ отъ падежа. Если захвораетъ скотина, то приносятъ въ хлѣвъ икону Власія и тамъ служатъ молебенъ (³). Въ даръ Власію приносится масло, какъ продуктъ, доставляемый скотомъ: „у Власія и борода въ маслѣ". Малоруссы переносятъ день памяти Власія съ 11 Февраля на четвергъ сырной или масляной недѣли, когда начинается особенное употребленіе продуктовъ, доста-

(¹) Чет. Мин. рук. Сол. библ. Февраль № 508 л. 180 обор. № 509 л. 62—63, 67. Чет. Мин. 11 Февр. Душеп. Чтеніе. 1872 г. 1 часть 139 стр.

(²) Терещ. Бытъ Русс. нар. VI, 39 — 40 Душ. Чт. 1872 г. 1 ч. 138 стр. Поэт. воз. слав. Аван. I, 696 стр.

(³) Терещ. Бытъ русск. нар. VI, 37 стр.

вляемыхъ скотомъ: сыра, масла, сметаны, молока. Въ народныхъ произведеніяхъ нерѣдко указывается на покровительство Власія животнымъ. Въ заговорахъ скотъ иногда называется Власьевымъ: „И постави Господи около моего скота, милаго моего живота, Власьева рода, кругомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ — желѣзный тынъ“ (1). Въ заговорахъ о сбереженіи скота отъ порчи народъ между прочимъ обращается и къ Власію: „Умоляю Тебя, истинный Христосъ, Сынъ Божій, Всемилосердый Боже и Матерь Пресвятая Богородица, и св. Архангелъ Михаилъ, грозный воевода небесныхъ силъ, св. Георгій храбрый, и святые угодники Косма и Доміанъ, Николай Чудотворецъ, Власій, св. Медостій Іерусалимскій, Флоръ и Лавeръ и др. Умоляю васъ: научите меня, раба Божія, пастуха ограды и обороны ставить кругомъ своего стада, крестьянскаго скота (2)“. Не рѣдко народъ обращается къ Власію въ такомъ видѣ: будь счастливъ

На гладкихъ телушекъ,
На толстыхъ быковъ,
Со двора чтобъ шли—играли,
Съ поля бъ шли—скакали (3).

Особенно поселяне молятся Власію во время повальныхъ болѣзней на скотъ. Лучшимъ средствомъ противъ повальныхъ болѣзней считается у народа опахиваніе. Обрядъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ полночь собирается толпа женщинъ съ ухватами, кочергами, помелами, косами и дубинами. Одна женщина, сбросивъ съ себя рубаху и распустивъ волосы, съ неистовствомъ начинаетъ произносить клятвы на коровью смерть. Другія женщины, тоже съ распущенными волосами, подвозятъ къ ней соху, надѣваютъ на

(1) Труд. этн. отд. общ. естест. V. 2 вып. 168 стр.
(2) Зап. Имп. Геогр. общ. этн. отд. II 536 стр.
(3) Кал. пер. 6 вып. 47 стр.

нее хомутъ и запрягаютъ ее, потомъ съ зажженными лучинами обходятъ деревню,—во главѣ идетъ женщина, запряженная въ соху; а одна изъ дѣвокъ несетъ икону Власія. Горе тому, кто попадется на встрѣчу толпѣ: сейчасъ убьютъ, предполагая, что въ немъ скрывается коровья смерть ([1]). Мы приводимъ одно изъ заклинаній противъ коровьей смерти.

Смерть ты, коровья смерть!
Выходи изъ нашего села.
Въ нашемъ селѣ ходитъ Власій святой
Съ ладаномъ, со свѣчей,
Съ горячей золой.
Мы тебя огнемъ сожжемъ,
Кочергой загребемъ,
Помеломъ заметемъ
И пепломъ забьемъ.
Не ходи въ наше село:
Чуръ нашихъ коровушекъ,
Буренушекъ рыжихъ, лысыхъ,
Бѣлосисихъ, бѣлобымьихъ,
Криворогихъ, однорогихъ ([2]).

Власій считается частію и покровителемъ земледѣлія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи имѣютъ обыкновеніе изъ колосьевъ завивать Власію бороду. Признаніе Власія покровителемъ животныхъ, повторяемъ, имѣетъ для себя основаніе въ житіи Святаго; но закрѣпленію за Власіемъ господства надъ царствомъ животныхъ могло способствовать и случайное сходство Власія по имени съ языческимъ божествомъ Волосомъ, покровителемъ животнаго царства,—тѣмъ болѣе, что почитаніе Волоса продолжалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Руси (Ростовѣ) до позднѣйшаго времени XII в. ([3]),

([1]) Сказ. русс. нар. Сахар. 7 кн. 12—13 стр.; Терещ. Бытъ рус. нар. VI ч. 40—41 стр. Душ. Чт. 72 г. 1 ч. ст. 1 Калинск. 138 стр.

([2]) Кал. пер. 6 вып. 47—48 стр.

([3]) Сказ. русс. нар. Сахар. 7 кн. 12 стр. Душ. Чт. 1870 г. I ч. 140 стр.

да и имена Волосъ и Власій въ старину были равнозначущими (¹).

Другимъ покровителемъ животныхъ народъ русскій считаетъ святаго Георгія. Основаніе для признанія св. Георгія, какъ и Власія, владыкою животнаго царства находится въ житіи святаго. Въ старыхъ рукописяхъ встрѣчается легенда о св. Георгіѣ, какъ онъ исцѣлилъ одного пастуха, который былъ укушенъ змѣей, въ наказаніе за то, что утаилъ чужую овцу (²). Въ житіи Георгія разсказывается также, что онъ однажды оказалъ помощь какому-то пахарю простецу. Гликерію, возвративши къ жизни убившагося вола (³). Прологъ разсказываетъ еще чудо св. Георгія, совершенное надъ верблюдами. Въ градъ Діоспалъ пришелъ братъ сарацинскаго царя. Увидѣвъ церковь Георгія, впустилъ въ нее верблюдовъ, не послушавъ возбранявшихъ ему эту дерзость священниковъ и христіанъ. Святой не замедлилъ наказать дерзкаго. „Абіе вси скоти его изомроша", замѣчаетъ прологъ.

Благопріятнымъ условіемъ для признанія св. Георгія покровителемъ животныхъ было сходство по корню (яр. и юр.) имени Георгій, Юрій, Юрко, Юръ съ Яриломъ, языческимъ божествомъ плодородія, и одновременность празднествъ въ честь того и другаго (⁴).

(¹) Въ лѣтописи подъ 1229 г. упоминается нѣкто Волосъ Блужиничь, убитый на вечѣ. А въ Степенной книгѣ и Никон. лѣтописи скотскій богъ названъ Власіемъ.—Душ. Чт. 1872 г. 1 ч. ст. Калин. 141 ст. Терещ. VII 36.

(²) Прол. рук. Сол. библ. № 59 л. 327. Памят. стар. рус. литер. 1 вып. 129. Минея Четьи митр. Макар. рук. Син. библ. № 993 л. 291 обор.

(³) Кал. перех. 6 вып. 544—545 стр. Терещ. VI, 26 стр. Четьи Минеи, рук. сол. библ. № 511 (1639 г.) л. 422. Чудо это встрѣчается на лубочныхъ картинахъ, гдѣ святой изображается поражающимъ дракона въ пятомъ клеймѣ. Ровин. II, 569.

(⁴) Память Георгія 23 апр., а празднество въ честь Ярилы было: въ Костромѣ—во Всесвятское заговѣнье, въ Рязани и Тамб. губер.—въ

Благодаря нѣкоторымъ историческимъ условіямъ, Георгій, по народнымъ воззрѣніямъ, сдѣлался также устроителемъ земли русской. 23 Апрѣля въ честь Георгія поселяне имѣютъ обыкновеніе служить обѣдни и молебны угоднику, на которыхъ испрашиваютъ у святаго благословенія своимъ нивамъ и обилія плодовъ земныхъ. Въ Малороссіи въ день Георгія совершаются крестные ходы для освященія посѣвовъ; и простой народъ вѣритъ, что Георгій самъ ходитъ въ это время по полямъ и родитъ жито (¹). Въ сѣверозападной Руси есть обычай въ день Георгія утромъ ходить по полямъ съ водою и съѣстными припасами, и обтыкать межу косточками, сбереженными отъ пасхальнаго стола. При обходахъ поется пѣсня въ честь Георгія.

Юрій, вставай рано,
Отмыкай землю
Выпущай росу
На цѣплое лѣто,
На буйное жито,
На ядренистое,
На колосистое,
Людямъ на здоровье и т. д. (²).

По воззрѣніямъ Бѣлоруссовъ, Егорій весною и утромъ отмыкаетъ сырую землю:

Святый Юрья Божій пасолъ,
До Бога пашовъ,
А узявъ ключи золотые,
Атамкнувъ землю сырусенькую,

день всѣхъ святыхъ или на другой день Петр. дня; во Владимірѣ на Клязьмѣ — въ Троицыны день; въ Нижегор. губ. — іюня 24; въ Тверской — въ первое воскрес. послѣ Петрова дня. Терещ. VI 100 — 101; VI, 187, 189.

(¹) Терещ VI. 20. Душеп. Чт. 72 г. 1 ч. 379 стр.

(²) Душ. Чт. 72. 1 ч. 380 стр. ст. Калинскаго.

Пущавъ росу цаплюсенькую
На бѣлую Русь и на увесь свѣтъ (1).

Въ пословицахъ также Георгій представляется покровителемъ плодовъ. „Сѣй разсаду до Егорья, будетъ щей довольно. Коли на Егорьевъ день листъ съ подушку, на Ильинъ день клади хлѣбъ въ кадушку. Коли на Егорьевъ день морозъ, то и подъ кустомъ овесъ“. Но болѣе (повторяемъ) извѣстенъ Георгій, какъ покровитель животныхъ. Поселяне стараются имѣть въ дому образъ Георгія, въ увѣренности, что онъ охраняетъ скотъ отъ звѣрей и чумы (2). Въ день Юрія хозяева въ первый разъ выгоняютъ освященною вербою скотину въ поле, причемъ многіе служатъ Георгію молебны и окропляютъ скотъ или освященною водою, или Юрьевою росою; иные изъ хозяевъ въ этотъ день налагаютъ на себя постъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зажигаютъ огни, какъ символъ очищенія отъ порчи. Послѣ такихъ обрядовъ выгнанный на Юрьеву росу, скотъ принимается уже подъ защиту св. Георгія (3). Выгоняя въ поле скотину, поселяне окликаютъ св. Георгія.

Егорій ты нашъ храбрый!
Спаси ты нашу скотину,
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Отъ волка хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго (4).

Принимая подъ свое покровительство скотину, Егорій даетъ ей пищу, сохраняетъ отъ звѣрей.—Звѣ-

---

(1) Поэт. воззр. славянъ Аѳан. II. 702 стр.

(2) Зап. Имп. Геогр. Общ. эти. отд. II. 91, 98—99 стр.

(3) Терещ. VI, 29 стр. Душеп. Чт. 72 г. 1 ч. 380 стр.

(4) Поэт. воззр. слав. Аѳан. I. 707 стр. Подоб. пѣсня приводится у Терещ. Бытъ Рус. Нар. VI, 32 стр.

рямъ Георгій отдаетъ только въ пищу тѣхъ животныхъ которые бы оказались вредными для человѣка: напр.,—лошадь, которая бы убила хозяина; корову или овцу, на которыхъ чума. Одинъ мужикъ отбилъ у волка овцу и пошелъ домой. Дорога была была чрезъ лѣсъ. Только зашелъ онъ въ глушь лѣса, какъ предъ нимъ поляна,—и толпа волковъ. Среди волковъ стоитъ Юрій. Замѣтивъ мужика, Юрій начинаетъ укорять его, зачѣмъ тотъ отнялъ овцу у волка. Овца была отдана волку, потому что „ее кусала бѣшеная собака",— она сама „взбѣсилась бы и человѣку была бы вредна". Егорій хотѣлъ было за дерзость отдать мужика волкамъ; да тотъ упросилъ пощадить его, обѣщаясь впредь не отнимать у волковъ добычи (¹). Среди народа ходитъ немало сказаній, въ которыхъ св. Георгій является покровителемъ звѣрей и животныхъ. Георгій назначаетъ звѣрямъ и животнымъ пищу, лечитъ ихъ, когда они больны. Разъ шли путемъ—дорогою два человѣка. Дѣло было подъ вечеръ, а путь—чрезъ лѣсъ. Одинъ, боясь волковъ, предложилъ ночевать; другой же рѣшился идти въ лѣсъ. Идетъ онъ много ли, мало-ли, только приходитъ къ огню. Тамъ стадо волковъ и посрединѣ ихъ св. Юрій. Св. Юрій успокаиваетъ путешественника, спросивъ, какъ онъ попалъ сюда,— и узнавъ, что другой понадѣялся на свою силу, а не на Юрьево покровительство, велитъ волкамъ разорвать его. „Такъ ті вже й разірвали" (²). Въ Архангельской губерніи ходитъ слѣдующее сказаніе. Работаетъ одинъ крестьянинъ на гумнѣ. Видитъ: недалеко—Егорій и волки около него. Егорій приказываетъ взять у крестьянина лошадь съ бѣлою лысиною. Крестьянинъ, услыхавъ приказаніе, замазалъ у лошади лысину. Волки, не найдя указанной лошади, воротились безъ добычи. Егорій снова велитъ имъ разорвать

(¹) Зап. Имп. Геогр. общ. этн. отд. II, 91 стр. Ефименко.

(²) Драгомановъ. Малорус. преданія. 112 стр.

указанную лошадь, и они разорвали ([1]). Еще разсказъ объ Егоріѣ. Ночевали ночлежники (пастухи) въ количествѣ 30 человѣкъ въ лѣсу. Слыша каждую ночь возлѣ одного дуба вой волковъ, одинъ изъ нихъ (старикъ) рѣшился ночевать на дубу. Видитъ: Егорій всѣмъ волкамъ обрекаетъ животъ, и одному—его самого. И дѣйствительно, на слѣдующую ночь старика не стало. Одинъ поселянинъ видѣлъ, какъ Егорій велѣлъ волкамъ задушить 40 лошадей,—и тѣ исполнили его приказаніе ([2]).—„Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ"—говоритъ народъ. И народъ убѣжденъ, что „ловитъ волкъ (только) роковую овечку" ([3]). Среди народа ходитъ не мало заговоровъ, гдѣ къ Егорію, какъ покровителю животныхъ, обращаются съ мольбою о сохраненіи скота. Убѣжденный, что звѣри ѣдятъ только „повелѣнное, благословенное отъ св. Егорія храбраго", поселянинъ молится Егорію: „Истинный Христосъ, Царь небесный и Пресвятая Богородица, Георгій страстотерпецъ, милостивъ буди до меня, до грѣшнаго раба Божія (имя рекъ) и сохрани, и соблюди ты, Господи, во всякой часъ милаго моего живота, Власьева рода и бѣлаго, и пестраго и пр. и сохрани и соблюди во всякомъ мѣстѣ, гдѣ онъ ходитъ и спитъ или стоитъ и пр. ([4]). Какъ владыка звѣрей, Егорій представляется покровителемъ охотниковъ. Изъ множества заговоровъ, въ которыхъ обращаются къ Егорію охотники, мы приведемъ нѣкоторые. „Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду въ чистое поле, въ темные лѣса своихъ смотрѣть лоушекъ и стаушекъ; и встрѣчу я, рабъ Божій (имя рекъ) св. Георгія храбраго, ѣдетъ св. Георгій храбрый на своемъ сивомъ

([1]) Зап. Имп. Геогр. Общ. этн. отд. II. 93 стр.

([2]) Ibidem.

([3]) Даль. Посл. 46. 981. Сахар. II, 23. Арх. Истор.—Юрид. Свѣд. Бусл. 11, 96.

([4]) Труды этн. отд. общ. естеств. V, 2 вып. 468 стр.

конѣ, плеткой постегиваетъ, копіемъ погоняетъ черныя лисицы и лисовки, бурнасты лисицы и лисовки, рыси и росомахи, волки и волчицы" (1)... Въ другихъ заговорахъ Георгій тоже рисуется охотникомъ, по нѣсколько въ другомъ видѣ: „И беретъ Егорій храбрый свой тугой лукъ, натягиваетъ шелковую тетиву и стрѣляетъ своимъ тугимъ лукомъ, каленой стрѣлой, самъ Егорей приговариваетъ своей каленой стрѣлѣ: какъ отъ святаго Егорья летитъ калена стрѣла, не отпячивается и не отворачивается, и въ сторону не отскакиваетъ, и также вы, зайцы бѣлые, красны лисицы, бурнасты, нельзя вамъ не отпячиваться, не отворачивается и въ сторону не отскакивать" (2). Представляя Георгія охотникомъ и владыкою звѣрей, охотники молятся Георгію: „Георгій страстотерпецъ, гони ко мнѣ, рабу Божію (имя рекъ) со всѣхъ четырехъ странъ красныя лисицы и лисовеки, рыси, рассомахи, волки и волчицы по всякій день и по всякую ношь" (3). Обращаясь къ Георгію за помощью на охотѣ, охотники просятъ святаго, что бы звѣри также вились около ихъ „лоушекъ", какъ ярова пчела вьется около „маточки", что бы также лѣзли къ лоушкѣ, какъ люди идутъ въ церковь во Христово Воскресенье (4). Какъ владыкѣ животнаго царства и покровителю земледѣлія, къ Юрію обращаются съ просьбою защиты отъ червей. „Пойду я въ восточную сторону, въ восточной сторонѣ есть зеленый садъ; въ зеленомъ саду Георгій храбрый, Христовъ страстотерпецъ, ограждаетъ и огораживаетъ отъ сѣрыя черви, отъ бѣлыя черви, отъ лѣсныя, болотныя, листовыя, коренне-

---

(1) Труды этн. отд. общ. естеств. V. 2 вып. 188 стр.

(2) Ibidem. V, 2 вып. 197 стр.

(3) Ibidem. V. 2 вып. 190 стр.

(4) Ibidem. V, 2 вып. 193 стр. Зап. И. Г. Общ. этн. отд. II; 541 стр. № 284-й.

выя“ (¹)... Еще, какъ на одну изъ существенныхъ сторонъ въ образѣ Георгія, какимъ онъ рисуется въ народномъ представленіи, мы должны указать на его дѣятельность по устройству русскаго царства. Какъ Илья Муромецъ представляется защитникомъ русскаго народа отъ враговъ, такъ Егорій—устроителемъ русской земли и насадителемъ въ ней вѣры Христовой. Илья и Егорій дѣйствуютъ въ одномъ направленіи. Оба они стремятся поддержать индивидуальность и самостоятельность русскаго народа; только дѣятельность перваго на пользу Руси—внѣшняя, а втораго—внутренняя. Такъ что Егорій и Илья въ своей дѣятельности дополняютъ другъ друга. Основаніемъ для признанія св. Георгія устроителемъ земли русской и распространителемъ на Руси вѣры Христовой могли служить похвальныя слова въ честь св. Георгія. Такъ напримѣръ, „слово похвальное, иже во святыхъ отца нашего Аркадія еп. Кипрскаго на обновленіе храма святаго славнаго и побѣдоносца великомученика Христова Георгія“ такимъ образомъ прославляетъ святаго. „Паки церковь ликовствуетъ, паки прелесть упражняется. Паки смущаются бѣси. Паки діаволъ посрамляется. Паки нечестіе воздержается. Небо намъ днесь церковь Георгій претвори. О новыхъ преславныхъ чудесь и еже чуднѣйшее, Яко идѣ же умножися грѣхъ, преизобиловала благодать. Идѣ же древа гордыня, тамо мученическія цѣльбы. Идѣ же бѣсовскія жертвы, тамо христіанскія церквы. Идѣ же діаволи ликовствовали, тамо владыка явися. Почтемъ Георгія, вселенскую похвалу, церковное сокровище, крестнаго борца. Георгіе воздѣланнымъ совоздѣланникъ и путникомъ наставникъ, Георгіе плавающимъ кормчій. Георгіе озлобленнымъ отмститель и лжущихъ обличитель. Георгіе плачущихъ утѣшитель. Сиротамъ предстатель и вдовицамъ питатель и еже въ пустыняхъ скитающимся пастырь. Георгіе болящимъ врачъ, прибѣгающимъ

(¹) Зап. Импер. Геогр. Общ. этн. отд. II, 496 стр.

просвѣтитель, плѣннымъ предстатель, паствамъ стражъ, бѣсомъ губитель, еллиномъ разрушитель и вѣры правитель" (1).

Закрѣпленію за Георгіемъ имени устроителя, защитника земли русской и насадителя на Руси христіанства могли служить историческія обстоятельства. Щаповъ, настаивая на томъ, что въ Егоріѣ была воплощена идея земскаго міроустройства, указываетъ нѣсколько историческихъ обстоятельствъ, которыя могли способствовать образованію такого воззрѣнія. Мы и воспользуемся нѣкоторыми его указаніями. Не останавливаясь на томъ, что имя Георгія было рано усвоено русскими и не мало было князей съ этимъ именемъ, а также и церквей въ честь Георгія (2), мы остановимся только на личности Юрія Долгорукаго. Юрій Долгорукій былъ неутомимымъ устроителемъ сѣверо-восточной страны великой Руси. Онъ, по выраженію Щапова, и какъ изображаемый народнымъ эпосомъ Егорій храбрый, геройски носился по русской землѣ, вдоль и поперегъ исходилъ ее въ теченіе 22-хъ лѣтнихъ походовъ отъ приднѣпровья до Новгорода, отъ верховьевъ и до низовьевъ Волги, вдоль и поперегъ изъѣздилъ свою лѣсную и польскую землю. Раздѣляя въ ней лѣсъ и поле, онъ рубилъ лѣса, средоточіе звѣрей и звѣроловной Чуди-Мери и устроилъ вполнѣ свои знаменитые польскіе и залѣсскіе города— Москву, Юрьевъ — Польскій, Дмитровъ, Переяславль Залѣсскій, Кострому и др. Строя города и ставя въ уѣздахъ ихъ села, заботясь о распространеніи и утвержденіи христіанской вѣры на финскомъ сѣверѣ, Юрій Долгорукій призывалъ въ борьбѣ съ дикой, непочатой

(1) Мин. четьи рук. Сол. библ. № 500 л. 65—68.

(2) Внукъ Ярославовъ, Ярославъ Владиміровичъ носилъ христіанское имя Георгія. Онъ въ 1032 г. поставилъ г. Юрьевъ, сдѣлавшійся потомъ епархіей. Имъ же построена въ Кіевѣ церковь во имя Георгія и освящена митрополитомъ Ларіономъ. Душ. Чг. 72 ч. 1 ч. 281 стр.

почти природой и съ сѣверными финскими и другими племенами сѣверной Руси св. Георгія храбраго. „Потому онъ любилъ въ городахъ, имъ устроенныхъ, ставить первыя церкви во имя Георгія храбраго“ (¹). Новгородцы, переселяясь въ сѣверовосточную часть русской земли, также считали Георгія своимъ покровителемъ. Многія изъ церквей, ими устроенныхъ, были основаны въ честь этого именно святаго. Даже среди пришельцевъ Новгородцевъ ходило немало легендъ, въ которыхъ разсказывалось о покровительствѣ имъ св. Георгія. На составленіе образа Георгія, какъ устроителя русской земли, вліяли также сказанія о жизни русскихъ отшельниковъ (Трифона Печенгскаго, Никодима Кожеезерскаго, Антонія Сійскаго, Павла Обнорскаго и др.), которые проходя чрезъ дремучіе лѣса, переправляясь чрезъ болота и рѣки, встрѣчаясь на пути со стадами звѣрей и устраивая въ глухихъ дебряхъ свои поселенія, какъ и Новгородцы — колонисты, не мало служили физической культурѣ русской земли. Подъ вліяніемъ сейчасъ указанныхъ обстоятельствъ, выработался у русскаго народа типъ Егорія, какъ устроителя русской земли. Отправляясь на свои подвиги, Егорій, подобно Ильѣ Муромцу и другимъ богатырямъ, проситъ у своей матери благословенія.

Воздай мнѣ свое благословеніе:
Поѣду я по всей землѣ свѣтлорусской
Утверждать вѣры христіанскія
И побить царища бусурманища (²).

Намѣреніе Егорія—твердое. „Благословишь—пойду и не благословишь—пойду“, говоритъ онъ матери. Мать даетъ благословеніе сыну.

(¹) Жур. мин. нар. просв. 63 г. Щаповъ 1 ст. 97 стр.

(²) Калѣки перех. 2 вып. 415, 425.

Дитя мое, чадо милое!
Поди ти во поле во Латынское,
Возми коня богатырскаго,
Со двумя чепями со желѣзными,
Со палицей съ богатырскою,
И сь книгою со Евангельемъ (¹).

Въ отвѣтѣ матери Егорій представляется, съ одной стороны, какъ богатырь — представитель физической силы, съ другой—какъ герой, представитель силы духовной. Получивъ благословеніе, Егорій отправляется на подвиги.

Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ Егорій храбрый
На лѣса на дремучіи.

Вотъ первое затрудненіе, которое долженъ былъ побороть Егорій. Дремучихъ лѣсовъ—ни пройти, ни проѣхать. Но „по Божьему благословенію, по Егорьеву моленію" это затрудненіе было побѣждено: лѣса раздвинулись и разрослись болѣе правильно, какъ было нужно для „земскаго строенія."

По Божьему все повелѣнію,
По Егорьеву все моленію
Разрослись лѣса по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русской,
По крутымъ горамъ по высокіимъ (²).

Второе затрудненіе на пути Егорія представила переправа черезъ рѣки. Но Егорій, при помощи Божьей, преодолѣлъ и эту трудность.

„Ой вы рѣки быстрыя,
Протеките вы, рѣки, по всей землѣ,
По всей землѣ святорусскіей".

(¹) Калѣки. перех. 2 вып. 405 и 448 стр.
(²) Кал. перех. 2 вып. 415 стр.

И—по Егорьеву моленію,
Протекли рѣки, гдѣ имъ Господь повелѣлъ ([1]).

Третье затрудненіе Егорій встрѣтилъ въ переправѣ черезъ горы, но и его побѣдилъ святой. Наконецъ, еще затрудненіе встрѣтилъ Георгій въ борьбѣ со звѣрями.

Наѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное,
На стадо звѣриное на рыскучее,
Нельзя было Егорію проѣхати!
Святый Егорій проглаголуетъ:
Охъ вы, гой еси, звѣри лютые,
Разбѣгайтесь, вы, звѣри, по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтлорусской,
По крутымъ горамъ по высокіимъ,
По темнымъ лѣсамъ, по дремучіимъ,
Вы пейте повелѣнное, благословенное
Отъ святаго Егорія храбраго ([2]).

Какъ владыкѣ животнаго царства, Егорію ничего не стоило преодолѣть и послѣднее затрудненіе. Въ стихѣ объ Егоріѣ указывается еще на борьбу Георгія со змѣемъ, но мы пока умалчиваемъ объ этой борьбѣ. Сказаніе о Георгіѣ, какъ устроителѣ русской земли, исходившемъ ее вдоль и поперегъ, вызвало представленіе о немъ, какъ покровителѣ путешественниковъ. При отправленіи въ путь, поселяне читаютъ слѣдующій заговоръ. „Ѣдетъ Егорій храбрый на бѣлыимъ конѣ, златымъ вѣнцомъ украшается, булатнымъ копьемъ подпирается, съ татемъ ночнымъ встрѣчается, рѣчью съ нимъ перепирается: „куда, тать ночной, идешь? Иду я людей убивать, купцовъ проѣзщихъ добывать. А Егорій удалъ ему дороги не далъ, православныхъ обороняетъ, въ пути—дорогѣ сохраняетъ ([3]). На пред-

([1]) Калѣки перех. 2 вып. 417 стр.
([2]) Ibid. 2 вып. 417 стр.
([3]) Зап. Имп. Геогр. Общ. этн. отд. II, 520 стр.

ставленіе Георгія покровителемъ путниковъ имѣлъ, кажется, вліяніе и переходъ крестьянъ въ Юрьевъ день отъ однихъ къ другимъ. Намѣреваясь переходить на другое мѣсто, крестьяне начинали дѣло молитвою. Ближе всего имъ, конечно, было обращаться съ мольбою къ св. Георгію. Благочестивый обычай, при отправленіи въ путь, молиться св. Георгію во всей силѣ сохранился и до настоящаго времени.

Выясняя личность св. Георгія по народнымъ воззрѣніямъ, мы не можемъ не указать еще на одну весьма важную черту въ угодникѣ. Святый Георгій представляется мученикомъ за вѣру. Дѣйствительно, въ житіи св. Георгія разсказывается о мученіяхъ святаго. Такъ напримѣръ, передается исторія мученій св. Георгія въ рукописныхъ Четіяхъ Минеяхъ Соловец. библіотеки № 511. Діоклитіанъ воздвигаетъ гоненіе на христіанъ и, созвавъ совѣтъ, приглашаетъ своихъ приближенныхъ помочь ему истребить Христову вѣру. Среди приближенныхъ Діоклитіану воиновъ былъ Георгій. Увидѣвъ неистовство на христіанъ, Георгій оставляетъ страхъ и посреди сонмища начиняетъ обличать нечестиваго царя,—говоритъ, что на христіанъ утверждаются законы беззаконные, что противиться благочестію—безумствованіе, что идолы не боги, и что одинъ Христосъ есть Богъ, сотворившій міръ. Всѣ удивляются смѣлости св. Георгія. Царь убѣждаетъ святаго поклониться богамъ и обѣщаетъ ему за это награду. Но Георгій отказывается отъ царскаго предложенія. Тогда царь велитъ его предать мукамъ. Прежде всего отправили святаго въ темницу, распростерли по землѣ, ноги заключили въ колодки и на спину положили тяжелый камень. Такъ прошла ночь. На другой день снова ведутъ Георгія къ царю. Царь приглашаетъ святаго принесть богамъ жертвы и предлагаетъ дары, но святой отказывается. Тогда начинается цѣлый рядъ пытокъ, которымъ былъ подвергнутъ св. Георгій. Прежде всего Діоклетіанъ велѣлъ „принести коло веліе, всюду ножевъ исполненно, и на немъ протязати и вперен-

ными ножи орѣзати повсюду, бѣ бо коло на высотѣ повѣшено". Георгій вынесъ муку. Потомъ царь повелѣваетъ святаго на три дня ввергнуть въ ровъ каменный „горящій"; затѣмъ велитъ обуть святаго „въ сапоги желѣзны, гвоздія имуща долга"; потомъ приказываетъ бить его воловьими жилами; далѣе принуждаетъ пить обаяніе отъ волхва. Св. Георгій все выноситъ. Для испытанія св. Георгія царь предлагаетъ воскресить мертвеца. Георгій воскрешаетъ. Затѣмъ Георгія вводятъ въ капище. Святой словомъ сокрушаетъ идоловъ. Послѣ этого, по приказанію царя, Георгія усѣкаютъ мечемъ (¹). Въ отреченномъ Георгіевомъ мученіи XV в. передаются еще слѣдующія подробности страданій св. Георгія. Послѣ того, какъ Георгія избили „жилами сырыми", царь повелѣлъ „вовреши его въ окринъ мѣдянъ". Потомъ святаго мучили „на колесѣ, клади на раскаленнаго мѣднаго быка и били батогами по хребту; били разженными гвоздями; клали на желѣзную сковороду чревомъ"; били палицами сырыми по хребту и оцетъ смѣшанный съ солію лили на струпы и терли ихъ суконнымъ платомъ; пилили святаго пилою; бросали въ котелъ съ масломъ,— на голову возлагали раскаленный шлемъ, свѣчами поджигали ребра и, наконецъ, усѣкнули мечемъ (²). Какъ ни мучили св. Георгія, говоритъ житіе, святой, благодаря искренной молитвѣ, „не чуяше мукъ". Въ прологѣ указывается на пронзеніе св. Георгія копьемъ, раздробленіе его тѣла колесомъ, терзаніе сапогами съ желѣзными гвоздями, битье жилами, низверженіе его въ ровъ негасимый (³). На лубочныхъ картинахъ изображались мученія св. Георгія, какъ онъ былъ обутъ

(¹) Четіи Минеи, рук. Сол. библ. (1639 г.) № 511 гл. 427—447 (мартъ, мн., апр.).

(²) Памят. Отр. лит. II, 100—111 (напеч. съ рукоп. Моск. Син. библ., № 231).

(³) Прол. апр. 23. рук. Сол. библ. № 60 л. 151 обор.—152.

въ желѣзные сапоги, вверженъ въ ровъ, мученъ на колесѣ, битъ жилами, усѣченъ (1). Страданія св. Георгія (по житію) въ совокупности на столько поразительны, что народъ не могъ не обратить на нихъ серьезнаго вниманія. И дѣйствительно, въ духовныхъ стихахъ разсказывается о мукахъ св. Георгія. Правда, мученія святаго не всегда рисуются тамъ въ тѣхъ же чертахъ, въ какихъ онѣ изображаются въ житіи, но тѣмъ не менѣе въ духовныхъ стихахъ Георгій представленъ мученикомъ за вѣру. Георгій въ народномъ представленіи воплотилъ въ себѣ идею страдальчества за имя Христово; и, какъ идеальный типъ, онъ обнимаетъ собою всѣхъ христіанскихъ страстотерпцевъ. Мученія Георгія изображаются въ народныхъ стихахъ въ такомъ видѣ. На русскую землю, въ которой жилъ Георгій, нападаетъ „царище Деклитіанище (по другимъ стихамъ Демьянище, Одемьянище, Кудріанище, Дектіаль), идетъ и всѣхъ „плѣнитъ и рубитъ, и въ полонъ забираетъ". Трехъ сестеръ Георгія онъ беретъ въ плѣнъ „въ свою землю Латынскую" и принуждаетъ покинуть христіанскую вѣру. Не оставляетъ безъ вниманія „царище" и Егорія,—начинаетъ распрашивать святаго о вѣрѣ.

Скажи, въ которую ты вѣру вѣруешь?
И которому ты Богу молишься?
Повѣруй вѣру мою басурманскую,
Моимъ врагамъ, моимъ идоламъ (2).

Егорій отвѣчаетъ:

Не хочу я твою вѣру вѣровать,
А я вѣрую вѣру Самому Христу, Царю небесному,
И матери Пресвятой Богородицѣ,
Святой Троицы нераздѣлимой.

---

(1) Ровин. III, 569.

(2) Калѣки перех. 2 в. 403 стр. Варен. 100 стр.

Услышавъ такое исповѣданіе вѣры отъ св. Георгія, „злодѣй царище раззлобился и разсердился“, „повелѣлъ Егорія мучити“. Далѣе въ стихѣ изображаются самыя страданія мученика. Прежде всего царь языческій

Повелѣлъ Егорія въ топоры рубить:
По обухъ лезвія приломалося,
Ничего Егорью не вредилося.

По другимъ стихамъ: „Егорьево тѣло соцѣлялося“. Когда первая пытка мученика не достигла цѣли,—онъ по прежнему остался христіаниномъ; Діоклитіанъ подвергаетъ мученика цѣлому ряду пытокъ.

Повелѣлъ Егорія въ пилы пилить:
Въ пилахъ зубцы притиралися (въ другихъ стихахъ: покрошилися),
Повелѣлъ Егорія въ водѣ топить,
Пущалъ его съ бѣлымъ каменемъ,—
Поверху Егорій воды плаваетъ,
Поетъ стихи херувимскія,
Гласомъ гласитъ по евангельски.

Затѣмъ мучитель повелѣлъ

Егорья во смолѣ сажать:
А смола кипитъ, яко громъ гремитъ,
А святой Егорій во смолѣ сидитъ,
Во смолѣ сидитъ, поверхъ плаваетъ.

Далѣе царь повелѣлъ

Егорья по гвоздямъ водить:
А отъ ногъ гвозди приломалися.

Когда и эти муки не помогли, мучитель

Повелѣлъ Егорья на огнѣ жещи:
Святый Егорій посередь огня стоитъ,
Онъ поетъ стихи херувимскія.

Истощившись въ изобрѣтеніи мукъ для святаго Георгія, Діоклетіанъ

Повелѣлъ (наконецъ) копать глубокъ погребъ:
Глубины погребъ сорока сажень,
Ширины погребъ 20-ти сажень,
Посадилъ Егорья во глубокъ погребъ,
Закрывалъ досками онъ желѣзными,
Прибивалъ гвоздями полужеными
Засыпалъ песками разножелтыми.
Надъ святымъ Егоріемъ насмѣхается,
Онъ и самъ собака приговариваетъ:
Не бывать Егорью на святой Руси,
Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
Не обозрѣть Егорью солнца краснаго,
Не видать Егорью отца и матери,
Не слыхать Егорью звона колокольнаго.

Тридцать лѣтъ сидѣлъ Егорій въ погребѣ. А какъ тридцать лѣтъ исполнилось, явилась во снѣ Егорію Пресвятая Богородица и извѣстила его, что онъ скоро будетъ освобожденъ изъ погреба и за свои страданія получитъ царство небесное.

Ой ты еси, святый Егорій, свѣтъ храбрый!
Ты за это-ли претерпѣніе,
Ты наслѣдуешь себѣ царство небесное,
Будетъ имя отъ Христа написано.

По Божьему повелѣнію, по Егорьеву моленію воставали сильные вѣтры и разносили пески желтые, открывали доски дубовыя: выходилъ Егорій на святую Русь ([1]).

Народъ, какъ видимъ, замѣтилъ почти всѣ мученія св. Георгія, упоминаемыя въ житіяхъ; только опустилъ изъ виду мученіе святаго воловьими жилами, да терзаніе на колесѣ отъ вдѣланныхъ въ него ножей; замѣнилъ „рубленіемъ“ святаго „топорами“. Словамъ въ житіи св. Георгія, что онъ во время или послѣ

([1]) Калѣки перех. II 403—404. 424, 425. 430 и др.; Варен. 95 и 100 стр.

мученій „не чуялъ мукъ“ народъ придалъ большое значеніе. Въ стихахъ о св. Георгіи, послѣ изображенія муки, обыкновенно, замѣчается: „ничего Егорью не вредилося“. Наконецъ, св. Георгій рисуется въ духовныхъ стихахъ побѣдителемъ дракона: но на этомъ представленіи народа мы остановимся современемъ (¹).

На ряду съ Власіемъ и Георгіемъ, какъ покровителями животныхъ, народъ ставитъ Флора и Лавра, Св. Модеста, Св. Косьму и Даміана, Св. Николая. Не распространяясь о почитаніи первыхъ двухъ угодниковъ, мы скажемъ только, что они главнымъ образомъ признаются покровителями лошадей. Въ день Флора и Лавра хозяева купаютъ своихъ лошадей въ рѣкѣ,—приводятъ къ церкви, и здѣсь, послѣ молебна, окропляютъ ихъ святой водою (²). Въ заговорахъ касательно сохраненія скотины отъ звѣрей и порчи, народъ обращается съ мольбою къ Фролу и Лавру на ряду съ другими святыми—покровителями скота. „Умоляю тебя, Истинный Христосъ, Сынъ Божій,—читаемъ въ одномъ заговорѣ—всемилосердый Боже, и Матерь Пресвятая Богородица, и св. Архангелъ Михаилъ, грозный воевода небесныхъ силъ, св. Георгій Храбрый, и св. угодники Косьма и Даміанъ, Николай Чудотворецъ, Власій, св. Модестій Іерусалимскій, Флоръ и Лавръ... Умоляю васъ, научите раба Божія (имя рекъ), пастуха ограды и обороны ставить кругомъ своего стада, крестьянскаго скота“ (³). Основаній для подобнаго почитанія св. Флора и Лавра въ житіяхъ ихъ не встрѣчается. Извѣстно только, что они были „каменностружцы художествомъ“ и приняли за вѣру мученіе (⁴). Вѣроятно, къ почитанію св. Флора и

(¹) См. обширныя изслѣдованія о св. Георгіѣ въ книгѣ Кирпичникова: св. Георгій и Егорій храбрый и въ стат. Веселовскаго: св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ. Зап. И. А. Н. 37 т.

(²) Сказ. Рус. нар. 7 кн. 40 стр.

(³) Зап. Имп. Геогр. общ. этн. отд. II, 536; Труд. этн. отд. общ. естест. VI, 2 вып. 160, 170, 174, 176 стр.

(⁴) Рук. прол. Сол. библ. № 60 л. 475.

Лавра покровителями лошадей послужило какое нибудь апокрифическое сказаніе о нихъ. Тѣмъ не менѣе взглядъ этотъ на святыхъ былъ очень распространенъ на Руси. Въ древней Руси даже на иконахъ около св. Флора и Лавра изображались лошади. Святитель Димитрій Ростовскій, возставая противъ неправильнаго изображенія св. Флора и Лавра съ лошадьми, говоритъ: „и иная много обыкоша тіи (иконописцы) писати, якоже св. мученикъ Флора и Лавра съ лошадьми, яже суть небылица“ (1).

Въ приведенномъ сейчасъ заговорѣ, на ряду съ Флоромъ и Лавромъ, мы видимъ еще обращеніе къ Модестію—Модесту и св. Косьмѣ и Даміану. Св. Модестъ, еп. Іерусалимскій, тоже считается у русскаго народа покровителемъ скота. Основаніемъ для такого воззрѣнія на святаго послужило сказаніе въ его житіи, какъ онъ воскресилъ скотъ одного богатаго Іерусалимлянина. Змѣй, по навѣту діавольскому, испустилъ ядъ въ источникъ, гдѣ пилъ скотъ этого человѣка; скотъ перемеръ. Святой Модестъ воскресилъ скотъ, а змѣя убилъ (2). Почитаніе покровителями и защитниками скота св. Косьмы и Даміана также имѣетъ за себя основаніе въ житіи святыхъ. По житію, „аще убо на человѣки, аще ли же и на безсловесную животину возлагаста руцы свои святая Христова угодника, имяста готову на вся непобѣдимую Христову силу“ (3). Верблюдъ, исцѣленный Косьмою, прославляетъ угодника, заявляя, что милостію ихъ пользуются не только люди, но и скоты (4). Кромѣ врачеванія скота, народъ приписываетъ Косьмѣ и Даміану „ко-

---

(1) Разыск. Димит. Ростов. 415 стр. Душ. Чт. 1871 г., Август. ст. Калин. I. 28 стр,

(2) Прологъ. 18 декабря.

(3) Чет. Минеи рук Сол. библ. № 517 (писано 1636 г. устав.) л. 1 и 2.

(4) Чет. Минеи рук. Сол. библ. № 506 л. 3 об.

ваніе свадьбы". „Ты святый-ли Косьма—Даміанъ, да ты скуй намъ свадьбу вѣковѣчную, нераздѣльную (1), и скуй ты намъ свадебку крѣпко—крѣпко на крѣпко (2)". Признаніе святыхъ покровителями святости и ненарушимости брака имѣетъ за себя основаніе въ житіи святыхъ. Нѣкто Малхъ, говоритъ житіе, отправляясь въ далекую сторону, поручилъ жену свою Косьмѣ и Даміану „на соблюденіе отъ всякаго грѣха и напасти вражія". Діаволъ, преобразившись юношей, будто бы посланнымъ отъ мужа, уводитъ ее изъ дому и дорогою свергаетъ съ коня. Жена молится Косьмѣ и Даміану, и тѣ спасаютъ ее (3).

Владыкою животнаго царства,—а равно и растительнаго, — какъ мы замѣтили, представляется еще св. Николай.

Въ день Николы (9 мая) нѣкоторые поселяне выгоняютъ лошадей въ поле, служатъ молебенъ угоднику и окропляютъ ихъ освященной водой (4). Охотники нерѣдко просятъ у св. Николая покровительства при охотѣ. Одинъ заговоръ, приглашая горнастая на приманку, въ противномъ случаѣ угрожаетъ ему слѣдующимъ: „наложитъ мой Никола на тебя, бѣлаго звѣря, горносталя чернохвоста тоску и сухоту, и велику тяготу, не можно тебѣ, бѣлому звѣрю, горносталю ни жити, ни быти". Далѣе заговоръ представляетъ, какъ св. Николай „распускаетъ бѣлыхъ звѣрей горносталевъ по свѣту" (5). Въ народныхъ легендахъ нерѣдко разсказывается, какъ св. Николай заступается за то или другое животное, предназначенное на съѣденіе волкамъ. Припомнимъ сказаніе, какъ св. Николай, чтобы не дать на съѣденіе волкамъ, предназначенную Богомъ, бѣлую корову, вымазалъ ее черной краской (6).

(1) Поэт. возвр. слав. на прир. Аѳан. I, 466 стр.

(2) Бытъ рус. нар. Терещ. VI, 62 стр.

(3) Чет. Мин. рук. Сол. библ. № 506 л. 5.

(4) Терещ.—Бытъ рус. нар. VI, 45 стр.

(5) Труд. этн. отдѣл. общ. естест. V, 2 вып, 186 стр. № 49-й.

(6) Малор. нар. пред. Драгом. 112—113 стр.

Покровитель животныхъ и ихъ плодовитости, св. Николай изображается въ народныхъ произведеніяхъ и какъ покровитель брака. Онъ, по народному представленію, вьетъ веревки для брачущихся. Въ одной малорусской сказкѣ разсказывается такой фактъ. Разъ „посилававъ панъ казака з' лыстомъ и ему выпала дорога черезъ лисъ, и винъ якъ іихавъ тымъ лисомъ, то надыбавъ святого Мыколая, що винъ вязавъ лыка — іедно добре, а другое кепське. Але святый Мыколай показався ему въ постати стараго дида. Дѣ той козакъ, прыихавши близько св. Мыколая, и дывытьця на тое и повидае: що то вы, дидуню, отто робыте? А св. Мыколай виздываеся до него: а щожъ? Ты бачишь добре, що я роблю; лыка вяжу. Та я, дидуню, бачу, що вы лыка вяжете; ино не знаю: на що? Ого-такъ, козаче! Тіи лыка, которіи я вяжу до купу, то вини свидчать людськую долю!—А чого вы вяжете іедно лыко добре, а другое кепське?—Во такъ треба; бо и люды таки на свити: есть добріи и недобріи, то треба ихъ винчаты, щобъ были злы з' добрыми, а добры со злыми.—А то для чого? Для того бо якъ сье звинчалы сами злы, то воны бы не моглы въ свити житы, а якъ бы сье повинчалы добры, обое робучіи, то воны бъ з' велыкого добра забулы Бога" (1). Св. Николай связываетъ судьбу брачущихся и стремится къ тому, чтобы бракъ велъ къ добрымъ последствіямъ. Признаніе Николая покровителемъ брака и чадородія имѣетъ за себя основаніе въ житіи св. Николая. Онъ помогъ выйти замужъ 3-мъ бѣднымъ дѣвицамъ (2), по его молитвѣ родили дѣтей двѣ бездѣтныя женщины: одна бывшая 30 лѣтъ въ замужествѣ, другая 28. (3). Еще св. Николай извѣстенъ

(1) Поэт. воззр. слав. Аѳан. III, 373—374 стр.

(2) Житія Дим. Ростов. 6 декабря. Памят. древ. письм. XXVIII—XL т. Житіе Ник. Чуд. 93—98. л.

(3) Мин. Чет. митр. Мак. рук. Син. библ. № 989 л. 166-й. Памят. древн. письм. Житіе и чуд. св. Ник. 81 г. 52 и 72 стр. О покровительствѣ злакамъ—«умноженіи жита на нивѣ». Ibidem. 62 стр.

народу, какъ покровитель людей на водѣ. Всякому извѣстно, что въ житіи св. Николая передается не мало сказаній о его чудесахъ на морѣ. Мы укажемъ въ короткѣ на нѣкоторыя изъ этихъ чудесъ. Св. Николай плылъ въ Палестину для поклоненія святымъ мѣстамъ. Во время пути поднялась страшная буря,—корабль подвергался опасности утонуть. Но, по молитвѣ св. Николая, буря утихла и корабль благополучно прибылъ къ мѣсту назначенія. На возвратномъ пути св. Николай тоже совершилъ чудо. Корабельщики обманули святаго. Сказавъ, что ѣдутъ въ Ликію. направились въ противоположную сторону. Но, по молитвѣ св. Николая, корабль всетаки прибило волнами къ берегамъ Ликіи. Въ Четь-Минеи разсказывается еще замѣчательное чудо, совершенно св. Николаемъ на морѣ. Это случай помощи угодника, при крушеніи корабля. Одинъ корабль былъ застигнутъ бурею; кораблекрушеніе было неминуемо. Корабельщики, слышавъ о св. Николаѣ, какъ помощникѣ утопающимъ, обратились къ нему съ мольбою. И св. Николай помогъ имъ: явившись на корабль, сталъ править рулемъ и запретилъ бушевать морю. (1).

Въ житіи святаго подъ 9 мая разсказывается слѣдующее чудо. На кораблѣ въ Византію ѣхали язычники и 3 христіанина. Язычники бросили христіанъ въ море. Тѣ стали молиться св. Николаю. Одинъ не умѣлъ плавать и скоро утонулъ. Къ другимъ подплываетъ камень, на который они садятся и несутся по морю срѣдою. Дорогою вспоминаютъ о третьемъ товарищѣ. Оказывается, что онъ остался живъ; его изрыгаетъ китъ (2).

Въ этомъ же житіи разсказывается, какъ св. Николай, за непочитаніе его образа, вразумляетъ патріар-

---

(1) Четь-Минеи 6 декаб. Дим, Ростов. 97—98. Житіе и чуд. св. Николая. Пам. др. письм. 81 г. 48 — 51 стр. Памят. древн. письм. XXVIII—XL. 28—33 л.

(2) Минеи Четіи рук. Сол. библ 1569 г., данная Ив. Василевич. въ Соловки л. 278—280.

ха, подвергая его опасности умереть на морѣ и притомъ спасая его. (¹).

Въ прологѣ разсказывается о спасеніи св. Николаемъ одного тонувшаго Византійца. Послѣ молитвы святому, Византіецъ очутился въ своемъ дому въ сырой одеждѣ (²).

Есть сказаніе и объ иконахъ св. Николая, которыя тоже оказывали помощь на водѣ. Въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ есть икона Николая Чудотворца, такъ называемаго „Мокраго". Эта икона (между 1090—1100) сотворила слѣдующее чудо. Двое супруговъ Кіевлянъ, во время бури на Днѣпрѣ, утопили въ рѣкѣ ребенка,—и утопленный ребенокъ найденъ былъ живымъ, но мокрымъ у иконы Святителя Николая (³). Объ иконѣ Николая Чудотворца Дворищенской существуетъ сказаніе, что она чудесно обрѣтена плавающаю въ озерѣ Ильменѣ (⁴). Какъ бы то ни было, но только св. Николай въ русскомъ народѣ считается покровителемъ на водѣ. Произведенія народной словесности нерѣдко убѣждаютъ, при опасности на водахъ, обращаться съ молитвою къ св. Николаю. Потокъ Михайло Иванычъ въ одной изъ былинъ говоритъ богатырямъ:

Молитесь Николы Можайскому:
И будетъ васъ Никола миловать,
Изъ синя моря воздыновать (⁵).

Моряки считаютъ Николая Чудотворца своимъ покровителемъ. Они ставятъ себѣ долгомъ имѣть икону св. Николая и заботиться объ ея украшеніи. Во вре-

---

(¹) Ibidem. л. 261—266 обор.

(²) Рук. прол. Солов. библ. № 59 л. 354—356. Пам. др. письм. XXVIII—XL. 107—109.

(³) Истор. Рус. церкви 2-я пол. V-го т. Голуб. 357—8 стр.

(⁴) Ibidem. 360 стр.

(⁵) Рыбн. I, 225 стр.

мя карабленрушенія они обращаются къ Николаю Чудотворцу съ горячею молитвою, нерѣдко даже въ честь его налагаютъ на себя посты, и, по ихъ мнѣнію, св. Николай не оставляетъ безъ вниманія просьбы молящихся. Терещенко говоритъ, что онъ отъ многихъ моряковъ слыхалъ увѣреніе, что они спасались отъ кораблекрушенія, благодаря только заступничеству св. Николая (1).

Въ народныхъ произведеніяхъ Николай Чудотворецъ изображается разъѣзжающимъ по морю на золотомъ кораблѣ. Въ заговорѣ отъ усовей (колотье) мы читаемъ: „Есть морѣ золото, на золотѣ морѣ золотъ корабль, на золотѣ кораблѣ ѣдетъ св. Николае... Отворяетъ морскую глубину, поднимаетъ желѣзныя врата, а залучаетъ отъ раба Божія (имя рекъ) усови аду въ челюсти“ (2). Кромѣ покровительства, при плаваніи на водахъ, св. Николай, по народному представленію, является еще помощникомъ при рѣчныхъ и морскихъ промыслахъ. Народные заговоры представляютъ Николая Чудотворца покровителемъ рыбной ловли. Вмѣстѣ съ Богоматерью, Архангелами Михаиломъ и Гавріиломъ, Іоанномъ Предтечею—этими борцами противъ вражеской силы,—Николай Чудотворецъ призывается рыболовами „для сохраненія (отъ уроковъ) рыбной ловли, льняныхъ и посконныхъ коноплянныхъ ловушекъ“, а также и для того, чтобы „колебать синее море вѣтромъ и вихремъ, и сильною погодою, возбуждать красную рыбу семгу и бѣлую рыбу... и гнать ихъ къ рыболовамъ“ (3).

Такимъ образомъ, св. Николай представляется русскому народу скорымъ помощникомъ и теплымъ заступникомъ. Онъ исцѣляетъ болѣзни, помогаетъ въ нуждѣ и бѣдности, является къ человѣку съ защитою

(1) Бытъ рус. нар. Терещ. VI, 45—46 стр.

(2) Зап. И. Г. Общ. этн. отд. II, 457 стр.

(3) Труды этн. отд. общ. ест. V. 2 180. № 28.

и помощію при всякой опасности, въ какой бы человѣкъ ни находился, лишь бы только человѣкъ обратился къ нему за содѣйствіемъ. Среди народа русскаго ходитъ не мало легендъ, въ которыхъ разсказывается о помощи Николая призывавшимъ его. Дѣло было осенью, разсказывается въ легендѣ. Ѣхалъ мужикъ изъ лѣсу съ дровами. Возъ былъ наложенъ большой, а лошадь у мужика—плохая. Попала лошадь въ лужу и никакъ не можетъ вытащить оттуда воза. Вотъ идетъ мимо Касьянъ, угодникъ Божій. Мужикъ обращается къ нему съ просьбою о помощи, но Касьянъ отказываетъ въ помощи: не желаетъ-де райское платье марать. Проходитъ мимо Николай Чудотворецъ. Мужикъ и у него проситъ помощи. „Николай угодникъ, извѣстное дѣло, русскому человѣку большая помощь: помогъ, благословилъ,—мужикъ и доѣхалъ съ Божей помощью“. Самъ, любя Николая, русскій народъ представляетъ, что и у Бога Николай одинъ изъ любимѣйшихъ угодниковъ, что во мнѣніи Божіемъ онъ стоитъ на высокомъ счету, по крайней мѣрѣ, далеко выше, чѣмъ св. Касьянъ. Приведенная легенда о помощи Николая мужику и отказѣ Касьяна въ такомъ видѣ рисуетъ отношеніе Бога къ Николаю. Послѣ того, какъ св. Николай и Касьянъ воротились изъ путешествія, Господь спрашиваетъ, гдѣ они были? Николай Чудотворецъ разсказываетъ Богу, какъ онъ помогъ мужику, а св. Касьянъ,—какъ онъ прошелъ мимо мужика, не оказавши ему помощи. Выслушавъ того и другаго святаго, Господь сказалъ: „Слушай, Касьянъ угодникъ, ты не помогъ человѣку,—за то тебѣ въ 4 года всего на-все одинъ молебенъ. А тебѣ Николай, угодникъ Божій, за то что мужику возъ помогъ вытащить два молебна въ годъ. Отсюда-то бываетъ Никола вешній и Никола зимній, а Касьяну римлянину только въ високосный годъ празднуютъ (1).

(1) Зап. Импер. Геогр. Общ., этн. отд. II, 33—34 стр. Лѣт. русс. лит. 1 ч. II отд. 166 стр.

Въ другой легендѣ разсказъ о столкновеніи Николая съ Касьяномъ передается нѣсколько иначе. Разъ св. Касьянъ жалуется Богу, что его „не уважаютъ люди“, „въ 4 года едва разъ вспоминаютъ“, „храмовыхъ праздниковъ не устраиваютъ, съ молитвою не обращаются, и еще — добавляетъ онъ — если въ годъ моей памяти случится неурожай на землѣ или какая нибудь болѣзнь на людей и скотъ, то говорятъ, что „Касьянъ сердитой смотритъ на землѣ“, а я, какъ ты вѣдаешь, Господи, болѣзнями не завѣдую; на это есть другіе, а урожаемъ зарѣдываетъ Илья; даже именъ не даютъ въ память мою; а вотъ Николай, такой же угодникъ твой, какъ и я, а зачто же ему такой почетъ на землѣ: ему молебны поютъ, ему оброки кладутъ, ему храмы строятъ, ему и самый бѣднѣйшій свѣчи ставитъ, и сколько людей имя его носятъ! За что же, Господи, все это, и почему неравенъ почетъ угодникамъ твоимъ у людей? Правосудный Богъ, выслушавъ жалобу, посылаетъ ангела отыскать Николая. На небѣ св. Николая не оказалось, ангелъ нашолъ его на землѣ. Николай помогалъ мужику, у котораго возъ свалился въ болото,—и потому къ Богу св. Николай явился весь въ грязи и мокрый. Увидѣвъ Николая, Богъ дѣлаетъ внушеніе Касьяну. „Теперь смотри на Николая: видишь, онъ весь въ грязи запачканъ, возясь съ мужиками, помогая имъ въ ихъ нуждахъ и избавляя ихъ отъ бѣдъ; а ты всегда чисто ходишь и покойно живешь. Если ты хочешь такого же почета отъ людей, какъ Николай, то дѣлай тоже людямъ, что и онъ, и тебѣ отъ нихъ будетъ тоже, что Николаю (¹).

Св. Николай представляется чрезвычайно добрымъ, милостивымъ и жалостливымъ святымъ. Онъ готовъ помогать всякому, всегда и вездѣ, не только когда призываютъ его имя, просятъ его о помощи, а когда и не обращаются къ нему съ мольбою. По народнымъ легендамъ, онъ иногда даже вступаетъ изъ-за людей

(¹) Зап. Импер. Геогр. Общ. этн. отд. II, 33—34 стр.

въ пререканіе съ Богомъ, если приговоръ Божій ему покажется строгимъ. Мы уже приводили сказанія о странствованіяхъ по землѣ Господа. Въ одномъ изъ нихъ разсказывается, какъ Богъ велитъ волку взять корову одной бѣдной вдовы, которая приняла ихъ прежде самымъ радушнымъ образомъ. Св. Николай протестуетъ противъ опредѣленія Господа. Но когда Господь не внимаетъ его доводамъ, св. Николай рѣшается хитростію воспрепятствовать исполненію воли Божіей: „начавъ вин придумувати, як бы ухитриться помочи для неі“: Чтобъ волки не узнали коровы, онъ взялъ да вымазалъ ее черной краской. Когда, далѣе, попадается имъ на пути бочка съ золотомъ и Господь велитъ ей катиться къ гордому и скупому богачу, св. Николай снова начинаетъ ходатайствовать за бѣдную вдову и проситъ Господа удѣлить ей часть золота (¹). Повторяемъ: св. Николай представляется русскому народу чрезвычайно милостивымъ. Правда, св. Николай бываетъ строгимъ, когда его оскорбляютъ и непочитаютъ, но эта строгость только временная: попроси у св. Николая прощенія, и онъ снова къ тебѣ будетъ милостивымъ. Одинъ архіерей не вздумалъ разъ освящать иконы св. Николая. Сколько владѣлецъ иконы ни просилъ владыку объ освященіи ея, тотъ не соглашался. Св. Николай наказалъ архіерея болѣзнію и мало того, въ вихрѣ унесъ его на корабль, который долженъ былъ утонуть въ морѣ. Когда архіерей сталъ молиться св. Николаю о помощи и обѣщалъ ему отслужить молебенъ и прочитать акаѳистъ, Николай Чудотворецъ явился съ помощью, вывелъ его изъ корабля и повелъ по водѣ, какъ по суху. Воротившись чрезъ 12-ть дней домой, наказанный архіерей прежде всего постарался освятить икону св. Николая (²). Этотъ случай, какъ мы видѣли, разсказывается въ житіи св. Николая (³).

(¹) Малор. нар. пред. Драгом. 112—113 стр.

(²) Малор. нар. пред. Драгом. 14 стр.

(³) Мин. Четьи, Рук. Сол. библ. 1539 г. Дача князя Ив. Васильевича въ Соловки л. 261—265.

Если дѣятельность св. Георгія, какъ мы замѣтили, сосредоточивается главнымъ образомъ на покровительствѣ животнымъ, по св. Николай главнымъ образомъ является покровителемъ и помощникомъ людей. Онъ помогаетъ людямъ, находящимся въ опасности (особенно на морѣ), исцѣляетъ болѣзни и недуги людей, сохраняетъ отъ порчи, отстрѣливаетъ уроки и призоры. Въ заговорахъ такимъ образомъ описывается дѣятельность св. Николая. „Святой великій святитель Христовъ, теплый заступникъ и скорый помощникъ Николай Мирликійскій Чудотворецъ, стоитъ у того желѣзнаго тына и у мѣдныхъ вратъ (которыми огражденъ заговаривающійся), накладываетъ булатныя стрѣлы и стрѣляетъ и отстрѣливаетъ отъ раба Божья (имя рекъ) всякія злыя, лихія притчи, скорби и болѣзни, щипоту и ломоту и 12-ть проклятыхъ иродовыхъ дщерей—злую, лихую лихорадку" (¹). Или:... стрѣляетъ Николае и сберегаетъ меня, раба Божья (имя рекъ) отъ порченика, отъ порченныхъ, отъ колдуна, отъ колдуницы" (²). Еще: „На окіанѣ — морѣ стоитъ золотъ стулъ; на золотѣ стулѣ сидитъ св. Николай, держитъ золотъ лукъ, натягиваетъ шелковую тетиву, накладываетъ калену стрѣлу, станетъ стрѣлять уроки и призоры, станетъ стрѣлять отцеву думу и материну думу и всѣхъ людей думы (³). Говоря о св. Николаѣ, какъ помощникѣ людей, мы кстати приведемъ еще одно сказаніе о чудесномъ спасеніи св. Николаемъ Василія, — сказаніе, распространенное среди русскаго народа. Около славнаго города Антюхіи (въ др. Тинфира, Тифлиса, Миртикіи) „за пять поприщъ" стояла соборная церковь святителя Николая Чудотворца. Во время одного богослуженія напали на церковь непріятели. Многихъ изъ взятыхъ въ плѣнъ въ церкви—убили, другихъ продали,

(¹) Труды этн. отд. общ. естеств. V, 2 вып. 161 стр.

(²) Труды этн. отд. общ. естест. V, 2 в. 191 стр.

(³) Труды этн. отд. общ. естеств. V, вып. 2, 219 стр.

третьихъ съ собою взяли; между прочимъ и Василія, сына сильнаго мужа въ Антіохіи, Агрика. Родители, послѣ потери сына, сначала гнѣваются на св. Николая, а потомъ обращаются къ нему съ молитвою. Агрикъ приходитъ въ церковь,

Мѣстную свѣчу поставляетъ
Предъ святителя Миколу Чудотворца,

„служитъ честные молебны“ и, упавъ предъ его иконою, проситъ свободить сына „изъ великія неволи“. Св. Николай спасаетъ сына. Василій чудесно былъ перенесенъ къ своему отцу. Родители, увидѣвъ сына, удивляются его возвращенію. Сынъ выясняетъ, какъ это все могло случиться.

Не тѣнь моя вамъ показалась,
А самъ я вамъ здѣсь явился.
Знать по Божьему все повелѣнію,
По святителя Николы—свѣтъ моленію,
По вашему по великому благословенію,
Предъ лицомъ стоялъ я
Предъ княземъ предъ Тамерой,
Во руцѣхъ держалъ вина скляницу, пойло,
Во правой рукѣ чару золотую,—
Находила на меня Божья воля
Подымало же меня святымъ духомъ,
Невидимо меня у князя не стало,
Стоялъ же я у васъ на подворьѣ,
Никого же я предъ собою не узрѣлъ,
Только видѣлъ я святителя Миколу“ (¹).

Чудо святителя Николая съ Васильемъ показываетъ, что онъ можетъ помогать даже въ такихъ случаяхъ, когда помощь, повидимому, не мыслима. Народъ рисуетъ св. Николая чрезвычайно сильнымъ угод-

(¹) Калѣки перех. 3 вып. 559, 561, 569, 572, 566, 575, 582 стр.

никомъ и, какъ мы уже говорили, необыкновенно милостивымъ. Мы уже раньше говорили, что, по народному представленію, „все въ мірѣ творится Божьимъ судомъ“, все совершается „по Божьему велѣнію,“—только нужно чье нибудь „моленіе.“ А Николай угодникъ—усердный молитвенникъ предъ Богомъ за людей. „Попроси Николу, а онъ Спасу скажетъ“. Выходя изъ той мысли, что нѣтъ основанія „молиться тому святому, который не милуетъ“, народъ нашъ почти при всякихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, на ряду съ І. Христомъ и Божьей Матерью, обращается къ св. Николаю. „Лучше брани: Никола съ нами. На полѣ Никола—общій Богъ“—характеризуетъ народъ пословицей свое сочувствіе къ угоднику. И нужно сказать: народъ нашъ положительно увѣренъ, что „нѣтъ за насъ поборника супротивъ Николы“. „Никола въ морѣ спасаетъ, Никола мужику возъ подымаетъ“ (¹). Малорусскіе старцы поютъ о св. Николаѣ между прочимъ слѣдующій стихъ:

Ой хто, хто Миколая любить,
Ой хто, хто Миколаю служить,
Тому святой Миколае
На всякій часъ помогае (²).

Изъ сказаннаго о св. Николаѣ видно, что ни одинъ изъ святыхъ не останавливалъ на себѣ такого вниманія народа, какъ св. Николай, ни одинъ святой не рисуется народомъ въ такихъ симпатичныхъ чертахъ, какъ этотъ угодникъ. Высокое уваженіе къ Николаю Чудотворцу русскаго народа вызывалось почитаніемъ угодника церковью. Память св. Николая воспоминается каждый четвергъ вмѣстѣ съ апостолами,—на ряду съ апостолами ему положена особая служба. Сказаніе

(¹) Даль. Посл. 7. 10. 38 стр. Снегир. Посл. 228, 224, 231. Труд. общ. есг. этн. отд. V, 2 в. 546 стр.

(²) Душ. Чт. 1871 г. декабрь. Изъ церк. нар. рус. мѣсяц. 120 стр.

о жизни и чудесахъ Николая также располагало слушателей въ его пользу. Въ житіи онъ представляется неустаннымъ помощникомъ людей. Въ Четьи Минеи замѣчается, что св. Николай при жизни своей „благъ бѣ ко всѣмъ и благоприступенъ, сиротамъ отецъ, нищимъ милостивый податель, утѣшитель плачущимъ, помощникъ обидимымъ, и всѣмъ великій благодѣтель". За святую жизнь св. Николай удостоился дара чудотвореній. „Многа же великая и преславная чудеса великій сей угодникъ сотвори по земли и по морю, въ бѣдахъ сущимъ помогая, отъ потопленія спасая, и отъ глубины морскія на сухо относя, отъ плѣненія восхищая и пренося въ домъ, отъ узъ и темницы избавляя, отъ мечнаго посѣченія заступая, и отъ смерти свобождая, многимъ многая подаде исцѣленія: слѣпымъ зрѣніе, хромымъ хожденіе, глухимъ слышаніе, нѣмымъ глаголаніе. Многихъ въ убожествѣ и нищетѣ последней страждущихъ обогати, гладнымъ пищу подаде и всякому во всякой потребѣ готовъ помощникъ, теплый заступникъ и скорый предстатель и защитникъ показася и нынѣ такожде призывающимъ его помогаетъ и отъ бѣдъ избавляетъ" ([1]). Въ одномъ рукописномъ житіи половины XVI в. замѣчается, что нѣтъ на Руси града и села, гдѣ бы не было совершено чудесъ св. Николаемъ; чудесъ отъ святаго по житію столько много, что „немощно за множество писанію предати" ([2]).

Переходимъ къ святымъ цѣлителямъ болѣзней и страстей. — Всѣ болѣзни, — которыя народъ олицетворяетъ въ 12 сестрахъ — трясавицахъ, дочеряхъ царя Ирода ([3]), — по народному воззрѣнію, дѣло нечистой силы, дѣло дьявола ([4]).

([1]) Четь-Минеи, 6 Декабря св. Димит. Ростовскаго.

([2]) Мин.-Чет. рукоп. Сол. библ. 4562. г. Мин. дьяк. госуд. Ивана Васильев. въ Соловки стр. 274 обор.

([3]) Труд. Этн. Отд. Общ. Естеств. V т. 2 вып. 164 стр., 205 и 206. 209. Зап. Имп. Геогр. Общ. этн. отд. II, 437 и 463.

([4]) Труд. Этн. Отд. Общ. Естеств. V, 2 вып. 163 стр.

Народъ думаетъ, что діаволъ не только самъ причиняетъ людямъ болѣзни, но и насылаетъ ихъ на людей чрезъ колдуновъ, вѣдуновъ, еретиковъ, богоотступниковъ „дьявольскихъ рабовъ", которыхъ поэтому народъ чрезвычайно боится. На борьбу съ діаволомъ, виновникомъ болѣзней, народъ русскій выставляетъ множество святыхъ, которые, по его воззрѣнію, защищаютъ людей отъ губительнаго дѣйствія нечистой силы. Защиту людей отъ дѣйствія враждебной силы народъ рисуетъ въ видѣ отстрѣливанія болѣзней. „Николай, читаемъ мы въ одномъ заговорѣ, натягиваетъ свой мѣдный лукъ, накладываетъ булатныя стрѣлы и стрѣляетъ и отстрѣливаетъ отъ раба Божія (имя рекъ) всякія злыя, лихія притчи, скорби и болѣзни: щипоту и ломоту и двѣнадцать проклятыхъ Иродовыхъ дщерей — злую лихорадку" (¹). Въ различныхъ болѣзняхъ народъ испрашиваетъ помощь у различныхъ святыхъ. Какъ есть врачи спеціалисты той или другой болѣзни, такъ и святые, по народному воззрѣнію, преимущественно помогаютъ въ одной какой нибудь болѣзни. Причина, почему тому или другому святому приписывается даръ (сила) помогать въ той или другой болѣзни, въ большинствѣ случаевъ кроется въ житіи святаго. Если въ житіи разсказывается, что святой сотворилъ чудо, помогъ въ той или другой болѣзни, то онъ и получаетъ въ народномъ представленіи мѣсто духовнаго врача именно этой болѣзни. Цѣлителями лихорадки, судя по заговорамъ, народъ считаетъ І. Христа, апостоловъ Петра и Павла, евангелистовъ, Михаила Архангела, Николая Чудотворца, Илію, Кузьму и Даміана, Пантелеймона, Ермолая, Сисинія и др. Объ Іисусѣ Христѣ, какъ врачѣ душъ и тѣлесъ, мы уже говорили. Основаніе для признанія цѣлителемъ лихорадокъ ап. Петра указываетъ самый заговоръ противъ

(¹) Тр. Этн. Отд. Общ. Ест. V т. 2 вып. 161. Под. об. ibid. 219 стр. Зап. Импер. Геогр. Общ. Этн. Отд. II, 499 стр.

лихорадки. „Егда на одрѣ лежаше св. ап. Петръ предъ враты Галилейскими и той боля трясавицею студеною, говоритъ заговоръ, и пріиде къ нему І. Христосъ, рече же Петру: о чемъ же лежиши? Петръ же отвѣща ему: Господи, боленъ есмь трясавицею студеною. Рече ему Іисусъ: „востани, Петре, отъ трясавицы“, и воста Петръ и помолися Господу Богу: Господи, Іисусе Христе, Боже мой, молю Тя, даждь всѣмъ людямъ такое же избавленіе отъ трясавицъ (¹). Болѣзнь тещи Петровой, которая, по сказанію евангелиста, была исцѣлена І. Христомъ, послужила поводомъ къ признанію врачемъ лихорадокъ ап. Петра, такъ какъ народъ болѣзнь тещи Петровой приписалъ самому апостолу Петру. Михаилъ Архангелъ, св. Николай Чудотворецъ, Илья пророкъ (²), Козьма и Даміанъ, Пантелеймонъ, Ермолай (³) потому считаются народомъ врачами отъ лихорадокъ, что эти святые признаются цѣлителями самою церковію. Въ молитвѣ надъ болящими призываются всѣ упомянутые сейчасъ святые (⁴). А вѣра въ св. Николая, и Козьму и Даміана, какъ цѣлителей лихорадокъ, тѣмъ болѣе должна была составиться у народа, что въ житіи святыхъ разсказывается множество чудесныхъ исцѣленій, совершенныхъ святыми (⁵). При лихорадкѣ народъ обращается за помощію еще къ святому Онисифію. Въ прологѣ нѣтъ основанія для признанія святаго цѣлителемъ лихорадокъ.

(¹) Труд. Эти. Отд. Общ. Естеств. М. 2 вып. 208.

(²) Ibidem.

(³) Зап. Имп. Георг. Общ. этн. отд. II, 169.

(⁴) Требн. рук. Солов. библ. 1505 г. № 1085 л. 136 обор.

(⁵) Въ Минеяхъ Четіихъ митр. Макарія передаются чудеса Св. Николая: объ исцѣленіи бѣсноватыхъ (3, 11, 13, 14 и 15 чудо), объ исцѣленіи слѣпаго (5 чудо) и болящаго утробою (6 чудо), объ исцѣленіи жены неплодной (7 чудо) и сухой дѣвицы (8 чудо) и т. д. Рук. Син. библ. № 989 л. 163—168. Въ житіи Косьмы и Даміана разсказываются чудеса о спасеніи человѣка, которому вплолзъ въ уста змѣя, объ исцѣленіи Евреанынн и т. д. Мин. Чет. рук. Солов. библ. № 806 л. 1—22.

Признаніе врачемъ отъ лихорадокъ Сисинія, одного изъ 40 мучениковъ Севастійскихъ, обусловливалось, кажется, болгарскимъ вліяніемъ. „Молитвы составлены лживыя отъ трясавицъ — говорится въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ индекса апокриѳическихъ книгъ—Еремея попа Болгарскаго басни, глаголетъ бо окаянный: сѣдящу святому отцу Сисинію на горѣ Синайстѣй видѣ седьмь ангелъ, исходящихъ изъ моря и ангела Сахаила именуема, и иная изыдоша седьмь ангелъ, седмь свѣщъ держаща“. Св. Сисиній изображается иногда на иконахъ, напр. на одномъ изъ иконныхъ изображеній представляется нѣчто въ родѣ скалы, возвышающейся надъ озеромъ. Въ озерѣ купаются 12-ть дѣвъ съ растрепанными волосами и совершенно нагихъ желтаго, синяго и др. цвѣтовъ. На скалѣ изображены по одну сторону Сисиній, простершій правую руку на озеро, а по другую Архангелъ Михаилъ, поражающій дѣвъ (1). Весеннее время, когда празднуется память Сисинія (9 Марта) и когда лихорадка особенно свирѣпствуетъ, могло способствовать закрѣпленію за Сисиніемъ имени цѣлителя лихорадокъ (2).

Что касается другихъ болѣзней, то при головной боли русскіе поселяне обращаются за помощію къ Іоанну Крестителю (3), при зубной боли и при грыжѣ—къ Антипію (4), при болѣзни глазъ — къ Архидіакону Лаврентію и Сотнику Логину, при оспѣ—къ Конопу. Основаніе, почему народъ считаетъ Іоанна Крестителя цѣлителемъ головной боли и порѣзовъ, нами уже

---

(1) Душеп. Чт. Мартъ 1872 г. 261—262 стр. ст. Калин. Русск. Арх. Качіч. 2 к. кон. 2, 6 годъ. 56, 57 стр.

(2) Труд. Этн. Отд. Общ. Ест. V, 2 вып. 205 стр. Зап. Имп. Г. Общ. этн. отд. II, 463 стр.

(3) Труд. Этн. Отд. Общ. Ест. V т., 2 вып. 202. № 29.

(4) Зап. Имп. Г. Общ. Этн. Отд. II, 451 Срав. Пам. Отреч. Лит. II, 354.

указано выше. Признаніе же Антипія цѣлителемъ зубной боли и грыжи имѣетъ для себя основаніе въ житіи святаго. По житію (Прологъ 11 Апрѣля) Антипій „благодать имать отъ Бога цѣлити болѣзнь зубную“. Онъ, во время гоненія Домиціанова, былъ брошенъ въ раскаленнаго мѣднаго вола, гдѣ и скончался, испросивъ у Бога силу исцѣлять обращающихся къ нему отъ всякихъ болѣзней, и между прочимъ, зубной. На лубочныхъ картинахъ XVIII в. встрѣчается поясное изображеніе св. Антипія, гдѣ также указывается на даръ Антипія исцѣлять зубныя болѣзни (1). Кромѣ Антипія въ заговорахъ отъ зубной боли иногда призываются Антоній (2), Іоаннъ Богословъ (3), Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ (4); убогій Лазарь (5). Прямыхъ основаній для призыванія отъ зубной боли сихъ святыхъ нѣтъ въ житіяхъ. Они призываются вообще, какъ святые, (болѣе другихъ уважаемые и извѣстные народу) молитвенники предъ Богомъ. Для признанія архидіакона Лаврентія и мученика Логина Сотника врачами глазныхъ болѣзней служили сказанія въ ихъ житіяхъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ слѣпцовъ. О первомъ въ житіи его (6) разсказывается, что въ домѣ Нарцисса, къ которому онъ, по порученію папы Сикста, явился сдать церковное имущество, исцѣлилъ слѣпца Крискентіона, сотворивъ крестное знаменіе и призвавъ имя, отверзшаго очи слѣпорожденному, Іисуса. Въ житіи втораго, т. е. Сотника Логина, разсказывается, какъ благодаря его заступничеству, прозрѣла одна вдова отъ Кападокіи, лишившаяся въ Іерусалимѣ послѣдняго сво-

---

(1) Ровин. III, 549—550.
(2) Зап. Имп. Г. Общ. этн. от. II, 471 стр.
(3) Малор. нар. пред. 29 стр.
(4) Труд. Этн. Отд. Общ. Ест. V, 2-й вып. 202 стр. № 24-й
(5) Ibidem. — — V, 2-й вып. 201 стр.
(6) Мин.-Четіи св. Димитр. Ростовскаго подъ 10 августа.

его сына. Сотникъ, явившись слѣпой во снѣ, велѣлъ вырыть его голову (голова по кончинѣ мученика была брошена въ гноище) и за это обѣщалъ ей прозрѣніе ([1]). Сказаніе въ житіи мученика Конона Исаврійскаго (1-е по Рож. Хр.) о томъ, какъ онъ прогналъ изъ страны бѣсовъ, распространявшихъ оспу, послужило поводомъ къ признанію его цѣлителемъ оспы ([2]).

Нѣкоторые святые, по народному представленію, предохраняютъ человѣка отъ грѣховъ: иные отъ всѣхъ грѣховъ вообще, другіе только отъ одного какого нибудь грѣха. Такъ отъ блудной страсти избавляютъ человѣка, по народному воззрѣнію, преподобный Мартеніанъ, Іоаннъ Многострадальный, преподобный Моисей, Ѳомаида, Марія Египетская. Основанія для признанія указанныхъ святыхъ хранителями отъ блудной страсти даютъ жизнеописанія ихъ. Мартеніанъ, по сказанію жизнеописателя, подвизался близь Кесаріи Палестинской. 18-ти лѣтъ онъ оставилъ міръ. Слава о немъ, какъ подвижникѣ, скоро разлетѣлась на далекое пространство. Одна будница рѣшилась прельстить святаго,—явилась съ целью его нищей. Святой оказалъ состраданіе къ нищей, но на другой день она предстала предъ Мартеніаномъ въ блестящемъ нарядѣ и созналась, что она увлеклась святымъ. Мартеніанъ согласился на грѣхъ, только просилъ нѣсколько подождать. Но тутъ онъ опомнился. Келью свою Мартеніанъ сожегъ, а блудницу привелъ въ раскаяніе и убѣдилъ ее идти въ монастырь. Святой еще увлекся одной дѣвицей, но тоже опомнился во время ([3]). Іоаннъ многострадальный подвизался въ печерскомъ монастырѣ и, по сказанію жизнеописателя, съ великими страданіями боролся противъ

([1]) Мин. Четіи Октябрь Рук. Солов. библ. № 502, глав. 16 л. Мин. Дим. Ростов. 16 октября.

([2]) Мин.-Четіи св. Дим. Ростовск. 5 марта.

([3]) Мин.-Четіи св. Димитр. Ростовск. 13 февраля.

блудной страсти (¹). Преподобный Моисей, по сказанію жизнеописателя, много претерпѣлъ страданій за свою чистоту отъ одной богатой госпожи въ Польшѣ, которая увлеклась имъ и расточала ласки, но неудовлетворенная могла продавать его, какъ плѣнника (онъ былъ взятъ въ плѣнъ Болеславомъ, прогнавшимъ изъ Кіева Ярослава) безнаказанно истязаніямъ (²). Святая Марія Египетская, какъ извѣстно изъ житія, сначала была блудницей, а потомъ сдѣлалась великой подвижницей. Почитаніе Мартеніана, Іоанна Многострадальнаго, Моисея, Маріи Египетской, какъ цѣлителей отъ блудной страсти, выражается, обыкновенно, въ молитвѣ къ нимъ при обуяніи страстью. Что же касается Маріи Египетской, то имя ея встрѣчается и въ народныхъ заговорахъ. Мы приведемъ небольшое мѣсто изъ заговора отъ змѣя, летающаго къ женщинѣ. „Тебя, змѣй, не боюсь, Господу Богу помолюся, преподобной Маріи Египетской уподоблюся, во увилищѣ замкнусь (³)". Отъ пьянства, по народному представленію, помогаютъ людямъ Вонифатій и Моисей Муринъ. Представленіе Вонифатія и Моисея Мурина избавителями отъ пьянства также обусловливается нѣкоторыми сказаніями въ житіяхъ ихъ. Вонифатій, по свидѣтельству житія, былъ рабомъ одной римлянки Аглаиды (временъ Діоклетіана). Онъ жилъ съ госпожею въ блудной связи и былъ горькимъ пьяницей. Аглаида, услыхавъ о подвигахъ мучениковъ, задумалась надъ своей жизнію, бросила развратъ и послала Вонифатія на востокъ привезти мощи какого нибудь мученика. Вонифатій, увидѣвши въ Тарсѣ страданія христіанъ и ихъ самоотверженіе, увлекся примѣромъ христіанъ и пострадалъ. Мощи Вонифатія были привезены къ Аглаидѣ, которая надъ мощами выстроила церковь (⁴). Моисей

(¹) Мин.-Четіи св. Димитрія Ростов. 18 іюля.

(²) Мин.-Четіи св. Димитр. Ростовск. 26 іюля.

(³) Зап. Имп. Геогр. Общ. эти. отд. II, 537 стр.

(⁴) Мин.-Четіи св. Димитр. Ростов. 19 декабр.

Муринъ былъ сначала разбойникомъ, — отличался нетрезвымъ образомъ жизни. Однажды онъ у бѣднаго пастуха укралъ 4-хъ овецъ и, съѣвъ мясо, шкуры ихъ употребилъ на вино. Но въ послѣдствіи онъ сдѣлался подвижникомъ и умеръ мученикомъ отъ рукъ разбойниковъ, которые ограбили тотъ монастырь, гдѣ пребывалъ Моисей Муринъ.

Говоря о святыхъ, какъ владыкахъ видимаго міра и цѣлителяхъ недуговъ и болѣзней, мы останавливались только на угодникахъ мужескаго типа. Теперь переходимъ къ святымъ типа женскаго. Нечего и говорить, что первое мѣсто въ нашихъ разсужденіяхъ въ этомъ случаѣ должна занять Матерь Божія. И нужно сознаться, что народъ русскій, кромѣ Пресвятой Дѣвы, мало знаетъ святыхъ женскаго типа, но за то особенное вниманіе онъ останавливаетъ на Божіей Матери. Божія Матерь представляется въ народныхъ воззрѣніяхъ царицею неба и земли, владычицею всѣхъ царствъ природы, и особенно защитницею человѣческаго рода, помощницею въ нуждахъ и скорбяхъ, цѣлительницею болѣзней и страстей. Нужно сказать, что прежде чѣмъ народъ узналъ о Богоматери, у него въ представленіи носился уже типъ владычественнаго женскаго существа. Аѳанасьевъ въ „Поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу“ приводитъ цѣлый рядъ словесныхъ произведеній, показывающихъ, какъ народъ русскій придалъ матери—землѣ черты живаго мощнаго существа женскаго типа. Земля, по своимъ жизненнымъ проявленіямъ представлялась народу человѣкоподобнымъ существомъ. Она, какъ человѣкъ, засыпаетъ зимою, пробуждается весною, пьетъ воду и родитъ все изъ своей матерней утробы. Къ образу земли, какъ виновницы растительнаго и животнаго царства,—всеобщей кормилицы, источника силы и здоровія со временемъ присоединяются еще два составившихся образа: зори и громовницы (обѣ—богини плодородія) и такъ образомъ вырабатывается образъ богини плодородія—Лады, Фреи. Къ прежнимъ чертамъ богини присоеди-

няются новыя: Лада становится богинею воздушныхъ явленій, поборницей справедливости. — Мѣсто языческой богини плодородія, съ принятіемъ христіанства, заступаетъ Богоматерь. Аѳанасьевъ старается отожествить эти два образа; но между ними громадное различіе. Богоматери приданы народомъ высоко-нравственныя черты святости, чистоты, неизмѣримой материнской любви и доброты. Признаніе же Богоматери владычицей міра—не повтореніе языческихъ воззрѣній на Ладу, а усвоеніе христіанскаго ученія о Пресвятой Дѣвѣ, какъ Матери Божіей, пріявшей особенную благодать у Бога.

Начнемъ же съ представленія народомъ Пресвятой Дѣвы, какъ подательницы плодовъ земныхъ. Въ заговорахъ, при собираніи лекарственныхъ травъ, иногда изображается роль Богоматери, какую она играетъ при низпосланіи на землю плодородія. І. Христосъ представляется сѣющимъ сѣмена, а Божія Матерь (изображается) поливающею ихъ. Вотъ одинъ изъ подобныхъ заговоровъ: „Святій Адамъ жавъ, І. Христосъ насиння (сѣмена) дававъ, а Господь сіявъ, а Мати Божа поливала та всимъ православнымъ на помигъ давала" (1).

Доселѣ на Руси существуетъ обычай въ Благовѣщеніе ставить образъ Пресвятой Богородицы въ кадку съ зерномъ, оставленнымъ для посѣва. Дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы яровой хлѣбъ далъ богатый урожай (2). Плодовитость и сохраненіе животныхъ также въ значительной степени, по народному воззрѣнію, обусловливаются волею Богородицы. Въ заговорахъ о сохраненіи и размноженіи скота нерѣдко призывается имя Богоматери. „Есть подъ восточной стороной стоитъ лѣствица златая отъ земли до небеси....

(1) Пам. стар. русск. письм. III, 167 ст. Поэт. воззр. слав. Аѳан. I, 486 стр.

(2) Поэт. воззр. слав. Аѳан. I, 485 стр.

исходитъ той лѣствицей съ небеси сама Мати Божія, Пречистая Богородица. Она глаголетъ со Архангелы и со всею небесною силою ко мнѣ рабу Божію (имя рекъ), на способъ и на помощь, ограждаетъ она, Пречистая Богородица, меня раба Божія, своею нетлѣнною ризою, и на путь провождаетъ со своимъ скотомъ, съ милымъ любимымъ крестьянскимъ животомъ.... укрываетъ она, Пречистая Богородица, Мати Божія, меня (имя рекъ) и мой скотъ милой, любимой крестьянской животъ (¹).... „О Владычице, Царица небесная, Пресвятая Богородица, Дѣва Мати! закрой и защити своею нетлѣнною ризою меня раба Твоего (имя рекъ) пастуха, и мое счетное стадо коровье, конное и овечье“ (²). Нерѣдко Божія Матерь въ памятникахъ народнаго творчества представляется покровительницею брака. Крестьянскія дѣвушки обращаются къ Богоматери съ просьбою послать имъ жениховъ, особенно эту просьбу онѣ обращаютъ къ Покрову Пресвятой Богородицы. Признавая праздникъ Покрова покровителемъ брака, крестьянскія дѣвушки считаютъ своею обязанностью побывать въ этотъ день въ храмѣ и стараются провести праздникъ Покрова, какъ можно, веселѣе, въ увѣренности, что „если Покровъ весело проведешь, дружка милаго найдешь“ (³). „Покровъ Пресвятая Богородица—молятся покрову дѣвушки — покрой мою бѣдную головку жемчужнымъ кокошникомъ золотымъ подзатыльникомъ“. „Мать — Покровъ, покрой мать сыру землю и меня молоду“. „Свята покровонько, покрой мени головоньку, та хоть бы вже и онучею (тряпкою),

(¹) Труды Этногр. Отд. Общ. Ест. V, 2 вып. 167 стр.

(²) Зап. И. Г. Общ. этн. отд. II, 534 стр. Б. М. представляется также покровительницею охоты: Зап. И. Г. Общ. этн. отд. II, 544. Труд. Этн. Отд. Общ. Естеств. V, 2 вып. 185 стр. № 48.

(³) Сказ. Рус. Нар. Сахар. 7 кн. 60 стр. Душеп. Чтеніе 1871. окт. извѣстія 46. стр.

вайся дивкою не мучаю". Въ другіе праздники Богородичные дѣвушки также просятъ Богоматерь устроить ихъ судьбу и помочь имъ выйти замужъ. Если во время праздника Покрова онѣ просятъ себѣ жениха и молятся: „Ты, Покровъ Богородица! покрой меня, дѣвушку, пеленой своей нетлѣнною — идти на чужую сторону", то въ праздникъ Введенія Пресвятой Богородицы онѣ молятся уже о счастливомъ введеніи ихъ въ домъ жениха: „Введеніе — мать Богородица! введи меня на чужую сторонушку. Срѣтенье мать Богородица! встрѣть меня на чужой сторонушкѣ".

Владычица земли съ ея царствами растительнымъ и животнымъ, Пресвятая Дѣва рисуется въ народныхъ воззрѣніяхъ, и какъ владычица воздушныхъ явленій. А такъ какъ мысль о владычествѣ надъ явленіями грозы въ народномъ міровоззрѣніи всегда связывалась и связывается съ представленіемъ о борьбѣ свѣтлыхъ духовъ съ демонами, то Богоматерь, на ряду съ этимъ, представляется народу воительницею и противъ злой, враждебной для человѣка, силы. Среди русскаго народа существуетъ не мало повѣрій, гдѣ Пресвятая Богородица обрисовывается, какъ владычица воздушныхъ явленій. Во Владимірской губерніи, когда наступаетъ дождь, поселяне имѣютъ обыкновеніе обращаться къ Богородицѣ съ такимъ причитаніемъ: „Мать Божія! подавай дождя на нашъ ячмень, на барской хмѣль" (¹). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Руси въ благовѣщенскій вечеръ не зажигаютъ огня — изъ боязни, чтобъ молніей не убило (²). Народное представленіе о Пресвятой Богородицѣ, какъ владычицѣ воздушныхъ явленій и воительницѣ противъ вражеской силы, особенно характерно рисуется въ народномъ стихѣ „о монастырѣ Почаевскомъ", гдѣ разсказывается чудо, какъ Пресвятая Дѣва спасла монастырь,

(¹) Быть Рус. Нар. Терещ. V. 12—13 стр.

(²) Поэт. Возвр. Слав. Аѳан. I, 485 стр.

осажденный турецкимъ войскомъ. По молитвѣ Визанъ чернеца, (по другимъ стихамъ отца Желѣзы) говоритъ стихъ,

Вышла Божія Матерь
Надъ Почаевымъ стала,
Якъ стала вертать
Пулями метать,
Турковъ побѣждать,
Въ мѣстѣ Вешневкѣ
Кровь съ пескомъ смѣшала,
Все войско побила.
Хоть Турки недовярки,
Узнали Божію Матерь,
Стали ежегодно
Въ монастырь дань подавати (¹)·

Въ другихъ варіантахъ этого стиха Божія Матерь тоже представляется стоящею на воздухѣ, причемъ добавляется, что Она окружена воинствомъ ангеловъ, этихъ ратоборцевъ противъ вражеской силы (²). Въ народныхъ произведеніяхъ нерѣдко указывается на участіе Богоматери въ судьбахъ русскаго народа. Въ былинахъ о нападеніи на Кіевъ Батыги Батыговича разсказывается, что Божію Матерь видѣли стерегущею городъ.

И по той стѣнѣ городовыя
И ходитъ—гуляетъ душа красна дѣвица
(Матерь Пресвятая Богородица)
Въ рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
Сколько не читаетъ, а двое плачетъ.

Жалѣетъ Богоматерь народъ русскій, а болѣе всего „тужитъ о вѣрѣ христіанской“ (³). Что касается борь-

(¹) Калѣки Перех. 3 вып. 682 стр. Событіе случилось въ 1675 г въ настоятельство Іова.

(²) (При взятіи Азова). Рыбн. IV, 182—3 стр. Поэт. воззр. Слав. III, 174 стр.

(³) Гильфер. 1180 и 1117 стр. Подоб. Рыбн. II, 40 стр.

бы Богоматери съ дьяволомъ, старающимся ввести человѣка въ грѣхъ, то, по изображенію духовнаго стиха: „12-ть пятницъ“, Пресвятая Дѣва дѣйствительно избавляетъ людей отъ дьявольскаго искушенія (¹). Пресвятая Дѣва послѣ І. Христа представляется самою высшею помощницею людей въ ихъ недугахъ. Судя по заговорамъ отъ различныхъ болѣзней, можно сказать, что Богоматерь помогаетъ людямъ во всякой болѣзни. Мы видѣли, что народъ считаетъ болѣзни приходящими на человѣка отвнѣ, посланными дьяволомъ чрезъ колдуновъ. Признавая Богородицу цѣлительницею болѣзней, народъ, чтобы быть вѣрнымъ себѣ, долженъ былъ представлять ее и хранительницею людей отъ порчи. Дѣйствительно, среди заговоровъ отъ порчи встрѣчаются и обращенія къ Богоматери. „Помолюся я, рабъ Божій, Самому Христу Небесному и Пречистой Его Матери... и стану отговариваться отъ колдуновъ, отъ колдуньи, отъ шептуна, отъ старца и старицы“ (²). Что касается болѣзней, какія по заговорамъ и по стиху „12 пятницъ“, исцѣляетъ Пресвятая Богородица, то вотъ онѣ. Прежде всего Пресвятая Дѣва „скорбящая Богородица избавляетъ всѣхъ отъ мукъ и скорбей“ (³); потомъ отъ—„тоски и печали“ (⁴), затѣмъ—отъ „огневицы и горячки“ (⁵), далѣе отъ „сибирки“, отъ „опуху“, отъ „ломоты“ и отъ „колотья“ (⁶), отъ „родимца жильнаго, костянаго, суставнаго“ (⁷), отъ „зубной боли“ (⁸), отъ „лихоманки и трясавицы“ (⁹). Кро-

(¹) Кал. перех. 6 вып. 144 и 148 стр.

(²) Зап. И. Г. Об. этн. отд. II, 441 стр.

(³) Зап. И. Г. Об. этн. отд. II, 447 стр. Кал. Пер. 6 в. 128—132.

(⁴) Ibid. II, 434 стр.

(⁵) Idib. II, 460 стр.

(⁶) Ibid. II 474, 481 стр.

(⁷) Ibid. II, 503 стр.

(⁸) Труд. Этн. Отд. Общ. Ест. V, 2 в. 203. Кал. пер. 6 в. 130 стр.

(⁹) Кал. перех. 6 в. 136 стр.

нѣ того, Она останавливаетъ кровь, заживляетъ кровавую рану (1). Особенно обращаются съ мольбою къ Пресвятой Богородицѣ при родахъ. „Мати Марія — вотъ одинъ изъ такихъ заговоровъ — родила сына І. Христа не болѣвши не стонавши и люди не слыхавши, такъ бы рабицѣ Божіей (имя рекъ) родить младенца не болѣвши, не стонавши и люди не слыхавши“ (2). Богоматерь — по народному представленію — помогаетъ въ болѣзни не только людямъ, но и животнымъ. „Есть у меня, раба Божія (т. е. у моей скотины) ноготь и лихая болѣсть. Пречистая Мати посылаетъ своихъ слугъ на небеса по всю силу небесную, и не ослушается вся сила небесная: напередъ поѣзжаетъ Флоръ и Лавръ, за Флоромъ и Лавромъ Михаилъ Архангелъ, за Михаиломъ Архангеломъ Козьма и Даміанъ, за Козьмою и Даміаномъ Георгій храбрый, и пріѣзжаютъ къ моей скотинѣ и отганиваютъ всякаго ноготя, злаго, лихаго и лихую болѣзнь, ноздревой, гривной, спинной, жильной, опуховой, нутряной, суставной, и ножной“ (3). Представленіе русскимъ народомъ Богоматери подательницею плодовъ земныхъ, покровительницею брака людей и плодовитости животныхъ, — владычицею явленій воздушныхъ, цѣлительницею страстей и недуговъ, воительницею противъ враждебной силы имѣютъ для себя основаніе въ древнерусской церковной письменности. Въ молитвословіяхъ и поученіяхъ Пресвятая Дѣва, какъ Матерь Божія, представляется имѣющею особенную благодать и силу у Бога, а въ житіяхъ святыхъ и разныхъ древнерусскихъ сказаніяхъ передается множество случаевъ благодатной силы, проявленной Пресвятою Дѣвою. Особен-

---

(1) Зап. И. Г. Общ Этн. Отд. II 478 стр. 480. Тр. Эт. От. Общ. Ест. V, 2 в. 212, 213 ст. №№ 66, 67, 68. 69.

(2) Труд. Этн. Отд. Общ. Естест. V, 2 в. 26. 197. под. V, 2 в. 198 стр. Зап. И. Г. О. Э. О. II, 446.

(3) Зап. И Г. Общ. этн. отд. II, 492.

но часто встрѣчаются указанія на Божію Матерь, какъ цѣлительницу болѣзней. Припомнимъ слова благодарственнаго канона Пресвятой Богородицѣ: „мертвіи тебе ради оживляются, нѣміи прежде благоглаголиви бываютъ, прокаженіи очищаются, недузи отгоняются“ (1). Припомнимъ молитвы, обращенныя къ Пресвятой Дѣвѣ, какъ подательницѣ здоровья. „Лютыми недуги и болѣзненны страстьми истязуему, Дѣво, ты ми помози; исцѣленіемъ бо не оскудно тя знаю сокровище“ (2). Эта тема развивается во множествѣ молитвословій. Въ сказаніяхъ о чудотворныхъ иконахъ Пресвятой Богородицы (3), въ лѣтописяхъ, житіяхъ святыхъ (4) и т. п. передается безчисленное множество случаевъ благодатной помощи Пресвятой Дѣвы страждущимъ тою или другою болѣзнію.

Помогая въ болѣзняхъ, Пресвятая Дѣва помогаетъ людямъ „избавитися всякаго навѣта лукаваго и сохранитися отъ прилога діавольскаго“ (5). Въ молитвословіяхъ не рѣдко Божія Матерь представляется помощницей людей въ борьбѣ съ силою вражеской. Въ молитвѣ Василія Великаго къ Царю славы мы читаемъ: „избавляй насъ отъ всякія стрѣлы летящія во дни и отъ всякія сопротивныя силы молитвами Владычицы нашея Богородицы“. Заключительная молитва вечерни: „Влагословенъ еси Владыко“... проситъ Господа даровать настоящій вечеръ съ приходящею но-

(1) Псалт. XVI в. рук. Солов. библ. № 721 л. 133.

(2) Псалт. 1672 г. № 719 рук. Сол. библ. л. 180.

(3) Руно орошенное. Сказанія объ иконѣ Черниговской Б. Матери. Разсказываются исцѣленія: нѣмой и сухорукой,—больной ногами,—наступленнаго,—отроковицы, болѣвшей оспой и т. д. 11. 17. 28. 34. 59. 63. 73. 95 и др. стр.

(4) Напр. чудо отъ пояса Богоматери: Минеи Четіи Дим. Рост. 31 ав. 129 стр. Исцѣленіе руки Іоак. Дамаскина Ibid. 4 Дек. 50—61 стр. чудо воскрешенія (въ Твери въ 1595 г.) сына Казанскаго царя Симеона иконою Тихвин. Б. Матери. Ibid. 26 іюня 160 стр.

(5) Псалт. XVI—XVII в. рук. Сол. биб. № 721 л. 131.

щію совершенъ, святъ, миренъ, безгрѣшенъ и вся дни живота нашего „молитвами св. Богородицы и всѣхъ святыхъ“. Въ молитвѣ св. Іоанна Златоустаго ко причащенію: „Господи Боже мой, вѣмъ яко нѣсмь достоинъ“... также Господь умаливается освятить душу и тѣло, умъ и сердце „молитвами Пречистыя Богоматери“. Въ житіяхъ святыхъ можно найти много сказаній о благодатной помощи Пресвятой Дѣвы изнемогающимъ въ борьбѣ съ силою діавольскою. Петръ Аѳонскій, говоритъ житіе, явившись, по внушенію Пресвятой Богородицы, на Аѳонскую гору, 14 дней провелъ безъ пищи въ молитвѣ и борьбѣ съ демонами. Видя опасность отъ демоновъ, св. Петръ обратился за помощію къ Пресвятой Дѣвѣ. Бѣсы исчезли при произнесеніи имени Божіей Матери. Чрезъ 7 лѣтъ бѣсъ, явившись въ образѣ ангела, хотѣлъ искусить святаго (убѣдить оставить пустыню), но Божія Матерь спасла его отъ искушенія (¹). Въ четь-минеи подъ 23 іюня разсказывается такое чудо Божіей Матери. Въ городѣ Аденѣ въ Киликіи, въ соборной церкви былъ благочестивый экономъ Ѳеофилъ. Выбранный въ епископы, онъ, по смиренію своему, отказался отъ епископства; но потомъ сталъ раскаяваться въ этомъ и, мало того, даже далъ діаволу письменное отреченіе отъ Господа и Божіей Матери, чтобы только получить обратно власть. Но чрезъ нѣсколько времени Ѳеофилъ опомнился. 40 дней и 40 ночей молился онъ Пресвятой Дѣвѣ, прося избавить его отъ діавола. Божія Матерь внимаетъ молитвѣ Ѳеофила, является къ нему въ видѣніи и отдаетъ рукописаніе (²). Поражая врага нашего спасенія, Божія Матерь, по изображенію древнерусской письменности, борется и со врагами христіанства. Въ лѣтописяхъ, минеяхъ четіяхъ, соборникахъ и синаксаряхъ мы найдемъ множество указаній на побѣдоносную борьбу Вла-

(¹) Минеи Чет. св. Димитр. Ростов. 12 іюня 178—179 стр.

(²) Мин. Чет. св. Дим. Ростов. 23 іюня 74—75 стр.

дычицы за христіанскіе народы (греческій и русскій) съ нехристіанскими. Въ минеяхъ четіихъ и соборникахъ подъ первымъ октября разсказывается чудо покрова Пресвятой Богородицы. Во время правленія Льва философа (886—911) въ предѣлы греческіе вторглись Сарацины. Смущенные христіане стали молиться Владычицѣ. Во Влахернскомъ храмѣ во время всенощнаго бдѣнія св. Андрей юродивый и ученикъ его Епифаній удостоились видѣть Пресвятую Дѣву молящеюся на воздухѣ съ ликами ангеловъ, пророковъ, апостоловъ, и осѣняющею христіанъ своимъ покровомъ (1). Въ синаксарѣ въ „повѣсти полезной въ похвалу Пресвятыя Богородицы“ представляется воспоминаніе.... „чудеси, егда персы и варвары царствующій градъ облегоша бранію, иже и погибоша Божіимъ судомъ“. Въ повѣсти воспоминается нашествіе Хозроя при Иракліи, разсказывается, что градъ остался, „невреженъ молитвами пресвятыя госпожи нашея Богородицы“, а враги были потоплены. При чемъ замѣчается даже: „тако подборющи во своемъ градѣ Богородица и заступающи безъ крови побѣды показа“ (2). Въ томъ же синаксарѣ разсказываются еще два чуда Пресвятой Богородицы, какъ при Константинѣ брадатомъ сарацины „представіемъ Божія Матери въ мори вси потопишася“ (отъ бури) и какъ „агаряне во глубинѣ погрязоша“ (греки подожгли корабли) (3). Въ минеяхъ четіихъ подъ 12 іюня разсказывается чудо Иверской Божіей Матери, какъ, по ея молитвѣ, буря разбросала корабли персовъ, окружившихъ Иверскій монастырь (4). Божія Матерь въ трудное время была заступницей и народа

(1) Жит. Андрея Юродиваго. 2 окт. Мин. Чет. митр. Макар. 207. рукоп. соборникъ Сол. библ. № 804, л. 69 обор.—71.

(2) Синаксарь ркп. Сол. библ. № 801 л. 47—57 об. Друг. Синакс. ркп. Сол. б. № 800 л. 29—33.

(3) Ibidem. Синаксарь № 801 л. 37 об.—58 и 58 об.—67.

(4) Мин. Чет. св. Димитр. Ростов. 12 іюня.

русскаго. Въ тѣхъ же ч. минеяхъ подъ 23 іюня говорится объ иконѣ Владимірской Божіей Матери, что Богъ „молитвъ ради. Пресвятыя Богородицы свѣтлу и изрядну побѣду безъ крове показа христіаны на сопротивныя“ (надъ Ахматомъ) (¹). Икона Владимірской Божіей Матери также спасла Русь отъ нашествія Тамерлана. Когда изъ Владиміра принесли икону Божіей Матери въ Москву и молились на кучковомъ полѣ, Тамерланъ увидѣлъ во снѣ св. Дѣву въ сіяніи и окруженную святителями, и побоялся продолжать свой путь далѣе (²).

Намъ остается указать еще на моральный образъ Пресвятой Богородицы, какой сложился въ народныхъ воззрѣніяхъ. Божія Матерь представляется народу чрезвычайно доброю и милостивою. Сердце Ея, по народному воззрѣнію, настолько любвеобильно, что она готова оказать помощь и заступничество даже мучителямъ своего возлюбленнаго Сына. Господь въ воззрѣніяхъ народныхъ тоже представляется чрезвычайно милостивымъ; но это милосердіе Господа умѣряется Его справедливостью. И если люди на столько оскорбляютъ Господа, что мѣра Его долготерпѣнія истощается, то Онъ строго наказываетъ людей. Любовь Господа къ человѣку—любовь отца, любовь сильная, но соединенная со строгостью. Любовь же Пресвятой Дѣвы къ людямъ—любовь матери, любовь женственная, нѣжная, соединенная съ кротостію и добротою, при случаѣ растворенная скорбію, но терпѣливая, не карающая, а прощающая. Люди своими грѣхами постоянно заслуживаютъ Божественнаго наказанія, и Господь, по своей справедливости, постоянно бы наказывалъ ихъ, если бы не ходатайство за людей Пресвятой Богородицы! Справедливость Божія, по усердной молитвѣ Богоматери, нисходитъ до милосердія Пресвятой Бого-

(¹) Мин. Чет. св. Димит. Ростов. 23 іюня 61—62 стр.

(²) Степ. кн. 554—555.

родицы; гнѣвъ Божій какъ бы поборается заступничествомъ Пречистой Дѣвы Маріи.—Въ одномъ изъ духовныхъ стиховъ передается рѣчь Господа къ людямъ. Говоря, что люди оскорбляютъ Его и давно заслужили наказаніе, Господь добавляетъ, что Онъ наказалъ бы ихъ „каменіемъ“, да щадитъ ихъ, по молитвѣ Богоматери. Я готовъ уже, говоритъ Господь, наказать васъ, люди, и потомъ не слушать вашего

Ни плаканья, ни рыданья,
Ни зубнаго скрыжданья;
Да молится объ васъ мать моя,
Владычица Пресвятая Богородица:
Азъ Ея моленія слушаю (1).

Замѣчательно, въ какихъ сильныхъ и трогательныхъ чертахъ представляетъ народъ ходатайство Пресвятой Богородицы за грѣшниковъ на страшномъ судѣ. Въ нѣкоторыхъ духовныхъ стихахъ о „страшномъ судѣ“ на просьбу грѣшниковъ помолиться объ ихъ прощеніи, Пресвятая Дѣва отвѣчаетъ отказомъ, замѣтивъ, что ужъ теперь поздно просить имъ о пощадѣ; но по другимъ стихамъ, Она беретъ на себя ходатайство за грѣшниковъ. Интересно и трогательно ходатайство Пресвятой Богородицы за осужденныхъ, а душевное Ея состояніе — положительно поразительно. Осужденные на вѣчныя муки просятъ Богоматерь сжалиться надъ ними, спасти ихъ.

Владычица Богородица!
Помолись о насъ многогрѣшныхъ
Своему Сыну, Христу Богу небесному,
Чтобы Онъ до насъ былъ милостивъ,
Не послалъ насъ во злыя муки въ лютыя,
Презлыя муки, превѣчныя,
Во тартары преисподенные.

Пресвятой Дѣвѣ жаль грѣшныхъ. Сама наслаждаясь блаженствомъ, Она хочетъ, чтобы и всѣ другіе

---

(1) Кал. перех. 6 в. 71; подоб. 5 вып. 121 стр.

вкушали тоже блаженство,—даже и эти несчастные, но своимъ грѣхамъ совершенно незаслуживающіе лучшей участи.

Возмолится Госпожа всепѣтая
Владычица Богородица:
„О святый духъ, пресладкій!
Мой Сыне, Іисусъ Христосъ, Царь небесный, свѣтъ!
Воспомилуй такого народа
Многогрѣшнаго, погибающаго,
Таковыя злыя муки, все ради меня! (¹).

Въ другихъ стихахъ Она ограничиваетъ количество грѣшниковъ, за которыхъ ходатайствуетъ, только тѣми,

Кои съ роду матернымъ словомъ не бранилися (²).

Простить грѣшниковъ нельзя. Прощеніе ихъ недопускаетъ правда Божественная. Но Господь І. Христосъ любитъ свою Матерь, да притомъ же и Матерь проситъ Его о прощеніи грѣшниковъ не ради ихъ, а ради Самой себя. Исполнить просьбу Матери есть еще возможность, но она требуетъ слишкомъ большой жертвы. Тутъ снова нужны смерть и воскресеніе Господа. Изъ любви къ Матери І. Христосъ готовъ, пожалуй, вновь идти на вольное страданіе. Послѣднее слово Онъ предоставляетъ своей Матери, Пресвятой Богородицѣ.

Проглаголетъ Господи ко Матери
Со престолу со Божьяго:
„Ой Ты, Мати Моя, Всепѣтая,
Госпожа Владычица и Богородица!
Могу ради Тебя грѣшныхъ рабовъ помиловать
Отъ злыя муки вѣчныя,
Отъ огня—пламя неугасимаго:

(¹) Калѣка перех. 5 в. 130—131 стр.
(²) Ibid. — 5 в. 136 стр.

Да можешь-ли, Мати, меня видѣти
Во вторые на Христовѣ на распятіи?" (¹).

Что послѣ этого остается дѣлать Богоматери? Съ одной стороны, жалость и состраданіе къ грѣшникамъ, которые осуждены на муки и муки нестерпимыя—вѣчныя, съ другой — безмѣрная любовь Ея къ Сыну, недопускающая и малѣйшаго представленія о какихъ нибудь новыхъ страданіяхъ Его, борются между собою и терзаютъ любвеобильное сердце Пресвятой Богородицы. Взволнованная Богоматерь не можетъ удержаться отъ слезъ.

И расплачится Мати Всепѣтая
Надъ многими надъ грѣшными;
Проглаголетъ Мати Всепѣтая:
Іисусъ Христосъ, Пресладкій Сынъ!
На престолѣ судья праведный,
Не могу я Тебя видѣти
Во вторые на Христовѣ на распятіи,
Не могу я забыть Твое прежнее намученіе (²).

Сколько ни жаль Богоматери грѣшниковъ, но привязанность Ея къ Божественному Сыну беретъ перевѣсъ надъ скорбію о судьбѣ послѣднихъ. На сколько велика привязанность и любовь Пресвятой Дѣвы къ Сыну, лучше всего могутъ служить нравственныя страданія Богоматери, при видѣ креста, на которомъ былъ распятъ Христосъ. Говоря о страданіяхъ І. Христа, мы касались частію и состоянія духа Пресвятой Богородицы. Народные стихи, изображающіе терзаніе материнскаго сердца Маріи, при созерцаніи мукъ Сына, полны необыкновенной силы и задушевности. Увидѣвъ страдающаго Сына, Богородица — по сказанію стиха,—

(¹) Калѣка перех. 5 в. 132 стр.
(²) Кал. перех. 5 в. 133 стр.

Ударилась о землю, едва бысть жива,
Застонетъ, заплачетъ, въ горести речетъ:
Увы, мать сыра земля, возьми меня къ себѣ.
Сыне мой, возлюбленный, надежда моя,
И что не послушалъ матери своей?
Нынѣ вижу, Сыне, поруганнаго.
Какое ты зло жидамъ сотворилъ?
О, злые ругатели, беззаконные!
За какое вы дѣло Исуса бьете?
Вчера не хотѣла отпустить Тебя:
Волею пойде на крестную смерть
Плачите, рыдайте солнце и луна!
Плачите, стоните мѣсяцъ со звѣздами!
Плачите, стоните вдовы и сироты:
Наставникъ—учитель вашъ покинулъ васъ всѣхъ.
Нынѣ сердце мое терзается,
Составы и плоти разсыпаются,
Кровью уста мои запекаются.
Почто оставляешь едину Мя здѣсь?
Вкупѣ бы вкусила съ Тобою я смерть,
Кто нынѣ утѣшитъ отъ горькихъ Мя слезъ? (¹).

Какая еще мать можетъ страдать сильнѣе сама, при видѣ страждущихъ дѣтей?! Не милъ для Богоматери сталъ Божій свѣтъ, не дорога стала Ей жизнь. Для нея блаженство, если Она можетъ умереть вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ Сыномъ. Сердце Богоматери такъ полно горя, что для облегченія Ея мукъ нужны сочувствіе и плачь всего міра, который Она и призываетъ вмѣстѣ съ нею оплакать ея Сына. Скорбь Пресвятой Богородицы заговоры представляютъ высшею степенью нравственныхъ страданій, какія только возможны для человѣка. Въ одномъ заговорѣ мы читаемъ: „Встану и проч. Есть сидитъ въ чистомъ полѣ Сама Пресвятая Богородица, Мати Божія. Какъ она скрипитъ и болитъ по своемъ Сынѣ, такъ бы по рабу Божію № раба Божія № скрипѣла и болѣла, и

(¹) Калѣки перех. 5 в. 133 стр.

въ огнѣ горѣла, не могла бы она ни жить и ни быть, и не пить, и не ѣсть“ (1). Описывая желательное состояніе дѣвицы, которая должна приближаться по страданіямъ къ Богоматери, заговаривающійся чрезвычайно рельефно характеризуетъ и скорбное настроеніе Богородицы. Ей не до питья и не до пищи; она—въ жару; жизнь для нея потеряла цѣну. Она „скрипитъ“ и болитъ сердцемъ. Рисуя Пресвятую Богородицу въ самыхъ симпатическихъ чертахъ, представляя Ее необыкновенно доброю, милостивою, снисходительною, любящею, изображая помощницею всѣхъ прибѣгающихъ къ Ней, хранительницею отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, цѣлительницею страстей и недуговъ, ходатаицею предъ Богомъ за человѣческій родъ, народъ русскій окружилъ Богоматерь ореоломъ величія. Богоматерь, по народному представленію, стоитъ выше всѣхъ созданныхъ Богомъ, тварей. Ея голосу внимаютъ архангелы и ангелы, Ея слушаются святые, Даже Богъ внемлетъ Ея просьбѣ на столько, что, кажется, по Ея молитвѣ готовъ сдѣлать все непротивное волѣ Божіей. I. Христосъ, какъ мы видѣли, готовъ ради Матери во 2-й разъ идти на вольныя страданія! Въ заговорахъ нерѣдко встрѣчаются указанія, что Богоматерь стоитъ выше ангеловъ и святыхъ; хотя въ тоже время она представляется стоящею ниже I. Христа. Въ одномъ изъ заговоровъ отъ руды дѣло представляется такимъ образомъ. Сначала заговаривающійся обращается съ просьбою къ Михаилу Архангелу; Михаилъ Архангелъ не берется помочь просящему и посылаетъ его къ „Заступницѣ Пресвятой Богородицѣ“; Пресвятая Богородица тоже отсылаетъ заговаривающагося отъ себя—и указываетъ ему, какъ на врача, на I. Христа. I. Христосъ оказываетъ уже помощь

(1) Труды Эт. Отд. Об. Ест. V. 2 в. 142 стр. № 11. Зап. И. Г. Об. эт. отд. II, 429 стр.

нуждающемуся (1)... Градація святыхъ по заговору слѣдующая: на первомъ мѣстѣ стоитъ I. Христосъ, на второмъ Пресвятая Богородица, на третьемъ Михаилъ Архангелъ. Мы приводимъ одинъ заговоръ противъ ногтя. Припомнимъ, какъ Пресвятая Богородица призываетъ къ помощи просящему святыхъ. „Пречистая Мати посылаетъ своихъ слугъ на небеса по всю силу небесную и —замѣчаетъ заговоръ — не ослушается вся сила небесная: напередъ поѣзжаетъ Флоръ и Лавръ, за Флоромъ и Лавромъ Михаилъ Архангелъ, потомъ Козьма и Даміанъ, затѣмъ Георгій храбрый" (2). Интересно, какія народъ употребляетъ картины, чтобы превознесть любимую и уважаемую имъ Матерь Божію. Когда Богоматерь страдала при крестѣ, I. Христосъ старается утѣшить Ее. Замѣчательна рѣчь I. Христа. Она отличается необычайною наивностію. Сказавъ, что на 3-день Онъ воскреснетъ и вознесется на небеса, I. Христосъ добавляетъ:

Впишу я Твой ликъ на икону,
Поставлю икону за престолъ Господень,
Тебѣ будутъ Богу молиться,
Тебѣ будутъ свѣчи становити... (3)

По другимъ варіантамъ, I. Христосъ хочетъ Самъ помолиться и приложиться къ Ея „лику", и потомъ, говоритъ Онъ, будутъ приходить уже къ иконѣ и „патріархи, и цари, и князья, и бояра, и всѣ православные христіане", будутъ „честные молебны служити—и ярыя свѣчи становити", „будутъ письма читати" — „матерь Божію величати" (4). Короче, образъ Бо[го]матери, поставленный на престолѣ, послужитъ

(1) Зап. И. Г. Общ. эт. от. II, 476.

(2) З. И. Г. Общ. эт. отд. II. 492 стр.

(3) Калѣки перех. 4 вып. 195; под. 224—225. Тр. эт. от. об. ест. V кн. 2. вып. 39 стр.

(4) Кал. перех. 6 вып. 177—8 стр. и 202 стр.

Всѣмъ ангеламъ на украшенье,
Всѣму міру на спасеніе ([1]).

Обѣщаясь прославить Пресвятую Богородицу на земли, І. Христосъ въ тоже время обѣщается превознесть Ее и на небесахъ.

Я самъ упокою Твою душу
Во царствіи небесныя съ Собою,
Гдѣ ангели небесные ликъ ликуютъ,
Стрепещетъ небесная сила,
Въ трепетѣ стоятъ предъ престоломъ,
Лица крыломъ воскрываютъ ([2]).

Дѣйствительно, когда Пресвятая Дѣва „пріуспѣла (уснула) за престоломъ“, „представилася отъ земли на небо“, Она стала пребывать

„Со херувимами, да со славными серафимами ([3]),
Со ангелами со архангелами,
Со силою небесною ([4]).

И мы видѣли, что Она даже заняла между ними первое мѣсто. Обращаясь къ уясненію того, какимъ образомъ лице Богоматери приняло въ народномъ міровоззрѣніи такія высокія черты, мы должны снова сказать, что на составленіе образа Пресвятой Богородицы въ народныхъ воззрѣніяхъ вліяли памятники древнерусской письменности, особенно церковные. Вотъ какъ обращается св. церковь къ Пресвятой Богородицѣ: „Всѣхъ скорбящихъ радосте и обидимыхъ заступнице, и алчущихъ питательнице, странныхъ утѣшеніе, обуреваемыхъ пристанище, больныхъ посѣщеніе, немощныхъ покровъ, жезлъ старости, Мати Бога Вышняго,

([1]) Кал. перех. 6 в. 195 и 199 стр.
([2]) Кал. перех. 6 вып. 197 подоб. 199 стр.
([3]) Ibid. 6 вып. 126 стр. 146, 150. 189 стр.
([4]) Калѣки перех. 6 вып. 130 стр.

ты еси Пречистая: потщися, молися, спаетися рабомъ Твоимъ" [1]. Въ церковныхъ пѣсняхъ нерѣдко изображается слава Пресвятой Богородицы. Въ канонѣ Пресвятой Богородицѣ мы читаемъ такія славословія, обращеныя къ Богоматери: Радуйся,... „отъ всѣхъ родовъ избранная, всѣхъ тварей небесныхъ и земныхъ высшая явльшаяся, херувимовъ свѣтлѣйши и серафимовъ честнѣйши сущая, вся небесныя силы безъ разсужденій превосходящая" [2]. Переданная въ Евангеліи Луки торжественная пѣснь Пресвятой Дѣвы въ домѣ Захаріи и Елизаветы: „Величитъ душе моя Господа" со словами: „отнынѣ ублажатъ Мя вси роди" одна въ состояніи заставить всякаго признать Владычицу Богородицу „честнѣйшею херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія серафимъ".—Что касается, далѣе, изображаемаго народомъ страданія Богоматери при крестѣ ея возлюбленнаго Сына, то народные стихи также имѣютъ для себя основаніе въ памятникахъ древнерусской церковной письменности. Кому не извѣстно, какъ долго останавливаются на страданіяхъ Богоматери у креста Христова церковныя пѣсни въ великую пятницу и субботу! „На древѣ видящи висима Христе, тебе всѣхъ зиждителю и Бога, иже тебе безъ сѣмени родшая вопіаше горко: сыну мой, гдѣ доброта зайде зрака твоего, не терпя зрѣти тя неправедно распинаема, ускори убо и воскреси, яко да вижду и азъ твое изъ мертвыхъ воскресеніе. Днесь зрящи тя непорочная Дѣва на крестѣ, Слове, простерта рыдающи матерскою утробою снѣдааше сердце горко: И стенящи болѣзненно изъ глубины души, власы простерши, и рыдааше, тѣмже и въ перси біюще, взываше жалостно: увы мнѣ божественное чадо! увы мнѣ свѣте міру, что зайде отъ очію моего агнче Божій [3]. На-

---

(1) Стих. Пресв. Богор. Юдиноеріюб.

(2) Молеб. Богор. Тропары 9 пѣсни. Богородичны.

(3) Тріодь постная ркп. Солов. биб. № 1069 л. 120.

родный стихъ о страданіяхъ Богоматери во многомъ напоминаетъ эти пѣсни. Что касается потрясенія природы при страданіяхъ І. Христа, то въ духовномъ стихѣ, какъ мы знаемъ, это происходитъ отъ стоновъ Богоматери, а по церковнымъ пѣснямъ — солнце помрачилось и земли основанія потряслись, „Христа зрящи на крестѣ висяща“.

Проповѣдники, говоря о страданіяхъ Спасителя, не упускали случая коснуться и страданія Богоматери. Такъ въ проповѣди Кирилла Туровскаго святая Матерь восклицаетъ: „тварь соболѣзнуетъ мнѣ Сыне мой, видя неправду твоего умерщвленія. Увы мнѣ, чадо мое, свѣте и творче тварей! что нынѣ буду оплакивать: заушенія или ударенія по ланитѣ, или заплеваніе пречистаго твоего лица, которыя принялъ Ты отъ беззаконныхъ. Увы мнѣ Сыне“... (1).

Сострадание Божіей Матери при видѣ осужденныхъ грѣшниковъ также не оригинальная мысль народа. Картина терзанія Богоматери на страшномъ судѣ заимствована изъ апокрифа „Хожденіе Богородицы по мукамъ“. Увидѣвъ муки, какія предстоятъ грѣшникамъ, Божія Матерь, говоритъ апокрифъ, стала молиться за грѣшниковъ: „Помилуй, Владыко, грѣшныя, яко видѣхъ я и не могу терпѣти, да ся мучу и азъ со крестьяны“. Послышался голосъ Господа: „какъ могу помиловать ихъ, когда вижу гвозди на рукахъ Сына моего“.—Я молюсь не за жидовъ, говоритъ Богоматерь, а за христіанъ. Когда молитвы ея оказываются безуспѣшными, Божія Матерь призываетъ къ молитвѣ пророковъ, апостоловъ и евангелистовъ. І. Христосъ сначала говоритъ, что грѣшники не должны разсчитывать на снисхожденіе, но потомъ добавляетъ: „ради милосердія Моего Отца, ради молитвъ моей матери, ради Михаила Архангела и множества мученикъ моихъ,—даю вамъ мучащимся день и ночь имѣти покой отъ

(1) Истор. русск. цер. Митр. Мак. III, 108.

мученій отъ великаго четверга до великаго пентикостія (пятидесятницы) и прославити Отца и Сына и Св. Духа (1). Народный стихъ, какъ видимъ, напоминаетъ апокрифъ, но, благодаря обыкновенію народа передѣлывать данный матеріалъ по своему, апокрифъ отличается отъ стиха: въ апокрифѣ на время грѣшники получаютъ облегченіе отъ своихъ мукъ, тогда какъ по стиху оказывается невозможнымъ дать прощеніе грѣшникамъ. Памятники древнерусской церковной письменности часто останавливаются на жизни Богоматери, особенно ея дѣтствѣ и успеніи; но народъ не остановилъ серьезнаго вниманія на жизни Пресвятой Дѣвы.

После Богоматери изъ святыхъ женскаго типа народъ русскій болѣе всего останавливается на св. Параскевѣ, св. Екатеринѣ, Варварѣ и Агаѳіи. Св. Параскева считается въ народѣ покровительницею невѣстъ. Какъ къ Покрову дѣвушки обращаются съ мольбою: „мать покровъ покрой землю снѣжкомъ, меня женишкомъ“, такъ и Пятницѣ—Параскевѣ молятся: „матушка Пятница—Параскева! покрой меня поскорѣе“, или: „Пятница Параскева, пошли жениховъ поскорѣе“ (2). Кромѣ того св. Параскева считается народомъ покровительницею земнаго плодородія (3), хранительницею скота отъ падежа (4), цѣлительницею головной боли, хранительницею отъ нечистаго духа (5). Основаніемъ для составленія подобнаго образа св. Параскевы послужило сказаніе (въ рукописныхъ житіяхъ) о томъ, что Параскева предъ своею смертію молилась Богу,

(1) Хожд. Богород. по мукамъ. Пам. отреч. лит. II, 27; 29, 30. Пам. стар. рус. лит. ч. 3 стр. 118 — 124 Истор. рус. слов И. Я. Порф. 262 стр. Древ. пам. языка и письма. Изв. Акад. Наук. 7. Х. 551—578.

(2) Тр. эт. об. ест. V 2 в. 145 стр.

(3) Поэт. возар. слав. на природу I, 240. Пословицы Даля (мѣсяцесловъ).

(4) Душеп. Чтеніе 71 г. Изв. и зам. октяб. 54 стр.

(5) Быт. русск. нар. VI, 58 стр.

чтобы Господь услышалъ молитвы всѣхъ скорбящихъ, которые ея именемъ будутъ просить о помощи, и благословилъ ихъ домъ ([1]). А благословеніе дома въ народныхъ воззрѣніяхъ равнозначуще обилію и счастію въ дѣтяхъ, достатку въ хлѣбѣ и скотѣ. Ученые сближаютъ Параскеву — Пятницу съ языческой богиней плодородія (Фреей, Живой, Ладой), празднество которой совершалось въ пятницу ([2]). Нужно сказать, что лицо св. Параскевы, какъ и лицо Іоанна Крестителя, какъ христіанскій моральный образъ, еще не успѣло сложиться въ народномъ міровоззрѣніи.—Св. Екатерина въ народѣ русскомъ считается покровительницею брака и помощницею женамъ въ болѣзняхъ чадорожденія. Воззрѣніе на великомученицу, какъ цѣлительницу женскихъ болѣзней, обусловливалось сказаніемъ въ ея житіи, что она была просвѣщенною женщиною и между другими знаніями обладала врачебными свѣдѣніями: „врачевъ книги добрѣ увѣде"; представленіе же св. Екатерины покровительницею брака обусловливалось сказаніемъ въ жизнеописаніи, какъ она, будучи невѣстою, отказала всѣмъ искателямъ ея руки и выбрала жениха небеснаго І. Христа ([3]).

Св. Варвара считается хранительницею отъ внезапныя смерти. Въ житіи Великомученицы разсказывается, что она была дочь язычника и за исповѣданіе ею христіанства отцемъ своимъ была предана на муки. Предъ смертію, по сказанію житія, св. Варвара молилась Господу: „О Царь, услышь меня рабу Твою, и подай благодать Твою всякому человѣку, который будетъ воспоминать меня и мои страданія, да не приближится къ нему болѣзнь внезапная и смерть нечаянная да не похититъ его". Въ это время послышался голосъ съ неба, обѣщавшій исполненіе проси-

---

([1]) Минеи Чет. окт. Ркп. Сол. библ. № 503 л. 165.

([2]) Душ. чтеніе 71 г. окт. Изв. и зам. 55 стр.

([3]) Ч. Минеи 24 ноября.

маго [1]. Въ „зерцалѣ великомъ“ разсказывается до шести случаевъ избавленія отъ внезапной смерти безъ покаянія лицъ обращавшихся къ св. Варварѣ съ молитвою [2]. Св. Агаѳія въ сѣверо-западной Руси считается покровительницею отъ пожара, а въ восточной — хранительницею коровъ отъ коровьей смерти, которая царитъ въ этотъ день,—и слыветъ подъ именемъ коровницы. Почему св. Агафія считается хранительницею коровъ—трудно сказать. Но признаніе Агаѳіи заступницею отъ пожара имѣетъ за себя основаніе въ жизнеописаніи этой угодницы. Въ житіи св. Агаѳіи разсказывается, какъ жители града Катанска отвратили отъ города подземный огонь Этны, защитившись одеждою угодницы, какъ щитомъ.—Огонь, по замѣчанію жизнеописателя, „аки постыдѣвся одежды тоя святыя мученицы, вспять возвращшеся и угасе“. Для отвращенія огня, а также и коровьей смерти, какъ предохранительное средство, употребляется хлѣбъ св. Агаѳіи, освящаемый въ день памяти угодницы. Для сохраненія отъ огня хлѣбъ этотъ сберегается цѣлый годъ; для отгнанія коровьей смерти хлѣбъ св. Агаѳіи привязывается на рога коровъ.

---

(1) Ч. Минеи 4 Дек. Душ. чт. 71 г. Изв. и зам. Дек. 119 стр.
(2) Зерцало великое. Рки. Сол. биб. (1608 г.) № 239 л. 101—106.

IV.

НАРОДНЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ О ДІАВОЛѢ И АНГЕЛАХЪ.

Сказавъ о дѣятельности апостоловъ и св. угодниковъ, мы не можемъ оставить безъ вниманія и народное воззрѣніе на дьявола, дѣятельность котораго народъ представляетъ противоположною дѣятельности святыхъ. Ангелы и угодники — добрыя существа: ихъ дѣятельность направлена ко благу людей; тогда какъ дьяволъ — по народному воззрѣнію — существо злое, и всѣ его стремленія направлены къ тому, чтобы вредить человѣку. Впрочемъ, прежде чѣмъ мы представимъ народное воззрѣніе на дьявола и нечистую силу, мы вкороткѣ изложимъ ученіе о дьяволѣ, какое проводилось въ древне-русской письменности. Въ словѣ „о небесныхъ силахъ", приписываемомъ Кириллу, такимъ образомъ рисуется паденіе дьявола, его характеръ и дѣятельность. „Бѣ же, говоритъ проповѣдникъ, старѣй ангеломъ, нареченный сатанаилъ, воевода первый, и завидѣлъ Божіей славѣ, помысли въ себѣ глаголя: поставлю престолъ мой надъ звѣздами и буду подобенъ Вышнему, да мя славитъ чинъ сущій подо мною. (Въ друг. пріиду на землю и пріиму землю, и обладаю ею, и буду яко Богъ, и поставлю престолъ мой на облацѣхъ). Боже вѣдый, яко се помысли, преда Михаилу старѣйшинство, ту абіе сверже сатану Господь за гордость помысла его, по немъ же спадоша, иже бѣ подъ нимъ десятый чинъ, яко песокъ проснушася съ небеси и проразишася въ преисподняя,

друзіи же на земли осташа, друзіи же на воздусѣ повѣси архангельскій гласъ. Архистратигъ Михаилъ, сый начальникъ и воевода небесныхъ силъ, иного чина сый старѣйшина, видѣ отступника спадша съ чиномъ своимъ звучнымъ гласомъ, крѣпкимъ и страшнымъ, рече: вонмемъ и гласомъ силы похвалимъ Господа. Рекъ: вонмемъ, яко сотворены есмы на службу отъ него, стояще предъ Богомъ съ трепетомъ, служаще Богу. Яко свѣтъ быстe, нынѣ же отъ свѣта обличистеся и и быстe тьма, рекъ: вонмемъ, яко сіи загордѣвша и отпадоша и погибоша. Мы же вонмемъ яко Божіи служители страшныя его силы. Отъ того же гласа абіе повѣшени быша демони на воздусѣ превыше. Иже погрязоша въ преисподняя, яко глуси, не свѣдятъ бо ничто же яже въ мірѣ. А иже отъ нихъ падоша на земли, то тіи ходятъ по земли дѣлающіи злая своими прелестьми. Висящіи же ничтоже могутъ пакости сотворити, что попуститъ Богъ, то и творятъ". Сатана, какъ и свѣтлые ангелы, сначала „естествомъ былъ благъ, лукавъ не бѣ", но, по паденіи, онъ сталъ злымъ и съ тѣхъ поръ зло старается дѣлать всегда, вездѣ и всякому (1). Дьяволъ, читаемъ мы въ другомъ древне-русскомъ сочиненіи, „князь бѣ единаго ангельскаго чина, не діаволъ испервa произведенъ, но благъ отъ благаго единаго добрая творящаго Содѣтеля всѣхъ, послѣжде отпаде, возгордѣвъ бо отъ любоначалія, возвысився на Сотворшаго и пріяти (хотя) царство себѣ и славу, и сокрушися; поятъ съ собою отступникъ множество (2).

Отступивъ отъ Бога самъ, діаволъ изъ зависти къ человѣку заставилъ преступить заповѣдь Божію и первыхъ людей. Въ церковныхъ чтеніяхъ и пѣсняхъ

(1) Прав. Собес. 59 г. 1 ч. 252 — 254; «слово о небесныхъ силахъ». —

(2) Мин, Чет. ркп. Сол. библ. Ноябрь № 506 л. 143. Срав. Мин. Мак. изд. арх. комис, 20 окт. 184 стр.

(напр. Евангеліи Іоан. 8, 44; Мѳ. 13, 37—39; 12, 24. 26. 29; апостольскихъ чтеніяхъ Іоан. 3, 81; 2 Петр. 2, 4; пареміяхъ—быт. 3, 1—6 и т. п.) съ полнотою разсказывается, какъ дьяволъ позавидовалъ блаженству первыхъ людей и прельстилъ ихъ, принявши видъ змѣя, убѣдилъ ихъ вкусить отъ запрещеннаго плода древа познанія добра и зла, — какъ всегда довольные, ни въ чемъ не нуждавшіеся, безболѣзненные и безсмертные прародители, по паденіи, лишились своего блаженства; въ потѣ лица должны были пріобрѣтать хлѣбъ свой, подверглись болѣзнямъ и смерти (Быт. 3, 16—19). Въ церковныхъ чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ выясняется также и глубина паденія первыхъ людей, безконечно оскорбившая Бога (Быт. 3, 17—19 сн. 27, 26) и потребовавшая для возстановленія союза между Богомъ и людьми—крестной жертвы Сына Божія. (Іоанн. 3, 16). Относительно дьявола мы находимъ множество указаній въ церковныхъ чтеніяхъ, какъ онъ, прельстивши первыхъ людей и значительно обезсиливши ихъ, сталъ потомъ постоянно вредить имъ. Вредитъ дьяволъ человѣку, по сказанію церкви, тѣмъ, во первыхъ, что онъ причиняетъ ему болѣзни. Въ 71-мъ зачалѣ отъ Луки (13, 10, 16)—разсказывается, что одна женщина, имѣвшая „духъ недуженъ“, 18 лѣтъ была связана „сатаною“. У евангелиста Матѳея (9, 32—33 ст.) мы читаемъ, что І. Христу привели разъ нѣмаго, — и когда Христосъ изгналъ бѣса, нѣмой сталъ говорить. У Евангелиста Марка (9, 17—27), также передается случай, какъ І. Христосъ исцѣлилъ одного глухонѣмаго, котораго мучилъ дьяволъ. По объясненію отца глухонѣмаго, дьяволъ такъ нападаетъ на его сына, что тотъ падаетъ на землю съ пѣною у рта, „скрежещетъ зубы своими и оцѣпенѣваетъ“. Въ 17 гл. 15 ст. Евангелія отъ Матѳея повѣствуется объ исцѣленіи І. Христомъ лунатика. Разъ къ І. Христу подошелъ человѣкъ и просилъ исцѣлить его сына: „Господи, помилуй сына моего, яко на новы мѣсяцы бѣснуется, и злѣ страждетъ, множицею бо па-

даетъ во огнь, и множицею въ воду". Если дьяволъ вредитъ людямъ, причиняя имъ болѣзни, то онъ болѣе, по ученію церкви, вредитъ человѣку, вводя его въ грѣхъ. Мы снова приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ библейскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ церковныхъ чтеній. Въ 8-й главѣ Евангелія Іоанна (8, 44) дьяволъ, какъ обольститель людей, описывается въ такомъ видѣ: „онъ человѣкоубійца бѣ искони и во истинѣ не стоитъ, яко нѣсть истины въ немъ; егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ, яко ложь есть и отецъ лжи". Въ 71-мъ зачалѣ Апостола (1 Іоанна 3, 8) прямо говорится, что дьяволъ прельщаетъ людей и соблазняетъ ко грѣху: „творяй грѣхъ отъ дьявола есть, яко дьяволъ исперва согрѣшаетъ". А въ 233 зачалѣ Апостола христіане приглашаются къ борьбѣ съ дьяволомъ. „Облецытеся во вся оружія Божія, яко возмощи вамъ стати противу кознемъ діявольскимъ. Яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началамъ и ко властемъ, и къ міродержителямъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебесныимъ" (Ефес. 6, 11. 12). Добавивъ къ библейскому ученію о діаволѣ то, что ему вмѣстѣ съ его „ангелами" уготованъ „огнь вѣчный" (Мѳ. 25, 41), мы передадимъ еще кое какія подробности изъ другихъ памятниковъ древне-русской письменности. Среди другихъ сказаній особенно замѣчательно сказаніе о діаволѣ въ „свиткѣ божественныхъ книгъ", въ которомъ говорится, что Сатанаилъ участвовалъ въ твореніи міра. „Свитокъ" этотъ, составившійся подъ вліяніемъ книги „вопросовъ Іоанна Богослова", книги содержащей сущность манихейскаго ученія,—вызвалъ подобныя же сказанія въ народѣ. „И сниде Господь, сказано въ этомъ свиткѣ, на море (Тиверіадское) по воздуху... и видѣ на морѣ гоголя плавающа, а той есть рекомый Сатана, заплелся въ тинѣ морской. И рече Господь Сатанаилу, аки невѣдая его: ты кто еси за человѣкъ? Отвѣщавъ же Сатана: азъ есмь Богъ.—А меня како нарещи? Отвѣщавъ же сатана: ты Богъ богомъ и Господь господемъ. — Аще бы сатана не рекъ Господу такъ, тутъ

же бы Господь его сокрушилъ на морѣ Теверіадскомъ. „И рече Господь Сатанаилу: понырни въ море и вынеси мнѣ песку и кремень. Сатанаилъ же послушался Господа и нырну въ море и вынесе песку и кремень, и разсѣя по морю Тивеверіадскому, глаголя: буди земля толста и пространна. И взя Господь кремень и преломи его на двое; въ правой рукѣ Господь остави у себя, а изъ лѣвой руки отдастъ Сатанаилу. И взя Господь песокъ и нача бить изъ того кремня, и рече Господь: вылетайте ангелы и архангелы и вся силы небесныя по образу и по подобію, и нача изъ того кремня вылетати искры съ огнемъ, и сотвори Господь ангелы и архангелы и всѣ девять чиновъ. И видѣ Сатанаилъ, что Господь сотвори, и нача той кремень бити, что Господь дастъ изъ лѣвой руки, и начали у Сатанаила вылетать его ангелы, и сотвори Сатанаилъ силу на небесахъ. Потомъ сотвори Господь Сатанаила начальникомъ надо всѣми чинами его ангельскими; сатанинову силу его сотвореніе притче въ десятый чинъ". Затѣмъ говорится, что Сатанаилъ возгордился, и Господь повелѣлъ архангелу Михаилу низвергнуть его съ неба и лукавую его силу (¹). Среди народа ходятъ подобныя же сказанія. „Ты, Господи, все творишь: весь міръ сотворилъ, окіянъ море напустилъ; дай мнѣ хошь землю насѣять",—разсуждаетъ діаволъ съ Господомъ въ одномъ народномъ сказаніи. „Сѣй, сказалъ Господи. Сѣялъ, сѣялъ лукавый,—никакого толку.—Опускайся ты, лукавый, сказалъ Господи—на самое дно моря, достань ты, лукавый, горсть земли". Опустился лукавый на дно моря, захватилъ лукавый горсть земли; вынырнулъ, глядь—всю землю водой размыло. Опустился въ другой разъ,—тоже, въ горсти нѣтъ земли. Опустился лукавый въ третій разъ, и,

(¹) Пыпина Обз. слав. лит. стр 70—71. Въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ говорится, что архангелъ Михаилъ побѣдилъ Сатанаила послѣ того только, какъ былъ постриженъ въ схиму. Апокр. Сказ. И. Я. Порфир. 30.

по Божьему повелѣнію, осталась за ногтемъ песчиночка. Богъ взялъ ту песчиночку и насѣялъ всю землю, съ травами, съ лѣсами, со всякими для человѣка угодьями (¹).

Подобныя сказанія мы читаемъ въ Сбор. Драгоманова (²) (сотвореніе и благословеніе міра), и въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по этнографическому отдѣленію (³). Первое сказаніе—малороссійское, второе—бѣлорусское. Дѣло въ этихъ сказаніяхъ представляется такъ. Господь задумалъ сотворить свѣтъ, и говоритъ самому старшему ангелу Сатанаилу: а что, говоритъ, архангелъ, давай творить свѣтъ! Сатанаилъ согласился. Тогда Богъ велитъ ему достать изъ моря горсть песку и, доставая, произнесть: „беру тебя земля во имя Господне". Сатанаилъ опустился на дно моря, сталъ доставать песокъ, но измѣнилъ слова Господа, сказавъ: „беру тебя земля во имя Господа и въ свое" для того, чтобы земля была его и Господня. Однако съ такими словами Сатанаилъ не могъ достать земли. Тоже случилось и при второй попыткѣ достать земли. Только въ третій разъ, дословно повторивши слова Господа, сатана досталъ изъ воды песку. Взялъ Господь землю у Сатанаила, разсѣялъ и благословилъ трижды, послѣ чего она стала расти. Сатанаилъ утаилъ отъ Бога нѣсколько песчинокъ во рту, но онѣ стали тамъ разростаться, и онъ принужденъ былъ ихъ выплевывать; отъ этихъ плевковъ произошли горы и камни. Впрочемъ въ однихъ легендахъ рисуя Сатанаила, на ряду съ Богомъ, творцемъ міра, въ другихъ легендахъ народъ представляетъ дѣло на оборотъ. Дьяволъ представляется созданнымъ человѣкомъ. Сказаніе въ „свиткѣ божественныхъ книгъ" о томъ, какъ Сата-

(¹) Буслаевъ. Истор. очерки рус. нар. словесности I т. 437 стр.

(²) Малор. пред. Драгоманова 89 стр.

(³) Зап. И. Г. О. Этн. Отд. V т. 1873 г. стр. 712—713.

наилъ, подобно Господу, творившему ангеловъ изъ кремня, натворилъ своихъ ангеловъ, дало толчекъ народной фантазіи, которая создала слѣдующую картину творенія бѣсовъ. Богъ велитъ первому человѣку обмочить руку въ росу и тряхнуть. Человѣкъ сдѣлалъ такъ, и явилось пять чертей. А тѣ, въ свою очередь, подобнымъ же образомъ натворили множество другихъ чертей (¹).

Вообще нужно сказать, что народныя воззрѣнія на діавола отличается чрезвычайною запутанностію и сбивчивостію. Съ одной стороны, народъ слышалъ библейскіе разсказы, съ другой, до него доходили апокрифическія сказанія, шедшія совершенно въ разрѣзъ съ первыми. Народъ поэтому не могъ установиться въ своихъ воззрѣніяхъ на происхожденіе діавола, хотя вообще воззрѣніе на діавола, какъ существо злое, стремящееся вредить человѣку, у народа получило опредѣленность.—Въ легендахъ передается довольно сложный разсказъ о томъ, какъ былъ дьяволъ свергнутъ съ неба. Когда были созданы и ангелы, и демоны, между ними завязалась борьба. По началу одолѣвала рать сатаны, а потомъ взяла верхъ сила небесная. Михаилъ Архангелъ, одолѣвъ сатанино воинство, сверзилъ его съ неба. Нечистая сила попадала на землю въ различныя мѣста, отчего появились—водяные, лѣшіе и домовые (²). Въ нѣкоторыхъ народныхъ сказаніяхъ сверженіе дьяволовъ съ неба представляется въ тѣхъ же чертахъ, какъ и въ приведенномъ нами словѣ о „небесныхъ силахъ“. Повелѣлъ Господь, „ангеламъ усіяхъ чертів із неба позганяти, то як посипались із неба тії черти, то де который Бога спомянувъ, то тамъ и остався: который на небі,—на небі остався, который на землі,—на землі остався.—Але усе черти чортами. Ті, що на землі, підтинаютъ человіка; ті, що підъ небомъ, дрогаться із Богомъ, за то ихъ Господь і побивае сво-

---

(¹) Малор. пред. Драгоманова, 91 стр.

(²) Поэт. воззр. слав. на прир. Аѳан. II, 462 стр.

им громом“ (1). И такъ, свергнутые съ неба, дьяволы, по народному воззрѣнію, были раскиданы и по воздуху, и по землѣ, попадали и въ лѣсъ, и въ рѣки, и въ горы. Среди народныхъ пословицъ мы найдемъ множество такихъ, гдѣ мѣстопребываніемъ дьяволовъ служатъ рѣки, горы и лѣса. „Въ тихомъ омутѣ черти водятся“, говоритъ народъ. „Былъ бы омутъ, а черти будутъ. Изъ омута въ адъ рукой подать. Гдѣ болото, тамъ и чертъ сядзиць. Чертъ безъ болота не будець, а болото безъ чорта. Всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ бродить. Гдѣ чортъ ни былъ, а въ устье рѣки попалъ. Ты чорта крести, а чортъ въ воду глядитъ (2)“. Точно также не мало указаній на мѣстопребываніе чорта въ лѣсу. „Поѣхалъ было въ лѣсъ, да на встрѣчу попался бѣсъ. Братъ такъ братъ, а не то отдай крестъ, да къ чорту въ лѣсъ (при ссорѣ крестовыхъ братьевъ). Пришолъ з лѣсу и иди собѣ къ бѣсу. Подъ чернымъ лѣсомъ спаткауся чортъ з бѣсомъ. Толкысь бѣсы да не въ нашемъ лѣсѣ. Изъ пустаго дупла либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана“ (3). Особенно мѣстопребываніе злыхъ демоновъ народъ связалъ съ грозой. Въ грозѣ русскій народъ видитъ пораженіе дьавола. Извивы молній русскій народъ считаетъ стрѣлами, которыя бросаются Богомъ или святыми въ нечистыхъ духовъ. Молнія всегда летитъ въ то мѣсто, гдѣ бываетъ дьяволъ. И черти, по мнѣнію народа, чрезвычайно боятся молніи. Такъ что въ заговорахъ нерѣдко выражается, желаніе, чтобъ заговаривающагося также боялись недруги какъ черти боятся грозы. (4). Что касается, далѣе, стрем-

---

(1) Драгом. Малорус. пред. 91—92. (Сравн. Чубин. 1, 115—146 стр.).

(2) Послов. Даля 12. 306. Снегир. 58. Зап. И. Г. О. Этн. Отд. I, 256, 268, 278, 281. Архивъ юрид. свѣд. II, 79, 86, 102. Поэт. воззр. слав. на прир. II, 286.

(3) Порядокъ пословицъ взятъ у Аѳан. Поэтич. воззр. II, 327.

(4) Зап. Имп. Геогр. Общ. Этн. Отд, II, 580.

леній и дѣятельности дьявола, то мы, передавая библейское ученіе о дьяволѣ, замѣтили, что вся дѣятельность діавола направлена на зло, особено на причиненіе вреда человѣку. Въ другихъ памятникахъ древнерусской письменности мы найдемъ еще болѣе подробностей въ изображеніи злой и вредоносной дѣятельности дьявола. „Богъ не хочетъ зла, читаемъ мы въ поученіи Ѳеодосія о казняхъ,—но добра; а діаволъ радуется всякому злу, совершенному между людьми; онъ издревле врагъ нашъ, хочетъ убійства, кровопролитія, возвигая свары, зависть, братоненавидѣніе, клеветы" (1). Правда, „не имать бѣсъ власти на христіаны, ниже на мужа бояіцася Бога, аще не повелѣніе свыше будетъ или ради наказанія, или ради прощенія людей (2)"; тѣмъ не менѣе, получивъ соизволеніе Божіе испытать человѣка, діаволъ всячески старается искусить человѣка и употребляетъ всѣ усилія заставить его „паче вѣчныхъ благъ любити временная (3)".

Въ памятникахъ древнерусской письменности мы встрѣчаемъ указанія, какъ діаволъ дѣйствуетъ на человѣка. Матвѣй прозорливый, стоя въ церкви, видѣлъ, какъ бѣсъ, въ образѣ ляха, обходилъ и бросалъ на братію лѣпки (цвѣты). Къ кому лѣпокъ прилипалъ, тотъ, мало постоявъ и ослабѣвъ умомъ, выходилъ изъ церкви и, пришедши въ келью, засыпалъ; къ кому лѣпокъ не приставалъ, тѣ стояли до конца службы (4). Въ повѣсти о отцѣ Макаріи передается, что онъ встрѣтился разъ съ пустынникомъ, увѣшанный сосудами. Пустынникомъ оказался дьяволъ, который объяснилъ Макарію секретъ

---

(1) Извѣстно по списку XV в. въ торжеств. Рум Музея № 435 л. 340—344 подъ 3 мая. Ученыя Зап. 2 отд. Акад. Наук. II т. 2 вып. Словарь духов. писат. II, 284.

(2) Маргар. Минеи чет. митр. Макар. изд. Арх. ком. Сент. 1169 и 1171 стр.

(3) Златая чепь ркп. Солов. библ, XVI в. № 238 л. 11 об.

(4) П. С. Р. Л. I, 82 Рук для сельскихъ паст. 67 г. I, 578.

сосудовъ. „Аще обрящу кого въ законѣ Божіи присно-поучающася, запинаю ему главоболіемъ, покропивъ и помазавъ отъ сосуда, иже на главѣ моей; а иже бдѣти хотящаго въ молитвахъ и пѣніяхъ, земъ отъ иже на веждахъ моихъ сосуда и помазавъ очи ихъ, въ сонъ понуждаю, дреманіе принося. А иже на ушію моего съсуди, ихъ же зриши, въ преслушная дѣлу уготована суть, и сими створяю не слышати истинное слово хотящіимъ спастися, а иже на ноздрѣхъ моихъ съсуды благовоніе юнымъ блудное дѣло сътворяю, а иже на устѣхъ моихъ уготовлены сосуды, прельщаю постники снѣдьми различными, оклеветаніемъ и скверно-словіемъ и. т. д. запинаю тещи путемъ благочестія, и моимъ путемъ сотворяю тещи (¹). Въ рукописномъ прологѣ соловецкой библіотеки № 60, подъ 16 іюня, помѣщается „слово отъ старчества“. Старецъ въ словѣ разсказываетъ объ одномъ грѣшникѣ. „8 бѣсовъ видѣхъ послѣдующихъ ему и посыпающихъ его смрадомъ, и мурина сидяща на раму ему и цѣлующа его, и другаго дѣмонка, идуща предъ нимъ и раздражающи его, и безстудію учаща его, и около его бѣси идуща и веселящися о немъ“ (²). Въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятникахъ въ грѣхѣ какъ будто виноватъ не столько самъ согрѣшившій, сколько дьяволъ. „Аще видиши очима своима брата блудяща, или инъ грѣхъ творяща, абіе рцы: проклятъ буди сатана, твое се есть дѣло, а не бы братъ мой о себѣ сего сътворилъ“ (³).

Вводя человѣка въ грѣхи, діаволъ овладѣваетъ иногда такъ человѣкомъ, особенно иноками (⁴), что

(¹) Рук. Солов. библ. № 916. Рук. для сельск. паст. 67 г. I, 579—80.

(²) Прологъ Ркп. Солов. библ. № 60 л. 297 обор.

(³) Рукоп. Сбор. Солов. библ. № 844 л. 378. Рук. для сельск. паст. 67 г. I, 577. По сказанію «Зерцала великаго», Макарій видѣлъ, какъ бѣсы заставляли спать на молитвѣ, положивъ 2 пальца на глаза. «Зерц. вел.» Ркп. Солов. библ. № 239 л. 275—276.

(⁴) Ркп. Солов. библ. № 854 л. 281—282.

человѣку приходится сказать только: „Господи! или поразви мя, или возьми страсть мою отъ мене" (1). Побѣждѣетъ діавола только сила Божія. Антонія Галоченина предъ смертію устрашали діаволы. Но „послѣ всѣхъ страшныхъ призрачей явилась нѣкая сила Божія и разнесла демоновъ по воздуху" (2). Тоже было съ Сергіемъ. Вѣсы мучили его. Но „божественная нѣкая осѣни преподобнаго сила и лукавые духи разгна и разнесла демоновъ по воздуху (3).—

Кромѣ искушенія, дьяволъ можетъ вредить человѣку, причиняя ему болѣзни. Говоря о народномъ воззрѣніи на болѣзни, мы указывали, какую роль при болѣзни приписываетъ народъ дьяволу. Припомнимъ, что и библія признаетъ діавола способнымъ причинять человѣку болѣзни. Значитъ, народное воззрѣніе на дьявола, какъ существо, способное причинять человѣку болѣзни, нерасходится съ церковнымъ ученіемъ. А нужно еще сказать, что тѣмъ скорѣе у народа могло сложиться такое воззрѣніе на дьявола, что въ памятникахъ древнерусской письменности нерѣдко указывается на вредоносную дѣятельность дьявола. Въ статьѣ „о различіи скорбей и тягостей бѣсовскихъ" мы читаемъ: „напущаютъ бѣсове главоболіе, якоже мню ти всему мозгу трястися и хлобыстьти внегда поклоны творити намъ. И вслухъ намъ входятъ, и паки исходятъ, тогда главѣ вельми болѣти и отъ входа бѣсовскаго умъ помрачается и очи и сердце болитъ. Напущаютъ тяжкое помраченіе, яко не пщевати уму и неразумѣти писанія и складу книжнаго, напущаютъ забвеніе и отъемлютъ память, напущаютъ икоту, напущаютъ выеболіе, якоже клещами кому жгуще жилы.... Напусщаютъ сердечную болѣзнь на стояніи и на сѣ-

(1) Ркп. Сбор. Солов. библ. № 840 л. 108—109.

(2) Ркп. Солов. библ. № 875 л. 301.

(3) Ркп. Солов. библ. № 896 л. 20. Руковод. для сельскихъ паст. 67 г. I, 586.

дѣніе и на ложи, паче же сею болѣзнію во снѣ погружаютъ и въ уединенномъ житіи, яко всѣмъ удомъ ослабѣти. Напущаютъ сверботу всему тѣлу безмѣрную. Напускаютъ тоску и рвеніе"..... А заключительныя слова статьи: „всякому злу конецъ и вина бѣсове суть" (¹). По народному воззрѣнію, дьяволъ врагъ человѣка. Онъ всячески старается вредить человѣку, причиняетъ ему болѣзни, вводитъ его въ искушеніе и грѣхи, возбуждаетъ въ немъ страсти. Народное воззрѣніе на вредоносную дѣятельность діавола нами уже показано. Остается добавить только, что дьяволъ, по народному представленію, вредитъ людямъ не столько непосредственно, сколько чрезъ посредство еретиковъ, колдуновъ, вѣдьмъ и т. п. Эти лица получаютъ отъ сатаны громадную силу для совершенія злыхъ поступковъ. Сила имъ дается подъ условіемъ, если они отрекутся отъ Бога и предадутся сатанѣ. Замѣчательно, что во всѣхъ народныхъ заговорахъ, обращенныхъ къ дьяволу, это условіе соблюдается самымъ строгимъ образомъ. Заговоры, обыкновенно, начинаются словами: „Стану я рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь...; а въ тѣхъ заговорахъ, въ которыхъ испрашивается помощь сатаны, на оборотъ, отрицается крестное знаменіе. „Не молясь, ложуся спать и не перекрестившись, встану, не благословясь, или: „стану я, рабъ діавольскій (имя рекъ) не благословясь, пойду не перекрестясь" (²). Многіе заговоры оканчиваются такимъ образомъ: „Вѣдь, я твой рабъ, твой слуга, и по сей день, и по сейчасъ, и по мой приговоръ во вѣки (³)".

Народъ убѣжденъ, что только сдѣлавшись „рабомъ дьявольскимъ", и можно силою дьявола творить громадный вредъ людямъ. Колдуны, колдуницы, вѣдуны, вѣдуницы, еретики, еретицы, дохтура и

(¹) Рук. Сбор. Солов. библ. № 892 л. 163. 160. Рук. для сел. паст. 67 г. I, 576—7.

(²) Зап. Имп. Геогр. Общ. Этн. Отд. II, 432 и 435.

(³) Зап. Имп. Геогр. Общ. Этн. Отд. II, 445.

дохтурицы, наводящіе на человѣка уроки и призоры, все это, по народному представленію, „рабы діавольскіе". Здѣсь мы наталкиваемся на народное представленіе о покупаніи дьяволомъ человѣческихъ душъ. Народъ, какъ сейчасъ мы указывали, вѣритъ, что можно продать душу чорту. И въ памятникахъ древнерусской письменности можно также встрѣтить много легендъ о томъ, какъ молитвою возвращалось отъ діавола рукописаніе въ преданности діаволу. „Въ зерцалѣ великомъ" разсказывается объ одномъ „о піяницѣ, иже душу свою прода діаволу" въ кормчѣ (¹). Святые, состязаясь съ діаволомъ, въ тоже время поражаютъ и колдуновъ, вѣдуновъ, еретиковъ и другихъ его слугъ, „его рабовъ". Разсматривая народныя воззрѣнія на діавола, какъ возбудителя страстей, мы встрѣчаемъ не мало интересныхъ и характерныхъ чертъ народнаго пониманія духа злобы, только должны сознаться, что образъ дьявола—обольстителя людей носитъ въ себѣ еще много миѳическихъ элементовъ. Дьяволъ, какъ искуситель людей, въ народныхъ произведеніяхъ изображается въ двухъ видахъ,—то подъ видомъ змѣя, то подъ образомъ человѣка, или вѣрнѣе сатира, такъ какъ къ фигурѣ дьявола, какъ человѣка, обыкновено, прибавляются козлиныя, коровьи и лошадиныя ноги, рога и хвостъ (²). Представленіе дьявольской, злой силы подъ образомъ змѣя въ народныхъ произведеніяхъ является, обыкновенно, въ двухъ видахъ: то змѣй представляется только похищающимъ женщину, то обольщающимъ и насилующимъ ее. Съ дьяволомъ, или змѣемъ, какъ похителемъ женщинъ, по народному представленію, борются Егорій и Ѳеодоръ, какъ обольстителемъ женщинъ—Марія Египетская, какъ возбудителемъ въ людяхъ блудной страсти вообще—Мартеніанъ, Іоаннъ многострадальный и др. Среди русскаго народа ходитъ не мало духовныхъ

(¹) Зерц. вел. Ркп. Солов. библ. № 239 л. 304.

(²) Поэт. воззр. слав. I, 715 стр.; III, 14 стр.

стиховъ, въ которыхъ изображается, какъ св. Георгій спасъ отъ змѣя царскую дочь, а св. Ѳеодоръ Тиронъ свою мать. Первое событіе, т. е. спасеніе Георгіемъ царской дочери, передается въ духовныхъ стихахъ въ такомъ видѣ. На городъ Антонію (а по другимъ стихамъ Содомъ и Коморъ), за нечестіе жителей и переходъ отъ истинной христіанской вѣры въ латынскую, Господь послалъ „змѣю печерскую“. По описанію, змѣя носила такой видъ: „двѣ головы—то человѣческія, третья лошадиная“.—И вотъ эта „змѣя лютая печерская“ въ каждые сутки стала съѣдать по человѣку. Жертвы на съѣденіе отдавались по жеребью. Выпалъ жребій и на самаго царя. Царь закручинился. Царица предложила царю къ лютому змѣю на съѣденіе послать царскую дочь. Царь согласился. И они рѣшились обманомъ увести дочь къ змѣю, сказавъ ей, что ее выдаютъ замужъ за заморскаго купца. Царская дочь безропотно соглашается исполнить волю родителей, хотя и предчувствуетъ что-то недоброе. Умывшись, одѣвшись въ „черны платьица опальныя“, и помолившись Николѣ, Троицѣ и Богородицѣ, со слезами на глазахъ, вышла царская дочь на крутой крылецъ.

Посмотрѣла дѣвица на бѣлый дворецъ:
На бѣломъ дворцѣ лошадь черная,
Извощикъ опальный, кручинный!

Поѣхала царская дочь къ морю, на встрѣчу попадается святый Георгій храбрый. Святый Георгій предается сну, только проситъ царскую дочь разбудить его—

Какъ сине море восколеблется,
Змѣя лютая покажется.

Спустя нѣсколько времени, дѣйствительно,

Сине море всколебалося.
На три сажени верхъ подымалося,
Тутъ люта змѣя показалася.

Стала дѣва будить добра молодца Егорія; и никакъ не можетъ разбудить его. Дѣвица расплакалась, и одна слеза пала на лицо Егорію.

Тогда Егорій пробудился.
Пробудился тутъ добрый молодецъ,
Тутъ садился онъ на добра коня.
Сталъ змѣю лютую конемъ топтать,
Ай конемъ топтать, да копьемъ колоть,
Самъ приговаривать таково слово:
Усмирись-ко ты змѣя лютая,
Будь тиха, смирна....

Егорій связываетъ змѣю и отдаетъ ее Елизаветѣ, чтобъ она привела ее домой, постращала родителей и потомъ заставила ихъ строить христіанскіе храмы. Народный стихъ о св. Георгіи составился подъ вліяніемъ апокрифическаго сказанія о св. Георгіѣ, которое часто встрѣчается въ древне-русской письменности. По этому сказанію дѣло представляется такимъ образомъ. Въ восточной странѣ былъ языческій градъ Лаосія. Около Лаосіи было озеро чрезвычайно широкое и глубокое. И въ томъ озерѣ уродился змѣй, „ему же величества и образа нѣсть изобрѣсти". Змѣй съ яростію и свистаніемъ великимъ выходилъ изъ озера и пожиралъ людей. Царю и вельможамъ пришла мысль, что не помилуетъ-ли жителей змѣй, если ему отдавать дѣтей. Очередь падаетъ на царскую дочь. Одѣвъ дѣвицу въ багряницу царскую и „всяцѣмъ украшеніемъ украсивъ" ее, царь велитъ отвести дочь къ змѣю. Въ это время изъ Перской земли возвращались греческіе воины. Среди воиновъ былъ св. Георгій. „Наставленный Господнею десницею", св. Георгій отклонился отъ воиновъ къ озеру и встрѣтилъ тамъ плачущую дѣвицу. Дѣвица, увидавъ Георгія, проситъ его скрыться; но Георгій, убѣдивъ дѣвицу креститься, рѣшается побѣдить змѣя и проситъ у Бога помощи. И вотъ изъ воды является змѣй, подобно бурѣ, колебля воду, и свиснувъ ужасно, хочетъ пожрать святаго. Но св. Геор-

гій, „оградивъ себя знаменіемъ крестнымъ яко бронями“, — не смущается змія, именемъ Бога велитъ ему лечь у ногъ своихъ. И чудно было, замѣчаетъ сказаніе, видѣть змѣя „подъ ногами лежаща преблаженнаго Георгія и стопы его облобызающа языкомъ своимъ“. Св. Георгій велитъ дѣвицѣ снять поясъ, связать змѣя и вести его въ городъ. Люди, увидавъ змѣя, ужаснулись, и, увидѣвъ чудо, увѣровали въ истиннаго Бога ([1]). Народный стихъ о Георгіѣ сравнительно съ рукописнымъ сказаніемъ содержитъ ту особенность, что, во первыхъ, дѣвица увозится къ змѣю обманомъ, какъ къ жениху, тогда какъ въ рукописи она знаетъ заранѣе о своей участи, во вторыхъ, по народному стиху, Георгій засыпаетъ и дѣвица будитъ его слезою, а въ рукописи Георгій молится Богу; далѣе, въ стихѣ Георгій побѣждаетъ змѣя копьемъ, а въ рукописи именемъ Божіимъ. Духовный стихъ о Георгіи напоминаетъ другой стихъ—о Өеодорѣ Тиронѣ. Въ стихѣ о Өеодорѣ Тиронѣ разсказывается между прочимъ, какъ святой спасъ мать свою отъ змѣя ([2]). Послѣ того, какъ Өеодоръ воротился съ подвиговъ — поразилъ силу жидовскую, его матушка, добра коня жалѣючи, повела его поить на сине море.

А гдѣ не взялся змѣй огненный,
Двѣнадцати—крылыхъ хоботовъ,
Онъ пожралъ коня добраго,
Полонилъ его матушку
И унесъ его матушку
Во пещеры во змѣиныя
Ко двѣнадцати змѣенышамъ.

Өеодоръ Тиронъ, отправляясь выручать свою мать, беретъ съ собою книгу евангельску, животворящій крестъ, саблю вострую и копье мурзавецкое. Ѣдетъ

([1]) Сборникъ Рукоп. Солов. библ. № 817 (26 ноября) л. 61 об. 79. Разысканія въ области рус. дух. стих. Веселовск. Зап. Имп. Акад. Наукъ. 37 т. 201—209.

([2]) Подробное изслѣдованіе о стихѣ и зависимости его отъ апокрифа сдѣлано въ статьѣ: Разысканія въ области рус. дух. стих. Зап. И. А. Н. 36 т. 1—22 стр.

святой; только преграду составляетъ бездонное синее море. Китъ-рыба даетъ возможность переправиться Θеодору чрезъ море. Святой проѣхалъ по морю, словно но суху. Проѣзжаетъ Θеодоръ Тироновъ къ пещерамъ бѣлымъ каменнымъ, замѣчаетъ свою мать.

А сосутъ ее, матушку,
Двѣнадцать змѣенышевъ
За ея груди бѣлыя.

Когда мать Θеодора увидала его, испугалась за сына, боясь, что его пожретъ змѣй. Θеодоръ успокоиваетъ мать свою. Между тѣмъ змѣй ужъ замѣтилъ святаго.

Какъ увидѣлъ его лютый змѣй
Изъ пещеръ бѣлыхъ каменныхъ,
Налетѣлъ на него лютый змѣй:
Ужъ и бился съ нимъ Θедоръ Тыриновъ
Три дня, три ночи, трое суточекъ;
Размахнулся Θедоръ Тыриновъ,
Онъ смахнулъ ему головы
Объ двѣнадцати хоботахъ,
Онъ убилъ его до смерти.—

Убивши змѣя, Θеодоръ проситъ землю пожрать „кровь нерусскую". Освободивъ мать, онъ понесъ ее чрезъ темные лѣса и крутыя горы въ ея царскія палаты. Китъ снова помогъ переправиться Θеодору чрезъ бездонное синее море. Народный стихъ о Θедорѣ Тиронѣ имѣетъ для себя основаніе въ отреченномъ житіи св. Θеодора [1], хотя Безсоновъ во второмъ томѣ собранія пѣсенъ Рыбникова такимъ образомъ объясняетъ происхожденіе этого стиха. Стихъ о Θеодорѣ Тиронѣ, говоритъ Безсоновъ, образовался подъ вліяніемъ двухъ сказаній о Θеодорѣ Стратилатѣ и Георгіѣ. Борьбу со змѣемъ велъ Θеодоръ Стратилатъ, а не Θеодоръ Тиронъ. Смѣшивать обоихъ Θеодоровъ народъ могъ легко, тѣмъ болѣе, что оба были воины, жили почти одновременно, дѣйствовали въ одномъ округѣ Гераклейскомъ, да и память ихъ совер-

---

(1) Зап. Имп. Ак. Наукъ. 36 т. 1—22 стр.

мается въ одинъ мѣсяцъ. Въ житіи Θеодора Стратилата дѣйствительно говорится о снѣ Θеодора, разсказывается, какъ его уснувшаго на Гераклейскомъ полѣ разбудила „нѣкая жена" и разсказала о свирѣпствовавшемъ здѣсь зміѣ, и какъ Θеодоръ совершилъ подвигъ и заставилъ множество народа увѣровать во Христа. Тиронъ, по стиху, спасаетъ отъ змѣя мать. Въ житіи Стратилата женщина, разбудившая его, называется „мати" (потому что была „стара лѣты"), и, значитъ, нѣтъ ничего не естественнаго, если въ этой женщинѣ народъ увидѣлъ мать Тирона и нарисовалъ поэтическую картину спасенія матери отъ змѣя [1]. Среди народа ходитъ не мало сказаній, гдѣ представляется, какъ змѣй обольщаетъ женщинъ. Обыкновенно, онъ посѣщаетъ вдовъ, влетаетъ въ трубу избы, гдѣ живетъ вдова, и потомъ предстаетъ предъ тоскующею вдовою въ образѣ ея умершаго мужа. Дьяволъ является также и къ женамъ, имѣющимъ мужей, особенно въ отсутствіе послѣднихъ. Преимущественно же дьяволъ имѣетъ связь съ вѣдьмами, которыя, по народному представленію, происходятъ отъ его преступной связи съ женщинами. И въ народной и книжной словесности очень много разсказовъ о связяхъ діавола съ женщинами. Въ былинѣ о Добрынѣ Никытичѣ разсказывается, какъ жена его волшебница Марина водила знакомство со змѣемъ горынычемъ [2]. Въ муромской легендѣ о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи изображается, какъ Петръ убилъ змѣя, который прилеталъ къ женѣ брата его Павла [3]. Повѣсть о бѣсноватой Соломоніи основана на мысли о возможности связи между злыми духами и женщинами. Влія-

---

(1) Пѣсни, собран. Рыбник. 2 т. Прилож. Бесѣ. XCV—XCIX и CCC XVIII—CCC XIX.

(2) Поэт. воззр. слав. на природу III, 479—480.

(3) Ibidem II, 609—611 стр.

(4) Ibidem, III, 480 стр.

ніе злаго духа на женщину въ этомъ случаѣ изображается въ народныхъ сказаніяхъ въ образѣ летающаго змѣя (¹).

Змѣй прилетаетъ къ женщинѣ въ то время, когда мужъ не любитъ ея, или уйдетъ куда нибудь на долго, или умретъ, короче, когда женщина тоскуетъ по мужѣ или миломъ. Жена сохнетъ, плачетъ, ночи не спитъ, ночью рыдаетъ, говоритъ, что мужъ ей представляется... Родные боятся ее, отшатываются отъ нея. Падетъ звѣздочка, пролетитъ надъ домомъ метеоръ, для нихъ достаточно, чтобы заключить, что къ тоскующей женщинѣ является змѣй. Отъ плача и истерическихъ припадковъ женщина дѣлается кликушею. Всѣ заключаютъ, что въ нее забился бѣсъ. Впадаетъ женщина въ чахотку, — всѣ убѣждены, что ее высушилъ змѣй. Гдѣ утѣшенье для женщины? Въ молитвѣ. Затеплила она свѣчу передъ иконой, упала предъ нею въ молитвѣ и... въ изнеможеніи забылась. Свѣча догорѣла, загорѣлась икона, полотенцо, которымъ была прикрыта икона, полка, стѣны и весь домъ. Несчастная страдалица задохнулась. Всѣ убѣждены, что змѣй сожегъ ее и домъ (а можетъ быть и деревню) за то, что ее упрекнули змѣемъ (²). Какъ бы не объяснялась просто тоска женщины по мужѣ, народъ не хочетъ разувѣриться въ прилетающемъ къ тоскующимъ вдовамъ змѣѣ. Среди народныхъ заговоровъ встрѣчаются нерѣдко обращенія къ дьяволу, чтобъ онъ присушилъ дѣвицу или молодца, или произвелъ остуду между любящими существами. „На морѣ—на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ стоятъ три кузницы. Куютъ кузнецы на 4-хъ станкахъ. Бѣсъ Салчакъ, не куй бѣлаго желѣза, а прикуй добраго молодца кожею, тѣломъ, сердцемъ. Не сожги орѣховаго дерева, а сожги ретивое сердце въ

(¹) Зап. Имп. Геогр. Общ. Этн. Отд. II, 1871 стр.

(²) — — II, 36—38 стр.

добромъ молодцѣ: въ ѣствѣ бы не заѣдалъ, въ полѣ бы не загулялъ" (¹). Другой заговоръ: „во дьявольскомъ болотѣ латырь камень, а на латырѣ бѣлъ — камени сидитъ самъ сатана. И пойду я рабъ къ латырь бѣлъ — камню и поклонюсь я, рабъ, самой сатанѣ и попрошу его: ой же ты, могучъ сатана, какъ ты умѣлъ свести (имена мужа и жены), такъ умѣй и развести, чтобы другъ друга не любили, другъ друга колотили, и норой ножомъ поразили" (²). Возбудитель блудной страсти, бѣсъ въ тоже время рисуется русскому народу и какъ возбудитель людей къ пьянству, которое идетъ, обыкновенно, на ряду съ первымъ порокомъ. Среди русскаго народа ходитъ не мало легендарныхъ сказаній объ изобрѣтеніи вина, гдѣ изобрѣтателемъ его представляется дьяволъ. Не мало такихъ разсказовъ и въ древне-русской письменной литературѣ, особенно апокрифической.—Когда Ной сталъ строить ковчегъ, читаемъ мы въ одномъ древне-русскомъ сказаніи, діаволъ, ненавистникъ человѣческаго рода, сталъ подстрекать Еву (будтобы жену его) узнать отъ мужа, что онъ такое дѣлаетъ? Ной оказался недовѣрчивымъ къ женѣ. Тогда дьяволъ научилъ жену Ноя дѣлать вино. „И рече дьяволъ: надъ рѣкою растетъ трава, вьется около дерева, и ты возьми травы тоя (хмѣлю) скваси съ мукою, да пой его—исповѣсть ти все!" Когда жена Ноя, по совѣту дьявола, устроила напитокъ и напоила имъ мужа, Ной не могъ уже удержать своей тайны (³). Это сказаніе проникло въ разные памятники старинной русской письменности. Таковы, напр. повѣсть о многоумномъ хмѣлю, притча о женской злобѣ, легенда о происхожденіи винокуренія. Въ послѣдней легендѣ изобрѣтеніе винокуренія относится ко

(¹) Запис. Имп. Г. Общ. этн. от. II, 432 стр.
(²) Зап. Импер. Геогр. Общ. этн. отд. II, 445.
(³) Поэт. воззр. слав. на прир. I, 379 стр.

времени послѣ вознесенія Господа (1). Изъ письменной же литературы сказаніе это перешло въ народную словесность и сдѣлалось достояніемъ массы русскаго народа, гдѣ оно переработалось и приняло не мало варіацій. На югѣ Россіи распространено вѣрованіе, что первую горілку выкурилъ сатана изъ куколя, напоилъ ею Еву и далъ ей закусить запретнаю яблочка. У бѣлоруссовъ ходятъ разсказы, что вино выдумано бѣсомъ, работникомъ одного мужика (2) Бѣсъ выдумалъ вино,—онъ же, по народному представленію, и втягиваетъ людей въ пьянство. Только довѣряться бѣсу чрезвычайно опасно. Онъ хотя и зоветъ человѣка къ себѣ попріятельски выпить водки, однако всегда, нубитъ человѣка, увлекаетъ его либо въ болото, либо въ омутъ, либо въ прорубь. Мы не будемъ приводить другихъ сказаній народныхъ о дьяволѣ, какъ искуситѣлѣ, а въ короткѣ представимъ образъ дьявола, какъ онъ рисуется въ народномъ представленіи. Дьяволъ противникъ Богу. Онъ постоянно враждуетъ съ Богомъ. Самъ не исполняетъ Божественныхъ повелѣній и людей старается отвлечь отъ исполненія воли Божіей. „Панкратъ лезетъ на небо, а чортъ держитъ за ногу" (3)—живописно изображаетъ народъ стремленіе діавола не дать человѣку спастись. Какой бы грѣхъ ни случился, поселянинъ объясняетъ его просто. „Лукавый попуталъ", говоритъ онъ,—„вражеская сила на грѣхъ спокусила" (4). Поселянинъ убѣжденъ, что „вся неправда отъ лукаваго", и что дьяволъ къ тому же такъ силенъ въ искушеніи людей, что трудно человѣку удержаться противъ искушенія. „Отъ дьявола не

(1) Русск. Вѣстн. 1856 г. XIII 21—23 стр. Пам. Стар. Р. Лит. II, 465 стр. I, 137—138 (пьяниц. адъ—Р. II. Лег. 21, 27, 29. Калѣки Пер. 17, 101 стр.).

(2) Поэт. воззр. слав. на прир. I, 380 стр.

(3) Снегир. 320 стр.

(4) Арх. истор. юридич. свѣд. Зап. Импер. Геогр. Общ. этн. отд. II, 274 стр.

уйдешь". „Гдѣ Господь пшеницу сѣетъ, тамъ чортъ плевелы". „Гдѣ Богъ себѣ церковь строитъ, тамъ дьяволъ часовню". „Дьяволъ и святыхъ искушаетъ". „Божье крѣпко, а вражье лѣпко" (¹). Впрочемъ, „страшенъ чортъ, да милостивъ Богъ". „Хвалился чортъ всею вселенной овладѣть, а Богъ ему и надъ свиньей воли не далъ" (²). Пусть дьяволъ искушаетъ человѣка, человѣкъ можетъ противиться дьяволу. „Неподдавайся чорту, такъ ему и власти нѣтъ надъ тобой". Конечно, „дай чорту ухватить за одинъ волосъ, а онъ и за всю голову ухватитъ" (³). Главное—человѣку нужно бороться съ дьяволомъ, а средства для борьбы съ дьяволомъ у него есть. Это—молитва, постъ, и, особенно, крестъ. „Боится бѣсъ креста" (⁴), какъ нельзя болѣе! А потомъ, человѣкъ и неодинокъ въ борьбѣ съ дьяволомъ. Ангелы и святые предохраняютъ человѣка отъ дьявольскихъ искушеній, или, какъ народъ выражается въ пословицѣ, „ангелъ въ правдѣ помогаетъ" человѣку, когда „бѣсъ подстрекаетъ его къ неправдѣ". Вѣрованіе, что къ людямъ поставлены ангелы для сохраненія ихъ отъ вреднаго и грѣховнаго вліянія на нихъ дьявола, какъ и всякое другое христіанское вѣрованіе, заимствовано русскимъ народомъ изъ древне-русской письменной литературы. Въ апокрифическомъ словѣ отъ видѣнія ап. Павла представляется между прочимъ такая картина: „Солнцу заходящу вси людстіи ангели къ Богу идутъ поклонитися, дѣла приносяща человѣческая или добрая, или злая. Богобоязливаго человѣка ангелъ, радуяся, идетъ къ Богу на поклоненіе, а злаго человѣка ангелъ плача идетъ къ Богу и глаголетъ: Господи, вся содрьжай, повѣли ми, да не буду

(¹) Послов. Даля—190. 106. 168. 12. Снегир. 40. 59.

(²) Послов. Даля 275.

(³) Снегир. 227. 427. 30. Труд. Этн. Отд. Общ. Естеств. V, кн. 2, вып, 248 стр.

(⁴) Снегир. 82.

со злымъ и грѣшнымъ симъ. Токмо бо имя Твое отрицаетъ, а угождаетъ плоти, а грѣхи прилагаетъ всегда ко грѣхомъ, и не единыя молитвы не творитъ отъ сердца ни во дни, ни въ нощи, и на подаяніе согбени иматъ руцѣ, токмо собираетъ, а не подаетъ. И глаголетъ Господь: не оставляйте и тѣхъ, егда и тіи пріимутъ покаяніе" (1). Въ „словѣ на соборъ Архистратига Михаила" служеніе ангеловъ человѣку представляется въ слѣдующемъ видѣ: „Ови же посылаеми бываютъ на соблюденіе и на сохраненіе вѣрнымъ человѣкомъ: иже суть хранителіе душамъ, и друзіи же посылаеміи бываютъ на помощи нашы, и пущаеми суть на брани супротивнымъ. А иніи же посылаеми на казнь согрѣшающимъ" (2). Если вѣрный человѣкъ живетъ по закону Божію, ходитъ въ Божественной правдѣ, свѣтлый ангелъ радуется, а если человѣкъ совратится съ „праваго пути", то „благій ангелъ" становится „дряхлъ", печаленъ, а бѣсы начинаютъ радоваться (3). Ангелы ведутъ съ бѣсами постоянную борьбу, особенно они спорятъ изъ-за души умершаго (4). Въ старинной русской литературѣ ангелы нерѣдко представляются воителями не только противъ діавола, но и противъ враждебныхъ народовъ (5). Если ангелы, по памятникамъ древне-русской письменности, представлялись хранителями людей отъ навѣтовъ вражіихъ, то таковыми они рисуются и въ народномъ міровоззрѣніи.

---

(1) Пам. отр. лит. II, 42; Сравн. отчетъ ангеловъ Богу въ апокрифѣ «Смерть Моисея».

(2) Чт. И. О. И. и Др. 1847 г. № 8-й.

(3) Мин. Четіи Ноябрь Рук. Солов. библ. № 506 л. 146 об.

(4) Припомнимъ споръ изъ-за Моисея (убійца-ли онъ?) Пам. отр. лит. I, 353.

(5) Ник. лет. II, 42 и 43—разсказъ о битвѣ русскихъ съ половцами на р. Сальницѣ въ 1112 г.—сказаніе о невскомъ побоищѣ; Ник. лѣт. подъ 1241 г. (III, 13) Лавр. лѣт. подъ 1263 г. Пол. собр. лѣт. I, 206. I, 122. Ровин. Народ. карт. IV, 59.

Русскій народъ, какъ мы уже говорили, представляетъ ангеловъ хранителями людей. Въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ разсказывается: послѣ того, какъ этотъ богатырь, своею невѣстою злодѣйски преданный Кощею Трипетовичу, былъ привязанъ къ дубу, его видимымъ образомъ охраняли два ангела, принявъ образъ голубей.

Увидала Авдотья: два голубя
Сидятъ надъ Иваномъ Годиновымъ,—
Не два голубя сидятъ: два ангела ([5]).

Еще примѣръ. Когда Илья Муромецъ, во время своего пути въ Кіевъ, прибилъ „силу невѣрную" около города „Чиженца", мужики страшиваютъ Илью:

Ужели намъ послалъ Господь ангела,
Не ужъ то послалъ архангела,
Или русскаго могучаго богатыря ([1]).

Но болѣе всего ангелы предохраняютъ человѣка отъ козней бѣсовскихъ. По народному представленію, около каждаго человѣка стоятъ ангелъ и бѣсъ: ангелъ — съ правой стороны, дьяволъ — съ лѣвой. Ангелъ нашептываетъ человѣку на ухо доброе, дьяволъ—злое. На сторону котораго изъ нихъ (ангела или дьявола) человѣкъ становится, на той сторонѣ и побѣда. Ангелъ всетаки сильнѣе бѣсовъ. Особенно среди ангеловъ выдается, какъ сильный ратоборецъ противъ бѣсовской силы, Архангелъ Михаилъ. Онъ свергнулъ сатану и бѣсовское воинство съ неба,— и потомъ съ постояннымъ успѣхомъ продолжаетъ борьбу съ вражеской силой. На страшномъ судѣ онъ по повелѣнію Господа свергнетъ сатану съ его воинствомъ въ адъ и заключитъ затворы ада. Народъ русскій любитъ

([1]) Труды. Этн. Отд. Общ. Естеств. V, 2 вып. 16 стр.
([2]) Ibidem. V. 2 вып. 19 стр.

обращаться къ Михаилу Архангелу за помощью противъ нечистой силы. „О святый Архангелъ Михаилъ! первый княже и небесныхъ силъ грозный воевода, ты побѣждаешь вся нечистыя силы и заграждаешь уста нечистыхъ; загради уста и сердца моихъ враговъ и супостатъ, злобствующихъ на мя, да стоящіе противъ меня остолбенѣютъ“ (¹). „Святый Государь Спасъ и святый государь Архистратигъ Михаилъ, закрой, Господи, отъ лиха человѣка и отъ супостата на всякъ часъ и и на всяко время“... (²). Помощь Архангела Михаила человѣку въ борьбѣ съ нечистой силой изображается народомъ въ тѣхъ же чертахъ, какъ и борьба съ нечистыми духами І. Христа, св. Николая, Иліи и Георгія, уже представленная нами. „На Латырѣ камнѣ — читаемъ мы въ заговорѣ отъ притчей — стоитъ соборная апостольская церковь, въ церкви соборной златъ престолъ, на золотѣ престолѣ Михаилъ Архангелъ тугри луки натягиваетъ, вышибаетъ, выбиваетъ изъ раба Божія всѣ притчища и урочища, худобища и меречища, щепоты и ломоты“ (³). Итакъ ангелы,—а главнымъ образомъ Михаилъ Архангелъ,—хранители и помощники людей въ борьбѣ съ дьяволомъ. Кстати мы коснулись и народнаго воззрѣнія на святыхъ ангеловъ вообще и Михаила Архангела въ частности. Еще скажемъ два слова о діаволѣ. Образъ діавола возникъ первоначально на языческомъ представленіи злаго демона. И до сей поры многія черты изъ жизни и дѣятельности дьявола носятъ окраску миѳическую. Но наряду съ полумиѳическимъ представленіемъ злаго духа встрѣчаются и воззрѣнія на дьявола весьма близко подходящія къ христіанскимъ. Даже можно сказать, что образъ дьявола, какъ искусителя людей, народомъ

(¹) Зап. Имп. Георг. Общ. Этн. Отд. II. 566 стр. (Заговоръ на походъ къ властямъ).

(²) Ibidem — — II, 571.

(³) Ibidem — — II, 500 № 211.

русскимъ представляется уже въ библейскихъ чертахъ. Непомѣрная гордость дьявола, послужившая причиной его возстанія противъ Бога, чрезмѣрная зависть и злоба дьявола къ человѣку, побуждающая его искушать и вводить человѣка въ грѣхъ, почти въ одинаковыхъ краскахъ рисуется и въ библіи, и въ народныхъ воззрѣніяхъ. Если библейскій образъ дьявола отличается отъ образа духа злобы, созданнаго русскимъ народомъ, то не по духу, не по существу своему, а по внѣшности, по своей фигурѣ. Само собою разумѣется, на миѳическія черты, приписываемыя дьяволу, мы должны смотрѣть, какъ на переходную ступень въ пониманіи духа злобы,—какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Послѣ того, какъ мы представили народное воззрѣніе на вредоносную дѣятельность злаго духа и указали святыхъ, которые, по представленію народа, борются съ дьяволомъ, какъ противникомъ Бога и людей,—намъ остается еще представить воззрѣніе русскаго народа на судьбу, которая должна въ концѣ концовъ постигнуть дьявола. Опытомъ убѣжденный, что „худое худымъ и кончится“, что „добро худо переможетъ“, русскій народъ вполнѣ усвоилъ библейское ученіе о будущемъ возмездіи, какое ожидаетъ духа злобы. Когда мы вели рѣчь о разновидной борьбѣ святыхъ съ дьяволомъ, мы видѣли изъ народныхъ сказаній, что дьяволъ при всѣхъ столкновеніяхъ со святыми оставался побѣжденнымъ. Полное и окончательное пораженіе духъ злобы, по народному представленію, какъ и по изображенію библіи, получитъ при наступленіи страшнаго суда. Въ библейскомъ ученіи представляется, что дьявола послѣ страшнаго суда ожидаютъ вѣчныя муки. „Изыдите отъ Мене, проклятіи, въ огнь вѣчный, уготованный дьяволу и ангеламъ его“—скажетъ Господь грѣшникамъ на страшномъ судѣ. Изъ словъ Господа можно видѣть даже, что адъ главнымъ образомъ предназначается для дьявола, а затѣмъ де попадутъ въ него и грѣшники, которые будутъ слѣдовать внушеніямъ духа злобы. Народъ обратилъ осо-

бенное вниманіе на эту сторону въ словахъ Господа. Онъ убѣжденъ, что „не бывать въ пресвѣтломъ раю, въ небесномъ царствіи окаянному проклятому діаволу“ (¹). Въ стихѣ о пречудной царицѣ, мы находимъ слѣдующее мѣсто.

Не ради насъ эта мука злая превѣчная;
Сотворена злая мука ради дьявола,
И ради того человѣка много беззаконнова.
(Антихриста или Іуды?) (²).

Въ духовныхъ стихахъ, гдѣ изображается страшный судъ Божій, Господь посылаетъ грѣшниковъ въ адъ и прибавляетъ, что это мѣсто мученія назначено для духовъ злобы.

Отъидите отъ Меня, ненавижу васъ!
Сами вы себѣ мѣста уготовали
Съ самимъ сатаною, со угодникамъ его! (³).

(¹) Труд. Этн. Отд. Общ. Естеств. V, вып. 2—161 стр.
(²) Лѣтописи рус. литер. I т. 2 отд. 147 стр.
(³) Калѣки перех. 5 вып. 280 стр.

V.

НАРОДНЫЯ ВОЗЗРѢНІЯ НА ЧЕЛОВѢКА.

До сей поры мы излагали народныя воззрѣнія на міръ Божій, окружающій человѣка, выясняли понятіе о Богѣ—Творцѣ, Устроителѣ и Промыслителѣ міра а также объ исполнителяхъ воли Божіей—ангелахъ и святыхъ и преступникѣ Божественныхъ повелѣній—діаволѣ. Теперь мы переходимъ къ изложенію народныхъ воззрѣній на человѣка: на его происхожденіе, его назначеніе и судьбу.

Происхожденіе міра, по народнымъ воззрѣніямъ, нами уже представлено. Когда мы говорили о Богѣ, какъ Творцѣ міра, и о происхожденіи діавола, мы касались народнаго воззрѣнія на происхожденіе міра. Мы замѣтили, что понятія народа въ этомъ вопросѣ чрезвычайно смутны, при чемъ указали и причину этого явленія, именно въ томъ, что свѣдѣнія о происхожденіи міра народъ почерпалъ изъ двухъ источниковъ, мало имѣвшихъ между собою общаго; и не успѣлъ еще примирить ихъ въ своемъ міровоззрѣніи. Тоже самое мы должны повторить и относительно народнаго воззрѣнія на происхожденіе человѣка въ частности. Народъ смутно представляетъ исторію происхожденія человѣка. То рисуетъ ее въ библейскомъ духѣ, то, увлекшись апокрифами, создаетъ самъ рядъ вымышленныхъ картинъ происхожденія и судьбы первыхъ людей. Не считая нужнымъ приводить массы мѣстъ въ различныхъ памятникахъ древне-русской письменности,—касающихся происхожденія первыхъ людей, мы

ограничимся лишь указаніемъ на приписываемое Кириллу слово о „первозданномъ“. Въ этомъ словѣ вкороткѣ передается вся ветхозавѣтная библейская исторія. Вотъ существенная, касающаяся насъ, часть слова. „Созда Богъ преже Адама отъ земли и отъ его же ребра жену ему созда, душу има изъ себе вдохну и введе въ рай пищный. Заповѣди има преда. Сатана же взавидѣ Адаму, да бы его соблазнилъ, да быста заповѣдь Божію преступили, якоже и самъ, и не можаше Адама дьяволъ прельстити, но Еву прельстилъ, соблазни ю; а Ева Адама прельсти и быста изъ рая изгнана, и во смерть осуждена“. Дьяволъ неудовольствовался этимъ „и завистію многы человѣкы отъ Бога отлучилъ. Первый міръ водою за грѣхи Богъ потопи, единаго токмо Ноя праведнаго соблюде съ женою и съ тремя сыны, и съ женами ихъ. А Содома и Гомора и окольняя грады каменіемъ огненнымъ и пламенемъ погуби я; а праведнаго Лота отъ смерти избави и двѣ его дщери. Израильтяне же отъ работы Фараона Моисеомъ изведе и многа сотвори въ нихъ чудеса, и крастели кормя и воду имъ изъ камени въ пустыни изведе, моремъ ихъ проведе, яко по суху, а Фараона въ немъ погрузи и за 40 лѣтъ ни сапози, ни ризы не издрашеся. И потомъ всея забыша благодати Божія и чудесе его, и ставше играти и начаша плясаніемъ, и въ томъ часѣ расту̀плься земля и пожре ихъ б҃ тьмы. По семъ видѣ Творецъ Господь родъ человѣчь отъ діявола мучимь и посла первіе пророки проповѣдати вочеловѣченіе Господне. По семъ благовѣстити посла Архангела Гавріила въ градъ Назаретъ къ Дѣвѣ Маріи зачатіе и рождество отъ Св. Духа безъ сѣмени на спасеніе человѣкомъ, и пріемъ плоть отъ Дѣвы Господь бысть человѣкъ и Богъ, и вся претерпѣ нашего ради спасенія“ (1).

(1) Прав. Собесѣд. 1859 г. I т 166—8 стр. Слово приписывается Кириллу Ростовскому. У Сухомлинова напечатано въ числѣ твореній Кирилла Туровскаго. Рук. гр. Уварова 2 т. № XXIV. Срав, Смарагдъ

Картины лицевой библіи также останавливаются на происхожденіи и судьбѣ первыхъ людей. Въ нихъ мы найдемъ изображеніе творенія Адама и Евы, ихъ паденія, изгнанія изъ рая; найдемъ изображеніе дальнѣйшей исторіи человѣчества: убіенія Каиномъ Авеля, развращенія людей, потопа, столпотворенія Вавилонскаго и т. д. (¹). Въ апокрифической литературѣ встрѣчается не мало подробностей касательно происхожденія и судьбы первыхъ людей, а также не мало подробностей и касательно другихъ библейскихъ сказаній. Въ „бесѣдѣ трехъ святителей“ на вопросъ „отъ коликихъ частей Адамъ сотворенъ“ дается слѣдующій отвѣтъ—отъ осьми частей: тѣло взято отъ земли, отъ камени—кости, отъ моря—кровь, отъ солнца—очи, отъ облака—мысли, отъ вѣтра—духъ, отъ огня—теплота, душу Господь вдохнулъ (²). Народный стихъ о Голубиной книгѣ происхожденіе человѣка рисуетъ такимъ же образомъ.

У насъ міръ—народъ отъ Адамія,
Кости крѣпкія отъ камени,
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь—руда наша отъ черна—моря.
У насъ умъ—разумъ Самого Христа,
Самаго Христа, царя небеснаго,
Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ (³).

Выслушивая заключавшіяся въ древне-русской письменной литературѣ сказанія о происхожденіи міра и человѣка, народъ, съ своей стороны, не мало

Минеи чет. митр Макар. Ркп. Синод. библ. № 996 л. 783 об. Измар Ркп. Солов. библ. № 270 л. 188—189. Златоуст. Ркп Солов. библ. № 259 л. 248.

(¹) Ровин. III, 241, ср. IV, 594.

(²) Пам. отр. лит. 2 ч. 429—438. Ист. рус. слов. И Я. Порф. 270. Сравн. Опис. Рум. Муз. 422 и 510 стр.

(³) Калѣки пер. 2 вып. 270. 301; 6 вып. 73 стр.

разукрашивалъ ихъ. И вотъ такимъ путемъ составилось народное воззрѣніе на происхожденіе и судьбу первыхъ людей. „Адамовы лѣта съ начала свѣта“ (1), говоритъ пословица. Адамъ съ Евою были первыми людьми на свѣтѣ. Они произошли не отъ рожденія, а созданы Богомъ. „Нероди лся, а умеръ. Дѣвушка, не родившись, замужъ вышла, дѣтей родитъ“. Такъ загадываютъ загадки Адама и Еву (2). Сказанія русскаго народа о сотвореніи человѣка представляютъ нѣсколько редакцій. По одной редакціи—дѣло было такимъ образомъ. Богъ, создавъ человѣка, помѣстилъ его въ раю и приставилъ къ дверямъ рая собаку, чтобы не пропускала діавола. А дьяволъ бросилъ собакѣ кусокъ хлѣба, и, благодаря хлѣбу, — пробрался въ рай. Увидѣвъ первыхъ людей, дьяволъ охаркалъ ихъ; такъ что Богъ, когда явился въ рай, сильно былъ удивленъ дерзостью лукаваго. Что дѣлать? Богъ взялъ да и выворотилъ обезображеннаго человѣка. Поэтому все дурное съ тѣхъ поръ стало заключено внутри человѣка (3). Подобный разсказъ мы встрѣчаемъ въ древнерусской письменности, въ сказаніи: „како сотвори Богъ Адама“. Здѣсь разсказывается, что дьяволъ дважды надругался надъ человѣкомъ, сначала пробравшись въ рай, измаралъ Адама „каломъ и тиною, и возгрями“, а потомъ—явившись во второй разъ — взялъ дерево и „истыка всего человѣка Адама и сотвори ему въ немъ 70 недугъ“ (4). Впрочемъ другія народныя сказанія ближе стоятъ къ библейскимъ сказаніямъ. По нимъ: сначала Богъ создалъ мужчину. Потомъ, принявъ въ соображеніе, что ему нужна помощница, Онъ сотворилъ жену. „І наславъ на него сонъ и виломавъ у него ливее ребро, а с того ребра і сталася жин-

(1) Пословицы Даля 376. Народ. посл. Снегир. 2.
(2) Этн. Сбор. VI. Великор. Загад. 35 стр. и 55 стр. № 371.
(3) Лѣт. рус. лит. «рус. нар. пѣсни» 101 стр.
(4) Пам. стар. рус. лит. 3 т. 12—13 стр.

ка“ (1). Жена, введенная въ обольщеніе зміемъ, по изображенію библіи, ввела въ грѣхъ и Адама. Жена же представляется искусительницею Адама и по народнымъ воззрѣніямъ. „Адамъ прельщенъ женою, а жена змѣею, а оба вонъ изъ рая“. „Адамъ Евы послушалъ да яблочко скушалъ“ (2). Такъ изображаетъ народъ паденіе первыхъ людей въ своихъ пословицахъ. Въ легендахъ паденіе первыхъ людей представляется полнѣе. Къ краткому разсказу прибавляются болѣе или менѣе интересныя подробности. Въ саду, говоритъ сказаніе, были яблоки, которыя Господь запретилъ ѣсть. Жена первая соблазнилась вкусить яблочка. А соблазнившись сама, она вздумала соблазнить и Адама. И соблазнила. Во имя любви къ себѣ, Ева выпросила у Адама яблоко съ запрещеннаго дерева и его самого заставила вкусить этого яблока (3). Паденіе человѣка прежде всего повлекло за собою изгнаніе первыхъ людей изъ рая. „Адамъ зло сотворилъ, рай затворилъ“ (4). Нечего и говорить, что Адамъ крайне былъ огорченъ, когда онъ понялъ всю гибель, всю бездну своего паденія. „Когда весь міръ плакалъ“? спрашиваетъ загадка и отвѣчаетъ: „Когда Адамъ согрѣшилъ“ (5). Народныя произведенія представляютъ плачь Адама послѣ преступленія заповѣди Божіей.

Расплакался Адамъ,
Передъ раемъ стоя.
Ты рай, мой рай,
Пресвѣтлый мой рай.

---

(1) Малор, народ. пред. Драг. 92 стр. Въ др. леген. говорится, что Богъ спачала «зъ рожи сотворивъ жинку», а когда она не понравилась, создалъ изъ ребра. Зап. И. А Н. 37 т. Отчет. о 22 присужд. прем. А. Весел. 178 стр.

(2) Рус. нар. посл. Снегир. 2; посл. Даля 159 стр.

(3) Малор. нар. пред. Драг. 92 стр.

(4) Рус, нар. сказк. Сахар. 2.

(5) Этногр. Сбор. VI, 65 стр.; посл. Даля 27 стр.

Мене ради Адама
Сотворенъ—строенъ,
Мене ради Адама
Рай заключили;
Ева согрѣшила,
Адама прельстила,
Весь родъ нашъ отгнала
Отъ раю святаго,
Себе помрачила,
Во тьму погрузила ([1]).

Народный стихъ „плачь Адама", нужно замѣтить, составился подъ вліяніемъ апокрифическаго слова „о Адамѣ и исповѣданіи Евинѣ", составляющаго передѣлку греч. апокрифа „апокалипсисъ Моисея". Въ словѣ о Адамѣ говорится, что, по изгнаніи изъ рая, Адамъ и Ева плакали противъ рая 7 дней, при чемъ Адамъ взывалъ: „рай мой рай, пресвѣтлый раю, красота неизрѣченная, меня ради сотворенъ есть, а Евы ради затворенъ есть; милостиве, помилуй мя падшаго" ([2]). Припомнимъ, что и въ стикирѣ на стиховнѣ мы слышимъ: „изгнанъ бысть Адамъ изъ рая снѣдію, тѣмъ же и сѣдя прямо сего рыдаше стеня, умильнымъ гласомъ, и глаголаше! увы мнѣ, что пострадахъ окаянный азъ, едину заповѣдь преступивъ Владычну, и благихъ всяческихъ лишихся. Раю святѣйшій, мене ради насажденный бывъ и Евы ради затворенный, моли тебе сотворшаго и меня создавшаго, яко да твоихъ цвѣтовъ исполнюся" ([3]). Изгнанный за преступленіе заповѣди Божіей изъ рая, Адамъ горькимъ опытомъ узналъ, какую рѣзкую перемѣну въ его состояніи должно было произвести его паденіе. Доселѣ его жизнь

([1]) Калѣки перех. 6 вып, 292 стр, Сборн. Кирѣев. № XIII Чт. Общ. Ист. и Др.

([2]) Пам. отр. лит. I т. 1—13; т. II, 298—304. И. Я. Порф. Апокр. сказ. въ 17 т. Зап. И. Ак. Наукъ. 31 стр,

([3]) Апокр. сказ. о ветх. лицахъ. Изслѣд. И. Я. Порф. 101 стр.

была полна довольства и блаженства, а теперь онѣ переноситъ рядъ тяжелыхъ испытаній; доселѣ онъ былъ безболѣзненнымъ и могъ быть безсмертнымъ, а теперь его постигаетъ болѣзнь и смерть. „Въ потѣ лица твоего снеси хлѣбъ твой",—вотъ какимъ образомъ, по словамъ Господа, долженъ былъ поддерживать жизнь свою падшій Адамъ ([1]). Народъ обратилъ на это библейское мѣсто особенное вниманіе. Въ памятникахъ народнаго творчества нерѣдко замѣчается: что „Господь повелѣлъ отъ земли кормиться" и что первый человѣкъ Адамъ хлѣбъ свой доставалъ „кровавымъ потомъ" ([2]). Дьяволъ, прельстившій человѣка, сталъ вредить ему всѣми мѣрами. Онъ увеличилъ и безъ того тяжелый трудъ человѣка. Адамъ копалъ землю, а дьяволъ во время ночи покрывалъ выкопанную землю травою. Сколько ни бился, ничего Адамъ не могъ подѣлать съ землею, Только ужъ послѣ молитвеннаго обращенія его къ Богу, земля сдѣлалась черною, и Адамъ засѣялъ ее. Когда Адамъ сталъ боронить землю, чортъ сѣлъ на борону. Богъ, увидѣвъ это, пожалѣлъ Адама и чорта обратилъ въ коня ([3]). Сказаніе о томъ, что дьяволъ препятствовалъ Адаму обработывать землю встрѣчается въ древнерусскихъ письменныхъ памятникахъ. Тамъ оно ставится въ связи съ разсказомъ о данномъ Адамомъ діаволу рукописаніи ([4]). Кромѣ физическихъ трудовъ и страданій, Адаму пришлось перенести не мало и нравственныхъ потрясеній. Онъ первый долженъ былъ испытать страшное семейное горе: увидѣть насиль-

---

([1]) Нужно замѣтить, что въ апокрифич. литературѣ нерѣдко указывается на то, какъ людей «наставляютъ на дѣла ручная» архангелъ Михаилъ (Пам. отр. лит. I, 300 съ ркп. 15 в.) и ангелы («Книга Адама»). Апокр. сказ. Изслѣд. И. Я. Порф. 180.

([2]) Послов. Даля 571 стр. Малор. нар. пред. Драг. 92 стр.

([3]) Малор. народ. пред. Драг. 93 стр.

([4]) Апокр. сказ. 17 т. Зап. И. А. Н. 93. Пам. древн. лит. II. 249. По друг. сказ. Адамъ далъ рукописаніе, испугавшись тьмы. Пам. Отр. лит. I, 300. 301.

стенную смерть одного изъ своихъ сыновей. „Адамовъ грѣхъ излiяся на всѣхъ“ [1], говоритъ народная пословица. Прежде всего зло, происшедшее отъ грѣха Адамова, должно было перейти къ дѣтямъ Адама и оказаться на нихъ. Библiя свидѣтельствуетъ, что старшiй сынъ Адама Каинъ изъ зависти убилъ брата своего Авеля [2]. Въ темныхъ пятнахъ на лунѣ народъ видитъ этихъ двухъ братьевъ. Богъ, по мнѣнiю народа, помѣстилъ Каина и Авеля на луну для назиданiя людей, чтобъ предохранить ихъ отъ будущихъ убiйствъ [3]. Видимымъ знакомъ гнѣва Божiя на Каина было трясенiе членовъ его тѣла. Это трясенiе членовъ Каина въ русскомъ народѣ даже вошло въ пословицу [4]. „Трясется, что Каинъ, что осиновый листъ“. Познакомившись съ грознымъ образомъ смерти при кончинѣ сына своего Авеля, Адамъ, наконецъ, и самъ долженъ былъ сдѣлаться жертвою смерти. „Сотворенъ да не умеръ“ — загадываетъ одна изъ загадокъ Адама. Относительно смерти праотца нашего Адама ходитъ среди народа не мало сказанiй, большею частiю вымышленныхъ, заимствованныхъ изъ апокрифической литературы. Адамъ, по памятникамъ апокрифической литературы, заболѣвъ, сталъ просить принести ему плодовъ райскихъ. Сиѳъ съ Евою приходятъ къ раю. Но во вратахъ рая проходъ имъ заграждаетъ [illegible] и укоряетъ Еву за то, что она позволила себѣ вкусить запрещеннаго плода. Ева начинаетъ плакать. Ангелъ, сжалившись, даетъ вѣтвь отъ древа, „отъ него же изгнанъ бысть Адамъ изъ рая“. Изъ этой вѣтви былъ сдѣланъ вѣнецъ и возложенъ на Адама [5]. Къ смерти Адама,

[1] Рус. нар. послов. Снегир. 2 стр.

[2] Ср. апокр. сказ. о наказ. Каина («трясенiемъ удовъ») въ Пам. стар. рус. лит. III, 9 и (будетъ Каинъ стоня и трясыйся на земли) Апокр. сказ. 17 т. 3. И. Я. П. 101—3 стр.

[3] Мал. нар. пред. Драг. 94 стр.

[4] Послов. Даля 310 стр.

[5] Апокр. сказ. И. Я. Порф. 17 т. 3. И. Я. П. Пам. стар. рус. лит. III т. 1—3 стр. и др. вариант.

обыкновенно, приплетается сказаніе о древѣ райскомъ, которое было принесено къ умиравшему Адаму и, сохранившись до времень Спасителя, сдѣлалось древомъ крестнымъ. Вотъ какъ разсказываетъ народная легенда о смерти Адама. Прошли молодые годы Адама — наступила глубокая старость, а со старостью приблизилась и смерть. Пришло время умирать. Посылаетъ Адамъ сына въ рай принести райскихъ яблоковъ. Но онъ вмѣсто яблоковъ приноситъ тотъ прутъ, которымъ выгнали Адама изъ рая. Изъ прута сдѣланы были обручи, которые и были потомъ надѣты на голову Адама. Тѣмъ не менѣе Адамъ не избѣжалъ смерти. Изъ обруча выросли три дерева: кипарисъ, и кедрина, и преблаженное дерево. На преблаженномъ деревѣ и былъ распятъ Христосъ. Ни на какомъ другомъ деревѣ жиды не могли распять Господа (1). Какимъ образомъ древо райское могло сохраниться до Христа, объ этомъ существуетъ цѣлая апокрифическая и легендарная исторія (2), но намъ нѣтъ необходимости останавливаться на ней. Замѣтимъ только, что древніе относятъ эти сказанія къ баснямъ еретика богомила Іереміи. „О древѣ крестнѣмъ лгано, то Іеремія попъ Болгарскій сългалъ". „О древѣ крестномъ Іереміи презвитера", въ лѣта благочестиваго царя Петра въ земли Блъгарстѣй бысть попъ именемъ Богумилъ... иже о крестѣ сице глаголетъ" (3). Итакъ на Адамѣ исполнились слова Господа: „земля еси и въ землю отыдеши". Какъ слѣдствіе грѣха, смерть сразила Адама. Но зло, порожденное грѣхомъ Адама, отозвалось, какъ мы замѣтили, не на одномъ праотцѣ, а перешло и на потомство. „Адамовъ грѣхъ изліяся на всѣхъ" (4). Лю-

(1) Малор. нар. пред. Драг. 94 стр.

(2) Пам. отр. лит. I т. 305—313, Пам. стар. рус. лит. I т. 4—7.

(3) Веселовскій. Изъ исторіи лит. общ. пов. и зап. Сказанія о Солом. и Китоврасѣ 154 стр. 1872 г.

(4) Рус. народ. посл. Снегир. 2 стр.

ди стали грѣшить, и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе родъ человѣческій дѣлался грѣховнѣе. Такъ что Богъ, наконецъ, рѣшился истребить порочный міръ потопомъ. Онъ сдѣлалъ исключеніе только для праведнаго Ноя, который и долженъ былъ сдѣлаться вторымъ отцомъ человѣчества ([2]). Народныя сказанія о потопѣ разукрашены вымыслами. Богъ велѣлъ Ною строить ковчегъ, чтобъ „лукаваго вмѣстѣ со всѣми людьми беззаконными потопить“.—Дьяволъ, узнавъ о работѣ Ноя, допытывается у Евги (жены Ноя), чтобы значила работа ея мужа. Ной не говоритъ женѣ значенія своей работы. Тогда дьяволъ научилъ Евгу напоить Ноя пьянымъ и выпытать у него тайну. „Какъ придетъ Ной праведный обѣдать, пообѣдаетъ — попроситъ квасу испить, ты Евга и дай винца. Ной праведный захмѣляетъ, во хмѣлю все скажетъ“. Дѣйствительно, когда Евга подпоила Ноя и „стала ластиться къ Ною праведному, тотъ и разсказалъ, для чего онъ ковчегъ строитъ“. Когда Евга сообщила лукавому тайну, лукавый научилъ ее не прежде входить въ корабль, какъ Ной скажетъ: „да иди же ты, проклятая“. Евга послушалась лукаваго. Ной требуетъ, чтобъ Евга торопилась, собирая скорѣй горшки, ложки, плошки и т. п. и шла въ ковчегъ. Жена медлитъ. Ной, выведенный изъ терпѣнія медлительностію жены, назвалъ ее проклятою. Дьяволъ и скокъ въ ковчегъ. А потомъ вошла въ ковчегъ и Ева. Не послушайся Ева лукаваго, погибъ бы конецъ окаянный! Безъ проклятаго слова лукавому нельзя было бы войти въ ковчегъ, потому что Ной праведный началъ рубить тотъ ковчегъ съ крестомъ и молитвою, съ благословеніемъ Божіемъ. А послѣ проклятаго слова лукавый уже могъ войти въ ковчегъ. Спасеніе лукаваго въ ковчегѣ повело къ тому, что потопъ прошелъ, а грѣхъ остался ([1]). Въ иныхъ легендарныхъ

([2]) Бытія съ 6-й гл.—по 20 ст. 9-й главы.

([1]) Лѣт. рус. лит. «Рус. нар. пѣсни» Буслаева I т. 2 отд. 102—3 стр.

народныхъ сказаніяхъ о потопѣ передается, что дьяволъ мѣшалъ Ною строить ковчегъ, портилъ матеріалъ, изъ котораго онъ созидалъ постройку, но конечно совершенно воспрепятствовать ему построить ковчегъ онъ не могъ [1]. Изъ сказанія о потопѣ мы видимъ, что къ библейскому факту потопа приплетено еще вымышленное показаніе объ изобрѣтеніи вина. Что касается происхожденія такого извращеннаго сказанія о потопѣ, то нужно сказать, что оно заимствовано народомъ изъ апокрифической литературы. Въ лицевой библіи графа Уварова (XVI в.) потопъ изображается такимъ образомъ. На листѣ 20 изображено, какъ Ной съ топоромъ въ рукѣ строитъ ковчегъ. Внизу сдѣлана подпись: „о сотворени ковчега. Повелѣ Богъ Ною сотворити ковчегъ, что хощу пустити потопъ на землю и хощу потопити весь міръ“. На 21-мъ листѣ изображена жена Ноева сидящею на скамьѣ; дьяволъ подаетъ ей хмѣлевую вѣтку. Подпись слѣдующая: „И пріиде сатана къ женѣ Ноевѣ и принесе вѣтвь хмѣлевую, рече ей: въ семъ овощу сотвори квасу и дай мужеви своему; допроси у него, куды онъ отъ тебе ходитъ“. На листѣ 22 изображены Ной и жена, сидящими на лавкѣ. Между ними сосудъ въ видѣ чайника и рюмки. Въ стѣнѣ за ними окно; въ окнѣ смотритъ самъ сатана. Внизу надпись: „Бесѣдуетъ Ной съ женою своею и рече жена Ноеви: повѣждь ми гдѣ куды ходиши, и Ной повѣда женѣ своей, а сатана слушаетъ у окошка“. На листѣ 23 изображенъ разоренный ковчегъ. Внизу подпись: „Пріиде Ной на гору и видѣ ковчегъ разоренъ и нача плакати; ангелъ Господенъ даде ему древо и ему рече, за что повѣдалъ еси свое женѣ своей“ [2]. Связать потопъ съ изобрѣтеніемъ вина и употребленіемъ его въ первый разъ

---

[1] Малор. народ. пред. Драгоман. 95 стр.; также Памят. стар. рус. лит. 3 ч. 17—18. стр.

[2] Лѣт. рус. лит. ст. Буслаев. 1 т. 103—4 стр.

человѣкомъ, должно быть, дало поводъ недостаточно понятое библейское сказаніе о томъ, какъ Ной упился виномъ и сынъ его Хамъ надсмѣялся надъ нимъ (¹). Кстати замѣтить, что русскому народу извѣстно имя Хама и онъ нерѣдко употребляетъ его, какъ имя ругательное. Пословицею: „по бородѣ Авраамъ, а по дѣламъ Хамъ" (²) — народъ отмѣчаетъ низкаго, порочнаго человѣка. Сказавъ о первоначальной исторіи человѣчества, Библія потомъ останавливается главнымъ образомъ на судьбахъ Еврейскаго народа. Въ произведеніяхъ народной словесности мы находимъ не мало указаній и сказаній о библейскихъ лицахъ и событіяхъ. Народъ замѣтилъ библейскія сказанія объ Енохѣ, Авраамѣ, Исаакѣ и Іаковѣ, Іосифѣ, Моисеѣ, Сампсонѣ, Давидѣ, Соломонѣ. „Кто въ ветхомъ завѣтѣ родился и не умеръ? Энохъ и Илія". „Сколько на небѣ святыхъ во плоти?" — „Илія, Енохъ и Богородица". „Кто родился, животъ потерялъ, а не изгнилъ? или: „родился — не крестился, не умеръ и не живетъ?" „Лотова жена". „Кто деревяннымъ ключемъ отпиралъ водяной замокъ? — Моисей". „Замокъ водянъ, ключъ деревянъ, заяцъ ушелъ, ловецъ потонулъ? — Черное море, жезлъ Моисеевъ, народъ его, Фараонъ" (³). Такъ изображаются въ загадкахъ библейскія событія, о которыхъ народъ имѣетъ краткія свѣдѣнія. Далеко болѣе народъ интересовался библейскими лицами Іосифа, Давида и Соломона, — и въ словесныхъ народныхъ произведеніяхъ эти лица очерчены полнѣе и опредѣленнѣе. Объ Іосифѣ прекрасномъ сложены даже большіе духовные стихи. Библія удѣляетъ очень много мѣста сказанію объ Іосифѣ. Кому неизвѣстны библейскіе разсказы объ Іосифѣ, о томъ, какъ онъ пасъ стада въ домѣ отца своего, какъ двумя видѣнными снами онъ

(¹) Бытія 2, 20—27 ст.

(²) Посл. Даля 329 стр. Рус. нар. посл. Снегир. 325 стр.

(³) Этн. Сборн. VI, 55. 62. 75. 80. 124. Посл. Даля 24. 22 стр.

возбудилъ къ себѣ ненависть своихъ братьевъ, какъ былъ проданъ послѣдними измаильскимъ купцамъ, какъ тѣми, въ свою очередь, былъ перепроданъ вельможѣ Фараонову Пентефрію, какъ, далѣе, онъ пострадалъ за свою чистоту отъ жены Пентефрія, какъ, находясь въ темницѣ, разъяснилъ сны хлѣбодару и виночерпію, какъ, затѣмъ, разъяснилъ подобнымъ образомъ сны Фараона и былъ сдѣланъ его первымъ вельможею, какъ онъ запасалъ хлѣба на голодные годы и питалъ своихъ братьевъ и отца, и какъ онъ, наконецъ, вызвалъ отца съ братьями къ своему двору? (¹). Въ духовномъ стихѣ объ Іосифѣ довольно подробно передается весь библейскій разсказъ о жизни и дѣяніяхъ Іосифа.

Во славномъ было во гради во Израили,
Жилъ былъ благовѣрный мужъ Яковъ,
Имѣлъ онъ двенадесять сыновей.

Старшіе братья всегда были въ полѣ и пасли козловъ и овецъ, а Іосифъ прекрасный оставался дома и своей красотою „потѣшалъ“ отца. Разъ посылаетъ Іаковъ Іосифа къ братьямъ его съ хлѣбомъ и поклономъ.

Снеси ты имъ хлѣба на трапезу,
Снеси ты имъ родительско прощенье,
Снеси отъ меня благословенье,
Чтобы жили братья въ совити (совѣтѣ),
Другъ друга они бы любили,
Одинъ одного-бы почитали,
За едино хлѣбъ—соль воскушали.

Іосифъ передаетъ братьямъ порученіе отца и при этомъ разсказываетъ имъ видѣнный сонъ. По Библіи: Іосифъ разсказываетъ свой сонъ прежде, чѣмъ явился къ братьямъ въ полѣ. Сонъ Іосифа слѣдующій.

(¹) Бытія 37—47 гл.

„Какъ будто мы въ полѣ пребывали
На трудной на крестьянской на работѣ;
По снопу пшена мы всѣ выжинали,
Мой снопъ красивѣе всѣхъ, больше,
Ваши снопы къ ему приклонивши“.

Въ библіи разсказывается еще другой сонъ, какъ Іосифу поклонились солнце, луна и 11-ть звѣздъ, но въ народномъ стихѣ объ этомъ снѣ не упоминается. Тѣмъ не менѣе и разсказанный сонъ возбудилъ противъ Іосифа братьевъ его.

Неужели ты надъ нами будешь царемъ?

Братья стали бить Іосифа безпощадно, сняли съ него свѣтлыя одежды, замарали козьею кровью и послали къ отцу, а Іосифа сначала посадили въ ровъ, потомъ продали измаильскимъ купцамъ, которые дали за Іосифа „тридцать сребрениць“ (по библіи 20 сиклей серебра — 17 р. 20 коп.). Купцы рѣшились продать Іосифа въ Египтѣ. На рынкѣ Іосифъ поразилъ всѣхъ своею красотою.

Богатый Перфилій князь
Жалобно на Осипа взираетъ,
Безцетную казну за его даваетъ.

Красотою Іосифа увлелась жена Пентефрія. Но Іосифъ устоялъ противъ искушенія и даже за свою чистоту поплатился наказаніемъ. По клеветѣ жены Пентефрія, онъ былъ заключенъ въ темницу. Въ темницѣ Іосифъ разъясняетъ сны, видѣнные виночерпіемъ и хлѣбодаромъ.—

Какъ будто черные враны прилегали,
Темную темницу отворяли,
Ясныя очи мнѣ поклевали,
Мозгъ изъ глазъ точили.

Разсказываетъ хлѣбодаръ. А виночерпію показалось во снѣ,

Какъ будто красное солнце возставало,
Въ темную темницу возсіяло.

Іосифъ объяснилъ сонъ такимъ образомъ:

Тебѣ хлѣбодару быть свершену,
Тебѣ виночерпію быть прощену.

Такъ и совершилось. Хотя Іосифъ просилъ виночерпія „вспомнить“ со временемъ о немъ, но виночерпій забылъ объ Іосифѣ. Только когда ужъ Фараонъ увидалъ сны и требовалъ объяснить ихъ, виночерпій вспомнилъ объ Іосифѣ.—

Грозному царю Фараону
Два сна въ одну ночь показалось:
Семь воловъ тучныхъ и семь тощихъ.

Іосифъ объяснилъ Фараону, что значатъ видѣнныя имъ во снѣ 7 коровъ тучныхъ и 7 тощихъ, и за это онъ былъ назначенъ соправителемъ царя.

Вся Египетская купщина
За Осипа Господа помолили,
За Осипа присягу принимали,
За Осипа крестъ цѣловали,
Осипа царемъ возносили.

Іосифъ и Египтяне временъ Іосифа, какъ видимъ, представляются народу русскому христіанами. Іосифъ, сдѣлавшись соправителемъ Фараона, первые 7 лѣтъ сталъ закупать хлѣбъ, вторые 7 — продавать. Братья Іосифа пріѣхали къ нему за хлѣбомъ. Іосифъ узналъ ихъ. Стихъ представляетъ, что Іосифъ узналъ братьевъ своихъ, благодаря волхвованію.

Положилъ на столъ чашу золотую,
Луживомъ (ложкой) царь въ чашу ударяе,
Началъ онъ чашею волхвовати,
Началъ свою братію пытати.

Узнавъ объ отцѣ, Іосифъ, по народному стиху какъ и по Библіи, велитъ въ мѣшокъ Веніамина положить царскую чашу. По Библіи: это было во второе путешествіе братьевъ Іосифовыхъ въ Египетъ, но народный стихъ оба путешествія сливаетъ въ одно. Отпустивъ братьевъ домой, Іосифъ велитъ потомъ воротить ихъ и обыскать. Чаша конечно была найдена,—и найдена въ мѣшкѣ Веніамина. Братья Іосифа разсердились на Веніамина, и здѣсь-то они обнаружили себя со всѣми ихъ нравственными слабостями. Не предполагая, что они видятъ предъ собою брата своего Іосифа, они такимъ образомъ излагаютъ предъ нимъ свою защиту.

Грозный царь, Харавоне!
Такой же дуракъ былъ его братъ Осипъ,
Така ему дураку и смерть случилась.
Того онъ добра дуракъ не помнитъ,
Что царь васъ кормитъ хлѣбомъ—солью,
Безденежно возы хлѣбомъ насыпалъ,
Увезъ онъ дуракъ вашу чашу.

Но каково же было удивленіе братьевъ Іосифа, когда грозный правитель рекомендуется имъ, какъ братъ ихъ Іосифъ!

Ай же вы, старѣйшая большая братья!
Какъ бы я не дуракъ былъ, не мошенникъ,
Не кормилъ бы я васъ хлѣбомъ—солью,
Не засыпалъ бы возы вамъ безденежно.
За что вы меня, братія, убили?
За что вы купцинамъ продавали?

Братья конечно стали просить прощенія у Іосифа. Іосифъ простилъ ихъ, и велѣлъ имъ привезть своего отца. Тѣ дѣйствительно привезли къ Іосифу его отца Іакова. Трогательна сцена свиданія Іакова съ любимымъ сыномъ. Іосифъ принялъ братьевъ къ себѣ, по свидѣтельству стиха,

Жаловалъ онъ всѣхъ боярамы,
Жаловалъ генеральскимы чинамы,
Жаловалъ удѣльныма городамы (1).

Другимъ ветхозавѣтнымъ библейскимъ лицомъ, которое обращало на себя вниманіе нашего народа былъ Давидъ. Псалтирь Давида, какъ извѣстно, всегда была любимою книгою у нашего народа. Многія мѣста изъ псалмовъ сдѣлались пословицами. Въ произведеніяхъ народной словесности Давидъ, обыкновенно, разсматривается, какъ святой царь, составитель псалмовъ,—при чемъ нерѣдко указывается на его смиреніе и кротость. Царь Давидъ, обыкновенно, призывается въ заговорахъ на подходъ ко властямъ. „Помяни, Господи Боже, царя Давида и всю кротость его, сколь былъ царь Давидъ смиренъ, и кротокъ и милостивъ такъ бы были у меня раба Божія № вси начальные и чиновные люди и судьи праведные смиренны, и кротки, и милостивы“.—Или: „къ царю Давиду пойду на смиренность и кротость“ (2). Кромѣ кротости Давиду приписывается еще мудрость. Всѣ вопросы, какіе ставятся въ Голубиной книгѣ разрѣшаются Давидомъ. Никто не можетъ прочитать Голубиную книгу, только царь Давидъ читаетъ ее по памяти.—

Во премудрый царь Давидъ Евсеевичь
Онъ отвѣтъ держалъ, онъ по помяти напаче грамоти:
Не могу жъ я честь голубину книгу,
Я же вамъ проповѣдаю
По памяти напаче грамоти:
У насъ бѣлый свѣтъ отъ Свята Духа (3).

---

(1) Калѣки перех. I в. 155—171 стр. и далѣе.

(2) Труд. Эт. Отд. Об. Ест. У. 2 в 151 стр. Подоб. Зап. И. Геогр. Общ. этн. отд. II, 568—9 стр.

(3) Калѣки перех. 2 вып. 279 стр.

Особенно народъ цѣнитъ св. пророка Давида, какъ псалмопѣвца. По представленію народа, книга пророка Давида,

Псалтирь книга всѣмъ книгамъ мати (¹).

О происхожденіи псалтири въ малороссіи ходитъ слѣдующій легендарный разсказъ. Давидъ былъ добрый царь, только не христіанинъ. Господь и вздумалъ его „до пуття привести". Нарядившись купцомъ, Господь пріѣзжаетъ къ Давиду якобы „палацъ куповати". Давидъ проситъ у него множество золота. И Господь даетъ, обративъ въ золото гору. Давидъ считаетъ гору своею. Происходитъ у Господа съ Давидомъ споръ.— За разрѣшеніемъ спора они обращаются къ мертвецамъ. Мертвецы преклоняются предъ таинственнымъ купцомъ. „Правдивый Боже! не намъ тебѣ судити, а тобі судити насъ на другомъ пришествіи". Тогда Давидъ узналъ, съ кѣмъ онъ состязался, и съ того часу сдѣлался христіаниномъ. Съ этого времени Давидъ то только и дѣлалъ, что „писавъ святіі писні, та гравъ іх на гусляхъ. І писав вин тай, писав, і як списав уже цілую книгу, то й разризав листи та й кинув на море. І ти листи, що були не святі, то ті и потонули; а ті що були святіі, ті плавали босі по морі. Ангели и забрали тії лісти, тай понесли до Бога, а Богъ перечитавъ, тай казавъ передати людямъ. Отъ звітки то і почалась наша псалтир". (²). Источникомъ для подобнаго сказанія послужило, навѣрное, апокрифическое сказаніе о томъ, какъ Давидъ составлялъ псалтирь. Когда Давидъ писалъ псалмы, то, по апокрифу, онъ получалъ разумъ отъ ангела. Вельможа Віоръ трижды видѣлъ около Давида человѣка, зракъ лица котораго былъ огненъ. „И поразумѣ царь, яко ангелъ Го-

(¹) Калѣки перех 2 в. 290 стр.

(²) Малор. народ. пред Драгом. 98 стр.

сподень кажетъ ему смыслъ и разумъ ему писати Псалтирное сложеніе“. Написавъ 365 псалмовъ, Давидъ положилъ псалтирь въ небольшой „ковчежецъ“ и, заливъ оловомъ, бросивъ его въ море. Псалтирь въ морѣ находилась 70 лѣтъ. Соломонъ мрежею нашелъ ее (Псалмовъ было уже 153) и положилъ въ церкви (¹). Что же касается разсказа о томъ, какъ Господь являлся къ Давиду купцомъ, то подобныхъ разсказовъ, какъ уже мы выше видѣли, среди народа ходитъ множество. Тема эта одно изъ самыхъ распространенныхъ въ народныхъ сказаніяхъ. Въ одномъ изъ легендарныхъ сказаній Давидъ представляется отцемъ Іосифа, Сампсона и Соломона. Давидъ на предложеніе Бога просить у Него, что ему угодно, — по свидѣтелству сказанія, выпросилъ у Бога 3-хъ сыновей: красивѣйшаго сильнѣйшаго и умнѣйшаго. Богъ и далъ ему Іосифа, Сампсона и Соломона. Іосифъ, прославившійся снами, отличался необыкновенною красотою, Сампсонъ необыкновенною силою (встрѣтившись на Днѣпрѣ со львомъ, онъ разорвалъ пасть его и вмѣстѣ со львомъ окаменѣлъ). Соломонъ—необычайною мудростію. По сказанію легенды, Соломонъ, обыкновенно, сидѣлъ дома и „тілько книги читавъ“ (²). Лице Соломона также чрезвычайно заинтересовало русскій народъ. О Соломонѣ среди русскаго народа ходитъ множество легендарныхъ сказаній. Соломонъ представляется мудрѣйшимъ человѣкомъ. „Помяни Господи царя Давида и всю кротость его, — царя Соломона и всю премудрость его.... пойду.... къ царю Соломону на премудрость“, (³) читаемъ мы въ заговорахъ на подходъ къ начальству. Соломонъ, по народному представленію, былъ необыкновенный человѣкъ. Онъ говорилъ, будучи во чревѣ своей матери. Когда ему было три года, онъ проявилъ замѣчатель-

(¹) Апокр. Сказ. 17 т. Зап. И. Акад. Наукъ. 241. стр.

(²) Малор. нар. пред, Драгом 98 стр.

(³) Труд. Эт. От. Об. Естест. V, 2 вып. 155 и 151 стр.

-ную мудрость определилъ женскій умъ, найдя, что онъ не вѣситъ даже клочка сѣна. Это узнала мать, разсердилась на Соломона, приказала убить его и принести его сердце. Соломонъ упросилъ слугъ оставить его въ живыхъ, а матери отнести собачье сердце. Но, по опредѣленію судьбы, Соломонъ долженъ былъ скоро умереть. Святые стали просить Бога продлить жизнь Соломону. Богъ согласился, если только кто-нибудь согласится уступить ему часть своей жизни. Нашлась старуха, которой назначено было жить 200 лѣтъ, и которая согласилась подѣлиться своими годами жизни съ Соломономъ, такъ что Соломонъ сталъ жить „бабиними літами". Когда Соломонъ выросъ, онъ изобличилъ мать свою въ распутной жизни и потомъ скрылся. Отецъ послалъ отыскивать Соломона пословъ, и тѣ нашли его, благодаря тому, что Соломонъ не могъ скрыть своего ума. Послы ходили съ золотымъ плугомъ и спрашивали, что онъ стоитъ. Всѣ цѣнили плугъ дорого, только одинъ Соломомъ сказалъ, что плугъ ничего не стоитъ, и тѣмъ выдалъ себя. Соломонъ въ своей жизни много разъ наталкивался на непріятности и, благодаря мудрости, счастливо избѣгалъ ихъ. Разъ винокуру поручено было столкнуть Соломона „въ горілку". Соломонъ, заподозривъ винокура въ зломъ умыслѣ, столкнулъ его „въ горілку" самого (¹). Жена чуть было не погубила Соломона, но онъ спасся тоже только благодаря находчивости и сообразительности. Жена Соломона оставила его и убѣжала въ чужую землю съ однимъ царевичемъ. Соломонъ, отправляясь въ погоню за женою, беретъ съ собою три отряда войска: бѣлый, красный и черный. Когда Соломонъ является къ похителю жены, тотъ хочетъ повѣсить Соломона. Но Соломонъ проситъ позволенія поиграть на дудочкѣ—„сопілки". И лишь только онъ заигралъ, какъ явилось войско Соломона и убило царевича—похитителя жены

(¹) Малор. нар. пред. Драгом. 108 стр.

Соломоновой вмѣстѣ съ самою женою. (¹). Источниками для народныхъ сказаній о Соломонѣ послужили апокрифическія сказанія объ этомъ мудромъ царѣ. Въ изданныхъ апокрифическихъ сказаніяхъ послѣдовательная біографія Соломона извѣстна по двумъ спискамъ: полному и сокращенному (²). Какъ тотъ, такъ и другой списокъ излагаютъ свѣдѣнія о Соломонѣ со дня его рожденія. Въ полномъ спискѣ, болѣе близкомъ къ народнымъ легендамъ, между прочимъ мы встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе: „и какъ будетъ Соломонъ девяти недѣль, и нача глаголати отцу своему царю Давиду отъ своей мудрости" (³). Народъ увеличилъ необыкновенность ребенка еще болѣе, замѣтивъ, что онъ говорилъ еще во чревѣ матери. Затѣмъ, въ апокрифическихъ сказаніяхъ говорится и объ испытаніи Соломономъ женскаго ума и о приказѣ матери убить Соломона. „Господине Ачкило! послушай мене и моихъ словесъ: возьми сына моего царевича Соломона и иди съ нимъ въ теплое море, и заколи его на берегѣ моря, и вынь изъ него сердце, и испеки и принеси ко мнѣ, а тѣло его броси въ море" (⁴). Нужно замѣтить, что въ одной изъ народныхъ легендъ говорится о заключеніи Соломона въ бочку, въ который онъ былъ выброшенъ въ море. Далѣе, въ апокрифахъ мы находимъ сказаніе о томъ, какъ Соломонъ въ нѣкоторое время былъ пастухомъ (полн. сп. 132. стр.), какъ онъ оцѣнилъ золотую карету (пол. сп. 139, сокр. 115 стр.), въ легендахъ плугъ, какъ, нарядившись купцомъ, явился въ домъ отца и матерью былъ приглашенъ раздѣлить ложе (полн. сп. 170, сокр. 116 стр.). Что касается, далѣе, легендарныхъ разсказовъ о побѣгѣ жены Соломона, то они,

---

(¹) Малор. нар. пред. Драг. 103—105 стр.

(²) «Повѣсти о царѣ Соломонѣ» у Тихонр. Пам. Отр. Лит. I т.

(³) Пам. отр. лит. I. 122 стр.

(⁴) Ibid. 124 стр.

нужно замѣтить, имѣютъ самое близкое сходство съ сказаніемъ о Китоврасѣ и составляютъ копію и сколокъ съ послѣдняго (1). Хотя всѣ поступки Соломона, по народному представленію, были дѣйствіями мудреца, но особенно мудрость Соломона народъ усматриваетъ въ его судахъ. Въ Библіи разсказывается, какъ Соломонъ мудро разсудилъ двухъ женщинъ, споривших изъ-за ребенка. Въ письменной апокрифической литературѣ передается множество сказаній о мудрости Соломона (2). Среди народа ходятъ также сказанія чисто-русскаго происхожденія. Къ Соломону приходятъ разъ три брата. Одинъ жалуется на отсутствіе аппетита, — другой на то, что не можетъ „государство развести“, третій — что жена лиха. Первому изъ братьевъ Соломонъ далъ лаконическій отвѣтъ: „въ лісъ“! — въ второму: „рано вставай“! и третьему: „въ кузню“. И, дѣйствительно, первый, работая въ лѣсу усиленно пріобрѣлъ аппетитъ, второй раннимъ вставаніемъ поправилъ свои дѣла, третій сообразивъ, что „залізо въ огні і під молотомъ мягшае“, рѣшился „жінку попогріти“, — и она послѣ того стала „мягче“ (3). Соломонъ, какъ мудрый человѣкъ и допытывавшійся до всего сокровеннаго, рѣшился измѣрить и глубину моря, и высоту неба. Онъ сдѣлалъ „ха-

---

(1) Истор. Очер. нар. рус. слов. Бусл. II, 7 стр. Г. Веселовскій сказаніямъ о Соломонѣ и Китоврасѣ посвятилъ специальное изслѣдованіе, гдѣ указываетъ на источники, откуда образовались эти сказанія, — находитъ въ этихъ сказаніяхъ элементы индійскій и талмудическій. — Рыбн. пѣсни. Прилож. CCXXXVII — CCCXIII. Лѣтописи рус. лит. Тихон. IV т. 112—153.

(2) Встрѣчаются разсказы: какъ царица Савская испытывала Соломона, приведя къ нему одинаково одѣтыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, — какъ Соломонъ раздѣлилъ сокровища, оставленныя отцомъ 3-мъ сыновьямъ (одному давъ золото, другому кости (скотъ), третьему землю (виноградъ), какъ изобличилъ вора и т. п. Апокр. оказ. И. Я. Порф. 17 т. Зап. Имп. Ак. Н. 262 Уч. Зап. И. А. Н. 58 г. Пыпина Очерк. лит. ист. стар. повѣст. 115—120. Пам. стар. рус. письм. 3 вып. 53—62

(3) Малор. нар. пред. Драгом. 108—9 стр.

ту стеклянну“ и въ ней спустился въ море, гдѣ пробылъ 7-мь лѣтъ. Потомъ Соломонъ принялся за измѣреніе неба, но Господь велѣлъ принять его въ рай (1). Библейское сказаніе о Самсонѣ также усвоено народомъ, только въ Малороссіи поступки Самсона приписываются разбойнику Жалубчуку. Жалубчукъ былъ необыкновенно силенъ: онъ имѣлъ три ангельскіе волоса въ головѣ. Поймать разбойника было чрезвычайно трудно. Рѣшено было прибѣгнуть къ обману, —а для обмана употребить женщину. Соблазнительница спрашиваетъ Жалубчука, въ чемъ у него сила. Жалубчукъ сначала обманулъ ее, сказавъ, что его нужно только связать воловьими жилами и онъ будетъ безсиленъ. Когда связали Жалубчука, онъ разорвалъ жилы. Искусительница снова допытывается у Жалубчука—въ чемъ у него сила. Жалубчукъ, наконецъ, открываетъ правду: „у меня сут три волоса ангельски, як би то ти три ангельски волоси витяг, то онъ лишилъ бы его силы“. Тогда женщина вытащила у Жалубчика три волоса,— онъ сдѣлался безсиленъ, его схватили, связали, посадили въ темницу и ослѣпили. Когда ангельскія волоса выросли, Жалубчукъ снова сдѣлался силенъ. Въ то время, какъ его присудили умертвить, онъ, упершись руками въ стѣны зданія, разрушилъ зданіе,—со словами: „сгинь душе і з невірниками“ (2).

Передавая историческую судьбу человѣчества, Библія, какъ мы упомянули, главнымъ образомъ останавливается на еврейскомъ народѣ и не столько на массѣ, сколько на лучшихъ представителяхъ его. Народъ русскій, тѣмъ или другимъ путемъ заимствовавшій библейскія сказанія, остановилъ свое вниманіе на высокихъ по уму и жизни лицахъ, указываемыхъ въ библіи. Замѣчательно, что библейскія лица и событія, и особенно

---

(1) Малор. нар. пред. Драг.—183 стр.

(2) Ibidem. 399—401 стр. Изслѣдованіе о Самсонѣ сказано въ кн. «Къ литерат. исторіи рус. был. повѣстей» Жданова.

все лучшее въ нихъ онъ считаетъ русскими и описываетъ чертами, заимствованными изъ своей жизни. Не останавливаясь на изображеніи новозавѣтной исторіи и новозавѣтныхъ лицахъ, о которыхъ мы уже не мало говорили, мы переходимъ къ нравственному міросозерцанію русскаго народа. Русскій народъ на всѣ предметы смотрѣлъ и смотритъ съ практической точки зрѣнія. Если въ Богѣ, святыхъ, ангелахъ, различныхъ явленіяхъ природы, онъ замѣчаетъ только тѣ стороны, которыя для него полезны или вредны, то онъ вѣренъ себѣ и въ воззрѣніи на человѣка. Человѣкъ, по народному представленію, является существомъ, для котораго собственно и предназначенъ весь видимый міръ: „рыбамъ — вода, птицамъ — воздухъ, а человѣку (принадлежитъ) вся земля". Такое представленіе народа о человѣкѣ выработалось исторически и, какъ видимъ изъ произведеній народной словесности, вызывается его духовной природой, его умомъ—разумомъ, совѣстью и т. д. Народъ нашъ отдѣляетъ духовную природу отъ тѣлесной. И навѣрное, еще въ самой глубокой древности составилось воззрѣніе на человѣка, какъ существо двойственное по природѣ. Наблюдая явленіе смерти, предки наши невольно должны были прійдти къ такому заключенію. Съ одной стороны, замѣчая, что тѣло умершаго ни чѣмъ не отличается отъ того, какимъ оно было до смерти человѣка, кромѣ того что въ немъ не достаетъ жизни, съ другой—будучи не въ силахъ примириться съ мыслію о совершенномъ уничтоженіи близкаго, быть можетъ, любимаго, но уже умершаго человѣка, предки самымъ естественнымъ образомъ приходили къ мысли, что въ тѣлѣ человѣческомъ заключено, какъ нѣчто внѣшнее по отношенію къ тѣлу, живое начало, душа, и вылетаніемъ души изъ тѣла объясняли смерть человѣка. Что касается воззрѣнія на душу, то, само собою разумѣется, она представлялась въ видимыхъ чувственныхъ образахъ, такъ какъ предки не способны были къ отвлеченному мышленію. Судя по памятникамъ народнаго творчества, душа представлялась

то подъ образомъ птицы [1], то подъ образомъ огня [2], вѣтра [3], тѣни человѣческой. Признавая душу человѣческую живымъ, самостоятельнымъ по отношенію къ тѣлу существомъ, предки думали, что по смерти человѣка, т. е. по отдѣленіи души отъ тѣла, душа продолжала существовать попрежнему и, обыкновенно, обитала въ своемъ прежнемъ дому или около него. Загробную жизнь человѣка предки ставили въ связь съ общимъ состояніемъ природы. По представленію предковъ, души умершихъ на зиму засыпали, а весною пробуждались, т. е. когда природа замирала — и души замирали, природа оживала — и души оживали [4]. Съ усвоеніемъ христіанскихъ понятій народное воззрѣніе на загробное состояніе души осложнилось новыми понятіями, и по духу возвысилось до чистаго библейскаго пониманія. Что же касается общихъ воззрѣній на человѣка и его душевныя и тѣлесныя свойства, то христіанское ученіе, проникшее въ сознаніе русскаго народа, также возвысило ихъ, —особенно воззрѣнія на духовную природу человѣка. На тѣло народъ сталъ смотрѣть, какъ на нѣчто низшее по отношенію къ душѣ. Духовная природа человѣка, по мнѣнію народа, способна къ совершенствованію, тогда какъ тѣлесныя слабости задерживаютъ ходъ духовнаго совершенствованія человѣка. „Духъ у человѣка бодръ, да плоть немощна“. Требованіе духа и тѣла нерѣдко даже расходятся между собою. „Гдѣ тѣлу просторъ, тамъ душѣ тѣснота“ и на оборотъ. Во всякомъ случаѣ тѣлесная природа человѣка, по народному воззрѣнію, стоитъ ниже духовной. Правда, и тѣло имѣетъ свои хо-

(1) Поэт. возз. слав. на прир. III, 220.

(2) Припомнимъ выраженія «жизнь погасла», «пылкое, горячее чувство»; повѣріе, что угасаніе свѣчи при вѣнчаніи предвѣщаетъ смерть одного изъ брачущихся.

(3) Калѣки пер. 50 и 57 стр.

(4) Поэт. возз. слав. III, 287 стр.

рошія стороны, напр. красоту, здоровье и т. п., но однѣ эти качества сами по себѣ еще не составляютъ достоинства человѣка. Что напр. въ красотѣ лица? „Съ лица не воду пить“. Правда, „на красиваго глядѣть хорошо“, да „жить-то легко съ умнымъ“ (только). Тоже нужно сказать о какой—нибудь бородѣ. Пусть будетъ она хороша, да „борода уму не замѣна“. А „безъ ума голова пивной котелъ“. Другое дѣло—здоровье. „Здоровье всему голова“. Оно даетъ человѣку возможность работать и снискивать пропитаніе. Здоровая „рука ногѣ работница“,—да одного здоровья и вообще тѣлесныхъ совершенствъ недостаточно еще для того, чтобы изъ человѣка именно сдѣлать человѣка и поддержать его достоинство. Могутъ быть „руки золотыя, да рыло поганое“; можетъ человѣкъ обладать хорошими тѣлесными качествами, да дурными душевными. А душевныя качества выше и дороже тѣлесныхъ. „Душа всего дороже, душа завѣтное дѣло“. Достоинства души это — умъ, разумъ, совѣсть, стыдъ. Умъ возвышаетъ человѣка надъ окружающимъ міромъ, уподобляетъ его царю. „У каждаго свой царь въ головѣ“ — говоритъ народъ. „Свой умъ царь въ головѣ“. „И сила уму уступаетъ“. Поэтому обязанность каждаго — „живи всякъ своимъ умомъ“, „людей слушай, а дѣлай свое“. Впрочемъ, сколько русскій человѣкъ ни цѣнитъ ума, подъ которымъ онъ разумѣетъ собственно практическій умъ, однако онъ ставитъ его ниже разума, этой, такъ сказать, теоретической стороны ума. Умъ съ разумомъ могутъ расходиться, умъ можетъ заходить за разумъ, а можетъ быть въ человѣкѣ и одинъ только умъ безъ разума. Человѣкъ можетъ быть „уменъ да неразуменъ“, хотя „умъ безъ разума бѣда“, такъ какъ „умъ (только) разумомъ крѣпокъ“. Итакъ, разумъ народъ предпочитаетъ уму: „разумъ не велитъ, — ума не спрашивайся“... Особенно русскій человѣкъ цѣнитъ „задній умъ“, этотъ, по выраженію г. Снегирева, „многовѣковой наслѣдственный опытъ“, и даже считаетъ его принадлежностью русскаго. „Русскій человѣкъ зад-

нимъ умомъ крѣпокъ". Рядомъ съ умомъ русскій человѣкъ цѣнитъ и нравственную свою природу, особенно совѣсть. Совѣсть это голосъ Божій, надзирающій за дѣйствіями человѣка и путеводящій его къ нравственному совершенству. „Добрая совѣсть гласъ Божій". „Въ комъ Богъ, въ томъ и стыдъ". „Добрая совѣсть не боится клеветъ", напротивъ, при правдѣ „любитъ обличеніе". Голосъ совѣсти чрезвычайно чувствителенъ. „Совѣсть безъ зубовъ, а загрызетъ". Впрочемъ, совѣсть можетъ и глохнуть. Поэтому о чистотѣ совѣсти особенно слѣдуетъ заботиться и беречь ее слѣдуетъ уже съ молодыхъ лѣтъ. „Береги честь съ молода"—правило, обязательное для каждаго человѣка. Умъ человѣка и его нравственная сторона обнаруживаются въ словѣ и дѣлѣ. Слово, если только оно съ умомъ соединяется („рѣчь красна умомъ") есть одно изъ величайшихъ достоинствъ человѣка. Слово обладаетъ необыкновенною силою. „Живымъ словомъ побѣдить можно". „Языкъ малъ, а великимъ человѣкомъ ворочаетъ"; даже больше — „языкъ царствами ворочаетъ". „Языкъ съ Богомъ бесѣдуетъ". „Языкъ тѣлу якорь". „Слово не стрѣла, а пуще стрѣлы" — „къ сердцу льнетъ". Впрочемъ, какъ разумное употребленіе слова—достоинство человѣка, такъ неразумное—унижаетъ человѣка. Бѣда, если у человѣка „языкъ лепечетъ, а голова не вѣдаетъ". Что изъ рѣчи такого человѣка? „Мелетъ онъ день до вечера, а слушать нечего". Пусть даже и красна эта излишняя рѣчь, то всетаки она еще не достоинство человѣка. Достоинство человѣка составляетъ рѣчь сжатая, когда человѣкъ „много знаетъ, да мало баетъ"—и особенно, когда у человѣка слово съ дѣломъ не расходится. „Не великое дѣло—великое слово". „Отъ слова до дѣла еще далеко": „скоро сказано, кабы да сдѣлано". Воля человѣка, заправляющая его дѣятельностію, также вполнѣ оцѣнивается народомъ. Хорошо, если человѣкъ убѣжденъ въ достоинствѣ извѣстнаго хорошаго дѣйствія,—еще лучше, если онъ окажется въ состояніи исполнить его. „И

чортъ знаетъ, что добро, да не дѣлаетъ". Слѣдовательно, одного убѣжденія въ добрѣ мало для человѣка, для него нужна еще настойчивость въ достиженіи цѣли, нужна воля.

Мы указали воззрѣнія русскаго народа на общія свойства человѣческаго духа и тѣла. Но сходные по существу своей духовной и тѣлесной природы, люди различаются между собою по полу, возрастамъ, націи и сословіямъ. Намъ необходимо поэтому указать еще воззрѣнія русскаго народа на человѣка болѣе частнаго характера, т. е. представить народный взглядъ на человѣка въ его отношеніи къ полу, возрасту, обществу и т. д. Начнемъ съ народнаго воззрѣнія на полъ человѣка. Мущина въ представленіи русскаго народа стоитъ выше женщины. Онъ господинъ женщины. „Мужъ глава, жена душа". Превосходство мущины предъ женщиной, не говоря уже о физической силѣ,—въ умѣ мущины. Женщина живетъ догадкой, сообразительностію, мущина—думой: „мужа чтутъ за разумъ, жену по уму". Но при догадкѣ промахи скорѣе возможны, чѣмъ при думѣ. Отсюда слабость женскаго ума; „у бабы волосъ длиненъ, да умъ коротокъ". Какъ особенность женскаго пола, въ сравненіи съ мужескимъ, народъ видитъ въ прихотливости женщины; „на женскій нравъ не угодишь", „женскихъ прихотей не перечтешь",—въ непостоянствѣ женщины: „женскія думы измѣнчивы",—въ неуживчивости женщины: „семь топоровъ вмѣстѣ лежатъ, двѣ прялки врозь",—въ упрямствѣ женщины: „не мытьемъ такъ катаніемъ свое возметь",—въ болтливости женщины: „гдѣ баба, тамъ рынокъ, гдѣ двѣ, тамъ базаръ",—въ наклонности ссориться и язвительности на словахъ: „женское слово, что клей пристаетъ",—наконецъ, въ коварствѣ женщины: „женская лесть безъ зубовъ, а съ костьми сгложетъ", „гдѣ сатана не сможетъ, туда бабу пошлетъ". Какъ на особенность характера мущины, русская пословица указываетъ на настойчивость и упорство: „съ мужикомъ не скоро сговоришь"—„мужикъ деревянная

рогатина",—на грубость и жестокость въ обращеніи, чему у женщины соотвѣтствуетъ язвительность въ словѣ: „мужъ комелькомъ, жена язычкомъ".... Сколько ни рѣзки особенности и, пожалуй, недостатки въ общемъ складѣ природы мущины и женщины, однако онѣ не служатъ къ разрыву между полами,—напротивъ, мущина и женщина дополняютъ другъ друга. Стремленіе половъ другъ къ считается естественнымъ явленіемъ, а брачная жизнь—законнымъ дѣломъ. Состояніе одиночества на всю жизнь народу представляется даже дѣломъ нѣсколько не нормальнымъ. „Холостой—полчеловѣка". И что за жизнь холостяка?—разсуждаетъ поселянинъ. Никакихъ нѣтъ радостей, никакихъ утѣхъ! „Живешь—не съ кѣмъ покалякать, умрешь — некому поплакать". „Бездѣтный умретъ — и собака не взвоетъ". Взять въ примѣръ хоть кукушку. „О томъ и кукушка кукуетъ, что своего гнѣзда нѣтъ". Да не только на землѣ, „одному тошно бы показалось жить въ раю". Между тѣмъ сколько радости, когда есть жена, хорошая хозяйка! Съ „доброй женой горе въ полгоря, а радость въ двойнѣ". Впрочемъ, кому суждено Богомъ жениться, тотъ и женится—„суженаго не обойти, ни объѣхать".—„Всякая невѣста для своего жениха родится". Но съ другой стороны, какъ ни заманчива женидьба, однако она представляетъ нѣкоторыя непріятныя стороны, особенно при неудачномъ выборѣ жены. „Одному съ женою радость, другому—горе". Женидьба—дѣло мудреное. „Жениться не лапоть надѣть. Женишься разъ, а плакать вѣкъ. Жена не рукавица—съ руки не сбросишь". Отсюда въ выборѣ жены или мужа должна быть крайняя осмотрительность и осторожность. „Первую дочь бери по отцѣ—по матери, вторую по сестрѣ". Не слѣдуетъ при выборѣ жены руководствоваться только богатствомъ ея: „не съ богатствомъ жить, съ человѣкомъ" —женинымъ добромъ вѣкъ не проживешь", „женино добро коломъ въ горлѣ стоитъ". А также не слѣдуетъ руководствоваться при выборѣ жены и красотою ея лица: „на хорошую жену гядѣть хорошо, да жить хо-

рошо съ умною". Лучше всего выбирать жену не глазами, а ушами". Когда бракъ совершился, развода уже нѣтъ. „Попъ перевѣнчаетъ и царь не развѣнчаетъ". Со времени брака: „мужъ и жена — одна душа". Связь мужа и жены такъ сильна, что и судить ихъ некому кромѣ Бога: „жену съ мужемъ Богъ разбираетъ". Отношенія мужа къ женѣ должны быть, какъ отношенія старшаго къ младшему. Мужъ долженъ быть главою жены: „Худо мужу тому, у котораго жена большая въ дому". „Далъ мужъ волю женѣ, не быть добру". „Воля и добрую жену портитъ". Неравенство мужа и жены впрочемъ не мѣшаетъ имъ имѣть интересы общіе. Мужъ и жена, оба должны одинаково заботиться объ устроеніи дома, хотя дѣятельность одного должна преимущественно сосредоточиваться на домашнемъ обиходѣ, а другаго простираться и внѣ дома: „баба да кошка въ избѣ, мужикъ да собака на дворѣ". Для хорошаго хозяйства необходимо, чтобъ отъ „хозяина пахло вѣтромъ, а отъ хозяйки дымомъ".—Кромѣ занятія хозяйствомъ, дѣятельность мужа и жены должна быть направлена на воспитаніе дѣтей. „Дѣти—благодать Божія" для родителей. Впрочемъ „дѣтки радость, дѣтки же и горе". Безъ дѣтей конечно „тоскливо, а съ дѣтьми водливо". Но какъ бы то ни было трудно для родителей воспитаніе дѣтей, они обязаны воспитывать ихъ, иначе они не родители для дѣтей. „Не тотъ, по представленію народа, отецъ—мать, кто родилъ, а тотъ, кто вспоилъ, вскормилъ, да добру научилъ". Воспитаніе дѣтей не только обязательно для родителей, оно и полезно для нихъ, именно въ томъ отношеніи, что родители на старости лѣтъ найдутъ для себя пріютъ у дѣтей, особенно у сына. „Сына корми—себѣ пригодится, дочь корми—людямъ снадобится". Такъ какъ услуги и заботы въ данномъ случаѣ взаимныя, то родители до извѣстнаго времени должны заботиться о дѣтяхъ, а дѣти, въ свою очередь, должны съ извѣстнаго времени заботиться и печься о родителяхъ.—Переходя къ возрастамъ, мы замѣчаемъ, что

русскій народъ въ каждомъ возрастѣ находитъ и хорошія, и худыя стороны. „Молодые годы—золотая пора"; „да молодо зелено", „молоденькій умокъ, что весенній ледокъ"; „старость не радость", да за то „старина—съ мозгомъ", опытна: „стараго воробья на мякинѣ не обманешь". Недостатокъ молодости—беззаботность, недостатокъ старости — излишняя требовательность: „старое упрямо, не сдружливо; молодое гулливо, незаботливо". Впрочемъ старость и молодость могутъ дополнять одна другую. Если молодость крѣпче старости силами, а старость сильнѣе молодости головою, то нѣтъ ничего лучше того, какъ „молодой работаетъ, а старый умъ даетъ".

VI.

НРАВСТВЕННОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ РУССКАГО НАРОДА.

I.

ОБЯЗАННОСТИ ЧЕЛОВѢКА КЪ БОГУ И СЕБѢ САМОМУ.

Передавъ въ краткихъ чертахъ народное возарѣніе на человѣка, мы переходимъ къ изложенію нравственнаго міросозерцанія народа. Отвѣтственность за свои дѣйствія, согласныя или несогласныя съ требованіями Божественнаго закона, какъ извѣстно, составляетъ основу нравственной дѣятельности человѣка. Вопросъ о назначеніи человѣка и возмездіи за его жизнь и дѣятельность едвали у нашего народа имѣетъ глубоко—раннее происхожденіе. Въ языческую пору, до принятія христіанства, у нашихъ предковъ едвали и возникалъ этотъ вопросъ. Если и возникалъ, то они мало задумывались надъ нимъ. Убѣжденные, что все совершается по волѣ рока, они, какъ рабы, ждали своей участи и жили себѣ, какъ жилось. Только христіанство и заставило нашихъ предковъ серьезнѣе призадуматься надъ своею жизнію. Дѣйствительно, въ памятникахъ народнаго творчества мы находимъ отвѣтъ на поставленные нами сейчасъ вопросы,—и отвѣтъ видимо заимствованный изъ библейскаго и церковнаго ученія, хотя болѣе или менѣе и переработанный народомъ. Воззрѣнія русскаго народа о назначеніи человѣка (конечно ужъ по существу са-

маго вопроса) неотличаются особенною сложностью, но вопросъ о возмезліи человѣку за его жизнь разработанъ народомъ, какъ нельзя болѣе. Само собою разумѣется, что мы говоримъ не о научной разработкѣ этого вопроса, а хотимъ только сказать, что народъ чрезвычайно заинтересовался вопросомъ о будущемъ загробномъ состояніи человѣка, и нарисовалъ массу картинъ, изображающихъ это состояніе, преимущественнно обративъ вниманіи на судьбу грѣшниковъ и ихъ муки. Библія не даетъ намъ полнаго представленія о будущемъ состояніи человѣка, она въ общихъ чертахъ только указываетъ, какое люди получатъ возмездіе за свои добрыя и злыя дѣла. Этими вопросами занимается апокрифическая литература. И въ народныхъ воззрѣніяхъ по данному вопросу мы замѣчаемъ заимствованія именно изъ апокрифической литературы. Между конечными пунктами: назначеніемъ человѣка и его будущимъ загробнымъ состояніемъ стоитъ нравственная жизнь человѣка со всею суммою требованій нравственнаго закона, со всѣмъ кодексомъ нравственно-практическихъ правилъ жизни. Сказавъ вкоротцѣ о назначеніи человѣка, мы перейдемъ къ передачѣ нравственно-практическихъ воззрѣній русскаго народа и потомъ представимъ народное воззрѣніе на будущую загробную участь людей, какъ праведныхъ, такъ и грѣшныхъ. Христіанство, какъ оно проводилось въ памятникахъ древне-русской письменности внушало, что человѣкъ образъ и подобіе Божества, что назначеніе человѣка, какъ творенія Божія, служить Господу. Въ словѣ „на соборъ архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ“ мы читаемъ между прочимъ: „На се бо созданъ всякъ человѣкъ, иже душею своею всегда славить Бога, а тѣломъ покланяется Ему“ (¹)... „Не того ради сотворены быкомъ, да ямы и піемъ и въ одежи различныя облечемся; но да угодимъ Богови и буду-

(¹) Чт. въ И. Об. Ист. и Др. Слово на соборъ Арх. Мих. 1847 г. № 8, 2 стр.

щая и благая получимъ" (¹). Служеніе Богу состоитъ въ исполненіи его заповѣдей. А такъ какъ человѣкъ по своему существу необходимо связанъ съ Богомъ и окружающими его людьми, а затѣмъ—и по отношенію къ нему самому дѣйствія его не безразличны, то христіанское ученіе налагаетъ на человѣка обязанности по отношенію къ Богу, людямъ и самому себѣ. Въ священныхъ книгахъ, книгахъ богослужебныхъ, сочиненіяхъ, составленныхъ съ цѣлію народнаго назиданія: каковы напр. пастырскія увѣщанія, поученія, житія, подробно изложены нравственныя правила жизни, обязательныя для христіанина. Народъ усвоилъ христіанское ученіе о нравственности. Убѣдившись, что человѣкъ образъ и подобіе Божества, созданъ на дѣла благая, народъ русскій призналъ за аксіому, что „жить (значитъ) Богу служить" (²). „Не такъ живи, говоритъ онъ, какъ хочется, а такъ живи, какъ Богъ велитъ" (³).

Обязанности человѣка къ Богу одна изъ самыхъ любимыхъ темъ древне-русской письменности. Прежде всего памятниками древне-русской духовной письменности внушается христіанину правая вѣра. „Если кто хвалитъ чужую вѣру, говорится въ „посланіи къ великому князю Изяславу о постѣ", тотъ является двоевѣрцемъ и близокъ къ ереси. Если кто скажетъ тебѣ: ту и другую вѣру Богъ далъ, ты отвѣчай: развѣ Богъ двоевѣренъ"? Нерѣдко въ древнерусскихъ письменныхъ памятникахъ замѣчается даже нетерпимость къ чужой вѣрѣ. Въ томъ же „посланіи къ Изяславу" говорится, что съ латинянами не должно входить ни въ какія сношенія ни по дѣламъ вѣры, ни по дѣламъ семейнымъ, при чемъ запрещается даже ѣсть и пить

(¹) Пам. Рус. слов. XII в. 92 стр. См. примѣч. 1 на 203 стр. А. В. Вадковскій слово о «небесныхъ силахъ» приписываетъ Кириллу Философу, просвѣтителю славянъ. Прав. Обозр. 1881 г. сентябр. 91—96 стр.

(²) Посл. Даля 1 стр.

(³) Посл. Снегир. 290.

съ ними изъ однихъ сосудовъ (¹). Мы не говоримъ уже о томъ, что древнерусскіе церковные памятники запрещаютъ внимать голосу лжеучителей (²), недозволяютъ посѣщать латинскія, жидовскія и иновѣрныя церкви (³) и т. п. Послѣ вѣры, первою обязанностію, лежащею на христіанинѣ, въ древнерусскихъ письменныхъ памятникахъ, указывается молитва къ Богу какъ частная, такъ и общественная. „Не лѣнитеся къ церкви ходити на заутреню, и на обѣдню, и на вечерню, и въ своей клети, хотя спати Богу помолився, толи на постели лязи. Въ церкви предстоите со страхомъ Божіимъ, не молви рѣчи, но не мысли (о мірскомъ), но моли Бога всею мыслью, да отдастъ (отпуститъ) ти Богъ грѣхы“ (⁴). Такъ училъ народъ еще Лука Жидята. Наставленія о молитвѣ въ дальнѣйшую пору встрѣчаются постоянно какъ въ чисто русскихъ поученіяхъ, такъ и въ переводныхъ. Такъ какъ „молитва есть начатокъ всему добру, ходатайца спасенію и жизни вѣчнѣй“ (⁵), то христіанину молиться слѣдуетъ постоянно. „Всегда, говорится въ словѣ св. Филимона о молитвѣ, и спя и встая, и яды и пія, и бесѣдуя, сердце твое сокровенною мыслію овогда убо да поучается въ псалмахъ, овогда же да молится: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй мя“ (⁶). Въ словѣ о молитвѣ, приписываемомъ Златоусту, говорится, что „добро разумомъ на всякомъ мѣстѣ молитися Господеви“ (⁷). „Вѣдомо же есть, яко не пытаемо молитвенное мѣсто, но образъ. Іеремія въ пропасти Бога умоли, Даніилъ во рвѣ, тріи отроци въ огни. Да и ты, гдѣ убо еси, аще на пути еси, или въ градѣ еси, или въ торжищи, молись въ чистѣ совѣсти и послушаетъ тебе. Тою бо

(¹) Ист. рус. слов. И. Я. Порф. 356 стр.

(²) Ркп. прол. Сол. биб. 24 Апрѣля № 60 л. 158.

(³) Ркп. прол. Сол. биб. 17 іюня № 60 л. 300.

(⁴) Христом. къ Опыту ист. обоз. рус. слов. О. Мил. л. 182.

(⁵) Ркп. прол. Сол. биб. № 60 л. 165. Златоcтр. № 254 об.—355.

(⁶) Ркп. прол. Сол. биб. № 60 л 407

(⁷) Ркп. Сол. биб. Златоструй № 259 л. 492

есть земля и концы ея" (1), читаемъ мы въ одномъ древне-русскомъ поученіи. „Егда убо речетъ ти сердце, читаемъ въ другомъ древнерусскомъ поученіи, въ дне или въ нощи, востани, брате, помолися Богу, разумѣй, яко св. ангелъ присѣдитъ тебѣ, той есть глаголяй: востани и помолися. И тебѣ востающу, и той востанетъ съ тобою и молитву сотворитъ" (2). Лишь только человѣкъ пробудился отъ сна, первая обязанность—помолиться Богу. „Вѣрніи мужи и жены утро воставши отъ сна, первѣе всѣхъ тѣлъ умывшися молитвы къ Богу да творятъ" (3), — читаемъ мы въ Измарагдѣ. А особенно много въ древне-русской письменности встрѣчается поученій, гдѣ внушается ночная молитва. Въ томъ же Измарагдѣ, въ словѣ приписываемомъ Златоусту, дѣлается слѣдующее внушеніе: „востани въ нощи и преклони колѣна, и припади къ Богу моляся, и паче ти дневныхъ молебъ приклонитъ ти ухо свое Господь въ нощныя мольбы"; при чемъ указывается на примѣръ Давида, который орошалъ постелію свою слезами (4). Тоже внушеніе мы находимъ въ Златоструѣ: „Ложася спати не погрѣши ни единыя нощи не кланявся Богу, елика мога, по силѣ молися Богу; тѣмъ бо поклоненіемъ побѣждаетъ человѣкъ діавола, и тѣми поклоны избавится отъ грѣхъ, иже того дни согрѣшилъ. И о семъ глаголю ти: вставайте нощію на молитву, хотя и не много бы сотвориши мольбы, хотя едину сотвори молитву отъ сна, и то не мала ти есть польза; и жену свою, и дѣти тому же научи" (5).

(1) Мин. Чет. митр. Макар. ркп. Син. биб. подъ 14 Марта. № 992 л. 370.

(2) Мин. Чет. митр. Макар. ркп. Син. биб. № 993 л. 57 об. 5 Апрѣля.

(3) Измарагдъ ркп. Сол. биб. № 270 л. 202.

(4) Смарагдъ Мин. Ч. митр. Макар. рук. Син. биб. № 996 л. 739 об. 740.

(5) Изъ Златоструя XVI в. въ ст. «О происхож. Домостроя». Чт. въ Общ. Ист. и Др. 73 г. 3 к. 114 — 115. Подоб. Златостр. ркп Сол.

Въ житіяхъ святыхъ нерѣдко указываются примѣры постоянной молитвы, денной и нощной,—иногда доводящей молящагося до крайняго утомленія и изнеможенія. Въ рукопис. сборн. Соловецкой библіотеки № 854 разсказывается объ одномъ инокѣ съ благоговѣйнымъ удивленіемъ, что онъ, отправивъ монастырскую службу, положенную по уставу и сдѣлавъ опредѣленное число поклоновъ въ кельѣ „на правилѣ", не смотря на изнеможеніе, еще продолжалъ молиться и столько долго молился, что „немощи число постигнути множеству колѣнопреклоненію его" (1). Чѣмъ чаще произносится молитва Іисусова, тѣмъ спасительнѣе. „Аще кто сію молитву требуя глаголеть яко изъ ноздри дыханіе (также часто), по первемъ лѣтѣ вселится въ него Христосъ, Сынъ Божій, по второмъ — внидетъ въ него Духъ Святый, по третіемъ лѣтѣ пріидетъ къ нему Отецъ и вшедъ въ него обитель въ немъ сотворитъ Св. Троица, и пожретъ молитва сердце и сердце пожретъ молитву, и начнетъ клицати безпрестанно сію молитву день и нощь, и будетъ свободенъ отъ всѣхъ сѣтій вражіихъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ" (2).

Для тѣхъ, которые „умѣютъ грамотѣ", въ древнерусскихъ письменныхъ памятникахъ рекомендуется „пѣти себѣ на всякъ день утренюю и часы, и вечерню, и навечерницу" (3). Какъ много мѣстъ въ древне-рус-

---

биб. № 259. Изм. ркп. Сол. биб. № 270 л. 52—54 и 221 об. Ркп. сбор. Сол. биб. № 894 л. 78.

(1) Ркп. Сол. биб № 854 л. 297. Рук. для сел. паст. 67 г. II, 364.

(2) Ркп. сбор. Сол. биб. № 924 л. 376. «Преданіе отъ устава св. отецъ» № 892 л. 155 об, № 860 «Молит. Іоанна Златоустаго». Рук. для сел. паст. 67 г. II, 369.

(3) Изъ Златоуста XVII в. въ ст. «О происх. домостр.» Чт. въ Общ. Ист. и Др. 72 г. 3 кн. 115—116 стр. подоб. Измараг. рук. Сол. биб. № 270 л. 219 и 222.

скихъ письменныхъ памятникахъ, рекомендующихъ частную домашнюю молитву (особенно ночную), такъ не мало такихъ мѣстъ, гдѣ призываются христіане къ молитвѣ общественной. Среди древне-русскихъ поученій мы встрѣчаемъ много такихъ, которыя носятъ слѣдующія заглавія: Поученіе, добро есть тещи въ церкви и просити полезныхъ у Бога (1), Слово Іоанна Златоуста, како подобаетъ въ церковь приходити съ вѣрою (2). Другое слово Іоанна Златоуста, яко оставляти дѣло и итти въ церковь (3). Слово о молитвѣ, яко достоитъ молитися въ церкви стояще (4) и т. п.

Изъ церковныхъ богослуженій древне-русскими письменными памятниками рекомендуется посѣщать какъ утреннее богослуженіе, такъ литургію и богослуженіе вечернее. Въ „словѣ І. Златоуста о не встающихъ на утреню" мы читаемъ: „Аще облѣнишися на утренюю встати, не дай же ясти тѣлу своему день той до вечера. Писано бо есть: праздный да не ястъ. Како будемъ помиловани живуще въ льготѣ, лѣнимся (ходить) къ церкви на утреню и на литургію, и на вечерню" (5). Говоря о посѣщеніи христіанскаго богослуженія, памятники древне-русской письменности указываютъ на необходимость христіанскихъ таинствъ, и

(1) Мин. Чет. Митр. Макар. рки. Син. б. 18 августа. № 997 л. 231.

(2) Смарагдъ Мин. Чет. Митр. Макар. рко. Син. б. Іюля № 996 л. 768. Златоструй ркп. Сол. биб. № 239 л. 449.

(3) Смарагдъ Ibid. № 996 л. 37 и 743. Подоб. Измар. ркп. Сол. б. № 270 л. 66—68 срав. Калайдов.—Слово въ недѣлю 5 по пасхѣ. Памятн. XIII в. 53 стр. Сухомл. изд. рукоп. графа Уварова II т. 74 стр. (по Сухомл. слово Кирилла; по Макар., для этого нѣтъ достаточн. основан.) Прол. 24 апр. Описан. рукоп. Казан. дух. акад. 369 стр.

(4) Мин. чет. митр. Макар. ркп. Син. библ. подъ 15 Іюля № 996 л. 319 и 164. Сбор. рук. Солов. библ. № 813 л. 417. Что касается характера общественной молитвы въ древнерусскихъ поученіяхъ, то внушается — вести себя въ церкви чинно, небесѣдовать, не шептать, не смѣяться, а даже еще другихъ удерживать отъ бесѣдъ и смѣха.

(5) Смарагдъ. Мин. Чет. митр. Макар. ркп. Син. библ. № 996 л. 761.

на важность церковныхъ требоисправленій. Особенно часто внушается христіанамъ исповѣдываться и пріобщаться святыхъ таинъ, при чемъ проводится мысль, что христіанинъ предъ св. причащеніемъ долженъ оставить и гнѣвъ, и вражду, и зависть, долженъ смириться и простить всѣмъ обиды (1),—короче, долженъ очиститься, памятуя слова Господа: „иже бо ясть хлѣба сего или піетъ чашу Господню недостоинѣ, повиненъ есть тѣлу и крови Господни“ (2). Утверждая, что въ хлѣбѣ и винѣ тѣло и кровь Господня, что „Господь, вѣдый немощь рода нашего, якоже не можетъ кровава мяса ясти никтоже, ни крови пити, преложи тѣло Свое въ святую просвиру и кровь въ вино“ (3), памятники древне-русской письменности нерѣдко указываютъ чудесные случаи, какъ усумнившимся въ сей тайнѣ вмѣсто хлѣба показывался раздробляемый на части священникомъ отрокъ (4). Говоря о безкровной жертвѣ, мы не можемъ не упомянуть еще о томъ, что она древне-русскими церковными памятниками рекомендуется какъ лучшее средство спасительной помощи усопшимъ.—Въ „словѣ Григорія Двоесловца о проскурѣ иже за усопшихъ“ говорится, что много можетъ душамъ помощи пречистая жертва, въ ней же за усопшая проскуры приносятъ“ и даже разсказывается случай, какъ одинъ усопшій былъ спасенъ, благодаря заупокойнымъ литургіямъ (5), совершеннымъ пресвитеромъ. Въ словѣ Іоанна Дамаскина замѣчается, что

(1) Измар. ркп. Солов. библ. № 270 л. 150—153. Смарагдъ. Мин. Чет. митр. Мак. ркп. Син. библ. № 996 л. 590.

(2) Мин. Чет. митр. Макар. ркп. Син. библ. № 992 л. 590. Измар. ркп. Сол. библ. № 270 л. 212 обор.

(3) Прол. рук. Сол. библ. № 59 л. 428.

(4) Мин. Чет. митр. Макар ркп. Син. б. № 992 (3 апр.) л. 45 Прол. рук. Сол. библ. № 60 л. 101 об.—102.

(5) Мин Чет. митр. Мак. ркп. Син. библ. подъ 17 август. № 997 л. 230.

„ученицы Спасови, божественные апостоли надъ страшными пречистыми животворными тайнами память сотворяти вѣрно усопшимъ узакониша“ (¹).

Убѣждая христіанъ посѣщать церковное богослуженіе, особенно во дни праздничные на томъ основаніи, что „лѣпо божественные праздники имѣти въ чистотѣ духовной, а не на позоры ни на игры упражнятися“ и настаивая на томъ, что мужи и жены, стари и юни, мали и велицы должны собираться въ церковь „на утреню и литургію и вечерню“, древнерусскіе письменные памятники въ тоже время убѣждаютъ вѣрующихъ оказывать церкви матеріальную поддержку (²). „А къ церквамъ Божіимъ, говоритъ Домострой, всегда съ вѣрою приходити... съ приношеніемъ, со свѣщею, съ просвирою, съ фиміамомъ и съ ладономъ, съ канономъ и съ кутьею, и съ милостынею... и по монастыремъ также съ милостынею и съ приношеніемъ приходи“ (³). Впрочемъ при этомъ нерѣдко ставится условіе, чтобъ въ церковь приносились только такія деньги, которыя пріобрѣтаются честнымъ путемъ, потому что въ противномъ случаѣ даръ непріятенъ Богу. „Не принимайте, говорится въ „словѣ ко всему міру на пользу слышащимъ“, — просфоры и всякаго другого приношенія въ церковь отъ корчемника, рѣзоимца, грабителя, чародѣя, убійцы, неправеднаго судіи, мздоимца, татя, разбойника и отъ гнѣвливаго: просфоры ихъ гнусны, а свѣчи ихъ угасаютъ, говоритъ Господь“ (⁴). Точно также непріятна Богу жерт-

(¹) Мин. Чет. митр. Макар. ркп. Син. библ. № 989 подъ 4 дек. л. 112 об. 113.

(²) Златая Цепь ркп. Сол. библ. № 258 л. 256 об. 258 об.

(³) Домостр. Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1881 г. II т. 32 стр.

(⁴) Истор. рус. церк. митр Мак. V т. 2 кн. 170. Таже мысль, что Богу не пріятна неправедная жертва, проводится въ Златой Цепи ркп. Сол. библ. № 258 л. 26[illegible]

ва тѣхъ, въ дому которыхъ „діаволъ воздвигнетъ пѣсни мірскія“ [1]. Если по однимъ древне-русскимъ памятникамъ мы видимъ, что церковь приглашала вѣрующихъ жертвовать на храмъ, то по другимъ узнаемъ, что среди русскаго народа и былъ обычай заботиться о сооруженіи и украшеніи храмовъ. Въ древней Руси существовалъ замѣчательный обычай устроивать церковь въ одинъ день. Такъ мы читаемъ, что въ Новгородѣ, во время мора, „поставиша церковь св. Аванасія въ единъ день и свѣща его Владыка Іоаннъ. Божію милостію, добавляетъ лѣтописецъ, паки преста моръ“ [2].

Говоря о пожертвованіяхъ на церкви Божіи, какъ о нихъ говорится въ древне-русскихъ письменныхъ памятникахъ, мы невольно сталкиваемся съ вопросомъ о почитаніи святынь. Въ древне-русской письменности особенно указывается на необходимость почитанія св. креста, иконъ и мощей. Припомнимъ, что уже Владиміру дѣлалось внушеніе объ уваженіи къ кресту и иконамъ. „Предаша апостоли крестъ поставленъ цѣловать, и иконы предаша. Лука бо евангелистъ первое написавъ посла въ Римъ, якоже глаголетъ Василій“ [3]. Если нерѣдко внушается о почитаніи иконъ (1), то особенно часто говорится о почитаніи св. креста. Крестъ, читаемъ мы въ одномъ древне-русскомъ поученіи, соединяетъ небо съ землею. „Да веселится Адамъ съ праматерью, объемля крестъ, да проповѣдуетъ его силу и спасеніе. Зришь-ли тайнство креста? Воистину крестъ слава Христова, какъ онъ самъ глаголалъ: когда прославится сынъ человѣческій, или когда вознесется на крестъ... нетолько воображаемый и

(1) Измар. ркп. Соф. библ. № 270 л. 219 об.

(2) Опис. Румянц. Музея 341 стр.

(3) Полн. собр. р. лѣт. I, 49.

(4) Слово св. Іоанна Мниха. Миней чет. митр. Макар. рки. Соф. библ. № 989 л. 106—112.

носимый спасаетъ онъ, всекрѣпкій, но и образы его спасительны бываютъ“ (¹). Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, (особенно акаѳистѣ), крестъ изображается, какъ „покровъ вѣрнымъ и всей вселеннѣй утвержденіе“, „губительныхъ бѣсовъ паденіе“, „вѣрнымъ просвѣщеніе и сладость“, „скорбящимъ утѣшеніе и помощь великая“ (²). Тѣже мысли мы встрѣчаемъ въ Измарагдѣ (³) и Златоструѣ (⁴). Замѣчательно одно мѣсто въ житіи Кипріана и Устины. Кипріанъ былъ волшебникъ, но чары его не подѣйствовали на Устину. Тогда Кипріанъ спрашиваетъ бѣса: отъ чего это? Бѣсъ отвѣчаетъ: „идѣже нѣсть знаменія Распятаго, ту все наше есть; а идѣже образъ креста, ту не можемъ пріити; огнь бо есть попаляя ны. То слышавъ, Кипріанъ шедъ крестися“ (⁵). На ряду съ почитаніемъ креста Христова въ древне-русскихъ письменныхъ памятникахъ внушалось и почитаніе св. иконъ. „Кресту же Христову съ вѣрою покланяйся, яко на томъ всѣмъ человѣкомъ спасеніе содѣла Господь. Иконѣ же Христовѣ, и пречистей его матери и св. небеснымъ безплотнымъ силамъ и всѣмъ святымъ честь съ вѣрою воздавай яко самѣмъ, любовно въ молитвѣ глаголи и покланяніе твори и на помощь къ Богу призывай ихъ, мощи святыхъ съ вѣрою цѣлуй и покланяйся имъ“ (⁶), дѣлаетъ наставленіе Домострой. Подобныя же наставленія даются иногда въ древне-русскихъ поученіяхъ (⁷). Въ житіи Андрея юродиваго разсказывается слѣдующій случай, направленный къ убѣжденію въ необходимости

(¹) Рус. пропов. Истор. его обз. Спб. 1871 г. 15 стр.
(²) Сбор. рук. Сол. библ. № 916, л. 1026.
(³) Измар. ркп. Сол. библ. № 270 л. 18.
(⁴) Злат. ркп. Сол. библ. № 259, л. 220, 135, 136.
(⁵) Мин. чет. митр. Макар. изд. арх. ком. 1 окт. 41—42 стр.
(⁶) Чт. въ Общ. Ист. и Др. 81 г. 2 кн. Домостр. 2 гл. 13 стр.
(⁷) Мин. Чет. митр. Макар. изд. арх. ком. подъ 11 окт. 925—926

почитанія святыхъ иконъ. Нѣкто надсмѣялся надъ иконой, говоря: „да кая сила есть въ ней, безъ душа сущи и несмыслящє? кая ми польза хочетъ быти отъ сея? и рече: тебѣ рку, стѣно, помози ми!“ Безбожникъ тотчасъ былъ пораженъ болѣзнію „огнемъ лютомъ“ и скоро умеръ (1). Не нужно забывать, что въ древне-русскихъ письменныхъ памятникахъ нерѣдко разсказывается о чудесной помощи святыхъ иконъ (2). Въ древне-русской письменности внушается также уваженіе къ Евангелію, Псалтири и вообще ко всѣмъ церковнымъ и священнымъ книгамъ. Чтеніе священныхъ книгъ представляется какъ дѣло богоугодное, спасительное. Въ словѣ Златоуста о пьянствѣ замѣчается: „Святые отцы написаша святое се и честное ученіе и предаша крестьяномъ на препровожденіе жизни сеа, да аще къ тому послушаетъ правило се и поживетъ во страсѣ Божіи и наслѣдитъ и небесное царство. А иже св. отецъ ученія не послушаетъ, той осужденъ будетъ съ бѣсы въ вѣчную муку“ (3). Въ другомъ словѣ, тоже приписываемомъ Златоусту, замѣчается: „Богъ... дарова на дьявола честный крестъ и на сѣти его святыя книги“ (4). Во всѣхъ поученіяхъ о „хитрости книжнѣй“ „како послушати книгъ“, „како достоитъ со всѣмъ прилежаніемъ чести книги“ проводится мысль, что съ одной стороны „книги чтомы“ даютъ праведнымъ „веселіе и спасеніе души“, а съ другой, что ими „прогоняются бѣсы“ (5). Въ памятникахъ иногда приводятся примѣры исправленія порочныхъ людей чрезъ слушаніе Еван-

(1) Мин. митр. Мак, изд. арх. ком. 2 окт. 119—202.

(2) Мин. митр. Мак. изд. арх. ком. окт. 925—926.

(3) Измар. ркп. Сол. биб. № 270 л. 25.

(4) Ibidem. № 270 л. 13.

(5) Смар. Чет. Мин. митр. Мак. ркп. Син. биб. № 996 (подъ 15 іюля) л. 164 — 319; подъ 18 мая ркп. Син. биб. № 994 л. 863, тоже ркп. прол. Сол. биб. № 60 л. 218; Смар. л. 728, Измар. ркп. Сол. б. № 270 л. 52, л. 12 об.—13. Злат. Чепь. XVI в. ркп. Сол. б. № 258 л. 26 об.—29.

гелія (¹). Мы представили, какъ въ памятникахъ древне-русской письменности излагались обязанности человѣка къ Богу. Теперь посмотримъ, какъ понимаетъ эти обязанности народъ русскій.

Всѣ обязанности, какія возлагаетъ на человѣка, просвѣщенный христіанскою вѣрою, русскій народъ, сводятся къ 3-мъ категоріямъ: онѣ раздѣляются на обязанности къ Богу, людямъ и самому себѣ. Въ одномъ изъ духовныхъ стиховъ онѣ изображаются такимъ образомъ.

Чѣмъ то намъ будетъ
Предъ Господомъ оправдатися?
Поднесемъ мы Господу
Три дара,
Три дара потайные:
Первые дары—
Постъ—содержаніе,
Другіе дары—
Ночное моленіе,
Третьи дары—
Любовь добродѣтель (²).

Всѣ обязанности человѣка по отношенію къ Богу, какъ видимъ, сводятся къ моленію, молитвенному настроенію; обязанности къ людямъ сводятся къ любви (возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе); обязанности къ самому себѣ сводятся къ посту—воздержанію.

Говоря объ обязанностяхъ человѣка Богу, какъ ихъ понимаетъ народъ, мы должны сказать, что въ историческомъ ходѣ пониманія ихъ замѣчается переходъ отъ обязанностей съ чисто языческимъ характеромъ къ обязанностямъ съ характеромъ христіанскимъ. Уже первые проповѣдники русской церкви, желая отклонить русскій народъ отъ языческихъ суевѣрій, ста-

(¹) Объ исправлен. одной блудницы и скомороха смотр. Свѣд. о малоизв. писат. Срезн. LXXXII Патер. Син.

(²) Калѣки перех. 5 вып. 247 стр.

радись, противопоставить имъ, вмѣсто прежнихъ, новыя обязанности. „Уже не идолослужителями зовемся, говоритъ митрополитъ Иларіонъ, но христіанами. Уже не капища сограждаемъ, но Христовы церкви созидаемъ. Уже не закалаемъ другъ друга бѣсамъ, но Христосъ закалаемъ за насъ бываетъ и дробимъ въ жертву Богу Отцу. Ужъ не кровь жертвенную вкушая, погибаемъ, но Христовой пречистой крови вкушая, спасаемся" (¹). „Обновилася тварь, говоритъ другой русскій проповѣдникъ Кириллъ Туровскій, и стихія болѣе не называется Богомъ, ни солнце, ни огонь, ни источники, ни деревья; отселѣ уже адъ непріемлетъ требы отъ закалаемыхъ отцами младенцевъ, ни смерть почести; кончилось идолослуженіе и таинствомъ крещенія уничтожилось бѣсовское насиліе, и нетолько спасся родъ человѣческій, но и освятился вѣрою Христовою" (²).

Подъ вліяніемъ пастырскихъ наставленій и вообще христіанской письменности русскій народъ оставилъ идолопоклонство. Теперь онъ смутно уже помнитъ о старыхъ языческихъ временахъ. Теперь онъ считаетъ себя христіаниномъ, вѣруетъ въ Тріединаго Бога и почитаетъ святую церковь. Христово ученіе на столько глубоко проникло въ сознаніе русскаго народа, что христіанскую вѣру онъ ставитъ выше всего. На сколько велика привязанность русскаго народа къ вѣрѣ христіанской, видно изъ того, что русскій человѣкъ готовъ умереть за вѣру. Раскольники, неправильно понимающіе христіанское ученіе и свои измышленія передающіе за старую вѣру, нерѣдко выражаютъ готовность поплатиться жизнію, лишь бы не покидать свою, якобы правую, старую вѣру. Въ духовномъ стихѣ объ осадѣ соловецкаго монастыря разсказывается, какъ Алексѣй Михайлычъ, пославъ въ соловецкую обитель

(¹) Приб. къ Твор. Св. От. 1844 г.

(²) Памят. росс. слов. XII в. слово III, 19 стр.

„порушить вѣру старую праву", хотѣлъ возстановить тамъ „вѣру новую не праву". Старцы соловецкіе рѣшаются лучше умереть, чѣмъ измѣнить своей вѣрѣ. Старцы—по свидѣтельству стиха—

Въ одно мѣсто собирались,
Въ одно слово говорили:
Уже мы головы полагаемъ,
Мы по старому отслужимъ
И мы вѣчные слуги Богу будемъ,
И во царствіи съ Нимъ пребудемъ (1).

Народъ, повторяемъ, сроднился съ христіанскою вѣрою и требованія христіанскаго нравственнаго закона сдѣлалъ своими собственными требованіями. Замѣчательно, какъ стали перерабатываться подъ вліяніемъ церкви и ея представителей, языческія нравственныя воззрѣнія народа въ христіанскія. Типы, представляющіе собою главныхъ героевъ былинъ, какъ извѣстно, зародились еще на языческой почвѣ и имѣютъ подъ собою миѳологическую основу. Но со временемъ, какъ показываютъ словесныя произведенія народа, они стали терпѣть значительную переработку и наконецъ уже приняли часто христіанскую окраску. Бывшіе нѣкогда язычниками, герои былинъ—богатыри исполняютъ теперь христіанскіе обряды, они молятся, постятся, считаютъ своею обязанностію ратовать за христіанскую вѣру и церковь Христову. Пересмотримъ, напр., былины объ Ильѣ Муромцѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ дышутъ глубокой языческой стариной, другіе подновлены, восприняли въ себя новые христіанскіе элементы. Поэтому въ однѣхъ изъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ цѣлью его поѣздки представляется простое желаніе потѣшиться.

(1) Калѣки пер. III вып. 650 стр.

Онъ просилъ у своего батюшки
Великаго благословеньица
По дикой степи мнѣ погуляти,
Добра коня понаѣздити (¹).

Въ другихъ былинахъ цѣль поѣздки Ильи уже серьезнѣе:

Государь мой батюшка Иванъ Тимофѣевичъ,
Государыня матушка,
Дай же мнѣ великое благословеньице
Ѣхать въ Кеивъ градъ къ князю Володимеру,
На поможеніе и на сбереженіе (²).

Въ иныхъ былинахъ, цѣль поѣздки Ильи Муромца и еще серьезнѣе и выше по достоинству: она уже носитъ чисто христіанскій характеръ.

Охъ ты гой еси, родимой милой батюшка,
Дай ты мнѣ свое благословеньицо,
Я поѣду въ славный стольный Кеивъ градъ
Помолиться чудотворцамъ Кеевскимъ,
Заложиться за князя Володиміра,
Послужить ему вѣрой правдою,
Постоять за вѣру христіанскую (³).

Типическія лица всѣхъ произведеній народной словесности въ своей совокупности представляютъ изъ себя копію съ русскаго народа со всѣми его убѣжденіями, вѣрованіями, чаяніями и идеалами. Что считаетъ своею непремѣнною обязанностію дѣлать каждый русскій человѣкъ, то дѣлаютъ и герои словесныхъ произведеній русскаго народа. Судя по дѣйствіямъ этихъ идеальныхъ героевъ, можно видѣть, что каждый шагъ русскаго человѣка сопровождается памятью о Богѣ,

(¹) Пѣсни собр. Киреев. I, 21 стр.

(²) Пѣсни собр. Кир. I, 25 стр.

(³) Пѣсни собр. Кир. I, 34 стр.

каждое дѣло начинается и оканчивается молитвою къ Богу. О молитвѣ нужно замѣтить, что она носитъ частный и общественный характеръ. Та и другая молитва считается обязательными для русскаго человѣка. „Съ Бога начинай и Господомъ кончай". „Съ молитвою на устахъ и съ работою въ рукахъ" (¹)—вотъ какъ, по мнѣнію народа, слѣдуетъ христіанину проводить жизнь. „Молитва мѣста не ищетъ": гдѣ бы ни случилось, чтобы не пришло—все молись". Заѣдаетъ нужда—молись; да впрочемъ „нужда научитъ Богу молиться" (²). „Дѣло неспорится—(тоже слѣдуетъ) угламъ помолиться". „Чудится—перекрестись", помня, что „не про лукаваго молитва читается, а отъ лукаваго". Ѣдешь въ дорогу,—также молись: „не помолившись Богу не ѣздятъ въ дорогу". Садишься обѣдать—молись: „кто, не перекрестившись, за столъ садится, съ тѣмъ ѣстъ и пьетъ дьяволъ" (³). Только молиться „молись, а злыхъ дѣлъ берегись". „Лихо думаешь—Богу не молись". „На зло молящагося Богъ не послушаетъ" (⁴). При добромъ же намѣреніи молитва и необходима для человѣка, и въ высшей степени плодотворна. „Слеза (при молитвѣ) на землю не падаець, а на небо подымаецца" и приноситъ человѣку двойную пользу. И на душѣ человѣка становится свѣтло и радостно отъ молитвы: „свѣтъ въ храминѣ отъ свѣчи, а въ душѣ отъ молитвы", и Богъ посылаетъ человѣку свою помощь и свое покровительство. „За Богомъ молитва, какъ за царемъ служба, не пропадаетъ". „Призовешь Бога, будетъ и помога". Строго говоря,—„не для Бога молитва, а для убожества нашего" (⁵). И чѣмъ болѣе человѣкъ, созна-

(¹) Пословицы Даля 6.—9 стр.

(²) Послов. Снегир. 301 стр.

(³) Послов. Даля 7 стр.

(⁴) Послов. Снегир. 228. 243. Посл. Даля 9 стр.

(⁵) Послов. Снегир. 129. Посл. Даля 7. Зап. И. Г. Общ. этн. отд. I, 428 стр.

вая свою слабость, обращается къ Богу съ молитвою, тѣмъ болѣе оказываетъ помощи и Господь: „Каковъ до Бога, таково и отъ Бога“. „Молись до пупа! Богъ любитъ докуку“ (1). Правда, Богъ иногда медлитъ своею помощью человѣку и, повидимому, „вскорѣ Бога не умолишь“, но тѣмъ не менѣе „молитва—полпути къ Богу“ и не остается безъ добрыхъ послѣдствій: „за Богомъ пойдешь, добръ путь найдешь“. О спасительномъ значеніи молитвы и говорить нечего: „коротка молитва „Отче нашъ“, да спасаетъ“ (2). Повторяемъ: каждый свой шагъ, каждое свое дѣло русскій человѣкъ сопровождаетъ молитвою,—тоже заставляетъ онъ дѣлать и своихъ героевъ въ словесныхъ своихъ произведеніяхъ. Встаютъ богатыри съ постели, они считаютъ долгомъ для себя помолиться. Объ Алешѣ Поповичѣ былина разсказываетъ, что лишь только онъ

От сна пробуждается,—
Утренней зарею умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,
На востокъ онъ Алеша Богу молится (3).

Въ другихъ былинахъ добавляется, что онъ молится „чудну образу“ (4). Точно также имѣлъ привычку молиться по утру и Добрыня (5). Ложась спать, богатыри творятъ ночную молитву. Въ былинѣ „Сорокъ каликъ“ разсказывается, что атаманъ каликъ (Касьянъ Афонасьевичъ) молился цѣлую ночь. Трижды, въ продолженіи ночи, приходила къ нему жена Владиміра и каждый разъ заставала его за молитвою:

Онъ все не спитъ да Богу молится (6).

---

(1) Послов. Снегир. 163. 228.

(2) Послов. Снегир. 43. 121. Посл. Даля 7—8 стр.

(3) Пѣсни Собр. Кир. 2 вып. 71 стр.

(4) Ibid. 4 вып. 110.

(5) Гильфердингъ 319 стр.

(6) Гильфердингъ 412 стр.

Предъ обѣдомъ и послѣ обѣда богатыри также считаютъ своимъ долгомъ помолиться. Говоря объ обѣдѣ и пирѣ каликъ перехожихъ у Владиміра, былина добавляетъ, что пресыщенные калики

Во третьемъ часу подымалися,
Подымавши, они Богу молятся,
За хлѣбъ за соль бьютъ челомъ
Молодой княгинѣ Апраксеевнѣ (¹).

Михайло Потокъ Ивановичъ, по просьбѣ Владиміра наловить лебедей,

Недопивши пива, зелена вина,
Богу молится да съ гридни вонъ идетъ (²).

Кстати: предъ входомъ въ домъ и выходомъ изъ него богатыри также творятъ молитву. Входя „въ свѣтлую гридню“ князя Владиміра, Илья Муромецъ прежде всего „крестъ кладетъ по писаному“, „молится онъ Спасу со Пречистою“ (³). Точно также, вступая въ домъ, молятся образу Добрыня Никитичъ (⁴) Алеша Поповичъ, Соловей Будиміровичъ и Иванъ Годиновичъ (⁵); также и 40 каликъ съ Касьяномъ во главѣ, вступая въ гридню княгини Апраксеевны, „Спасову образу молятся, молодой княгинѣ покланяются“ (⁶). Былины указываютъ, что богатыри молились и при выходѣ изъ дому. Оставляя домъ Владиміра, калики, по свидѣтельству былины,

---

(¹) Пѣсни собр. Кирѣев. 3 вып. 93 стр.

(²) Авенаріусъ. 24 избр. былины 247 стр.

(³) Пѣсни собр. Кир. I в. 44. 73. и 82 стр. Пѣсни собр Рыбн. I, 58. Гильф. 986. 991. Сказ. Р. Н. I, 94 стр.

(⁴) Пѣсни собр. Кир. 2 вып. 7. 8. 21. 22. 34. 314 и д. д.

(⁵) Пѣсни собр. Кир. 3 вып. 13 стр. Ск. Р. Н. I вып. 24 и 27 стр.

(⁶) Калѣки перех. I вып. 11 и 42 стр.

Встаютъ на рѣзвы ноги,
Спасову образу молятся
И бьютъ челомъ князю Владиміру (¹).

Особенно богатыри, а въ лицѣ ихъ и весь русскій народъ, прибѣгаютъ къ молитвѣ, когда видятъ какую нибудь опасность. Добрыня проситъ у матери позволенія купаться въ Израй рѣкѣ, мать предупреждаетъ его относительно рѣки, что она быстра и можетъ утопить его. Помня наставленіе матери, говоритъ былина,

Перекрестяся, Добрынюшка въ Израй рѣку пошелъ (²).

Богатыри, защищая христіанскую вѣру и русскую землю, боролись иногда съ сильными врагами, и нерѣдко находились въ опасности. Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ они обращаются съ молитвою къ Богу. Предъ битвою съ Тугариномъ Змѣевичемъ, который могъ летать по поднебесью, по свидѣтельству былины,

Алеша всю ночь не спалъ,
Молился Богу со слезами:
„Создай, Боже, тучу грозную,
А и тучи-то съ градомъ дождя!
Алешины молитвы доходны ко Христу.

Богъ даетъ тучу, которая подмочила у Тугарина „бумажныя крылья" (³). Во время одного столкновенія съ Нахвальщиной, Илья Муромецъ упалъ. Нахвальщина хочетъ убить Илью.

Говоритъ Илья таково слово:
Да не ладно у святыхъ отцовъ написано,
Не ладно у апостоловъ удумано;

(¹) Пѣсни собр. Кир. 3 вып. 99 стр.
(²) Пѣсни собр. Кир. 2 вып. 50 стр.
(³) Пѣсни собр. Кир. 2 вып. 78 стр. Авенаріусъ 43 стр.

Написано было у святыхъ отцовъ,
Удумано было у апостоловъ:
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому,
А теперь Илья подъ богатыремъ... (1)
Тольки молитсе (Илья) Спасу съ Богородичей:
Недай меня поганому на поруганіе!
Буду я служить до свѣту до вѣку,
За тѣ церкви за Божіи,
За тую вѣру за крещоную (2).

И Богъ помогъ Ильѣ сбросить съ себя и побѣдить Нахвальщину. Добрыня Никитичъ также прибѣгаетъ въ опасности къ молитвѣ: „унеси, Господи, отъ Нахвальщина“ (3); Михайло Даниловичъ, попавъ въ руки царица Уланища и запертый въ погребъ, горячо молится Спасу съ Богородицей.

„Ты недай-ко се меня поганымъ на поруганье:
Буду я служить да съ вѣку до вѣку
Да за тую я за вѣру за крещоную,
Да за церкви я служить буду за Божія (4).

По другимъ былинамъ помогаетъ молитвою Михайлу Даниловичу и его отецъ Данило Игнатьевичъ—схимникъ. Когда Михайло сражается съ враждебнымъ богатыремъ, отецъ его стоитъ на молитвѣ и проситъ Спаса съ Богородицею:

Да прими-ко ты моленье пустынное,
Помоги-ко ты сыну Михайлушку:
Исполняетъ онъ все да дѣла добрыя,
Дѣлаетъ онъ защиту всему Кіеву (5).

(1) Пѣсни собр. Кир. 1 вып. 57 стр.
(2) Ibid. — — 1 вып. 54 стр.
(3) Ibid. — — 3 вып. 9 стр.
(4) Ibid. — — 3 вып. 49 стр.
(5) Ibid. — — 3 вып. 43 стр.

Сынъ, выйдя невредимымъ изъ опасности, приписываетъ успѣхъ свой молитвѣ отца. Встрѣтившись съ отцомъ, онъ говоритъ ему:

Былъ же я, вѣдь, бачко во несчастіи:
Видно ваши-то молитвы да пустынныя
Видь послѣдовали къ Спасу многомилостиву.
Да подитко ты, бачка, во монастырь пречестные
Да моли-тко ты, моли Бога по прежнему,
А самъ—отъ я поѣду видь во Кіевъ градъ (¹).

Подобнымъ образомъ разъ и Илья Муромецъ, отправляясь на подвиги, посылаетъ Добрыню, своего товарища въ Кіевѣ молиться за него:

Ступай (говоритъ) во Божій храмъ
Ко свѣтлой Христовой заутрени,
Ставь свѣчи мѣстныя,
Іисусу Христу, Божьей Матери,
Третью свѣчу Михаилу Архангелу.
Стой, молись Богу милостивому,
Клади поклоны до сырой земли,
Проси у Бога милости (²).

Въ словесныхъ народныхъ произведеніяхъ нерѣдко представляются образцы самой чистой и высокой молитвы. Богу особенно угодна та молитва, которая вытекаетъ изъ глубины души, — по преимуществу за такую молитву Богъ и посылаетъ человѣку свои великія милости. Молитва при опасности бываетъ особенно горяча, и Богъ за эту молитву чудеснымъ образомъ избавляетъ человѣка отъ бѣды. Въ стихѣ о Петрѣ митрополитѣ разсказывается, что народъ, забывшій Бога, долженъ былъ, по Божественному опредѣленію, понесть страшное наказаніе, но усиленная молитва митрополита Петра спасла московскій народъ.

(¹) Пѣсни собр, Кир. 3 вып. 51 стр.

(²) Пѣсни, собр. Кир. прил. къ 7 вып. 4 стр.

Услышалъ Богъ молитвы угодника Своего,
Угодника Своего Петра митрополита московскаго,
И избавилъ градъ Москву отъ ужасной отъ войны,
Отъ ужасной отъ войны и отъ моровой язвы (¹).

Какъ на характерный примѣръ усердной молитвы, можно указать на молитву Бермяты. Бермята на молитвѣ. Служанка приходитъ извѣстить Бермяту, что въ его домѣ хозяйничаетъ Чурило. Нѣсколько разъ служанка повторяетъ свое заявленіе, и Бермята на ея воззваніе не обращаетъ никакого вниманія: „Богу молится Бермята, да не отвернется“ (²).

Какъ образецъ искренней молитвы къ Богу, представляется еще молитва родителей о дѣтяхъ. Эта молитва, обыкновенно, выливается изъ глубины души и потому имѣетъ у Бога особенную цѣну. Въ малорусской думѣ замѣчается:

Отцевьска—матчина молитва
Зо дна моря вінімае,
Отъ гріхів душу одкупае,
До царствія небеснаго провожае (³).

Мы выше замѣтили, что молитва имѣетъ частный—личный и общественный—церковный характеръ. Если частное постоянное молитвенное настроеніе и обращеніе къ Богу народъ считаетъ дѣломъ весьма похвальнымъ, или вѣрнѣй необходимымъ для человѣка, то равнымъ образомъ необходимымъ для человѣка онъ считаетъ и молитву съ общественнымъ характеромъ, а также исполненіе всѣхъ церковныхъ обрядовъ и постановленій. Таинства, какъ всякій знаетъ, въ церковномъ богослуженіи занимаютъ первенствующее мѣсто, и народъ русскій обращаетъ на нихъ особенное

(¹) Кал. пер. 3 вып. 678 стр.
(²) Гильфер. 1142 стр.
(³) Истор. пѣсн. малор. нар. I, 181 стр.

вниманіе. Начнемъ съ таинства крещенія. Таинство крещенія церковь считаетъ обязательнымъ для всякаго христіанина, и народъ русскій тоже считаетъ его необходимымъ для человѣка христіанина. „Кто попу не сынъ, тотъ незаконный сынъ“, говоритъ народъ. „Кто безъ крестовъ, тотъ не Христовъ“. „Безъ креста не увидишь Христа“ (1). Когда родился Алексѣй Божій человѣкъ, то, по свидѣтельству стиха, нарекли ему имя Алексѣемъ,

Въ крещеную вѣру окрестили,
Злаченъ на немъ крестъ возложили (2).

Былина о Саулѣ Леванидовичѣ передаетъ, что когда, въ его отсутствіе, Богъ даровалъ женѣ его царицѣ сына,

Попъ приходилъ со молитвою,
Имя даетъ Константинущкомъ Сауловичемъ (3).

Указывая такія мѣста въ памятникахъ народнаго творчества, гдѣ передается фактъ крещенія, мы, повидимому, беремъ на себя лишній и безцѣльный трудъ. Повидимому, намъ короче было бы указать на всеобщность крещенія на Руси. Но ненужно забывать, во первыхъ, что мы имѣемъ дѣло съ воззрѣніями, убѣжденіями и вѣрованіями русскаго народа, гдѣ сказанія о фактѣ крещенія того или другого героя народнаго равняются пословичнымъ выраженіямъ, характеризующимъ и обрисовывающимъ народное воззрѣніе на таинство. Во вторыхъ, мы стараемся представить въ краткихъ чертахъ и исторію извѣстнаго воззрѣнія, а отсюда необходимо обращаться и къ подобнымъ мѣстамъ въ памятникахъ народнаго творчества. Въ словесныхъ

---

(1) Послов. Даля 8 стр. Посл. Снегир. 477 и 478.
(2) Кал. пер. I вып. 135 и 144 стр.
(3) Пѣсн. собр. Кир. 3 вып. 117 стр.

произведеніяхъ народа мы находимъ указаніе, какъ христіанскія понятія начинаютъ брать перевѣсъ надъ языческими, и какъ сами язычники считаютъ для себя необходимымъ креститься. По былинамъ: когда богатыри берутъ за себя язычницъ, то сначала обращаютъ ихъ въ христіанство и потомъ уже вѣнчаются съ ними. Такъ Дунай Иванычъ, побѣдивъ Настасью Королевичну и думая взять ее за себя, приглашаетъ ее въ церковь — сначала креститься, а потомъ вѣнчаться.

Поѣдемъ мы во граду ко Кіеву,
Примемъ мы чудны кресты, золоты вѣнцы (1).

Въ былинѣ о Михайлѣ Потокѣ дѣвица, которая оборотилась лебедушкой и которую Потокъ чуть было не убилъ, говоритъ Михайлу:

Есть я роду невѣрнаго.
Есть я роду не крещенаго.
Когда свезешь на славную святую Русь
И будемъ во славномъ стольно-Кіевѣ,
И сходимъ во матушку Божью церковь,
И доставищь во вѣру крещоную,
Тогда мы съ тобой примемъ золоты вѣнцы,
Тогда меня цѣлуй красну дѣвицу (2).

Что касается таинства брака, то народъ рисуетъ въ своихъ словесныхъ произведеніяхъ преимущественно обряды при совершеніи этого таинства. Въ языческую пору, обыкновенно. брачущихся „вѣнчали вокругъ ели", и Дунай Иванычъ, получивши руку Настасьи Королевичны, прежде всего вѣнчается вокругъ ракитова куста.

---

(1) Пѣсни собр. Рыбн. I, 183 стр. По друг. былинамъ: Настасья Корол. крестится вмѣстѣ съ сестрой. Гильф. 591. 716. Авенаріусъ 28.

(2) Пѣсни, собр. Рыбн. I, 215. Гильф. 51, 66. 502, 512.

Тутъ они обручалися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися (1).

А потомъ Дунай Иванычъ и Настасья Королевична вѣнчаются уже въ церкви.

А и молодой Дунай, сынъ Ивановичъ
Прiѣхалъ ко церкви соборныя,
Ко тѣмъ попамъ и ко дьяконамъ,
Приходилъ онъ въ церкву соборную—
Просить честныя милости
У того архiерея соборнаго
Обвѣнчать на той красной дѣвицѣ (2).

Также въ былинѣ разсказывается и о бракѣ Потока.

А и Потокъ Михайло Ивановичъ
Соборнымъ попамъ покланяется,
Чтобъ съ Авдотьюшкой обрученье принять,
Эти попы соборные,
Тому они дѣлу радошны,
Скоро обрученье сдѣлали,
Тутъ обвѣнчали ихъ (3).

Духовный стихъ объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ такимъ образомъ описываетъ его бракъ:

Повели Алексѣюшку въ Божью церковь,
Поставили ихъ на притворѣ,
По правую руку на крылечкѣ,
На томъ шелковомъ полотенцѣ,
Передъ чудными образами,
Передъ царскими воротами,
Подъ тѣми вѣнцами золотыми.
Единъ они крестъ цѣловали,
Единому Богу присягали

(1) Пѣсни собр. Кир. 3 вып. 78 стр.
(2) Пѣсни собр. Кир. 4 вып. 56 стр.
(3) Гильфердингъ 118 стр.

Повѣкъ дружка дружку возлюбляти,
Повѣкъ дружка дружку не видати.

Почти всѣхъ женатыхъ героевъ въ своихъ словесныхъ произведеніяхъ народъ заставляетъ вѣнчаться въ храмѣ. Мы уже указывали на бракъ Дуная и Михайла Потока. Теперь добавимъ, что и Владиміръ со своей княгиней Апраксеевной „въ Божьей церкви обвѣнчалися" (1). Подобнымъ образомъ вѣнчался Добрыня Никитичъ (2). Также въ храмѣ приняли „чудны вѣнцы" и Хотинушка Блудовичъ съ своею Офимьюшкой (3). Что касается внутренней силы таинства брака, то народъ понимаетъ ее также высоко. Благословеніе Божіе, преподаваемое брачущимся въ таинствѣ брака, по мнѣнію народа, скрѣпляетъ ихъ брачныя узы на столько, что онѣ становятся неразрывными, и мужъ съ женою дѣлаются какъ бы однимъ человѣкомъ. Бракъ народъ называетъ поэтому судомъ Божіимъ. Вѣнчаться, по выраженію народа, значитъ „идти на судъ Божій — законъ принять". А коль скоро „законъ принятъ", бракъ совершенъ, поворота уже нѣтъ. „Женидьба есть, а разженидьбы нѣтъ". „Обвѣнчаетъ попъ худой неразвѣнчать хорошему". „Кого Богъ злучиць, нихто ни разлучиць" (4). Мужъ и жена становятся однимъ человѣкомъ. „Мужъ да жена одна душа". „Промежъ мужа и жены нитки не продернешь". Такъ что „жену съ мужемъ некому судить кромѣ Бога". Имѣя жену, грѣхъ „заглядываться" на посторонихъ женщинъ. „Законною женою будь доволенъ и одною". „Доброе замужество посхименье" (5). Мущина, разъ вступившій въ бракъ, не

(1) Пѣсни, собр. Кир. 3 вып. 55, стр.

(2) Пѣсни собр Кир. 3. вып. 43.

(3) Пѣсни собр. Рыбн. I, 255.

(4) Посл. Снегир. 119. Тр. Этн. Отд. Общ. Ест. V, 2 вып. 247. Зап. И Г. Общ. Этн. Отд. I. 325.

(5) Посл. Даля 393. 397. Посл Снегир. 235. 483. 132. 95.

имѣетъ уже права, при жизни жены, вступать во второй бракъ; точно также и жена, бросившая мужа, не можетъ вступать во второй бракъ, если живъ ея старый мужъ. Былина разсказываетъ по Алешу Поповича, что онъ, воспользовавшись отсутствіемъ Добрыни Никитича, уговорилъ жену его выйти за себя замужъ. Алеша съ женою Добрыни уже рѣшились

Со того со вецера итти ко Божьимъ церквамъ
Принимать вѣнчи пресвѣтлые,
Перстнемъ обруцеться золоценыма..

Но является Добрыня Никитичъ, показываетъ своей женѣ обручальный перстень и тѣмъ совершенно разстраиваетъ ея свадьбу съ Алешей Поповичемъ (1). Въ нѣкоторыхъ былинахъ передается, что разсерженный Добрыня ударилъ Алешу Поповича объ землю и убилъ его. Вина—по былинѣ—падаетъ на Алешу Поповича, а не на жену Добрыни. Жена Добрыни была обманута Алешей, который сказалъ ей, что мужа ея уже нѣтъ въ живыхъ. Но сознательное нарушеніе супружественной вѣрности считается величайшимъ грѣхомъ и преступленіемъ въ народѣ.—Когда Іосифу прекрасному жена Пентефрія предложила свою любовь, онъ строго отвергъ ее, хотя та употребила всѣ средства увлечь Іосифа. По сказанію стиха, жена Пентефрія, засмотрѣвшись на Осипову красоту,

Въ особые покои выходила,
Бѣлое свое лицо умывала,
Дороги одежды одѣвала,
Золоты монисты налагала...

Нарядившись, она призвала Іосифа и предложила ему „жить съ нею во любови".

---

(1) Пѣсни,, собр. Кир. 3 вып. 12—13 стр.

Если же князя убоишься, (добавляетъ она),
Споимъ князя злыма питьямы,
Ты будешь намѣстный князь въ Египтѣ.

Искушеніе, въ какое былъ поставленъ Іосифъ, какъ видимъ, было самое сильное и опасное: юношѣ Іосифу—да при томъ рабу—предлагается любовь красивѣйшей женщины и громадная власть. Но Іосифъ отказывается отъ преступнаго предложенія.

Не хочу я сквернить княженецкую ложню ([1]).

Симпатичному образу Іосифа прекраснаго народъ предоставляетъ право не на словахъ только, а и самымъ дѣломъ защитить неприкосновенность и неразрывность супружескихъ узъ отъ поруганія.—

Изъ другихъ таинствъ, кромѣ крещенія и брака, народъ обратилъ особенное вниманіе на таинство покаянія и причащенія.

Объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ въ духовномъ стихѣ замѣчается, что онъ „во всяку недѣлю исповѣдывался“, во всяку субботу причащался“ ([2]).

И молился онъ тутъ да лѣтъ 12-ть,
На каждую субботу онъ покаялся,
На каждый день воскресный причащался,
И кушалъ онъ по одной просвиркѣ на день ([3]).

Въ стихѣ „дочь тысячника“ говорится объ одной дѣвушкѣ, которая, будучи приневоливаема родителями къ браку, ушла въ пустыню. Пустынница долгое время не видала человѣческаго лица, не слыхала звону Божьяго и такъ огрубѣла въ пустынѣ, что лицо ея сдѣлалось подобнымъ дубовой корѣ. Монахъ, случайно увидавшій ее, испугался.

([1]) Калѣки пер. I. вып. 162 стр. 163. подоб. 178. 190.

([2]) Кал. пер. 1 вып. 107. 114. 118. 126. 138. Варенц. 223.

([3]) Труд. Эт. От. Об. Ест. V. 2 вып. 15 стр.

Да не пужайся, святой монахъ,
Да эта кожа человѣкъ.
Да исповѣдай меня, причасти ты,
Во святыя мощи отпусти ([1]).

Исповѣдь и причащеніе русскій народъ считаетъ особенно необходимыми предъ смертію человѣка. „Смерть безъ покаянія—по его представленію—собачья смерть" ([2]). Въ словесныхъ произведеніяхъ народа, когда изображается опасность смерти, обыкновенно, лица, подвергающіяся смертной опасности, исповѣдываются и причащаются. Татары (по былинѣ о ссорѣ Ильи со Владиміромъ) напали на городъ Смолягинъ. Опасаясь за свою жизнь, жители города всѣ идутъ въ церковь соборную,

Они каются, причащаются,
Со бѣлымъ свѣтомъ прощаются ([3]).

Въ другихъ былинахъ, вмѣсто Смолягина, городъ названъ Бекешевъ, гдѣ жители также предъ смертію „каются да причащаются" ([4]). Богатыри и воины также предъ битвою считаютъ для себя необходимымъ исповѣдаться и причаститься святыхъ Таинъ. Четвертая былина въ „Сказаніяхъ русскаго народа" говоритъ, что когда на унизительныя условія, предложенныя нечестивымъ царемъ русскому князю, былъ посланъ отказъ и рѣшено было, благодаря настоянію Шуйскаго, покончить дѣло посредствомъ „уголовія смертнаго", то

Со вечера ратные причащалися,
Со полуночи ружья чистили,
На бѣлой зорѣ, какъ куры пропѣли,
Сходилися два войска, два великія
Бѣлаго царя съ королевскимъ ([5]).

([1]) Калѣки пер. 3 вып. 721 стр.

([2]) Посл. Даля 294.

([3]) Пѣсн. собр. Рыбник. 327 стр.

([4]) Гильфер. 299.

([5]) Сказ. Рус. Нар. 256.

Исповѣдь и причащеніе св. Таинъ, по народному представленію, на столько важны для человѣка, что избѣгать ихъ значитъ принимать великій грѣхъ на душу. И тѣ лица, которыя избѣгали исповѣди и святаго причащенія, по свидѣтельству духовныхъ стиховъ, отдадутъ отвѣтъ Богу на страшномъ судѣ.

Горе умереть человѣку безъ покаянія,
Безъ отца безъ духовнаго,
Безъ дары безъ причастія его (1),

говоритъ народъ. Въ стихѣ „о страшномъ судѣ" среди другихъ обличеній грѣшникамъ поставятъ въ укоръ и слѣдующіе грѣхи:

Вы къ отцамъ духовнымъ на исповѣдь не хаживали....
Вы тайныхъ грѣховъ своихъ не исповѣдывали,
Едина причастьевъ Христовъ—тѣла не примывали (2).

Какъ нѣкогда народъ считалъ обязательнымъ для себя посѣщеніе языческихъ священныхъ мѣстъ, такъ, съ принятіемъ христіанства, онъ ставитъ въ обязанность каждому человѣку посѣщать храмъ и молиться въ немъ. „Спасайся дома, а въ церковь ходи", говоритъ русская пословица. Самъ народъ любитъ посѣщать церковь. Онъ заставляетъ посѣщать храмъ и героевъ въ своихъ народныхъ произведеніяхъ. Въ памятникахъ народнаго творчества нерѣдко указывается на молебны, обѣдни, поминовенія, которыя совершаются богатырями по тому или другому поводу. Былина объ Ильѣ Муромцѣ разсказываетъ, что онъ, пріѣхавъ послѣ побѣды надъ Соловьемъ разбойникомъ въ Кіевъ, счелъ для себя долгомъ помолиться въ храмѣ

Подъѣзжаетъ онъ къ Божьей церкви во градѣ Кіевѣ,
Добраго коня привязываетъ.

(1) Кал. перех. V. вып. 156.
(2) Ibid V вып. 161. 233.

Въ Божьей церкви Богу помолился,
И ко всѣмъ святымъ образамъ приложился (1).

Другой варіантъ былины объ Ильѣ указываетъ, что Илья въ это время слушалъ обѣдню.

Походилъ Илья въ церковь Божію,
Слушалъ обѣдню великую
Воскресенскую (2).

Изъ Кіева, по свидѣтельству былины, Илья пошелъ за Дунай рѣку къ Миколѣ Заруцевскому, тамъ

Онъ служилъ обѣдни запрестольныи,
Клалъ завѣты великіи,
Становилъ свѣцю двадцати пяти рублевъ,
Впередъ еще сулилъ 50 рублевъ.
Ты поправь меня, Господи,
Во путѣ, во дороженькѣ,
Во чужой дальней сторонѣ,
Во сибирскихъ во украинахъ (3).

Дюкъ Степанычъ, услыхавъ о подвигахъ страшнаго богатыря Шарка — великана, съ которымъ приходилось ему вступать въ борьбу, по замѣчанію былины, также

Иде въ Божій храмъ—руку на сердцѣ,
На колѣнахъ умильно проситъ Богородицу,
Проситъ слезно Николу заступника,
Самого Христа, Царя небеснаго (4).

Василій Буслаевичъ, прибывъ въ Іерусалимъ, первымъ дѣломъ

Пришелъ во церкву соборную:
Служилъ обѣдню за здравіе матушки

(1) Пѣсни собр. Кир. I вып. 29.
(2) Ibid—4 вып. 5.
(3) Пѣсни собр. Кир. I. в. 77—78 стр.
(4) Пѣсни собр. Рыб. I, 312.

И за себя Василія Буслаевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Что съ молоду бито много, граблено (¹).

Точно также „служили обѣдни съ молебнами" и калики, посѣтившіе Іерусалимъ (²). Скопинъ, отправляясь защищать Русь отъ Литвы, прежде всего „заутреню отслушалъ", а потомъ ужъ „въ походъ пошелъ" (³). Когда потерялся сынъ Агрика Василій (въ народномъ стихѣ о Николаѣ Чудотворцѣ), родители ищутъ для себя утѣшенія въ храмѣ. Гаврикъ съ женою

Походятъ въ соборну Божью церковь,
Воску яраго свѣщи затепляютъ,
На Николу со слезами взираютъ,
Они служатъ честные молебны (⁴).

Іоаннъ Грозный, послѣ того какъ Никита Романычъ освободилъ его сына изъ рукъ палача Малюты Скуратова, свою радость выражаетъ тѣмъ, что

На великихъ тѣхъ радостяхъ
Служили обѣдни съ молебнами (⁵).

Былина передаетъ, что извѣстіе о спасеніи сына Грозный получилъ въ то время, когда служилъ „панихиду" по сынѣ; и, какъ видимъ, тотчасъ же смѣняетъ панихиду „молебенъ заздравный" (⁶). Сказавъ о пани-

---

(¹) Пѣсни собр. Кир. 5 в. 29 Сказан. Рус. Нар. Былины 21 стр.
(²) Сказ. Рус. нар. I. 254.
(³) Пѣсни собр Кир, 3 в. 96 стр,
(⁴) Калѣки перех. 3 вып. 571. 559.
(⁵) Сказ. Рус. Нар. I, 253
(⁶) Ibid. I, 253.

хидѣ Грознаго по сынѣ, мы кстати скажемъ слова два вообще о поминовеніи умершихъ, какъ понимаетъ его русскій народъ. Народъ въ своихъ словесныхъ произведеніяхъ любитъ останавливаться на религіозныхъ картинахъ. Если онъ часто въ словесныхъ произведеніяхъ указываетъ на радостные честные молебны и заздравныя обѣдни, то иногда указываетъ и на богослуженія съ характеромъ скорбнымъ—„молебны печальные" ([1]). Такъ, говоря о смерти Іоанна Грознаго, народъ останавливаетъ вниманіе на печальномъ характерѣ царскаго погребенія ([2]). Въ исторической пѣсни о Пожарскомъ, который будто бы былъ изрубленъ татарами, говорится, что надъ нимъ было совершено отпѣваніе.—

Отпѣвши надлежащее погребеніе,
Бѣло тѣло погребли во сыру землю,
И пропѣли пѣтье вѣчное
Тому князю Пожарскому ([3]).

Въ стихѣ о Димитріевской субботѣ передается видѣніе князя Димитрія. Князю представилось:

Изустлано поле мертвыми тѣлами.
По тому по полю Куликову
Ходитъ мать Пресвятая Богородица,
А за ней апостоли Господни,
Архангели, ангели святыи,
Со святыми со свѣщами—
Отпѣваютъ они мощи православныхъ.
Кадитъ на нихъ сама мать Пресвятая Богородица ([4]).

Поминовеніе, совершаемое потомъ по умершимъ, также дѣло чрезвычайной важности. Оно служитъ ко спасенію и умершихъ, и молящихся за нихъ.

([1]) Пѣсн. собр. Кир. 6 в. 85 и 113 стр.

([2]) Ibid. 7. 14 стр.

([3]) Сказ. Рус. Нар. I, 258.

([4]) Калѣки перех. 3 в. 674.

Воспомянемъ мы своихъ-то родителей,
Отцовъ своихъ—матерей:
Воспомянетъ насъ Господь Богъ, на престолѣ стоя ([1]).
Что мы нищимъ подаемъ,
Родителей поминаемъ, —
Поменетъ Самъ Господь Богъ за Своимъ престоломъ
Кануномъ и свѣчею, своею просвирою ([2]).

Читаемъ мы въ „плачѣ Адамовѣ“.

Обращаясь къ народному воззрѣнію на богослуженіе церковное вообще, въ какой бы формѣ оно ни совершилось, мы должны сказать, что народъ относится къ нему съ уваженіемъ. Идя къ богослуженію, христіанинъ, по мнѣнію народа, елико возможно, долженъ себя подготовить къ молитвѣ церковной и на время обязанъ отбросить всѣ мірскіе грѣховные помыслы, потому что церковь—мѣсто свято, мѣсто особеннаго Божественнаго присутствія. Илья Муромецъ, по замѣчанію одной былины, проникается такимъ благоговѣніемъ къ церкви и церковному богослуженію, что считаетъ себя недостойнымъ войти въ храмъ и помолиться въ немъ.

Надо бы служить Господу Богу молебенъ въ храмѣ,
Да окровавлены руки да во человѣчью кровь ([3]).

Представляя народное воззрѣніе на молитву частную и общественную, мы видѣли, какое уваженіе питаетъ народъ къ церкви и общественному богослуженію. Къ сказанному мы должны прибавить еще, что народъ считаетъ для себя долгомъ исполнять всѣ постановленія церкви, въ родѣ почитанія праздниковъ, соблюденія постовъ, уваженія къ священнымъ предметамъ и т. п. Намъ нѣтъ нужды говорить о томъ, какъ исторически складывалось въ народѣ почитаніе то-

---

([1]) Кал. перех. 6. вып. 303 стр.
([2]) Кал. перех. 6. вып. 301 стр.
([3]) Гильферд. 654.

го или другаго христіанскаго праздника. Ведя рѣчь о языческихъ божествахъ и христіанскихъ святыхъ, которые заступили ихъ мѣсто, мы слегка касались какъ языческихъ празднествъ, такъ и христіанскихъ празниковъ, которые сначала восприняли въ себя черты первыхъ, а потомъ подорвали ихъ существованіе въ самомъ корнѣ. Мы знаемъ, что празникъ, наприм., Рождества Христова, заступилъ мѣсто и вытѣснилъ празднество въ честь нарождающагося солнца (коляды), праздникъ Воскресенія Христова замѣнилъ собою и подорвалъ существованіе весеннихъ языческихъ празднествъ Не указывая на другіе христіанскіе празники, которые почитаетъ русскій народъ, мы представимъ общій характеръ почитанія народомъ церковныхъ праздниковъ. Праздники, по мнѣнію народа, должны проводиться (хотя на дѣлѣ и не всегда такъ проводятся) въ молитвенномъ настроеніи. Работать же въ праздникъ грѣхъ. Коваленко, (по малор. думѣ) захваченный во время полевыхъ работъ турками, считаетъ причиной несчастія тотъ свой грѣхъ, во первыхъ, что онъ въ воскресенье сѣлъ рано обѣдать и рано выпилъ горілки, и во вторыхъ, тотъ грѣхъ, что работалъ въ воскресенье.—

День же мене та Господь покаравъ,
Що я въ неділю женцив позбиравъ,
Ой день мене Господь Богъ не простивъ,
Що я у неділю серпі позубивъ....
Дай же мі Боже неділі діждати,
Буду я знати, якъ святковати (¹).

Почти въ каждомъ изъ стиховъ о „пятницѣ и трудникѣ пустынникѣ“ есть внушеніе пятницы пустыннику проводить воскресный день (наряду съ пятницей и средой) въ покоѣ и молитвѣ. Пятница ставитъ людямъ въ обязанность,

(¹) Истор. пѣсн. мал. нар. I, 80—82.

Чтобы у недѣли по 3 дня поимѣли
И пятницу, среду почитали,
Въ воскресный бы день не работали,
Во пятницу пыли не пылили,
А у среду золы бъ не золили,
Къ обѣднѣ, къ заутренѣ ходили,
Усердно бы Богу помолились ([1]).

Въ „свиткѣ Іерусалимскомъ“ І. Христосъ также ставитъ людямъ въ сбязанность почитаніе воскреснаго дня.

Аще который человѣкъ
Да воскресенія Христова работаетъ,
Нѣтъ тому человѣку
Въ житьѣ прибытку.
Тогда человѣка Самъ Господь І. Христосъ
На 7-мъ соборѣ съ двумянадесятью учениками
Въ преисподній адъ проклинаетъ ([2]).

Относительно почитанія праздника Пасхи Господь даетъ слѣдующее наставленіе:

Поимѣйте вы Пасху Господню,
Свѣтлое Христово Воскресеніе,
Восемь денъ за единый день,
Ни блудомъ и ни пьянствомъ,
Ни обжорствомъ, ни просыпаніемъ.
Со всякими ликуйтя: воскресе Христосъ ([3]).

На непочитаніе церковныхъ празниковъ и церковныхъ постановленій народъ русскій смотритъ, какъ на нечестіе. Рисуя жизнь Гришки Отрепьева, народъ выставляетъ его, именно какъ отступника отъ вѣры, нарушителя церковныхъ уставовъ и постановленій.

На вешній праздникъ Николинъ день,
Въ четвергъ у разстриги свадьба была;

([1]) Калѣки перех. 6 вып 172—173.

([2]) Кал. перех. 6 вып. 70.

([3]) Кал. перех. 6 вып. 70—72.

Князья и бояра пошли къ заутрени,
А Гришка разстрига онъ въ баню съ женой.

Князья отъ заутрени идутъ, а Гришка съ женой „изъ бани" ([1]). Постовъ Гришка также не соблюдалъ. На пятницу онъ велитъ приготовить себѣ кушанье „и постное, и скоромное". Хотя Гришка и сдѣлался царемъ, но, замѣчаетъ народъ, онъ дѣлаетъ не по царскому:

Скоромную ѣству самъ кушаетъ,
А постную ѣству въ раздачи даетъ.
А мѣстныя иконы подъ себя стелетъ,
А чудные кресты подъ пяты кладетъ ([2]).

Итакъ въ воскресные и празничные дни русскій народъ считаетъ обязанностію каждаго христіанина побывать храмѣ. А такъ какъ существованіе церкви требуетъ матеріальной поддержки, то каждый христіанинъ считаетъ долгомъ какую нибудь лепту пожертвовать въ церковь „Богу на свѣчу". Такъ что у русскаго народа сложилась даже пословица: „безъ денегъ въ церковь ходить грѣхъ" ([3]). Въ памятникахъ народнаго творчества нерѣдко указывается на случаи матеріальной жертвы на христіанскіе храмы. Садко, отправляясь къ морскому царю, отписываетъ все свое имѣніе, и часть его отдаетъ на церкви.

Сталъ (Садко) имѣньице отписывать:
Кое имѣніе отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣнье нищей братіи,
Иное имѣнье молодой женѣ,
Остатнее имѣніе дружины хоробрыя ([4]).

([1]) Пѣсни, собр. Кир. 7 в. 5 стр. Гильф. 620. 730.

([2]) Ibid. Приложеніе къ 7-му вып. 65 стр.

([3]) Посл. Даля 11 стр.

([4]) Пѣсни, собран. Рыбн. I, 377.

Николай Чудотворецъ, указавъ средство выйти изъ моря, даетъ Садкѣ заповѣдь построить церковь:

Построй церковь соборную Миколѣ Можайскому (¹).

По свидѣтельству былины, Садко, сдѣлавшись богатымъ, любилъ заботиться объ устройствѣ и украшеніи церквей.

Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце.
А и шедъ, Садко Божій храмъ соорудилъ—
А и во имя Стефана архидіакона,
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Онъ мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ (²).

Подобнымъ образомъ Садко устроилъ и изукрасилъ церкви Софіи премудрой и Николая Можайскаго. Былины объ Ильѣ Муромцѣ разсказываютъ, что и онъ на своемъ вѣку выстроилъ нѣсколько церквей. Былины говорятъ, что, выбравши изъ трехъ встрѣтившихся дорогъ ту, надпись предъ которой гласила: „быть богату", Илья нашелъ кладъ. Онъ встрѣтилъ погреба глубокіе,

Насыпаны всѣ краснаго золота,
Краснаго золота, чистаго серебра,
И мелкаго скатнаго жемчуга.

Куда дѣвать Ильѣ деньги „на старости лѣтъ"? И вотъ Илья

Взялъ какъ—на это на имѣньицо
Построилъ монастыри богомольные,
Построилъ церкви соборныя,
Повелъ тутъ пѣніе церковное,
Пѣніе церковное, звоны колокольные (³).

(³) Пѣсни собр. Рыбн. I, 379.

(¹) Пѣсни, собр. Кир. 5 вып. 52 стр.

(²) Пѣсн. Рыбн. II, 322. Гильф. 313. 1033. 1203.

Въ другихъ варіантахъ этой былины указываются и самыя церкви, какія выстроилъ Илья. Илья

Хочетъ строить три церкви соборныя:
Перву церковь Спасу свѣту милостивому,
А другую церковь Николѣ Можайскому,
А третью церковь Георгію храброму (1).

Освободивъ Михайла Потока Иваныча, который Марьею—лебедь бѣлою былъ превращенъ въ камень, Николай Чудотворецъ даетъ ему заповѣдь, какъ и Садкѣ, построить три церкви: „Спасителю", „Пресвятой Богородицѣ" и „Николѣ Можайскому", а въ нѣкоторыхъ варіантахъ прибавляются еще церкви Михаилу Архангелу и Егорію (2). Касьянъ, исцѣленный отъ слѣпоты, (онъ былъ ослѣпленъ товарищами, по клеветѣ на него жены Владиміра въ воровствѣ) въ благодарность за исцѣленіе,

Сотворилъ церковь соборную
Николаю Чудотворцу (3).

Какъ на жертвованіе въ храмѣ во время богослуженія, можно указать, во первыхъ, на случай, когда Илья въ церкви Николая Заруцевскаго

Становилъ свѣцу двадцати пяти рублевъ,
Впередъ еще сулилъ пядьдесятъ рублевъ,

и, во вторыхъ, на пожертвованіе Скопина. Скопинъ, по былинѣ, служилъ въ Новгородѣ утреню и обѣдню Пречистой Богородицѣ.

На утрени онъ положилъ пятьсотъ рублей,
На обѣдни полагалъ цѣлу тысячу (4).

---

(1) Пѣсни собр. Рыбн. III, 45.

(2) Гильфер.—63 .66. 200. 278. 397. 1249.

(3) Гильфер. 421 стр.

(4) Гильфер. 541 стр.

Въ малорусскихъ пѣсняхъ, какъ и великорусскихъ выводимые герои строятъ церкви и жертвуютъ на ихъ украшеніе. Въ малорусской думѣ о Самуилѣ Кошкѣ разсказывается, что освобожденные изъ галеръ хитростію Самуила казаки, когда перебили турокъ, и захватили богатую добычу, часть ея отдѣлили на церкви:—

На святаго Межигорськаго Спаса,
На трехтемировскій монастир,
На святу Січовую покров давали (¹).

Такимъ образомъ мы видимъ, что питая полное уваженіе къ церкви и ея богослужебнымъ обрядамъ и молитвословіямъ, русскій народъ вмѣняетъ каждому христіанину въ обязанность, по мѣрѣ возможности, заботиться объ устроеніи и украшеніи церкви Божіей. Мы видѣли, что народъ въ своихъ словесныхъ произведеніяхъ выражаетъ эту обязанность и въ видѣ наставленія устами Николая Чудотворца: „построй церковь соборную", и въ видѣ примѣровъ устроенія и украшенія церквей. Уваженіе русскаго народа къ церкви, кромѣ молитвы въ ней и жертвованія на ея устроеніе и украшеніе, выражается въ почитаніи святынь церковныхъ. Этими святынями, какъ извѣстно, служатъ святый крестъ, святое Евангеліе, святыя мощи, иконы и другіе церковные предметы. Прежде всего видимый храмъ самъ по себѣ возбуждаетъ въ русскомъ народѣ благоговѣйное чувство. Проходя или проѣзжая мимо храма, простолюдинъ сочтетъ непремѣнною своею обязанностію снять шапку и перекреститься. Малорусская дума объ Алексѣѣ Поповичѣ передаетъ, что онъ, исповѣдуя свои грѣхи, во время бури на морѣ, между прочимъ кается въ слѣдующемъ грѣхѣ:

(¹) Истор. пѣсни Малор. нар. II, 219. Что это за церкви см. 228—9 стр.

А ще мимо сорока церків пробігав,
Шляпи не здіймав
І на себе хреста не покладав (1).

Садко, выйдя изъ моря невредимымъ, только увидалъ

Приходъ свой Николы Можайскаго,
Перекрестился крестомъ своимъ (2).

Непочитаніе церкви народъ русскій считаетъ нечестіемъ. Про Анику воина разсказывается, что онъ много разрушилъ церквей, надругался надъ многими „ликами Божіими", и за это смерть не оказала ему никакой пощады, не дала ни минуты для покаянія съ тѣмъ, чтобы онъ и умеръ такимъ же грѣшникомъ, какимъ онъ всегда былъ (3). Среди святынь церковныхъ, какъ мы замѣтили, народъ почитаетъ св. крестъ, святое Евангеліе и т. д. „Безъ духа и плоти, а по Христѣ святъ",—такъ загадывается народомъ св. крестъ (4). Крестъ составляетъ принадлежность всякаго русскаго человѣка. Какъ охрана противъ вражеской силы, крестъ, обыкновенно, носится на груди. Въ былинахъ разсказывается, что „чуденъ золотъ крестъ" былъ на Ильѣ Муромцѣ и предохранилъ Илью отъ копья злодѣя татарина (5). „Золотъ чуденъ крестъ" спасъ и Алешу Поповича отъ руки Якима Иваныча, который принялъ Алешу за Тугарина. Крестъ же спасаетъ Сампсона отъ стрѣлы Ильи (6). Кресты, которые носятъ на себѣ богатыри, обыкновенно изображаются золотыми и серебряными; вѣсомъ достигаютъ иногда до трехъ

(1) Истор. Пѣсни Малор. нар. I. 179 183—4. 189—190. 193. 195
(2) Пѣсни собр. Кир. 5 вып. 49 стр. подоб. 31.
(3) Ibid. 2 вып. 130 стр.
(4) Этн. собр. VI в. 72.
(5) Пѣсни собр. Кир. I в. 4 стр.
(6) Ibid 2 в. 74 стр.

пудовъ (¹). Крестъ, по народному представленію, не только охраняетъ человѣка самого, а и жилище его. Богатыри, напр., Сампсонъ Манойловичъ, ставили крестъ на шатрахъ своихъ. Нельзя не указать на одно характерное мѣсто въ стихѣ про Марью Юрьевну, увезенную къ Манцилу, сыну Ягайлову. Спасаясь бѣгствомъ, Марія доходитъ до рѣки. Колода помогаетъ ей переправиться чрезъ рѣку. И вотъ, въ знакъ признательности и благодарности за услугу, Марья Юрьевна съ мужемъ, съ княземъ Романомъ, вывезли колоду бѣлодубову на святую Русь.

И вырѣзали на мелки кресты
И на чудны образы,
И вызолотили червоннымъ краснымъ золотомъ,
И разослали по церквамъ" (²).

Подобно кресту Евангеліе также пользуется полнымъ уваженіемъ среди народа. Если въ языческія времена вѣдуны, какъ люди болѣе другихъ знающіе міръ, люди вѣдущіе, пользовались уваженіемъ, то во времена христіанскія они стали представляться послушнымъ орудіемъ дьявола, и ихъ книги, тоже во свое время, быть можетъ, уважаемыя народомъ, стали представляться чернокнижіемъ. Чернокнижію, какъ дьявольскому дѣлу, народъ русскій противопоставляетъ, какъ дѣло доброе и святое, чтеніе Евангелія. Въ памятникахъ народной словесности нерѣдко народъ заставляетъ читать Евангеліе того или другаго святаго. Когда Кіевъ былъ окруженъ Батыгой Батыговичемъ, видѣли Божію Матерь ходящею по стѣнѣ съ Евангеліемъ (³). Ѳедоръ Тиронъ, отправляясь выручать свою мать, беретъ съ собою „кни-

(¹) Гильфер. 457 стр.

(²) Пѣсн. собр. Кир. 5 вып. 96 стр.

(³) Пѣсн. собр. Рыб. II. 40. Ш, 221. Гильф. 147, 205, 321.

гу Евангельску" (1). Тоже „со книгою со Евангеліемъ" отправляется на подвиги и Егорій храбрый (2). Илья Муромецъ, посаженный Владиміромъ въ погребъ, проводитъ время въ чтеніи Евангелія (3). Сынъ милостивой жены, брошенный по повелѣнію І. Христа въ печь, также занимается въ огнѣ чтеніемъ Евангельской книги (4). Другою книгою послѣ Евангелія, уважаемою народомъ, является книга псалмовъ Давида. Въ духовномъ стихѣ о голубиной книгѣ Псалтирь представляется „матерью всѣмъ книгамъ" на томъ основаніи, что по ней „поминаются родители" (5). Псалтирь нѣкогда была школьною книгою на Руси. И память о Псалтири, какъ школьной книгѣ, сохранилась даже въ словесныхъ произведеніяхъ народа. Алексѣй человѣкъ Божій на вопросъ родителей, какъ онъ можетъ знать ихъ сына, отвѣчаетъ:

Въ одномъ мы училищѣ училися,
Одну книгу псалтирную читали (6).

Читающій священныя книги въ народѣ пользуется уваженіемъ. Въ малорусской думѣ объ Алексѣѣ Поповичѣ (писарѣ) говорится, что когда онъ, во время бури, предложилъ выбросить его въ море, какъ грѣшника, ему указываютъ на его достоинства и сомнѣваются въ его тяжкихъ грѣхахъ:

Ты же святіе письмо
По трічи на день читаешь
І нас простих козаків
На все добре научаешь.

---

(1) Калѣки пер. 3 в. 530—5 стр.
(2) Ibid. 2 вып. 448.
(3) Пѣсн. собр. Рыб. Ш. вып. 207.
(4) Кал. перех. 4 вып. 118. 125. 135. 137. и т. д.
(5) Кал. перех. 2 вып. 290.
(6) Труд. Этн. Отд. Об. Ест. V. 2 в. 46 стр.

Про шо же ти од нас
Грѣхив більше маеш (¹)?

Указавъ на почитаніе русскимъ народомъ св. креста, Евангелія и книги псалмовъ, мы должны еще указать на уваженіе народа къ святымъ иконамъ. Народъ, взирая на иконы, молится Богу. Егорій, по выходѣ изъ погреба, въ который заперъ его Деоклитіанище, идетъ въ храмъ и находитъ свою мать молящеюся предъ иконами.

Во той ли во церкви его матушка
Святая Софья премудрая
На святыя иконы Богу молится,
Молитва ея къ Богу доносится (²).

I. Христосъ, въ утѣшеніе Пресвятой Богородицѣ, когда она сокрушалась о страданіи и смерти Христовой, обѣщаетъ, что ликъ Ея будетъ написанъ на иконѣ, предъ нимъ будутъ преклоняться всѣ христіане.

И речетъ Христосъ, Царь небесный:
Свѣтъ Пресвятая Мати Марія!
Ликъ напишу твой на иконѣ.
Поставлю твой образъ на престолѣ,
Всѣмъ ангеламъ на украшеніе,
Всему міру на спасеніе.
Тебя станутъ матерь величати,
Во вѣки Христа прославляти.

Святые иконы составляютъ украшеніе храмовъ и домовъ. Въ загадкахъ они загадываются именно, какъ красота дома. „Что въ избѣ за баса? Образа“ (³). Въ церкви, обыкновенно, иконъ ставится множество. Много ихъ бываетъ иногда и въ домахъ. У Чурилы надъ

(¹) Истор. пѣсни Малор. нар. I, 178. 183. 186.
(²) Кал. пер. 2 вып. 478.
(³) Труд. Этн. Отд. Об. Ест. V, 2 в. 238.

воротами только было „иконъ до семидесять“ (1). Мы не говоримъ о множествѣ „чудныхъ образовъ“, которые принадлежали Дюку Степанычу (2). На отсутствіе иконъ въ домѣ русскій народъ смотритъ, какъ на выраженіе нечестія. У Марины Игнатьевны, какъ еретицы, по свидѣтельству былины, не оказывается „Спасова образа“, некому поклониться, войдя въ ея высокіе терема (3). Народъ приписываетъ иконамъ силу оказывать помощь людямъ. Во время пожара, напр., выносятъ икону Смоленской Божіей Матери или „неопалимой купины“ и просятъ заступничества (4).

Говоря о святыняхъ, почитаемыхъ народомъ, мы не должны забывать святыхъ мощей. Народъ ходитъ на поклоненіе мощамъ и мощи составлютъ одну изъ самыхъ уважаемыхъ святынь народа. Съ мощами народъ, обыкновенно, соединяетъ благоуханіе и исцѣленія. Такъ, когда Алексѣй Божій человѣкъ представился, понеслось по Риму благоуханіе, а при мощахъ угодника стали получать исцѣленіе (5). Еще, какъ на святыню своего рода, нужно указать на просфору, къ которой народъ относится съ почтеніемъ и вкушаетъ которую съ благоговѣніемъ. Въ былинахъ о царѣ Соломонѣ задается вопросъ: „кой хлѣбъ чище всѣхъ на землѣ“? и дается отвѣтъ: „чище хлѣба нѣтъ, которая просвира живетъ на престолѣ“ (6).

Почитаніе священныхъ предметовъ вызываетъ на поклоненіе имъ. Особенно уважаемыя святыни въ состояніи привлечь массу поклонниковъ. Русскій народъ всегда любилъ поклониться святынѣ. Русскій человѣкъ готовъ

---

(1) Гильфердингъ 469.

(2) Гильф. 1143.

(3) Пѣсни, собр. Кир. 2 вып. 59 стр. Сказ. Рус. Нар. I. 7.

(4) Зап. Им. Геогр. Общ. Эт. Отд. II, 14 стр. Поэт. воззр. I 484

(5) Тр. Эт. От. Об. Ест. V, 2 вып. 46.

(6) Пѣсни, Рыбн. II. 305.

былъ совершить немалыя путешествія, лишь бы посѣтить то или другое святое мѣсто, лишь бы увидѣть ту или другую святыню. Въ русскомъ народѣ въ значительной степени развилось стремленіе путешествовать по святымъ мѣстамъ. Доселѣ всякій русскій простолюдинъ, если только онъ имѣетъ время и какую нибудь возможность, не преминетъ посѣтить то или другое „святое мѣсто". Во время болѣзни, какой нибудь опасности, несчастія нерѣдко простолюдинъ даетъ обѣтъ походить по святымъ мѣстамъ, посѣтить ту или другую обитель, поклониться и помолиться тому или другому угоднику. Эта черта русскаго народа отразилась и въ словесныхъ произведеніяхъ русскаго народа, гдѣ къ путешестію по святымъ мѣстамъ народъ относится чрезвычайно сочувственно и, пожалуй, рекомендуетъ его. — Василій Буслаевичъ, какъ мы знаемъ изъ былины о немъ, послѣ бурной жизни и молодеческихъ подвиговъ, рѣшается идти въ Іерусалимъ и поклониться Іерусалимскимъ святынямъ. Отправляясь въ путешествіе, Василій Буслаевичъ говоритъ, что это дѣло невольное.

А мое то, вѣдь, гулянье не охотное.
Со молоду бито много граблено,
Подъ старость надо душу спасти (¹).

Василій сдѣлалъ великое прегрѣшеніе; прибилъ много мужиковъ „новгородскіихъ,"—и вотъ у него явилась потребность хотя сколько нибудь загладить свои юношескіе грѣхи. Василій рѣшается посѣтить Іерусалимъ, чтобы тамъ

Господу Богу помолитися,
Ко Господнему гробу приложитися
И во Іордань рѣкѣ окупатися,
А на Ѳаворѣ осушитися
Со своей дружиной со хороброей (²).

(¹) Сказ. Рус. Нар. I, 20.

(²) Пѣсни, собр. Рыбн. I, 391. Гильф. 726.

И дѣйствительно, прибывъ въ Іерусалимъ, Василій Буслаевичъ спѣшитъ посѣтить „святыни Іерусалимскія“, идетъ въ соборную церковь, служитъ тамъ „обѣдни съ молебнами“ и прикладывается ко „святой святынѣ“, а потомъ посѣщаетъ „Ердань рѣку“ и купается въ ней (¹). „Сорокъ каликъ со каликою“ также своею цѣлію ставятъ посѣтить нѣкоторыя святыя мѣста и между прочимъ вмѣняютъ себѣ въ обязанность

Идти ко городу Іерусалиму
Святой святынѣ помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Іердань рѣкѣ искупатися,
Нетлѣнной ризой утеретися....
И во плакунъ травѣ да покататися (²).

Смотря на посѣщеніе святыхъ мѣстъ, какъ дѣло богоугодное, народъ русскій выражаетъ желаніе, чтобъ путешествіе по святымъ мѣстамъ носило характеръ достойный этого святаго дѣла. Такъ „сорока каликамъ“ народъ русскій ставитъ въ обязанность беречься отъ воровства, лжи, блуда, т. е., даетъ такія заповѣди, которыя они могли легче всего преступить при своей бродячей жизни. А—

Котора калика заворуется,
Котора калика заплутуется,
Которая обзарится на бабицу,—

тѣхъ народъ велитъ судить товарищамъ и наказывать (³).

Итакъ, правую вѣру, молитву къ Богу, уваженіе къ церкви и исполненіе церковныхъ обрядовъ и

(¹) Пѣсни, собр. Кир. 5 вып. 29. Рыбн. III, 239.

(²) Калѣки пер. I в, 8. Рыбн. II, 87. Тр. Эт. От. Об. Ест. V, 2 в. 41—43 стр.

(³) Кал. пер. I в 22 стр.

постановленій, почитаніе святынь и поклоненіе имъ народъ русскій, какъ мы видѣли изъ произведеній народной словесности, считаетъ обязательными для всякаго человѣка. Въ памятникахъ народнаго творчества представляются даже примѣры идеальнаго, образцоваго исполненія церковныхъ постановленій. Излагая языкомъ самого же народа народныя воззрѣнія на ту или другую обязанность человѣка къ Богу, мы тѣмъ (фактически) отвѣчали и на зависимость этихъ народныхъ воззрѣній отъ церковной древне-русской письменности, такъ какъ они носятъ тотъ же чисто церковный характеръ, съ какимъ являются и въ произведеніяхъ письменной литературы.

На ряду съ правилами вѣры и жизни обязательными для всякаго христіанина, церковь предлагаетъ еще вѣрующимъ христіанскіе подвиги необязательные, предоставляя ужъ волѣ каждаго принимать или не принимать ихъ. Къ такимъ подвигамъ слѣдуетъ отнести отреченіе отъ міра, будетъ ли оно въ формѣ жизни монастырской, или въ формѣ жизни пустыннической. Русскій народъ всегда питалъ глубокое уваженіе къ аскетической жизни, и благоговѣлъ предъ аскетами. Если мы разберемъ нравственно-практическія воззрѣнія русскаго народа, то найдемъ въ нихъ не мало элементовъ чисто аскетическихъ. И если въ чемъ, то здѣсь, по нашему мнѣнію, особенно сказалось вліяніе древне-русской письменности на народныя воззрѣнія; хотя, съ другой стороны, нельзя не добавить, что народъ, какъ и всегда, эти новыя для него воззрѣнія переработалъ по своему. Дѣлая общую характеристику древне-русской письменной литературы, мы замѣтили, что аскетическія сочиненія играли въ ней чрезвычайно важную роль. Съ началомъ же распространенія христіанства на Руси аскетическія воззрѣнія нашли для себя хорошую почву среди русскаго народа и потомъ сдѣлались господствующими воззрѣніями на Руси. Не останавливаясь на выясненіи причинъ, по которымъ въ русскомъ народѣ, особенно въ лучшей его части, развилось стремленіе къ

жизни отшельнической, мы только замѣтимъ, что этому благопріятствовалъ цѣлый рядъ историческихъ обстоятельствъ. Во первыхъ, сильное Византійское вліяніе, гдѣ монашеская жизнь развита была въ сильной степени, затѣмъ, нужда въ самоотверженныхъ, ничѣмъ не связанныхъ, проповѣдникахъ—распространителяхъ слова Божія, наконецъ, несчастія, постигавшія русскій народъ, каковы напр.—постоянная борьба со врагами и особенно татарское иго, голодъ моръ,—могли очень сильно содѣйствовать утвержденію и распространенію среди русскаго народа аскетическихъ воззрѣній. Не только въ сочиненіяхъ, предназначенныхъ для назидательнаго чтенія, проводились аскетическія взгляды, нерѣдко даже церковныя поученія, читавшіяся въ храмѣ, были проникнуты чисто аскетическимъ духомъ. И мало того, въ нѣкоторыхъ поученіяхъ аскетизмъ проповѣдывался самый строгій (1). Въ одномъ словѣ отъ старчества (поученіи отца Исаіи ученику своему) говорится: „добро иноку ясти пепелъ и пити воду морскую въ келіи своей и не исходити по любвахъ. Аще бо изыдеть, ясть яже не хощеть, и піетъ яже не съвѣщеваетъ“ (2). Въ синайскомъ патерикѣ про Авву Петра разсказывается, что онъ 50 лѣтъ въ своемъ вертепѣ „ни вина пивъ, ни хлѣба яды, но точію отрубы (отруби) вкушаше трижды недѣля“ (3). Мало того. по житіямъ, иноки, лишая себя пищи и питія, иногда еще растравляли свои чувства созерцаніемъ пищи и питія, чтобъ сильнѣе чувствовать тяжесть жажды и го-

---

(1) Кромѣ того, что инокъ по аскетическимъ произведеніямъ долженъ отказаться отъ своей воли (Ист. русс. церкви митр. Мак. III, 19), проводить время въ непрестанной молитвѣ и трудахъ (Мин. Ч. митр. Мак. 9 сент. 467—468 стр. Зл. Чепь ркп. Сол. библ. № 258 л. 319), онъ долженъ испытывать страшныя лишенія.

(2) Ркп. прол. Солов. биб. № 60 л. 373 об.—374.

(3) Свѣд. о малоизв. памят. Патер. Син. л. LXXXII стр. 59 пр. XX т. Зап. И. Акад. Наукъ.

лода ([1]). Предъявляя такія строгія требованія въ инокамъ древне-русскіе письменные памятники за то и восхваляютъ и возвышаютъ иноческую жизнь, называя ее житіемъ ангельскимъ ([2]). Въ одномъ древне-русскомъ словѣ объ иноческомъ житіи мы встрѣтили даже такое замѣчаніе: „апостольскаго же образа болій иноческій чинъ есть“ ([3]). Такой высокій взглядъ на монашество изъ памятниковъ древне-русской письменности перешелъ и въ народъ. Нужно сказать, что строгія аскетическія воззрѣнія, проводившіяся въ древнерусской письменности, пришлись по душѣ русскому народу, — и если не по душѣ, то во всякомъ случаѣ народъ примирился съ ними и въ значительной степени подчинился ихъ вліянію. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ народнаго творчества онъ даетъ иногда довольно видное мѣсто проявленію аскетизма, и съ большимъ вниманіемъ останавливается на подвигахъ аскетической жизни. Отреченіе отъ міра дѣло чрезвычайно трудное. Рѣшиться на него способенъ далеко не всякій человѣкъ. Тутъ нужны сильныя побужденія, искреннее стремленіе къ духовнымъ подвигамъ. Въ противномъ случаѣ только безъисходное положеніе или страшное горе можетъ заставить человѣка вступить въ иночество. Народъ русскій отмѣтилъ въ своихъ словесныхъ произведеніяхъ это послѣднее условіе, благопріятствующее развитію иноческой жизни. Въ одномъ малорусскомъ стихѣ мы читаемъ:

Та проживъ я свій викъ не такъ, якъ чоловикъ,
Що люды живуть, яко цвиты цвитуть,
Моя голова, якъ вьяла трава.
Не піду у мыръ, піду въ монастырь,

([1]) Ркп. Солов. библ. № 840 л. 90. Рук. для сел. паст II, 363.
([2]) Измарагдъ. Ркп. Сол. б. № 270. л. 215.
([3]) Прол. ркп. Сол. б. № 60 л. 235.

Щобъ душу спасты, щобъ Господь простывъ,
И душу спасу, и кости ссушу... ([1]).

Въ стихѣ о горе-злосчастьѣ мы видимъ подобную же исторію. Горе до того тѣснитъ молодца, что для него остается единственный исходъ идти въ монастырь.

Велитъ горюшко идти во честные монастыри.
Велитъ горюшко постричься и посхимиться.
И шелъ добрый молодецъ во честные монастыри,
Постригся добрый молодецъ и посхимился ([2]).

Только въ монастырѣ молодецъ и можетъ найти себѣ успокоеніе, потому что въ монастырѣ человѣкъ не испытываетъ мірскихъ треволненій, хотя и принужденъ проводить суровый образъ жизни. Въ монастырь въ старину заключали иногда противъ воли: то для исправленія, то по произволу и прихоти. Народъ и на это обратилъ свое вниманіе. Илья Муромецъ, встрѣтившись съ разбойниками, чтобъ обуздать ихъ и исправить, заключаетъ ихъ въ монастырь.

А вы станишники—плѣничники!
Выходите—тко вы на святую Русь,
Запишитесь—ко вы во пустыни, во монастыри,
Нѣтъ,—такъ убью васъ я до единаго.

И разбойники, замѣчаетъ былина, дали обѣщаніе „записаться во пустыни, во монастыри" ([3]). Но идти въ монастырь противъ воли еще тяжелѣе, чѣмъ по своей волѣ. Народъ къ этимъ жертвамъ, нерасположеннымъ къ суровой монастырской жизни и тѣмъ не менѣе принужденнымъ проводить ее, относится съ пол-

---

([1]) Калѣки пер. 5 вып. 171 стр. Просвѣтитель 492. Ист. рус. слов. Порф. 463.

([2]) Пѣсни собр. Рыбн. I, 485.

([3]) Гильфердингъ 947.

нымъ сочувствіемъ и состраданіемъ. Хорошъ въ этомъ случаѣ народный стихъ о Ксеніи, дочери Годунова. Стихъ этотъ отличается естественностію и наивностію. Послѣ сравненія Ксеніи съ перепелкою, у которой разрушено гнѣздо, представляется плачъ Ксеніи:

Охто мнѣ молоды горевати,
Что ѣдетъ ко Москвѣ измѣнникъ,
Ино Гришка Опрепьевъ—растрига,
Что хочетъ меня полонити,
А полонивъ меня хочетъ постритчи,
Чернецкій чинъ наложити.
Ино мнѣ постричься не хочетъ,
Чернецкаго чину не сдержати;
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцовъ посмотрѣти (¹).

Если въ монастыри люди идутъ частію по принужденію, частію, благодаря безвыходному положенію (напр. страшному горю, сраму (²) и т. п.), то во множествѣ идутъ и по внутреннему, непреодолимому призванію къ духовнымъ подвигамъ. Хорошо представляется это влеченіе къ подвижнической жизни въ былинѣ о Данилѣ Игнатьевичѣ. Данило былъ сначала однимъ изъ богатырей при Владимірѣ, но потомъ захотѣлъ „постричься и посхимниться“. Дѣло представляется такимъ образомъ. У Владиміра пиръ. Всѣ пьютъ—ѣдятъ, прохлаждаются. Принапившись, какъ всегда водилось среди богатырей, они прирасхвастались, кто золотомъ, кто конемъ, кто молодой женой. Одинъ только Данило не принимаетъ участія въ веселіи товарищей, хотя и не менѣе другихъ можетъ похвастать своими подвигами (напр. тѣмъ, что служилъ 50 лѣтъ—убилъ 50 царевъ, а мелкой силы безъ счету). Данило не удо-

(¹) Ист. очер. нар. рус. слов. Бусл. I, 527.

(²) Алеша, послѣ того, какъ неудачно кончилась его свадьба на женѣ Добрыни, рѣшился отъ сраму постричься—посхимниться и уйдти въ монастырь. Гильф. 1097 стр.

влетворенъ богатырскими подвигами, у него явилась потребность подвиговъ духовныхъ. И проситъ онъ у Владиміра себѣ отпуска. Благослови меня въ старцы постричься,

И во схимію посхимиться.
Ты спусти-тко, спусти, Владиміръ въ монастырь пречестный,
Да во тѣ ли спусти во кельи низкія,
Да спасти мнѣ-ка да душа грѣшная.

Владиміръ отвѣчаетъ, что Данило необходимъ для него. Какъ прознаютъ, говоритъ Владиміръ, орды невѣрныя объ отсутствіи Данилы, то нападутъ на Кіевъ, раззорятъ его, церкви Божіи „на дымъ пустятъ", его Владиміра въ плѣнъ возьмутъ. Но Данило остается при своемъ намѣреніи и вмѣсто себя оставляетъ Владиміру сына, а самъ ему съ своей стороны обѣщаетъ содѣйствіе молитвою. Былина передаетъ далѣе, какъ сынъ Даніила Игнатьевича Михайло Данилычъ, подвергшійся страшной опасности, (онъ былъ запертъ врагами въ погребъ) выпутался изъ бѣды, только благодаря молитвѣ своего схимника—отца (1). Въ картинѣ молитвы отца схимника о сынѣ богатырѣ и въ признаніи сыномъ отшельника—отца виновникомъ своей побѣды народъ русскій исповѣдуетъ свое воззрѣніе на заслуги монашества. Онъ вполнѣ цѣнитъ ихъ отшельническую жизнь и ихъ молитвѣ придаетъ такое же значеніе (если только не большее), какъ и подвигамъ богатырей. Монастыри всегда пользовались на Руси почетомъ и уваженіемъ. Народъ всегда любилъ посѣщать ихъ, дѣлалъ на нихъ жертвованія, освобождалъ ихъ отъ пошлинъ, прибѣгалъ къ инокамъ за совѣтомъ. Былина о Василіѣ Буслаевичѣ передаетъ, что когда Василій разбушевался, новгородскіе мужики пошли въ „монастыри", гдѣ жилъ „старчище Перегримище"

(1) Рыбн. III, 104. Пѣсни собр. Кир. III в. 37—51 стр. Гильф. 927.

и стали просить старчища уговорить Василія (¹). Въ борьбу Василій вступаетъ со всѣми Новгородцами, исключеніе дѣлаетъ только для монастырей Юрьева и Антоньева (²).

Питая уваженіе къ отшельнической жизни, русскій народъ цѣнитъ собственно подвиги отшельниковъ. „Не всякъ монахъ, говоритъ народъ пословицей, на комъ клобукъ". „Чернецы изъ тѣхъ же міряиъ„ и „одно платье не дѣлаетъ еще монахомъ". „Черная одежда не спасаетъ", если надѣваютъ ее „не для Іисуса, а для хлѣба куса" (³). Только тотъ отшельникъ въ глазахъ русскаго народа имѣетъ цѣну, который предается самымъ тяжкимъ подвигамъ, который проводитъ въ молитвѣ и слезахъ день и ночь, который соблюдаетъ самый строгій постъ и по недѣлямъ иногда не принимаетъ пищи, а если принимаетъ, то самую суровую,—короче, тотъ только отшельникъ пользуется полнымъ сочувствіемъ, къ которому примѣнима русская пословица, нерѣдко употребляющаяся въ шутливомъ тонѣ: „испостился—измолился въ нитку" (⁴). Подвиги отшельнической жизни могутъ быть разнообразны; но въ общемъ они сходятся въ томъ, что ради Господа человѣкъ отрекается отъ самого себя, отрекается отъ всѣхъ земныхъ радостей—славы, богатства, удовольствій, семейной жизни и т. д. Главные подвиги отшельниковъ, живутъ-ли они въ монастырѣ, пустынѣ, или даже собственномъ домѣ, слѣдующіе: молитва, постъ, цѣломудренная жизнь. Образецъ отшельнической жизни въ монастырѣ, какъ ее понимаетъ русскій народъ, представляетъ собою указанный уже выше Данило Игнатьевичъ. „Постриг-

(¹) Гильфер. 292.

(²) Гильфер. 1185. Сказ. рус. нар. I, 19.

(³) Послов. Даля 17. 18. Богдан. I, 19; I, 26; Снегир. 271 стр.

(⁴) Послов. Даля 8.

шись—посхимнившись", Данило Игнатьевичъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ слѣдить за общественною жизнію, и изъ-за стѣнъ монастыря откликается на нее своею молитвою. Удаляясь въ пустыню, отшельникъ уже совершенно отрывается отъ жизни и заживо погребаетъ себя для міра. Отшельническая жизнь въ пустынѣ, какъ она представляется народомъ, изображена въ духовномъ стихѣ объ Іосифѣ царевичѣ. Іосифъ царевичъ, неудовлетворенный жизнію въ мірѣ, рѣшается уйдти въ пустыню. Придя къ пустынѣ, Іосифъ проситъ пустыню принять его. Пустыня отвѣчаетъ, что для молодаго царевича будетъ не по силамъ пустынническая жизнь.

Астафей царевичь!
А гдѣ жь тобѣ въ мене жити
И на меня работати,
Божью волю творити,
Земные поклоны справляти?
Въ мене матери пустыни
Жить тебѣ будетъ мокротно,
Ѣсть гнилую колоду,
Пить болотную воду,
Носить черную ризу.

Но застращиванія матери пустыни не пугаютъ Іосифа царевича.

Мнѣ гнилая колода
Паче сытнаго хлѣба;
Мнѣ болотная вода
Паче сладкова меду;
А мнѣ черная риза
Паче свѣтлаго платья.

Пустыня указываетъ на другія стороны, которыя должны задерживать Іосифа отъ роковаго шага и значительно увеличивать трудность его подвига. Мать пустыня напоминаетъ царевичу, что онъ, удаляясь въ пустыню, оставляетъ царство и громад-

ное богатство, покидаетъ вѣрныхъ слугъ, друзей, отца съ матерью, молодую жену. Но Іосафъ непреклоненъ въ убѣжденіи. Онъ мужественно переноситъ искушеніе.

Не хочу жъ я зрить на свое царство,
На свою казну золотую,
На свою княжну молодую,
Да не жаль-то мнѣ будетъ
Отца съ матерью покинуть.

Іосафъ говоритъ пустынѣ, что всѣ эти радости скоропреходящія, что земное его царство временное, а онъ хочетъ получить царство небесное, „вѣковое“. Пустыня еще разъ напоминаетъ царевичу о трудности пустынническаго житія. Она говоритъ Іосафу, что теперь ему, пока онъ не испыталъ еще тяжелыхъ пустынническихъ подвиговъ, можетъ представляться жизнь отшельническая и удобоносимою. Но, вѣдь, она будетъ слишкомъ тяжела, когда сама природа будетъ постоянно напоминать отшельнику объ оставленномъ мірѣ и тянуть его въ этотъ полузабытый, но нѣкогда дорогой міръ:

Придетъ тепло лѣто,
Разольются усѣ рѣки —
По мхамъ, по болотамъ,
Одѣнется всякое дерево:
Ты съ мене пустыни выйдешь,
Мене матери покинешь.

Іосафъ категорически заявляетъ, что онъ ни за что не растанется съ пустыней, ни за что не покинетъ ее. А если покажется ему слишкомъ тяжело, то онъ въ пустынѣ же найдетъ небольшія радости, конечно самыя тихія и святыя: будетъ любоваться на звѣрей, на птицъ небесныхъ и. т. д. Пустыня, послѣ такого искуса, уже не можетъ не принять Іосафа. Стихъ замѣчаетъ, что настойчивость Іосафа царевича поразила даже святыхъ.

Всѣ святые праведные
Асафью царевичу вздивовалися (¹).

Вотъ въ какомъ видѣ представляетъ русскій народъ настоящую пустынническую жизнь, вотъ за какое самоотверженіе и подвиги онъ цѣнитъ отшельниковъ! Для составленія народнаго стиха объ Іосафѣ царевичѣ, какъ типѣ отшельника, пустынножителя, дала матеріалъ исторія Варлаама и Іосафа царевича, въ которой разсказывается, какъ Варлаамъ, явившись подъ видомъ купца, продающаго драгоцѣнный камень, обратилъ въ христіанство индійскаго царевича Іосафа. Отецъ Іосафа воспитывалъ его такимъ образомъ, чтобы онъ кромѣ радостей не зналъ ничего. Приказанія исполнялись; тѣмъ не менѣе Іосафъ разъ увидѣлъ слѣпца, въ другой разъ сѣдаго и беззубаго. Іосафъ разочаровался въ земной жизни. Въ это время является къ нему Варлаамъ и креститъ его. Іосафъ, несмотря ни на какія убѣжденія со стороны окружающихъ, уходитъ въ пустыню. По ученымъ изслѣдованіямъ оказывается, что повѣсть эта ничто иное, какъ передѣлка на христіанскіе нравы житія Будды. Появилась она къ намъ изъ литературъ южно-славянскихъ въ XIII или XIV вѣкѣ и представляетъ переводъ греческаго подлинника (²). Повѣсть эта въ древней Руси была одною изъ любимыхъ книгъ по тѣмъ притчамъ и наставленіямъ, которыя въ ней содержатся; хотя народъ обратилъ вниманіе собственно только на судьбу Іосафа, который, будучи царевичемъ, рѣшился промѣнять царство на пустыню, и воплотилъ въ немъ идеалъ пустыннической жизни.

Другой образецъ отшельнической жизни представляетъ народный образъ Алексѣя человѣка Божія.

(¹) Калѣки перех. 1 вып. 211—214, 209 233 стр.

(²) Буслаевъ, Срав. наук. быт. и поэз. 639. Родин. IV. 740—741) Очерк. лит. ист. стар. пов. Уч. Зап. И. А. Н. 58. Пыпина 129 стр. Веселовскій.

Съ внѣшней стороны жизнь свят. Алексѣя мало имѣетъ общаго съ пустынническою жизнію Іосафа, но съ своей внутренней стороны ихъ подвиги одинаковы. Тотъ и другой проводятъ все время въ молитвѣ, тотъ и другой ставитъ для себя долгомъ хранить тѣлесную и духовную чистоту. Какъ народный стихъ объ Іосифѣ составился подъ вліяніемъ исторіи объ индійскомъ царевичѣ Іосафѣ, какъ онъ былъ обращенъ въ христіанскую вѣру (¹); такъ и духовные стихи объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ были составлены подъ вліяніемъ житія св. Алексѣя. Житіе св. Алексѣя человѣка Божія было извѣстно на Руси очень рано: въ спискахъ оно встрѣчается въ XII—XV вѣкахъ и въ подновленной формѣ въ позднѣйшее время. Личность Алексѣя человѣка Божія — дѣйствительно въ высшей степени замѣчательная — обратила на себя вниманіе русскаго народа и произвела на него глубокое впечатлѣніе. Въ общихъ чертахъ жизнь святаго Алексѣя человѣка Божія народъ рисуетъ въ духовномъ стихѣ такъ же, какъ она изображается и въ житіи угодника. Алексѣй человѣкъ Божій родился въ Римѣ при Гоноріѣ. Родители его долгое время не имѣли дѣтей. Послѣ усердной молитвѣ Богъ даровалъ имъ наконецъ сына Алексѣя. Алексѣй человѣкъ Божій съ малыхъ лѣтъ, говоритъ стихъ, сталъ обнаруживать хорошія способности и добрыя наклонности. Какъ въ житіи говорится: „Егда бысть время отроча учитися, и вдаша его на первое ученіе и навыче всю грамоту церковную и риторикію и отъ философія много, но бѣ отроча премудро зѣло“; такъ и въ духовномъ стихѣ разсказывается:

Отдали его грамотѣ учити,
Скоро ему грамота далася (²).

(¹) Истор. рус. слов. И. Я. Порфир. 123.
(²) Кал. перех. I в. 89—90.

Никто Алексѣюшки не научаетъ,
Самъ Алексѣюшка больше знаетъ (1).
Енъ скоро читать—писать научился,
Енъ святую книгу Евангельскую разумѣетъ (2),
Онъ и старыя книги прочитаетъ
И перомъ—рукой—черниломъ часто пишетъ (3).

Что касается „великихъ Господнихъ молитвъ“, то также святый Алексѣй старается изучить ихъ, какъ можно болѣе. Но время идетъ,—Алексѣй человѣкъ Божій уже на возрастѣ. Отецъ хочетъ женить Алексѣя. Хотя самому Алексѣю человѣку Божію не хочется жениться,—однако, не противясь волѣ родительской, Алексѣй согласился на бракъ. Въ первую же ночь послѣ брака угодникъ оставляетъ свою невѣсту. Стихъ добавляетъ, что Пресвятая Богородица поддержала св. Алексѣя въ трудномъ роковомъ шагѣ. Въ первомъ часу ночи

Богородица гласомъ прогласила:
Полно Алексѣй тебѣ-ко спати,
Пора Алексѣй тебѣ вставати,
Пора путь—дорожку коротати (4).

Увидѣвъ, что Алексѣй хочетъ удалиться, невѣста спрашиваетъ: что это значитъ? Св. Алексѣй заявляетъ, что если хочетъ она жить съ нимъ, не какъ съ супругомъ, а какъ братомъ, и готова за одно молиться Богу, то она, пожалуй, останется дома. Но когда невѣста обнаружила колебаніе, Алексѣй человѣкъ Божій оставилъ ее. Онъ ушелъ въ городъ Одессъ (т. е. въ Едессъ, по другимъ стихамъ въ Іерусалимъ). Отецъ послалъ слугъ отыскивать сына. Слуги хотя и встрѣтили у храма угодника, но не узнали его. Черезъ 17

(1) Кал. пер. I в. 121.
(2) Зап. И. Г. Общ. Этн. Отд. II, 69.
(3) Кал. перех. I в. 121.
(4) Труд. Этн. От. Об. Ест. V вып. 2 стр. 45.

лѣтъ подвиговъ и молитвы при храмѣ, по повелѣнію Богородицы, Алексѣй снова отправился въ Римъ. Прибывъ въ городъ, онъ встрѣтилъ своего отца и выпросилъ у него для себя келью. Въ кельи-то собственно и начинается самая трудная подвижническая жизнь угодника. По житію „отроцы по вся дни пакости ему дѣяху, и ругающеся ему овіи плахутъ и ногами, друвіи же заушахутъ и иніи опаница омывающе возливаху на него. Видѣвъ же человѣкъ Божій, яко діаволомъ наученіемъ бываетъ ему, то съ радостію и веселіемъ все пріимаше терпя. Отъ недѣли до недѣли причащашеся св. Тайнъ Божіихъ и въ мѣру хлѣба ядяше и въ мѣру воды піяше, въ нощи безъ сна пребываше" (¹). Также изображается св. Алексѣй и въ народномъ стихѣ.

Демонъ врагъ возненавиствовалъ,
Хотѣлъ погубить его терпѣніе,
Рабы же Алексѣя не взлюбили,
Иные рабы укоряли,
А други помоями лили;
Много безчиньевъ творили,
Плевали, харкали все на келью.
На тоже Алексѣй не прогнѣвался;
Терпѣлъ же святый съ благодареніемъ,
Съ радостію Алексѣй нужды принимаетъ;
Князю Ефимьяну не взвѣщаетъ.
Молился Алексѣй у отца въ домѣ невѣдымъ (незнаемый),
Кушалъ на недѣлѣ по просвиркѣ,
За всякой недѣлѣ исповѣдался,
Святыми Тайнами пріобщался,
Чуднымъ крестомъ благословлялся (²).

(¹) Мы пользуемся житіемъ Алексѣя человѣка Божія въ Ч. Минеи за мартъ мѣсяцъ ркп. Сол. биб. № 511 и Собори. ркп. Сол. биб. № 817 л. 356—365. Короче житіе изображено въ прологѣ ркп. Сол. биб. № 60 л. 50 об—51. Сличеніе житія со стихомъ сдѣлано Срезневскимъ Свѣд. о малоизв. памяти. № УXXXI.

(²) Кал. перех. I в. 107 стр.

Іосафъ, желая духовныхъ подвиговъ, избѣгаетъ искушеній, а Алексѣй Божій человѣкъ напротивъ ищетъ ихъ. Онъ испытываетъ бѣдность, — между тѣмъ достаточно только одного его слова, чтобъ онъ сдѣлался господиномъ громаднаго имущества; слуги наносятъ Алексѣю побои и брань, — тогда какъ нуженъ одинъ только намекъ его, чтобы тѣже самые слуги попадали къ нему въ ночи просить прощенія. Скорбные родители, тоскующая по немъ супруга конечно производили тягостное впечатлѣніе на угодника и увеличивали тяжесть искуса. Но угодникъ вынесъ всѣ эти испытанія. По распространившемуся въ Римѣ благоуханію заключили, что въ городѣ представился угодникъ, — и этимъ угодникомъ оказался Алексѣй Божій человѣкъ. Мощи св. Алексѣя, по свидѣтельству стиха, какъ и по свидѣтельству житія, совершали чудеса. Данило Игнатьевичъ, Іосафъ царевичъ и Алексѣй человѣкъ Божій — три типа подвижничества, какіе знаетъ русскій народъ. Эти типы подвижниковъ вполнѣ выясняютъ народное воззрѣніе на подвижничество. Народъ относится съ уваженіемъ къ суровой жизни подвижниковъ, — и именно цѣнитъ подвижничество за его суровость, требующую отъ человѣка громадныхъ нравственныхъ силъ.

Вліяніе аскетическихъ сочиненій на нравственное міросозерцаніе русскаго народа сказалось особенно на народныхъ воззрѣніяхъ на постъ. Молитва, постъ и дѣла милосердія—это любимыя темы назидательныхъ сочиненій древне-русской письменности. Пастыри нерѣдко напоминали пасомымъ обязанности соблюдать церковные посты, а въ житіяхъ святыхъ и сказаніяхъ о людяхъ благочестивыхъ указывались примѣры строгаго соблюденія постовъ (1). Изъ недѣли — какъ дни

(1) Авторъ житія Юліаніи Лазаревской разсказываетъ про нее, что она по пятницамъ вовсе не вкушала; по понедѣльникамъ же и по средамъ однажды въ день сухоядѣніе безъ варива вкушала. Пам. стар. рус. лит. I вып., 257 стр. (объ Уліаніи Муромской).

поста, пастыри указывали на среду и пятницу (1), иногда и понедѣльникъ (2); а въ годичномъ кругѣ указывали на посты: великій, петровъ, успѣнскій и филипповъ (3). Церковь не только опредѣляла время поста, а и слѣдила за выполненіемъ своихъ постановленій о постѣ. Церковь опредѣляла даже выборъ пищи, какую должны были употреблять вѣрующіе. Мы не ссылаемся на церковный уставъ, гдѣ сдѣланы подобныя постановленія, а приводимъ только мѣсто изъ одного слова о „постѣ“, мѣсто показывающее, что чисто обрядовые вопросы составляли также содержаніе и поученій церковныхъ. „Если будетъ петрово говѣніе, или филиппово, то въ понедѣльникъ, среду и пятокъ рыбы не ѣсть, но хлѣбъ съ овощами однажды въ день, а во вторникъ и четвертокъ вкушати рыбы дважды днемъ, точно также въ субботу и въ воскресеніе“. „А главное, говоритъ проповѣдникъ, великій постъ содержите со всею крѣпостію и вѣрою“ (4). Предлагая постъ, проповѣдники указываютъ основанія для поста, — то, что „постомъ душа очищается“, что „постъ къ животу отъ смерти приводитъ“, „царство небесное подаетъ“, а относительно постовъ въ среду и пятницу кромѣ того добавляютъ, что эти дни нужно соблюдать честно, „понеже съ среду бысть совѣтъ на убіеніе Христово, а въ пятокъ Христосъ распятъ духъ Отцу преда-

(1) Измар. поуч. Феод. Печ. собр. Поучен. Мин. Чет. митр. Макар. ркп. Син. биб. № 996, л. 631. Слово Василія Великаго ibid. Смарагдъ 779 л. Златоуста Смараг. 785 л. Соотвѣтствен. этимъ сл. находимъ въ Измар. ркп. Сол. биб. № 270, л. 177—8 и 189 об.—191. Прав. соб. 1859 г. I, 183. Златоструй ркп. Солов. биб. № 259, л. 395.

(2) Опис. ркп. муз. Вост. 544. Худые номоканунцы. Пам. стар. лит. II, 289. 291.

(3) Смарагдъ Мин. Чет. митр. Макар. ркп. Син. биб. № 996, л. 789—790. Измарагд. ркп. Солов. библ. № 270. л. 216 об.

(4) Прав. соб. 1858 г. I, 143—14[illegible].

етвіи (¹). Съ другой стороны, проповѣдники выясняютъ, что истинный постъ состоитъ въ воздержаніи не отъ мяса овцы или другихъ животныхъ, но отъ обидъ и оскорбленій ближнихъ, отъ лихвы, неправедной мзды, лживаго роста и пьянства (²), блуда и хожденія на позоръ (³). Вообще же проповѣдники совѣтуютъ „проводить постные дни съ полнымъ воздержаніемъ отъ всякаго зла“. Русскій народъ настолько проникся церковнымъ ученіемъ о постѣ, что не соблюденіе постныхъ дней ему кажется величайшимъ грѣхомъ. Народъ свято чтитъ среду и пятницу (а по мѣстамъ и понедѣльникъ); также строго соблюдаетъ и посты: петровъ, успѣнскій, филипповъ и великій, — особенно великій. Вотъ въ какомъ видѣ представляются народныя воззрѣнія на постъ въ памятникахъ народнаго творчества. Въ „свиткѣ Іерусалимскомъ“ Іисусъ Христосъ даетъ слѣдующія наставленія о постѣ.

Чада вы мои!
Поймѣйте вы три дни въ недѣлю:
Среду и пятницу, воскресенія Христова.
Въ среду жидовья на Христа совѣтъ совѣтали,
Въ пятницу распятъ былъ Самъ Іисусъ Христосъ...
Въ третій день воскресенія Христова
Воскресе Христосъ изъ гроба...

Затѣмъ Христосъ повелѣваетъ исполнять Великій постъ, преимущественно „страшную недѣлю“ и особенно Великую пятницу. При этомъ Господь указываетъ, какъ слѣдуетъ проводить посты. Во время поста вѣрующій долженъ удаляться отъ всего грѣховнаго: онъ обязанъ сердце свое удерживать отъ „зла“, чрево отъ

(¹) Смотр. Іосиф. рки. Син. б. № 006, л. 634 об. Измар. рки. Сол. б. № 270, л. 189—191 222 об.

(²) Поученіе о постѣ Кіев. митр. Никиф. Истор. русс. слов. И. Я. Порф. 373 стр.

(³) Измар. ркп. Сол. биб. № 270 л. 192. 205. 246 об.

пресыщенія, руки отъ „заграбленія“, уста — отъ „пустыхъ глаголъ“. Во время поста христіанинъ не только не долженъ, „съ чужою женою прелюбодѣйствать“, а обязанъ воздерживаться отъ своей жены; онъ также обязанъ воздерживаться отъ „хмѣльнаго питія“ и „браннаго слова“ (1). Пятница, явившаяся пустыннику (въ стихѣ о пятницѣ), между прочимъ даетъ ему наставленіе о соблюденіи поста въ среду и пятницу (2).

Въ стихѣ о Ѳеодорѣ Тиронѣ дается наставленіе чтить постомъ первую недѣлю великаго поста.

Поимѣйте вы, православные,
Первую недѣлю великаго поста.
Кто поимѣетъ первую недѣлю великаго поста,
Того имя будетъ написано у Самаго Господа
Въ животныхъ книгахъ (3).

Въ другихъ варіантахъ:

Тотъ избавленъ будетъ муки вѣчныя,
Наслѣдникъ къ небесному царствію.

или:

Тотъ избавленъ будетъ отъ смерти—убіенія (4).

Несоблюденіе поста народъ считаетъ грѣхомъ. Народъ думаетъ, что на томъ свѣтѣ, при переправѣ черезъ огненную рѣку, будутъ спрашивать души:

Имѣли-ли вы среду и пятницу,
Великаго дня понедѣльника (5).

Господь, указывая на страшномъ судѣ грѣшникамъ на ихъ беззаконія, между прочимъ (по народному стиху) замѣтитъ имъ:

---

(1) Кал. перех. 6 вып. 70—72.
(2) Калѣки перех. 6 вып. 164. 165. 167.
(3) Ibid. — 6, — 531.
(4) Idid. — 3, — 548.
(5) Ibid. — 5, — 170.

Вы не середы, не пятнички не требовали,
Поздо говѣнье (позднее ядение во время поста) все ложью,
считали (¹).

Итакъ народъ русский считаетъ постъ однимъ изъ путей къ спасенію. „Одно спасеніе—постъ да молитва“. „Постъ, по пословицѣ, приводитъ къ вратамъ рая“ (²). Какъ образцы постничества великорускіе народные стихи представляютъ Алексѣя человѣка Божія, а малорусскія думы — Михайлика. Мы знаемъ уже, что Алексѣй человѣкъ Божій, проживая въ домѣ отца своего,

Кушалъ на недѣлѣ по просвиркѣ (³)

О Михайликѣ дума говоритъ, что онъ (послѣ того какъ ушелъ изъ Кіева, захвативши съ собою золотыя ворота) живетъ въ Царь-градѣ. „Передъ ім стоїть стаканчик води и проскурка лежить; більше ничого не їсть“ (⁴). Мы представили народныя воззрѣнія на обязанности человѣка къ Богу. Послѣдняя обязанность, т. е. обязанность воздержанія можетъ служить переходомъ къ обязанностямъ человѣка по отношенію къ нему самому. Среди другихъ наставленій христіанскіе учители давали русскому народу наставленіе и о подвигѣ воздержанія. Воздержаніе проповѣдывалось и въ пищи, и питіи, и снѣ, и въ разговорѣ, и въ веселіи и т. д.; короче охватывало всю жизнь и всѣ дѣйствія человѣка. Слова: „аще ясте или піете, вся во славу Божію творите“ легли въ основу всѣхъ поученій о воздержаніи въ пищѣ и питіи. Пища и питіе, какъ необходимость, разрѣшается, но въ мѣру и во славу Божію (⁵). „Святые отцы, читаемъ въ Измарагѣ

(¹) Калѣки перех. 5 вып., 164.
(²) Посл. Даля 9. 183
(³) Кал. перех. I вып. 102. 107.
(⁴) Ист. пред. Малорос. нар. 1 т. 64 стр.
(⁵) Златая Чепь ркп. Сол. биб. № 258, гл. 27, л. 30.

дѣ, — не возбраняли ясти и пити въ подобное время, но отрекли объядение и пьянство" (¹). Ѣсть, обыкновенно рекомендуется съ тихостію и молчаніемъ (¹). Въ „Словѣ о ядѣніи, како ядущихъ брашно хранятъ ангели безъ похуленія и безъ срамныхъ словъ" разсказывается о св. Нифонтѣ, что онъ видѣлъ человѣка обѣдающаго съ женой и дѣтьми и около нихъ предстоящихъ въ свѣтлыхъ ризахъ. Богъ открылъ, что это ангелы „во время обѣда предстануть предъ ядущими да егда начнется слово срамно или клеветы или что непадобно глаголати на трапезѣ, хулити начнетъ брашна кто, се добро, а се не добро, да яко дымъ отгонитъ пчелы, такоже и злыя бесѣды отгонятъ ангелы Божія" (³). Въ Домостроѣ говорится, что на трапезѣ добрыхъ людей „ангели невидимо предстоятъ и написуютъ дѣла добрая, и ѣства и питіе въ сладость бываетъ. И аще начнутъ представленную ѣству и питіе похуляти... и начнутъ смрадныя и скаредныя рѣчи... тогда возрадуются бѣси и пріидутъ" (⁴). На лубочныхъ картинахъ трапеза благочестивыхъ и трапеза нечестивыхъ изображались, обыкновенно, такимъ образомъ: надъ первою паритъ ангелъ, надъ второю творитъ пакость діаволъ (⁵). Но большее еще количество нападеній въ памятникахъ древнерусской письменности мы встрѣчаемъ на пьянство. „Пьянство, по древнерусскимъ письменнымъ

(¹) Измар. ркп. Солов. биб. № 270, л. 247 об. и л. 364. Объядѣніе — дверь чревобѣсію есть, имъ же бѣси входятъ. Соборн. ркп. Соф. биб. № 313, л. 179 об. Объядѣніе возбуждаетъ страсти и удаляетъ благодать св. Духа. Мин. Чет. митр. Макар. ркп. Син. биб. № 992, л. 364 об. — 365. Ibid № 992 л. 536.

(²) Злат. биб. Хлудова. Опис. Попова 74 стр.

(³) Мин. Чет. митр. Макар. ркп. Син. биб. № 997 подъ 9 августа л. 120 об.

(⁴) Домостр. гл. 15. Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1881 г. т. 2, 42 — 43 стр.

(⁵) Лубоч. карт. Снегир. 47 стр.

памятникамъ, паче лихоеденія" (6). Она корень всякому злу (7). „То бо подвизаетъ вся похоти въ человѣцѣ и гонитъ страхъ Божій отъ души" (8), читаемъ мы въ одномъ словѣ отца Ефрема. „Піанство злобѣ мати, а добродѣтели супротивленіе, смыслу пагуба" (9), читаемъ мы въ другомъ словѣ. Припомнимъ, какъ нападалъ на пьянство св. Өеодосій! „О, горе пребывающимъ въ пьянствѣ! восклицалъ онъ. Пьянствомъ отгоняемъ отъ себя ангела хранителя и привлекаемъ къ себѣ злаго бѣса, чрезъ пьянство удаляемся отъ св. Духа и приближаемся къ аду. Бѣсы радуются нашему пьянству и, радуясь, приносятъ діаволу пріятную жертву отъ пьяницъ. Діаволъ, радуясь, говоритъ: Никогда я столько не услаждаюсь жертвами языческими, сколько піанствомъ христіанъ, потому что въ пьяницахъ находятся всѣ дѣла моего хотѣнія" (1). Въ древне-русскихъ поученіяхъ часто замѣчается, что пьяницы царствія Божія не наслѣдуютъ (2). На лубочныхъ картинкахъ (о высокоумномъ хмѣлю и худоумныхъ пьяницахъ, аптека цѣлительная и т. п.) также нерѣдко указывается на гибель пьянства и въ сей жизни, и въ загробной (3). Съ пьянствомъ древнерусскіе моралисты, обыкновенно, связываютъ сквернословіе, безстудныя игры и блудъ. „Не подобаетъ пьяницѣ ругатися", замѣчается въ словѣ о пьянствѣ въ Златоструѣ.

(6) Мин. Чет. митр. Макар. рки. Син. биб. посл. Антіоха № 996, л. 536 об.—537.

(7) Ист. рус. церк. митр. Мак. т. 8, кн. 1, 151 стр.

(8) Мин. Чет. митр. Макар. рки. Син. биб. подъ [illegible] № 994, л. 650 об.

(9) Мин. Чет. митр. Мак. рки. Син. биб. подъ 27 іюля № 996, л. 431 об.

(1) Ист. рус. цер. митр. Мак. [illegible] Пр. Соб. 1876 г. стр. 293—295.

(2) Мин. Чет. митр. Мак. рки. Син. биб. № 996, л. 501. Макар. рки. Сол. биб. № 270, л. 169. 240 об.

(3) Лубочн. картинки Снегир. [illegible] Ровинск. Нар. карт. т. 1. 319 и 327. 328.

(4) Златостр. рки. Сол. библ. № 259, л. 350.

Въ „Словѣ св. отецъ о пользѣ душевнѣй“ также замѣчается, что православнымъ христіанамъ не подобаетъ матерны лаятися (1). Кириллъ Бѣлозерскій въ посланіи къ Василію Димитріевичу, убѣждая уничтожить корчмы, „занеже то великая погуба душамъ“, замѣчаетъ также, [illegible], упиваній подвластныхъ людей отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія, понеже все это противно Богу“ (2). Фотій митрополитъ въ посланіи къ пастве (1410 г.) говоритъ: „учите сыновъ духовныхъ, чтобы престати отъ скверныхъ словесъ, и неподобныхъ, что лаются срамными матерними; которые же не имутъ слушати, тѣхъ отъ церквей отлучайте, ни святаго причастія имъ давайте“ (3). Съ пьянствомъ, мы замѣтили, въ древнерусскихъ письменныхъ памятникахъ связывается грѣховное веселье, игры, пѣсни, пляска. [illegible] читаемъ мы въ словѣ о страдѣ Божіей — паче же отъ нещаднаго питія и плясанія, и пѣсенъ [illegible] предъ Богомъ; не суть бо плясанія [illegible] но идолослуженіе [illegible] Богу“ (4). „Блюдитеся же“, говорится въ другомъ древнерусскомъ словѣ, — „и плясанія и [illegible], и сонмищъ, и [illegible] пѣсенъ, и позорищъ. Потому что пляска и пѣсни дѣло грѣховное“ (5). Діаволъ, говоритъ св. Θеодосій, обольщаетъ людей скоморохи, гусльми, сопѣльми и всякими играми (6). „Идѣже сопѣли и пѣсни сотонинскія, ту бѣсове собираются,“ читаемъ мы въ другомъ древнерусскомъ церковномъ памятникѣ, [illegible]

(1) Опис. Рум. муз. 546. 547.

(2) Акты ист. № 16, 23—26 стр. Ист. рус. слов. И. Я. Порф. 436.

(3) Мин. Чет. митр. Макар. Син. биб. № 996 л. 627.

(4) Златостр. рук. Солов. биб. № 240 л. 29 об.

(5) Измар. рук. Соб. биб. № 270, л. 220 об.

(6) Уч. З. И. Акад. Наукъ. 2 т., 26 вып. 1854 Тихонр. Лѣт. р. лит. 4 т. Ровин. IV, 222.

ши и пагуба, діаволу веселіе“ (1). Въ „Златой Цѣпи“ замѣчается о предающихся пѣснямъ, гуслямъ и плясанію, что на нихъ „приходитъ пророческая клятва глаголющи: горе, иже съ гуслями и сопѣльми піюще питіе, дѣлъ же господень не творяще“ (2). Въ одномъ словѣ Златоуста объ играхъ говорится даже, что „всѣхъ браній проклятѣе есть многовертимое плясаніе, отлучаетъ человѣка отъ Бога и въ дно адово вводитъ, плящущи бо жены невѣста нарицается сотонина и любовница діавола. И вси любящіи плясаніе съ Иродіею въ негасимый огнь осудятся“ (3). Понятно поэтому и такое наставленіе, встрѣчающееся у того же Златоуста: „аще видиши многи собирающася къ кощунникомъ и къ гудцемъ и сатанинскимъ пѣснямъ и играмъ, прослези убо о нихъ“ (4). Въ словѣ Нифонта „о русаліяхъ“ разсказывается, что Нифонъ, отправляясь въ церковь, увидѣлъ бѣсовъ. Бѣсы были унылы. Но случилось такъ, что недалеко проходилъ человѣкъ съ „сопѣльми“ и около него толпа народа, причемъ „иніи плесаху и поиху“. Бѣсы обрадовались и стали соблазнять народъ. Одинъ богатъ далъ сопѣльнику монету, и бѣсы отнесли ее къ сатанѣ. Возставая противъ плясокъ, Нифонтъ особенно осуждаетъ пляски, пѣсни и неистовый смѣхъ въ христіанскіе праздники, когда нужно предаваться молитвѣ (5). Подобнымъ образомъ и другіе древнерусскіе моралисты разсуждаютъ: „что бо творятъ плящущіе? не сами ли ся бѣдятъ“ (6)? Въ „Памятникахъ старинной русской литературы“ напечатано сказаніе о танцующей дѣвицѣ. Дѣвицѣ представилось въ видѣніи, что она была ввергнута въ геенну. На исповѣди дѣвица объяснила, что она не знаетъ за собою ника-

(1) Измар. Рки. Сол. б. № 270, л. 42 об.

(2) Златая Цѣпь рки. Сол. б. № 258, л. 154.

(3) Снар. Мин. Чет. Митр. Мак. рки. Сол. № 996, л. 731 об. Измар. ркп. Сол б. № 270, л. 22—27.

(4) Измар. ркп. Сол. б. № 270. л. 224.

(5) Пам. стар. руск. лит. I, 207—208.

(6) Свѣд. о малоизв. писат. Срез. XX. Зап. И. А. Н. 34 стр.

кого другаго грѣха, кромѣ привычки „танцевати и пѣсни пѣти“ (¹). Среди лубочныхъ картинъ встрѣчаются картины, направленныя противъ плясокъ. Въ одной напр. картинкѣ замѣчается, что Скоморохи создалъ дьяволъ (²). Въ „Великомъ зерцалѣ“ много статей подобраю на тему „какова зла вещь есть плясаніе“ (³). Мы упомянули, что въ древнерусскихъ памятникахъ, направленныхъ противъ пьянства, ставится въ связь съ пьянствомъ блуженіе. „Пьянство смущаетъ умъ на блуженіе и разжигаетъ все тѣло на совокупленіе“ (⁴). На любодѣяніе древнерусскія поученія (да и другіе письменные памятники) смотрятъ, какъ на особенно тяжкій грѣхъ. „Женидьба законъ Божій, а блуженіе въ муку вѣчную сводетъ“, замѣчаетъ слово св. отецъ о женидьбѣ и любодѣяніи (⁵). Поэтому то дьяволъ всѣми силами стремится ввести человѣка въ этотъ грѣхъ, особенно иноковъ (⁶). Кромѣ указанныхъ грѣховъ противъ самого себя, памятники древнерусской письменности останавливаются на пьяности и излишнемъ снѣ (⁷), на излишнемъ смѣхѣ (⁸), излишней болтливости или празднословіи (⁹), на невоздержаніи языка (¹⁰), гордости, тще-

(¹) Памят. стар. рус. лит. I. 209.

(²) Лубочн. карт. Снегир. 47 стр.

(³) Ровин. IV. 218.

(⁴) И. Я. Проф. Апокр. сказ. 47 т. 3. И. А. Н. 174 стр.

(⁵) Минея Чет. Митр. Макар. ркп. Син. биб. № 994. л. 752 об.

(⁶) Въ древнерусской письменности не рѣдко представляются разсказы, какъ діаволъ иногда соблазнялъ великихъ подвижниковъ. (Ркп. сбор. Сол. биб. № 840. л. 108—109. Патер. Син. L. XXXII. о малоизв. писат. Срезн. 58 стр.) вслѣдствіе чего поученія иногда запрещаютъ смотрѣть на женское лице (Мин. Чет. Митр. Макар. ркп. Син. библ. № 994. л. 435), говорить съ ними (Злат. Чепь ркп. Сол. библ. № 258. л. 150. Ркп. Сол. библ. № 854. л. 294—295. Рукн. для сельск. паст. 67. л. 1. 584—586).

(⁷) Полн. собр. русс. лит. I. 79. Поуч. Өеод. Студ.

(⁸) Срезн. LII Прил. къ XXII. т. 3. И. А. Н. 201.

(⁹) «О плототѣй вещи глаголемо празднословіе есть; токмо еже глагола о спасеніи души, се не есть празднословіе, обаче во всемъ молчати и смотрити дѣло есть». Златая Чепь № 258, л. 130.

(¹⁰) Измар. рук. Сол. биб. № 270, л. 30. Прол. ркп. Сол. библ № 60, л. 141.

словіи (¹). Въ одномъ древне-русскомъ словѣ мы встрѣчаемъ слѣдующій сводъ грѣховъ человѣка. „А вотъ, говоритъ проповѣдникъ, и худыя дѣла, отступныя отъ Бога, отъ которыхъ Христосъ Богъ велитъ намъ отступати и восходити на горы, — отъ которыхъ іереи велятъ намъ убѣгать, ибо суть весьма погубны, Богу ненавистны и святыми прокляты. Это свары, бои, смущеніе, превозношеніе, гордость, немилосердіе, зависть, злоба, презрѣніе братолюбія, причиненіе обидъ, лицемѣріе, непокорность, излоимство, осужденіе, хулы, пьянство, объяденіе, несытность, прелюбодѣяніе, грабительство, насиліе, непослушаніе Божіихъ словъ, преступленіе Божіихъ заповѣдей... ношеніе наузовъ (волшебныхъ повязокъ), кощунство... пѣсни бѣсовскія, плясаніе, бубны и сопѣли, козицы и игры бѣсовскія и всѣ худыя дѣла. Отъ этихъ дѣлъ велятъ намъ отцы наши духовные бѣгать и поступать по правиламъ святыхъ апостоловъ и богоносныхъ отцевъ". Проповѣдникъ запрещаетъ также „молвити срамно слово" и смѣяться надъ другимъ. „Будите смирени и кротцы, продолжаетъ онъ, — да и послушницы будете и творцы Божіимъ заповѣдемъ, въ гордаго бо сердци діаволъ сидитъ и Божіе слово не хощетъ прильнути ему" (²). Мы представили сводъ понятій объ обязанностяхъ человѣка по отношенію къ самому себѣ и грѣховъ противъ себя, какой проводился въ древне-русской письменности. Видимъ, что въ духовныхъ памятникахъ проповѣдывалось строгое воздержаніе и въ пищи, и въ питіи, и въ веселіи, и отношеніяхъ половъ, и смѣхѣ, и разговорахъ, и гнѣвѣ, и сознаніи своего достоинства и т. п. Проповѣдь не осталась безъ вліянія на массу народную. Воздержаніе отъ какихъ бы то ни было излишествъ, касаются ли они тѣлесной природы человѣка, или духовной, или, какъ народъ выражается, „знаніе мѣры во всемъ народъ поставилъ въ

(¹) Маргар. Минеи Чет. Митр. Макар. 989 стр. Лубоч. карт. 35 стр.

(²) Христ. къ Опыт. ист. обозр. р. слов. О. Мил. I, 142—143.

основанiи обязанностей человѣка къ самому себѣ. „Всякое дѣло мѣра краситъ“. Только воздержанiе и умѣренность во всемъ и дѣлаютъ изъ человѣка именно человѣка. Они съ одной (духовной) стороны поддерживаютъ въ человѣкѣ честь и достоинство, съ другой— сохраняютъ его здоровье. А сознанiе собственнаго достоинства, честь человѣка и его здоровiе въ человѣкѣ—главное. „Бесчестье хуже смерти“, по мнѣнiю народа. А о здоровьи онъ выражается: „здоровью цѣны нѣтъ“, „здоровье всего дороже“. Здоровью тѣлесному вредятъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бесчестятъ человѣка излишества въ ѣдѣ и питiи, чрезмѣрная лѣнь, распутство и т. д. „Много ѣсть не велика честь“, говоритъ народъ. И мы знаемъ, какъ народъ жестоко надсмѣялся надъ обжорливостiю (идолища) устами любимаго своего богатыря Ильи. Идолище спрашиваетъ Илью: много-ли онъ ѣстъ? Илья отвѣчаетъ, что онъ не особенно много ѣстъ—

По три фунта хлѣба ѣстъ,
И мяса ѣстъ по три фунта,
И пиво пьетъ по пивной чашѣ.

Илья ѣстъ, какъ здоровый работящiй человѣкъ. А по другимъ былинамъ Илья ѣстъ и этого меньше. Мы приведемъ еще одно указанiе изъ былины объ Ильѣ о количествѣ пищи, употребляемой Ильею. Былина сначала описываетъ фигуру богатыря, а потомъ указываетъ количество пищи, какое употребляетъ Илья.

Ростомъ онъ умѣренный, въ плечахъ не широкъ былъ,
Лицо у него постное, пиво пьетъ по стаканчику,
А вино-то пьетъ онъ всего по рюмочкѣ.
А закусываетъ-де по калачику.

Идолище, на оборотъ, говоритъ, что онъ много ѣстъ.

Ѣмъ-то я хлѣба по печи,
Мяса я ѣмъ по стягу,
И пива я пью по три .яндовы.

Идолище думаетъ похвалиться обжорствомъ; но Илья сравниваетъ его съ коровой, которая обожралась и лопнула (1). Обжорство унижаетъ человѣка и ведетъ его къ скотоподобію. Итакъ ѣсть нужно въ мѣру,—и самую простую пищу. Конечно „безъ соли не вкусно, безъ хлѣба не сытно"; но въ крайнемъ случаѣ достаточно и хлѣба батюшки, да водицы—матушки. „Хлѣбъ да вода здоровая ѣда". Если въ ѣдѣ нужно знать мѣру, то еще болѣе, по мнѣнію народа, нужно знать мѣру въ питьѣ. „Пить до дна не видать добра". Излишество въ употребленіи вина тѣмъ болѣе гибельно, что пьяный становится жертвою дьявола. „Вина напиться бѣсу предаться". „Въ пьяномъ бѣсъ воленъ". Пьянаго человѣка легче увлечь на всякіе пороки, онъ способенъ даже на самые тяжкіе грѣхи. „Иванъ пьетъ, а чортъ со стороны челомъ бьетъ" (2). Дьявола чрезвычайно радуетъ пьянство человѣка. Народъ русскій думаетъ, что пьяный отгоняетъ отъ себя ангела.—и даже Самъ Богъ оставляетъ его: „отъ пьянаго и Самъ Богъ уцекавъ" (3). Хорошо народное воззрѣніе на вино и пьянство выразилось въ народномъ стихѣ о Василіѣ Кесарійскомъ. Василій впалъ въ искушеніе. Стоялъ онъ на святой молитвѣ 25 лѣтъ и вдругъ послѣ такихъ подвиговъ Василій „испилъ едину чару" „хлѣльнаго питья". Но скоро опомнившись, Василій снова принялся за молитву. Явилась къ нему мать Пресвятая Богородица и велѣла замаливать грѣхи пять лѣтъ.

---

(1) Гильфердъ. 651. Труд. Этн. Отд. Общ. Ест. V кн. 2 вып. 34 стр.
(2) Послов. Даля 883. 273. 168.
(3) Зап. Им. Г. Общ. Этн. Отд. I. 395 стр.

Молился ты Василій
Двадцать и пять лѣтъ же,—
И молись Василій еще пять лѣтъ;
Такъ и будетъ тридцать лѣтъ.
Пущай изъ устъ твоихъ
Хмѣльный духъ поизыдетъ.

Василій съ этихъ поръ „заклинаетъ хмѣльное питье". Въ стихѣ далѣе указывается, кому изъ людей не слѣдуетъ употреблять „хмѣльнаго питья" и какія ведетъ за собою послѣдствія употребленіе его особенно излишнее. По свидѣтельству стиха, Богъ вовсе не велитъ употреблять „хмѣльнаго питья" „ни попамъ, ни дьякамъ, ни церковному причту". А пьяныхъ Богъ не велитъ даже и допускать до церкви, потому что „пьяный противенъ Богу" (¹). Пьяница является въ церковь не Богу молиться, а только гнѣвить Господа, да людей вводить въ соблазнъ. Въ духовныхъ стихахъ пьяница изображается, обыкновенно, въ самыхъ непривлекательныхъ чертахъ.

Кто въ вечеркѣ пляшетъ-скачетъ?—пьяница.
Заутреню просыпаетъ? пьяница.
Кто въ воскресный день до обѣдни бесѣду бесѣдуетъ?—
пьяница.
Кто обожрался,. облевался? —пьяница.
Кто въ грязи валяется?—пьяница.
Кого осуждаютъ?—пьяницу.
Кто сквернится, бранится, ругается?—пьяница.
Кто на бою, на дракѣ пребываетъ?—пьяница.
Кто ложно божится, стороннимъ свидѣтелемъ становит-
ся? пьяница (²).

Пьяница—„смертоубивецъ"—„кровопивецъ"—„живопродавецъ"—„сребролюбецъ". Короче, пьяница способенъ на всѣ пороки и преступленія. Особенно дур-

(¹) Кал. перех. VI в. 101 и 102.
(²) Ibid. — — 103.

ная черта пьяницы—сквернословіе. Хотя среди русскаго народа сквернословіе распространено, но тѣмъ не менѣе народъ считаетъ его дѣломъ грѣховнымъ и позорнымъ. Не велѣно (говоритъ народъ) матернымъ словомъ избраняться

Ни мужску полу и ни женскому:
Бранимъ мы, и скверпимъ, и поносимъ
Пресвятую Богородицу ([1]).

Къ сквернословію, повторяемъ, въ большинствѣ случаевъ расположенъ пьяница. Поэтому народъ, если не въ жизни, то по крайней мѣрѣ въ своихъ словесныхъ произведеніяхъ, въ которыхъ заключены его думы, убѣжденія и идеалы, востаетъ противъ пьянства, считая его дѣломъ дьявольскимъ, грѣховнымъ. И самое изобрѣтеніе вина русскій народъ приписываетъ дьяволу. Мы уже указывали на народныя легенды о Ноѣ, который первый изъ людей подвергся гибельному вліянію „хмѣльнаго питія". Итакъ, народъ сознаетъ губительность пьянства, хотя силою привычки и допускаетъ его употребленіе (иногда очень излишнее). „Вино веселитъ сердце человѣку" (Псал. 103, 15); но въ тоже время „вино вину творитъ". „Вино сперва веселитъ, а потомъ безумнымъ творитъ". Лучше всего народный взглядъ на употребленіе вина выражается въ пословицѣ: „пить добро, а не пить лучше того" ([2]). Что касается распутства, которое также и унижаетъ достоинство человѣка, и разстраиваетъ его здоровіе, то русскій народъ считаетъ его безчестіемъ для человѣка и великимъ грѣхомъ. Незаконнорожденное дитя служитъ позоромъ матери и само нерѣдко подвергается насмѣшкѣ. Когда сынъ Ильи-Муромца, незаконно прижитый отъ Сиверьянчины, выросъ и сдѣлался героемъ,—онъ хочетъ убить своего отца, потому что надъ нимъ, какъ незаконно-

([1]) Ibid. перех. VI в. 93. 107—108.
([2]) Посл. Снегир. 34.

рожденнымъ, смѣются сверстники (¹). Особенно великимъ грѣхомъ среди народа считается оскверненіе супружескаго ложа. Оскорбленный супругъ считается въ правѣ если не лишить жизни, то наказать самымъ жестокимъ образомъ дерзнувшаго оскорбить его супружескія права. Изъ былинъ о Чурилѣ мы видимъ, что во всѣхъ почти былинахъ, гдѣ разсказывается о его преступномъ посѣщеніи жены Бермяты, Чурило убивается Бермятою (²). Во многихъ былинахъ говорится, что и Добрыня убиваетъ Алешу Поповича, когда узнаетъ, что тотъ вознамѣрился у него у живаго отнять жену. Любимые народомъ герои относятся съ уваженіемъ къ супружескимъ правамъ. Какъ Іосифъ на преступную просьбу жены Пентефрія, такъ и атаманъ 40 каликъ Касьянъ Михайловичъ на грѣховное предложеніе жены Владиміра, отвѣчаютъ:

Не хочу я сквернить спальни княженецкой,
Но хочу я сквернить своего тѣла бѣлаго (³).

За прелюбодѣяніе, по убѣжденію народа, на томъ свѣтѣ послѣдуетъ строгое наказаніе. Въ народномъ духовномъ стихѣ „Грѣшница" представляется кающаяся душа, которая между другими грѣхами съ прискорбіемъ припоминаетъ и слѣдующіе:

Чужіе законы разлукивала,
Я чужова мужа много люблива̀ла,
Я въ утробѣ младенца спагубливала (⁴).

Одинъ совершенный грѣхъ ведетъ за собою новый грѣхъ, одно преступленіе вызываетъ другое. Далѣе, какъ позоръ и униженіе человѣка составляетъ

(¹) Гильфер. 1087. 1128 Посл. Снегир. 338.
(²) Гильфер. 1208.
(³) Гильфер. 412.
(⁴) Варенц. 238.

излишняя лѣность человѣка. Она не столько непосредственно бесчеститъ человѣка, сколько чрезъ посредство другихъ пороковъ, которые вызываются ею. „Лѣность есть мать пороковъ“. Какъ лѣность влечетъ за собою пороки и бесчеститъ человѣка, такъ трудъ отгоняетъ отъ человѣка пороки и возвышаетъ его. „Трудъ человѣка кормитъ, лѣнь портитъ“. Правда, нерѣдко „работа горька, да за то хлѣбъ сладокъ“ отъ работы. Въ „плачѣ Адама“ мы читаемъ, что человѣкъ для труда и созданъ Богомъ, а не для лѣни.

Сослалъ насъ Господь
На трудную землю;
Повелѣлъ намъ Господь
Трудами кормиться,
Намъ хлѣбъ сѣвати,
Хлѣба воскушати (1).

„Богъ труды любитъ“, замѣчаетъ пословица (2). Изъ духовныхъ обязанностей, которыя лежатъ на человѣкѣ, первая общая обязанность—стремиться къ духовному совершенствованію, хотя и не вдаваясь въ крайности. Человѣкъ долженъ сознавать и поддерживать свое человѣческое достоинство, свою честь, но не долженъ гордиться своими дѣйствительными и мнимыми достоинствами, какія бы бы ли ни были. Гордость—дѣло дьявольское. „Гордымъ Богъ противится“. „Дьяволъ гордился, да съ неба и свалился“. Зная, какъ гибельна гордость, дьяволъ и старается возбудить ее въ людяхъ. „Во всякой гордости чорту радости“ (3). Гордости противоположно смиреніе. Если „Богъ гордымъ противится“, то, на оборотъ, „въ простыхъ сердцахъ Богъ почиваетъ“. „Простота человѣка къ Богу приводитъ. Простота да чистота половина спасенія. Гдѣ

(1) Кал. перех. VI в. 287 стр.
(2) Посл. Снегир. 18.
(3) Ibid. 35. 74. 107. 386.

просто, тамъ ангеловъ со сто. Смиренье—Богу угожденье, уму просвѣщенье, душѣ спасенье, дому благословенье и людямъ утѣшенье" (¹). Какъ типическія лица гордаго и смиреннаго человѣка, представляютъ собою два брата Лазаря: богатый и бѣдный. Въ Евангеліи разсказывается притча о богачѣ, который постоянно пиршествовалъ, и нищемъ, который желалъ насытиться отъ крупицъ, падавшихъ со стола богача. Народъ русскій обратилъ на эту притчу особенное вниманіе,—и даже составилъ стихъ о „двухъ Лазаряхъ". Въ стихѣ выставлены двѣ личности: симпатичная фигура нищаго и отталкивающая фигура гордаго и надменнаго богача. Нищій Лазарь обращается къ своему брату за помощію.

Ой, милый братецъ мой, богатый Лазарь!
За имя Господне призри ты меня,
За имя Христово напой, накорми!
Сегодня я, братецъ мой, не пилъ, не ѣдалъ,
И хлѣба я соли въ ротъ не биралъ.
Сотвори мнѣ, братецъ, святую милостинку.
Тебѣ заплатитъ Господь Богъ за то.

Если бѣдный братъ не обнаруживаетъ ничего, кромѣ любви къ старшему брату и смиренія, то богатый братъ, наоборотъ, относится къ нему съ пренебреженіемъ...

Что-жъ ты за невѣжа такой человѣкъ?
Братомъ меня нарекаешь.
А и есть у меня братья, каковъ я самъ богатъ:
Купцы-те да бояры то братія моя;
Попы-те церковны—то хлѣбъ соль съ ними одна у меня,
А есть у меня два люты пса;
Али они то братья твои.
Плюнулъ же богачъ Лазарь, самъ прочь отошелъ (²).

(¹) Посл. Даля 722. 805.

(²) Кал. перех. I в. 50. 57; Варенц. 67. 71. 73.

Рисуя евангельскаго богача на подобіе знакомаго народу, зазнавшагося своимъ богатствомъ, мужика—торгаша, народъ русскій воплотилъ въ этомъ образѣ идею гордости. Обрисовавъ богача и бѣдняка, народъ произноситъ надъ ними свой судъ, согласный съ евангельскимъ. Пришла смерть къ бѣдняку. И на смертномъ одрѣ бѣднякъ вѣренъ себѣ. Умирая, онъ молится Богу:

Услыши, Господи, молитву мою:
Прими мою душу до хвалы своей,
А вже моя душа натерпѣлася,
Голоду и холоду понабралася,
А вже мое тѣло наболѣлося (¹).

Бѣдный Лазарь столько много въ жизни перестрадалъ, что проситъ у Бога скорой смерти. Не испытавъ отрады на землѣ, неудостоенный земнаго счастія, онъ не осмѣливается мечтать и о блаженствѣ загробномъ. Ему кажется, что и тамъ онъ точно также будетъ терпѣть и терпѣть, быть можетъ, только будетъ ему тамъ нѣсколько легче.—

Сошли ты мнѣ, Господи, скорую смерть;
Пошли ты мнѣ, Господи, грозныхъ ангеловъ,
Грозныхъ немилостивыхъ,
Чтобы вынули душеньку сквозь реберъ моихъ
Желѣзными крючьями..
Понесли бы мою душеньку
Во кипучую смолу.

Но нищій за свое терпѣніе заслужилъ лучшей участи.

Сослалъ ему Господь тихихъ ангеловъ,
Тихихъ и милостивыхъ;
Вынули душеньку и хвально, и честно
Въ сахарныя уста.

(¹) Кал. перех. I в. 63 стр.

Положили душеньку на пелену;
Понесли же душеньку на аеръ высоко,
Понесли же душеньку къ Авраамію, въ рай (1).

Надменность богача сказалась и при смерти. Онъ просилъ у Бога ангеловъ милостивыхъ, которые бы вынули душу въ сахарныя уста и потомъ унесли въ рай; но къ богачу Господь послалъ ангеловъ немилостивыхъ, которые вынули его душу „нечестно“ и потомъ

Понесли душеньку въ адъ къ сатанѣ,
Положили душеньку на огненный костеръ (2).

Повторяемъ: человѣкъ, по народному воззрѣнію, долженъ поддерживать свою честь, но не долженъ себя бесчестить излишнимъ сознаніемъ своего достоинства, гордостію и надмѣнностію. Подобнымъ образомъ, человѣкъ обязанъ возбуждаться негодованіемъ противъ зла, но его законный гнѣвъ не долженъ доходить до крайности, напр. переходить въ ненависть къ людямъ. „Гнѣвайся, да не согрѣшай“. „Гнѣваться человѣческое дѣло, а злопамятовать дьявольское дѣло“ (3). Злопамятованіе, ненависть, по мнѣнію русскаго народа, тяжкіе грѣхи. Также великій грѣхъ и зависть въ большинствѣ случаевъ вызывающая ихъ. Зависть граничитъ съ соревнованіемъ. Человѣкъ долженъ соревновать другимъ во всемъ хорошемъ, но завидовать не долженъ, потому что зависть грѣхъ, дѣло дьявольское. „Обидливъ да завистливъ не внидетъ въ рай“, (4), говоритъ народъ. Зависть тѣмъ худа, что не даетъ человѣку посмотрѣть на вещи прямо, безпристрастно, а соединенная съ ненавистью, она дѣлаетъ человѣка хищнымъ

(1) Калѣки перех. 50. 57. 46 стр.

(2) Ibid. I. 50. 57. 46; Варенц. 72. 76.

(3) Посл. Снегир. 70 стр.

(4) Послов. Снегир. 67. 104.

звѣремъ. „Волкъ хищникъ по природѣ, человѣкъ изъ зависти" [1]. При сужденіи о вещахъ, человѣкъ долженъ руководиться правдою и, на основаніи уже правдиваго сужденія, уважать и любить добро и ненавидѣть зло. „Правда груба, но Богу люба". „Кто правду хранитъ, того Богъ наградитъ". „Кто-жъ неправдою живетъ, того Богъ убьетъ". „Въ правдѣ Богъ помогаетъ, въ неправдѣ онъ же караетъ". „За правду Богъ и добрые люди". „Правда дороже золота" — и всего сильнѣе. „Завали правду золотомъ, затопчи въ грязь—все наружу выйдетъ". Тогда какъ—„безъ правды не житье, а вытье". „Вся неправда отъ лукаваго", и, стало быть, въ существѣ своемъ „всякая неправда грѣхъ". Поэтому, говоритъ народъ, „дѣлай не ложью, все будетъ по Божью", „другу не дружи, а недругу не мсти" [2]. Правда должна быть основою дѣйствій человѣка какъ въ отношеніи къ другимъ живымъ существамъ, такъ и регуляторомъ въ человѣческой рѣчи. Человѣкъ всегда долженъ говорить правду. „Хлѣбъ соль ѣшь, а правду рѣжь". А такъ какъ „правда не рѣчиста", „на правду словъ не много", то народъ даетъ еще правило—меньше говорить да больше дѣлать. „Много знай, да мало бай". „Бойся Вышняго—не говори лишняго". „Лишнее слово въ грѣхъ вводитъ". „Слово не воробей, выпустилъ—не поймаешь". Особенно народъ требуетъ отъ человѣка, чтобъ у него слово съ дѣломъ не расходилось. „Будь своему слову господинъ: не далъ слова крѣпись, далъ—держись".

---

(1) Послов. Даля 160. 162. 163. 180. 181. 190.

(2) Прав. Собесѣд. 1858 г. I т. 167—168 стр.

VII.

НРАВСТВЕННОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ РУССКАГО НАРОДА.

II.

ОБЯЗАННОСТИ ЧЕЛОВѢКА КЪ БЛИЖНЕМУ.

Переходимъ къ уясненію народныхъ воззрѣній на обязанности человѣка къ ближнимъ. Обязанности человѣка къ ближнимъ излагаются во множествѣ памятниковъ древнерусской письменности, между которыми главное мѣсто конечно занимаютъ поученія и житія. Такъ въ указанномъ выше словѣ Луки Жидяты излагаются и обязанности человѣка къ ближнимъ. Любовь, говоритъ проповѣдникъ, имѣйте со всяцѣмъ человѣкомъ, а болѣ з братіею и не буди ино на сердци, а ино на устѣхъ, но подъ братомъ ямы не рый, да тебе Богъ въ горшая тоя не вринетъ. Но буди правдивъ и бративъ тако, яко не кайся правда дѣля и закона Божія и приложа главы (то есть, за правду и законъ Божій не отрекайся и голову свою положить). Претерпите братъ брату и всякому человѣку, а не воздайте за зло; другъ друга похвали, да и Богъ тебя похвалитъ. Не мози свадити (ссорить), да не наречешися сынъ діаволу; но смиряй, да будеши сынъ Богу. Не осуди брата ни рѣчью, ни мыслію, помни своя грѣхи, да тебя Богъ не осудитъ. Помните и помилуйте странные и убогіе и гладные и темничники и своимъ сиротамъ милости-

ви будите, той бо вельми милостивъ есть, иже домашняя своя безъ скорби сотворитъ... Не убій, не солжи, или послухъ не буди" [1]. Обязанности человѣка къ ближнимъ, предписываемыя Лукою Жидятою, какъ видимъ, сводятся къ двумъ категоріямъ. Одни обязанности—положительныя, требующія отъ человѣка дѣланія добра ближнимъ, другія отрицательныя, запрещающія дѣлать зло ближнимъ. И въ другихъ памятникахъ древнерусской письменности налагаются на человѣка тѣже обязанности. Въ древнерусскихъ поученіяхъ проповѣдуется и убѣжденіе дѣлать добро людямъ, и запрещеніе наносить вредъ ближнимъ, будетъ ли онъ заключаться въ присвоеніи чужаго имущества [2], или лишеніи человѣка жизни, или лишеніи чести [3]. Но такъ какъ нанесеніе вреда человѣку вызывается или гнѣвомъ, или завистію, или мщеніемъ, то древнерусскіе учители востаютъ и противъ излишняго гнѣва [4], и противъ зависти [5], и противъ ненависти [6], и противъ мщенія [7]. Впрочемъ, чаще всего древнерусскія поученія излагаютъ положительную

---

(1) Христ. къ Опыту Ист. Обз. рус. сл. Мил. I, 182.

(2) Измарагдъ рук. Сол. библ. № 270 л. 34.

(3) О клеветѣ. Смарагдъ. Слово Іоан. Златоуста. Минеи Мак. рук. Син. библ. № 996 л. 747. Прологъ рук. Сол. библ. № 60 л. 316—318. и 320—обор. 321. (Люто есть клеветный вредъ, паче бо діаволу подобенъ есть). Объ осужденіи—Слово Анастасія. См. рук. Син. библ. № 996 г. 734. Измар. рук. Сол. библ. № 270 л. 21—32. (Судяй бо чужая грѣхи Христу противенъ есть). Прологъ рук. Сол. библ. № 60 л. 5 обор.—7.

(4) Измар. рук. Сол. библ. № 270 л. 30. Прол. № 60 л. 141 и 361—318.

(5) Смар. рук. Син. библ. № 996 л. 733 и № 997 л. 121 обор. Измар. рук. Сол. библ. № 270 л. 28. обор. (зависть—всѣхъ золъ злѣе есть).

(6) Прол. рук. Сол. библ. № 60 л. 369.

(7) Прол. рук. Сол. библ. № 60 л. 10 обор. (Примѣръ немстительности—Давидъ). Златостр. рук. Сол библ. № 259 л. 308.

сторону обязанностей человѣка къ ближнимъ и главнымъ образомъ останавливаются на дѣлахъ милосердія, какъ лучшемъ выраженіи христіанской любви къ ближнимъ. „Любовь имѣйте ко всѣмъ, читаемъ мы въ поученіи Владыки Матвея Сарайскаго къ дѣтямъ своимъ, — ко всѣмъ, къ богатому и убогому, къ нищимъ и бѣднымъ, и въ узахъ страждущимъ, яко и Христосъ имѣлъ любовь ко всему міру, подавая намъ образъ собою... Нищимъ раздробляйте хлѣбъ свой, убогихъ милуйте и немощныхъ, и на улицахъ лежащихъ и сѣдящихъ; посѣщайте находящихся въ темницахъ и утѣшайте; нагихъ одѣвайте, босыхъ обувайте, сирыхъ домочадцевъ не бейте, но еще больше милуйте и не морите голодомъ, ни наготою: ибо они суть домашніе нищіе. Убогій выпроситъ себѣ и въ другомъ мѣстѣ, а они только въ твои руки смотрятъ. Странныхъ вводите въ домъ свой и напитайте ихъ отъ своей трапезы. Вдовицъ призирайте и напитайте" (¹). Такое же наставленіе дѣлаетъ Митрополитъ Алексѣй въ посланіи въ Червленый Яръ: „вдовъ и сиротъ, плѣнниковъ и странниковъ милуйте и призирайте; находящихся въ темницахъ посѣщайте" (²). Множество подобныхъ наставленій мы найдемъ въ четіихъ-минеяхъ и прологахъ, въ поученіяхъ, приписываемыхъ Отцамъ Церкви, и житіяхъ. „Накорми алчущаго хлѣбомъ, даждь жадному чашу... пріодѣжи трясущагося зимою простѣйшею одеждою, сведи скитающагося по улицамъ въ домъ твой; обвесели скорбящаго, обрадуй сѣтующаго, почти ты и убогаго. Буди домъ твой прибѣжище служителемъ Божіимъ, пресвитеромъ и всякому церковному чину. Буди по Іову: око слѣпымъ, нога хромымъ, нагимъ одежа, безкровнымъ кровь. Буди нога твоя ча-

(¹) Ист. Рус. Цер. митр. Мак. V т. 2 вып. 162 стр. Сбор. Златая Цѣпь XIV в. Син. библ. Чт. въ Общ. И. и Др. 72 г. 3 кн. 116 стр.

(²) Ист. Рус. Цер. митр. Мак. V т. 2 вып. 161 стр.

сто приходящи къ темницамъ и къ болящимъ, и къ монастыремъ, домамъ святымъ" (1).

Наставленіе подавать милостыню, обыкновенно, сопровождается указаніемъ плодовъ, какіе даетъ она подающему ее. Среди памятниковъ древнерусской письменности мы встрѣчаемъ много такихъ словъ: „Слово, яко и по смерти милостиня Богу пріятна есть" (2). „Слово Исаака Сирина о милостини, аще по смерти пріятна есть, (3). Слово Златоуста, яко и по смерти милостиня добро (4). Слово о милостини, яко тою всея напасти избудемъ и милость получимъ (5). Какія благодѣянія оказываетъ милостыня, мы видимъ въ словѣ св. Григорія о милостыни. „Коль велика, говоритъ онъ, милостыни дѣла суть: духовныя наполняетъ, и къ Богу приближаетъ, и равная ангеломъ сотворяетъ. О томъ бо сама истина глаголетъ въ писаніи: творите милостыню, да и вамъ милостивъ будетъ Владыка Господь, дадите и дастся вамъ; писано бо есть: огнь гаситъ вода, а милостыня очиститъ грѣхи" (6). Какимъ образомъ милостыня очищаетъ грѣхи, на это даются слѣдующіе отвѣты. Вопервыхъ, за подающаго милостыню будутъ молиться облагодѣтельствованные имъ. „И если много можетъ молитва праведнаго единаго, то кольми паче, аще мнози тацыи возопіютъ къ Богу" (7).

(1) Минеи Чет. митр. Мак. рук. Син. библ. 2 іюля № 996 л. 10 обор.

(2) Минеи Чет. митр. Мак. рук. Син. библ. 2 апр. № 993 л. 21 обор. 22.

(3) Ibid. 2 апр. № 993 л. 113 обор.

(4) Ibid. 19 іюля № 996 л. 212 обор

(5) Ibid. 20 іюля № 996 л. 392 обор.

(6) Ibid. 11 марта № 992 л. 104. Сб. Нч. 50 стр.

(7) Ibid. 27 апр. № 993 л. 412 обор. № 997 л. 69 обор.

Вовторыхъ, подавая милостыню, человѣкъ, по древнерусскимъ поученіямъ, подаетъ ее самому Богу. „Хочешь-ли сохранить богатство, то даждь его въ руцѣ нищихъ и обрящеши тамо хлѣвины своя полны". „Милуяй убо нищаго Богу въ заемъ даетъ" (¹). „Кормяй нищаго наслѣдитъ сокровища" (²), потому что „дая нищему, Христу даетъ". „Да егда, братіе, видимъ нища или нага, или странна, или алчна и отъидемъ, не сотворивши симъ никоегоже добра, да вѣсте, яко самого Христа презряще минухомъ и себе лишихомъ вѣчныхъ благъ. Не свое бо кто имать имъ даетъ, но Божіе" (³). Въ различныхъ памятникахъ древнерусской письменности мы встрѣчаемъ много сказаній о видѣніяхъ, какъ милостыня, раздаваемая нищимъ, оказывалась поданною Богу. Одинъ житель Константинопольскій отличался необыкновеннымъ милосердіемъ. Когда его спросили, почему онъ такъ милосердъ, то онъ разсказалъ о слѣдующемъ событіи. Бывъ въ церкви и услышавъ отъ проповѣдника, что „дающій нищему самому Христу въ руцѣ влагаетъ", онъ усумнился въ справедливости словъ. Разсуждая: какимъ образомъ Христосъ, сѣдящій одесную Отца, можетъ брать то, что дается нищимъ, пошелъ онъ въ домъ свой. На пути встрѣчаетъ нищаго, идущаго въ рубищѣ и „надъ главою его стояще обличіе Господа нашего Іисуса Христа". Когда нищему подана была милостыня, то человѣкъ этотъ увидѣлъ, что образъ Спасовъ взялъ хлѣбъ изъ руки дающаго, и такимъ образомъ увѣрился въ справедливости словъ проповѣдника: „даяй нищему Христу даетъ" (⁴). Въ Антіохіи, разсказывается въ прологѣ, былъ

(¹) Мин. Чет. митр. Мак. рук. Син. биб. 12 апр. № 993 л. 142 обор. Прологъ рук. Сол. биб. 1 апр. № 60 л. 98 обор.

(²) Прологъ рук. Сол. биб. № 60 л. 261. Поученіе Евагрія мниха о милостыни.

(³) Мин. митр. Мак. изд. арх. ком. 8 сент. 351 стр.

(⁴) Мин. митр. Мак. изд. арх. ком. 8 сент. 1298 стр.

также чрезвычайно милостивый человѣкъ, который никогда не отказывалъ нищимъ. Разъ приходитъ къ нему нищій и проситъ одежду. Онъ далъ. Нищій приходитъ во второй разъ за одеждою, — онъ далъ. Нищій является въ третій разъ за одеждою, — онъ и въ третій разъ далъ нищему одежду. Нищій является въ четвертый разъ, но тогда уже онъ отказалъ нищему. И что-же? Видитъ этотъ человѣкъ во снѣ Спасителя, который спрашиваетъ его, почему онъ прискорбенъ? не изъ-за ризъ-ли? И тогда Спаситель показалъ ему ризы: „се первая риза, се другая, се третія, подобноже се и четверта. Убо не скорби прочее, вѣруй же, яко отнели сія далъ еси убогому, мнѣ сіе одѣяніе есть" (1). Въ Четьихъ-Минеяхъ Митр. Макарія подъ 18 октября въ словѣ о нѣкоемъ игуменѣ разсказывается, какъ Христосъ явился къ игумену въ образѣ убогаго старца, и игуменъ не обратилъ на него никакого вниманія. Послѣ разсказа дѣлается замѣчаніе: „се же мы слышаще, братіе, не отвращаемъ очію отъ убогихъ, зане самъ Христосъ Вседержитель ходитъ въ образѣ нищихъ; дающіе бо нищему Христу въ руцѣ даютъ (2). Милостыня, поданная въ лицѣ нищихъ самому Христу, спасаетъ человѣка. Мытарю Петру было видѣніе въ болѣзни, какъ ангелы и бѣсы вѣсили его дѣла и какъ много помогъ ему брошенный одному нищему хлѣбъ (3). Какую силу имѣетъ милостыня въ глазахъ Божіихъ, можно видѣть изъ сказанія, передаваемаго въ прологѣ, что Богъ простилъ разбойника изъ-за того только, что онъ „потщася угасити жажду старца", котораго хотѣлъ убить (4). Милостыня, по древне-русскимъ письменнымъ памятникамъ, служитъ и къ земному благополучію человѣка. Иногда Богъ изъ-за милостыни щадитъ чело-

(1) Прологъ рук. Сол. библ. № 59, л. 340 стр.

(2) Мин. митр. Мак. 18 окт. 1114—1115 стр.

(3) Мин. митр. Мак. изд. арх. ком. 21 сент. 1344—1345 стр.

(4) Прологъ рук. Сол. библ. № 59 л. 109 обор.

вѣка, хотя бы его слѣдовало наказать за грѣхи (1). Настаивая на необходимости подавать нищимъ милостыню, какъ видимъ, древне-русскія поученія сводятъ дѣла милостыни на нравственно-практическую почву, свидѣтельствуя, что милостынею человѣкъ не растрачиваетъ своихъ сокровищъ, а, наоборотъ, собираетъ ихъ на тотъ свѣтъ. „Егда накормиши убогаго, тогда мни, яко себе накормилъ еси. Тако бо вещество имѣетъ си вещь: даемая нами къ намъ ся возвратитъ“, читаемъ мы въ древне-русскомъ сборникѣ „Пчела“ (2). Въ этомъ сборникѣ проводится даже мысль, что и богатство земное дается намъ только для раздаянія бѣднымъ и нуждающимся. „Что гнѣваешися, егда нищіи просятъ? Яко отъ себе дая отня хотятъ, а не твоего, яко поручена ти есть ихъ ради, а не яже рожена суть съ тобою. Яже еси взялъ, дай и потребу отъ нихъ пріимеши“ (3). Въ древнерусскихъ памятникахъ иногда замѣчается, что скопленіе большаго богатства человѣкомъ свидѣтельствуетъ о недостаткѣ въ немъ любви и милосердія къ ближнимъ. „Иже Бога любя и ближняго любитъ, читаемъ мы въ „Златой Цѣпи“ —въ словѣ Максима, таковый же имѣнія хранити не можетъ, но растраяетъ, благолѣпнѣ коемуждо требующихъ подавая, иже подобію Божію милостыню творяй и не вѣсть разнства добру и злу“? (4). Какъ милосердіе, по древне-русскимъ письменнымъ памятникамъ, служитъ ко спасенію человѣка, такъ же немилосердіе лишаетъ человѣка спасенія. „Богатіи и скупіи не могутъ спастися, говоритъ св. Аѳанасій въ словѣ о милостыни. Аще вся дѣла добрая исправитъ богатый, а не будетъ милостивъ,

---

(1) Мин. Чет. митр. Мак. рук. Син. библ. 6 март. № 992 л. 61 об. Прологъ. рук. Сол. библ. № 60 л. 24 обор

(2) Сб. Пчела 56 стр.

(3) Сбор. Пчела 97 стр. Златая Цѣпь рук. Сол. библ. № 238 л. 263 обор. Мин. Чет. митр. Мак. 8 сент. 351 стр.

(4) Златая Цѣпь. Слово 26. № 258 л. 247.

то самъ ся льститъ: судъ бо безъ милости несотворшимъ милости. Кая богатому польза, аще не помнитъ зла а убогихъ сиротъ не милуетъ и презираетъ ближняя своя? Услышитъ бо тамо судію глаголюща: отъидите отъ меня проклятіи въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его, яко взалкахъ и не дасте ми ясти, возжадахъ и не напоисте мя, нагъ—не облекосте мене, боленъ—не посѣтисте мене" (1). „Не помиловалъ еси, говорится въ словѣ Златоуста немилоседному,—и ты будеши непомилованъ, не отверзеши ли убогому храма своего, затворенъ ти будетъ рай" (2).

Въ древнерусскихъ поученіяхъ часто поднимается вопросъ о томъ, какая милостыня выше: подаваемая-ли нищимъ, или приносимая въ церкви и монастыри. Вторая милостыня представляется высшею. „Аще кто творитъ милостыню къ чернцемъ, велику мзду сей отъ Бога пріиметъ... множайшу мзду имать паче, неже творящаго слѣпымъ и хромымъ, и прокаженнымъ (3)". Основаніемъ для этого „Златая Цѣпь" ставитъ то, что иноки „раби суть Божіи" (4). Что касается характера милостыни, то она, по древнерусскимъ письменнымъ памятникамъ, посильно должна даваться всѣми (5), и обязательно отъ чистаго сердца. „Аще убо и вельми кто убогъ есть, обаче долженъ отъ нищеты мало подати, то бо презвыдетъ много-дающихъ отъ изобилія, якоже бо и оная вдовица", которая съ двумя лептами принесла все свое имѣніе (6). „Ни бо мѣрою дающихъ судится милостыня, но изволеніемъ разума" (7). Это во-

(1) Смарагдъ. Мин. Чет. митр. Мак. рук. Син. библ. № 996 л. 746.

(2) Смарагд. Мин. Чет. митр. Мак. рук. Син. библ. № 996 л. 759.

(3) Рук. Сбор. Сол. библ. № 823 л. 45 обор. Руков. для сельск. паст. 70, II т. 307.

(4) Златая Цѣпь. рук. Сол. библ. № 258 л. 254.

(5) Измар. рук. Сол. биб. № 270 л. 217 обор.

(6) Златоструй. рук. Сол. библ. № 259 л. 287.

(7) Злат. Цѣпь. рук. Сол. библ. № 258 л. 258.

первыхъ. Вовторыхъ, милостыню должно творить, по возможности, въ тайнѣ, и не трубить о ней, подобно лицемѣрамъ (1). Далѣе, подаваемая милостыня, по древнерусскимъ поученіямъ, должна быть пріобрѣтена подающимъ честнымъ путемъ. Неправедная милостыня непріятна Богу. „Добрѣ не стяжати таковаго имѣнія, ниже приносити Богу“ (2), замѣчается въ одномъ древнерусскомъ поученіи. Точно также непріятна Богу и милостыня тѣхъ, которые живутъ „сами не трудящеся и къ церкви лѣнящеся, а всегда въ объяденіи и пьянствѣ пребывающе, то никакой успѣхъ таковыхъ милостыня есть, таковіи гнусни суть Богу. Иже оскорбляютъ вдовы и насиліе творятъ сиротамъ, непріятни дарове губителеви и любодѣеви... непріятна Богу таковыхъ милостыня“ (3). Что касается, наконецъ, примѣровъ милосердія, то ихъ въ различныхъ памятникахъ древнерусской письменности приводится множество. Часто, какъ на примѣръ странно-пріимства указывается на Авраама, который принималъ въ домъ свой странниковъ и однажды въ числѣ ихъ удостоился принять Господа (4). О святыхъ нерѣдко замѣчается: „бысть нищелюбивъ и страннопріимецъ и милостивъ“ (5).

Какъ бы ни были многоразличны обязанности человѣка по отношенію къ ближнимъ, тѣмъ не менѣе всѣ онѣ сводятся къ одной обязанности—любить ближняго, какъ самого себя. Народъ русскій, воспитанный въ понятіяхъ древне-русской письменности, также въ

---

(1) Злат. Цѣпь. рук. Сол. библ. № 258 л. 306 обор. 27.

(2) Злат. Цѣпь — — № 258 л. 263.

(3) Смарагдъ Мин. Чет. митр. Мак. рук. Син. библ. № 996 л. 741 об. Измар. рук. Сол. библ. № 270 л. 58.

(4) Златоструй. рук. Сол. библ. № 259 л. 288 обор. Сбор. Пчела 60 стр. Ив. Як. Порф. Апокр. сказ. 17 т. Зап. И. Ак. Наукъ. 225—226.

(5) Мин. Чет. митр. Мак. Син. библ. Іоан. Постн. сент. 126 л. Подоб. 142.

основу всѣхъ обязанностей человѣка къ ближнимъ ставитъ любовь. Третій даръ, который для своего оправданія человѣкъ подноситъ Богу, по духовному стиху, есть „любовь —добродѣтель“ (¹). По духовнымъ стихамъ, нерѣдко дѣлается внушеніе людямъ любить другъ друга, причемъ указывается на особую цѣну любви въ глазахъ Божіихъ. Въ стихѣ „12 пятницъ и пустынникъ“ пятница является къ Василію и говоритъ ему:

Поди-жъ на святую на Россію.
Разсказывай людямъ православнымъ,
Чтобъ другъ друга люди возлюбили,
Братьями-бъ они назывались,
Отцевъ—матерей почитали (²).

Въ другихъ варіантахъ этого стиха заповѣдь о любви высказывается прямѣе:

Другъ друга возлюбите,
Братъ брата почитайте (³).

Заповѣдь о любви, со своей положительной стороны, требуетъ отъ человѣка въ отношеніи къ другимъ людямъ правды и дѣланія добра, съ отрицательной— недѣланія зла. Богъ, говоритъ народъ, велѣлъ людямъ

Правдою жити,
Другъ друга любити,
Ни зла не творити (⁴).

Христіанская заповѣдь о любви разъясняется слѣдующими заповѣдями: „не убій, не укради, не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна, не

(¹) Калѣки перех. 5 вып. 247.
(²) Ibidem 6 вып. 160 л.
(³) Ibid. 6 вып. 173.
(⁴) Ibid. 6 вып. 285.

пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего, елика суть ближняго твоего; чти отца твоего и матерь твою".—Дѣлами, противными духу любви, представляются лишеніе жизни, имущества и чести другаго. Если народъ и не формулируетъ въ одномъ какомъ-нибудь словесномъ произведеніи своихъ требованій, излагающихъ обязанности человѣка къ другимъ людямъ, въ видѣ системы заповѣдей: не лишай другаго жизни, не лишай другаго имущества, не лишай другаго чести и т. д., то всетаки по всей массѣ словесныхъ произведеній народа сквозитъ духъ любви, безусловно осуждающій вредъ, наносимый имуществу, жизни и чести другаго. Похищеніе чужой собственности народъ считаетъ дѣломъ незаконнымъ и вреднымъ какъ для того, у котораго похищаютъ, такъ и для того, который похищаетъ. „Воръ воруетъ не для прибыли, а для гибели". „Воровать, говоритъ народъ, въ бѣду попасть". „Воровское стяжаніе въ прокъ не идетъ". „Чужими слезами никто не разживается" (¹). Воровство—дѣло беззаконное и вора, какъ беззаконника, Богъ рано или поздно непремѣнно выдастъ людямъ, такъ что и по своему смыслу, и по своимъ послѣдствіямъ „воровство послѣднее ремесло". Если не мирится съ Божескими и человѣческими законами похищеніе чужой собственности, то безусловно имъ противно похищеніе человѣкомъ жизни у другаго человѣка. Въ языческую пору нашъ народъ, или, вѣрнѣе, наши предки не цѣнили достаточно человѣка, какъ личность, какъ образъ и подобіе Божества: они могли, пожалуй, допускать безцѣльную драку до смерти и потомъ отвѣчать, подобно Василію Буслаевичу:

(¹) Посл. Даля 153. 157. 158. 180. Зап. И. Г. Общ. Эт. Отд. I, 467 стр.

А у насъ то, вѣдь, дѣло дѣется —
Головами, батюшка, играемся (¹).

Но усвоивъ христіанское ученіе, предки наши вполнѣ оцѣнили человѣка и на жизнь стали смотрѣть не какъ на „даръ напрасный и случайный", непонятный, для чего данъ онъ, а какъ на даръ безцѣнный, предназначенный для высокаго назначенія, которое опредѣлено человѣку. „Сгубить легко, да душѣ каково?" говоритъ народъ. Тяжело какъ душѣ убійцы, такъ и душѣ убитаго. Хорошо, если самъ убитый нисколько не виновенъ въ своей смерти. Тогда онъ умираетъ, какъ мученикъ. Но если онъ самъ виноватъ въ своей смерти столькоже, сколько и убившій его, тогда онъ—самоубійца, „чорту баранъ". Самоубійство, (конечно, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось), дѣлаетъ человѣка жертвою дьявола. „Удавился, такъ сатанѣ обручился" (²), говоритъ народъ. Лишеніе человѣка жизни—дѣло противное природѣ человѣка. Душа убійцы содрогается, при видѣ жертвы своего преступнаго дѣла. Убійцу караетъ голосъ совѣсти—и такъ караетъ, что онъ въ тѣлесномъ наказаніи, карѣ законовъ человѣческихъ ищетъ для себя облегченія отъ этого страшнаго внутренняго возмездія. Народъ въ своихъ словесныхъ произведеніяхъ также караетъ убійцу этимъ внутреннимъ судомъ—судомъ совѣсти. Въ памятникахъ народнаго творчества нерѣдко убійство служитъ темою того или другаго словеснаго произведенія, — и всегда оказывается такъ, что убійца въ своемъ же преступленіи находитъ для себя кару. Въ пѣсняхъ нерѣдко выводится мужъ, убійца своей жены. Убивая жену, мужъ находитъ, повидимому, для этого и право, и основаніе, но, по смерти жены, всѣ эти основанія и права, обыкновенно, разлетаются въ пухъ и

(¹) Пѣсни собр. Рыбн. I, 343 стр.

(²) Пословицы Даля 286 стр.

прахъ. Такъ, въ одной былинѣ выводится одинъ ревнивый мужъ—князь. Возвращаясь, послѣ трех-лѣтняго отсутствія, домой, онъ на дорогѣ справился у „старицъ" о своей женѣ, каково она безъ него жила. „Старицы" очернили жену въ глазахъ князя. Князь повѣрилъ клеветѣ „старицъ" и лишь только встрѣтился съ женою, убилъ ее. Но оказалось, что жена пострадала совершенно невинно. Тутъ-то вотъ, замѣчаетъ стихъ, князь и „закручинился" не на шутку.

Не сине море всколебалося
А у князя сердце разгорѣлося (¹)...

Разбойниковъ народныя пѣсни, обыкновенно, наказываютъ тѣмъ, что они по ошибкѣ убиваютъ кого нибудь изъ ближайшихъ своихъ родственниковъ и потомъ конечно съ ужасомъ узнаютъ объ этой ошибкѣ (²).

Только убить врага на полѣ брани, какъ дѣло необходимое, дозволяетъ народъ но убить человѣка въ какомъ—нибудь другомъ случаѣ (кромѣ казни царской) народъ считаетъ дѣломъ безусловно—преступнымъ. Даже и въ томъ случаѣ, когда по необходимости приходится человѣку омочить руки въ крови человѣческой, онъ вполнѣ не оправдывается отъ своего убійства.

Илья Муромецъ билъ враговъ русскаго народа и за то прославленъ народомъ; но того же самаго Илью народъ русскій заставляетъ произнести слѣдующія слова:

Надо бы служить Господу Богу молебенъ;
Окровавлены руки да во человѣчью кровь (³).

(¹) Гильфердъ. 1167 стр.

(²) Ibid. 1154 стр.

(³) Ibid. 654 стр.

Добрыня укоряетъ свою мать, зачѣмъ она дала ему жизнь; лучше бы, говоритъ онъ, сдѣлала мать, если бы умертвила его ребенкомъ, бросила въ море.

Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,
Не проливалъ бы крови я напрасныя,
Не слезилъ Добрыня отцевъ—матерей,
Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ,
Не пускалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ (¹).

Въ духовномъ стихѣ объ убіеніи женщины съ младенцемъ въ утробѣ замѣчается, что „за такое погрѣшеньице въ будущемъ вѣцѣ нѣтъ прощеньица“ (²). Пятно крови человѣческой, пусть она пролита законно, не смывается окончательно съ человѣка. Убійца, какъ онъ ни будь правъ, всетаки убійца. Отпуская Илью на подвиги, мать даетъ ему слѣдующее наставленіе:

Я на добрыя дѣла благословляю тебя,
На худыя дѣла благословенья нѣтъ:
Какъ поѣдешь ты путемъ—дорогою,
Не помысли зломъ на татарина,
Не убей во чистомъ полѣ христіанина (³).

Въ этомъ наставленіи матери Ильи народъ русскій вполнѣ высказываетъ свой взглядъ на убійство, и даже прямо даетъ заповѣдь „не убей“. Въ пословицахъ народъ не оправдываетъ не только убійство, но и побои. „Замахнись, да не ударь“, говоритъ народъ; „подними руку, да опусти“ (⁴). — Что касается лишенія человѣка чести, то также народъ русскій вполнѣ порицаетъ его. „Честь всего дороже, бесчестье

(¹) Кир. 2 вып. 31 стр.

(²) Рыбн. III, 131 стр.

(³) Авенар. 37 стр.

(⁴) Посл. Даля 208 стр.

хуже смерти",—по мнѣнію русскаго народа. Понятно поэтому, что на клевету народъ долженъ былъ смотрѣть, какъ на страшный грѣхъ, какъ на дьявольское дѣло. „Богъ любитъ праведника, а чертъ ябедника" (¹), замѣчаетъ пословица. Если противны духу любви убійство, воровство, клевета, то вполнѣ согласны съ этимъ духомъ дѣла милосердія. Дѣло милосердія народъ представляетъ (также и памятники древне-русской письменности) подъ формою милостыни. Милостыню народъ считаетъ дѣломъ въ высшей степени угоднымъ Богу. Милостыня,—это одинъ изъ путей, ведущихъ въ царство небесное. Что человѣкъ ни подаетъ бѣднымъ, то онъ подаетъ Богу; и Богъ за это платитъ человѣку какъ въ здѣшней жизни, такъ и въ будущей. „Въ окно подать —Богу подать". „Проситъ убогій, а подаешь Богу" (²). „Госць у домъ, Богъ у домъ" (³). „Не гони Бога въ лѣсъ, коли влѣзъ". „Богъ въ долгу не останется". „За голоднаго Богъ заплатитъ". „Милостивому человѣку Богъ подаетъ". Поэтому „дай Богъ подать, не дай Богъ просить" (⁴). Что касается характера дѣлъ милосердія, то онъ опредѣляется пословицей: „на милость образца нѣтъ". Дѣла милости человѣкъ долженъ оказывать постоянно, когда есть нужда въ нихъ. „Дорога милостыня во времена скудости" (⁵). Впрочемъ и „на милость разумъ нуженъ". Нужно знать, кому помогать и что выйдетъ изъ твоей помощи. „Доброта безъ разума пуста" (⁶). Какъ бы то ни было, но „милостыня—сухари въ дальную дорогу",—она открываетъ человѣку доступъ въ царство небесное. „Постъ, гово-

(¹) Послов. Даля 178 стр.

(²) Посл. Даля 760 стр.—Снегир. 345.

(³) Поэт. воз. слов. на прир. Аѳан. 2 т. 61 стр.

(⁴) Посл. Даля 710, 711, 111 стр.

(⁵) Посл. Снегир. 101 стр.

(⁶) Послов. Даля 107 стр.

ритъ народъ, приводитъ ко вратамъ рая, а милостыня отворяетъ ихъ" (1). Въ народныхъ стихахъ, изображающихъ добродѣтели, спасительныя для человѣка, обыкновенно, милостыня стоитъ на ряду съ молитвою и постомъ:

Душу спасти—постомъ, молитвою,
Въ рай—отъ дойти—да чистой милостыней (2).

На горѣ Ѳаворѣ, по свидѣтельству стиха о Голубиной книгѣ, когда І. Христосъ преобразился, показалъ Господь, кому мука, кому рай будетъ,

По чемъ рай будетъ, чѣмъ душу спасти,
У рай войти святою милостынею,
Душу спасти постомъ и молитвами,
И земными низкими поклонами (3).

Признавая милостыню спасительною, или, по народному выраженію, „спасеною", народъ нерѣдко заставляетъ оказывать дѣла милости своихъ любимыхъ героевъ. По одной былинѣ, Илья Муромецъ беретъ выкупъ за освобожденіе Соловья разбойника и часть этихъ денегъ отдаетъ сиротамъ православнымъ (4). Другая былина передаетъ, что Илья Муромецъ нашелъ клады. Часть клада, по былинѣ, онъ отдалъ на церкви Божіи, а часть—

Раздавалъ по нищей братіи,
Раздавалъ по сиротамъ безпріютнымъ (5).

Марко богатый, изображаемый въ легендахъ и сказкахъ надменнымъ, въ духовныхъ же стихахъ ми-

---

(1) Посл. Снегир. 489 стр.—Даля 18 стр.

(2) Тр. Эт. Отд. Общ. Ест. V кн. 2 вып. 38 стр.

(3) Кал. пер. 2 вып. 333 стр.

(4) Тр. Эт. О. Общ. Ест. V 2 вып. 21 стр.

(5) Авенаріусъ 276 стр.

лостивымъ, былъ, по свидѣтельству стиха, чрезвычайно добръ и простъ.

Нищихъ не забывалъ
И бѣдныхъ ссужалъ,
И насмѣшки народу
Не произносилъ....
На свѣтлое Христово воскресеніе
По сорока яицъ раздавалъ,
А бѣднымъ людямъ,
Малымъ сиротамъ
Хлѣбомъ—солью надѣлялъ,
Себѣ рай Господень и припасалъ (1).

За такія дѣла милосердія Марко получилъ царство небесное. Стихъ добавляетъ, что за Марка молились Богу нищіе, и Господь услышалъ ихъ просьбу.

Отходящая отъ тѣла душа, по изображенію духовнаго стиха, проситъ родныхъ творить по ея памяти милостыню.

Ахъ прошу у васъ послѣдняго одолженія
Раздѣлить мое имѣніе нищимъ и странникамъ,
Ихъ же молитвъ и слезъ теплыхъ послушаетъ Богъ
И подастъ для ихъ прощеніе грѣховъ моихъ (2).

Іисусъ Христосъ, возносясь на небо, далъ нищимъ право—жить Его именемъ. Онъ обѣщалъ нетлѣнную ризу тѣмъ, кто пріобуетъ и пріодѣнетъ нищихъ, — и райскую пищу тѣмъ, кто напитаетъ ихъ хлѣбомъ—солью (3).

Въ духовныхъ стихахъ нерѣдко высказывается призывъ къ дѣламъ милосердія:

Оставимъ мы злобу,
Воспріемлемъ кротость,

---

(1) Калѣки перех. 3 вып. 690—2 стр.

(2) Кал. пер. 6 вып. 317. 322 стр.

(3) Кал. пер. 1 вып. 6 стр.

Возлюбимъ мы нищихъ,
Убогую братью,
Накормимъ мы голодныхъ,
Напоимъ мы жадныхъ,
Обуемъ мы босыхъ,
Одѣнемъ мы нагихъ
Своимъ одѣяньемъ;
Проводимъ мы мертвыхъ
Отъ двора до церкви
Съ ярыми свѣчами,
Съ горькими слезами (1).

Насколько сочувственно памятники народнаго творчества относятся къ дѣламъ милосердія, настолько же несочувственно относятся они къ жестокосердію. Въ стихѣ о богатомъ Лаварѣ богачъ представляется холоднымъ, жестокимъ, безсердечнымъ человѣкомъ; богачъ этотъ никого не хочетъ знать. Отъ Бога, говоритъ онъ, я отдѣлаюсь молитвою, отъ барина откуплюсь казной, отъ злаго человѣка отобьюсь ружьемъ. Остаются нищіе. Отдѣлаться отъ нищихъ богачу кажется еще того легче. Богачъ не думаетъ о томъ, какъ бы помочь бѣднымъ людямъ. Нѣтъ, онъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, какъ бы удалить отъ себя нищихъ:

Атъ нищихъ, убогихъ вароты-ль запру,
Ня буду жъ я нищихъ ни паить, ни кармить,
Атъ темной атъ ноченьки я ни сахраню,
Нужнова съ нужды я не выручу.

Но не успѣлъ привести въ исполненіе своего замысла богачъ, какъ откуда ни взялась „немочь—хвороба",—а съ немочью явилась и смерть (2). Замѣчательно, что, одобряя дѣла милости, народъ требуетъ въ тоже время, чтобы деньга, идущая на дѣла милости, была пріобрѣтена честнымъ путемъ, была трудо-

(1) Кал. пер. 6 вып. 295 стр.

(2) Варенц.—215 и 216 стр.

вая и шла отъ чистаго сердца. Въ „Іерусалимскомъ свиткѣ“ Іисусъ Христосъ, повелѣвая почитать отца и мать, любить другъ-друга, не забывать „меньшую братію Христову“, касается и характера милостыни.

Милостыню воздай
Неукрадомую, отъ правяднаго труда,
Отъ потнаго лица, отъ жоланнаго сердца:
Та милостиня
Много грѣховъ оставляеть,
Вѣчныя муки избавляеть,
Къ небесному царствію наслѣждаеть (¹).

Аника воинъ, захваченный смертію, проситъ смерть отпустить его съ тѣмъ, чтобы онъ роздалъ свое имѣніе по церквамъ, по тюрьмамъ, по богадѣльнямъ, по бѣднымъ людямъ, по нищей братіи. Но смерть не соглашается дать Аникѣ пощады, потому что богатство у него пріобрѣтено нечестными путями:

Рабъ человѣкъ, Аника воинъ,
У тебя казна не трудовая,
У тебя казна праховая,
У тебя казна слезовая,
У тебя-ль съ кровопитья нажитая;
Да не будетъ твоей душѣ помощь...
Твоя казна прахомъ пойдетъ, провалится.
И не будетъ твоей душѣ пользы
На второмъ суду, на пришествіи (²).

Итакъ честную милостыню народъ признаетъ однимъ изъ путей, ведущихъ въ царство небесное, одною изъ высшихъ христіанскихъ добродѣтелей. Расположеніе къ дѣлу милосердія представляется одною изъ характеристическихъ черть русскаго человѣка; самъ онъ составилъ даже пословицу: „на Руси никто съ голоду не умиралъ“.

(¹) Кал. пер. 6 вып. 69 стр.
(²) Варенц. 114 и 124 стр.

Сообразно съ тѣмъ, что человѣкъ является то членомъ семьи, то членомъ государства, кромѣ общихъ обязанностей къ людямъ, на каждомъ человѣкѣ лежатъ еще частныя обязанности, имѣющія отношеніе или только къ семьѣ, или къ обществу. Къ семейнымъ обязанностямъ принадлежатъ обязанности, налагаемыя на супруговъ въ отношеніи другъ къ другу,—обязанности родителей въ отношеніи къ дѣтямъ и дѣтей въ отношеніи къ родителямъ.

Хотя въ памятникахъ древнерусской письменности часто встрѣчается одобреніе безбрачному житію, тѣмъ неменѣе рекомендуется и бракъ для немогущихъ вести безбрачную жизнь. „Не зло бракъ, но зло блудъ", читаемъ мы въ Маргаритѣ. Маргаритъ указываетъ на примѣръ пророка Исаіи, которому бракъ не помѣшалъ пророчествовать, на примѣръ Моисея, которому бракъ не попрепятствовалъ творить чудеса,—Петра, котораго не задержалъ въ проповѣданіи слова Божія,—Христа, который на бракѣ претворилъ воду въ вино, „дѣвствомъ бракъ почитая" (1). Бракъ святъ, если только онъ совершенъ съ благословенія священника (2). „Женитьба честна и ложе не скверно", если человѣкъ законно женится, и всякій мужъ имѣетъ свою жену (3). Отношенія мужа къ женѣ должны быть, какъ отношенія старшаго къ младшему. Жена должна быть помощницей мужу (4), и этимъ опредѣляются ихъ взаимныя обязанности (5). Самую главную обязанность супруговъ,

(1) Минеи Чет. митр. Макар. изд. арх. коммис. 986, 987. Срав. Измар. рук. Солов. биб. № 270-й л. 215.

(2) Посл. Фот.; Минеи Чет. митр. Мак. рук. Син. биб. № 996 л. 526

(3) Измар. рук. Сол. биб. № 270 л. 215.

(4) Мин. Чет. митр. Мак. изд. арх. ком. 986—7.

(5) Въ нѣкоторыхъ памятникахъ древнерус. письменности проводился крайній пессимистическій взглядъ на женщину (Пчела XLIII. XL. XXXIV.), но онъ не оказалъ замѣтнаго вліянія на народныя воззрѣнія о женщинѣ.

какъ родителей, составляетъ забота о воспитаніи дѣтей. Въ дѣлѣ воспитанія, обыкновенно, рекомендуется древне-русскими поученіями строгость къ дѣтямъ и наказаніе дѣтей. „Накажите измлада дѣти своя“ говорится въ Измарагдѣ. „Глаголетъ бо Божія премудрость: любяй сына своего жезла нань не щадитъ, наказуй его въ юности. да старость твою покоитъ тя. Аще кто не накажетъ дѣтей своихъ воли Божіей, то лютѣ разбойника осудится. Убійца бо тѣло умертвитъ, а родители аще не учатъ, то душю погубятъ“ (1). „Не ослабѣй бія младенца, аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравіе будетъ, ты бо бія его по тѣлу, душу его избавиши отъ смерти. Дщерь ли имаши, положи на ней грозу свою и зблюдеши отъ тѣлесныхъ, да не посрамиши лица своего, да въ послушаніи ходятъ“ (2). Со стороны родителей къ дѣтямъ требуется строгость, со стороны дѣтей къ родителямъ —почитаніе родителей и послушаніе имъ. Въ „словѣ Св. Отецъ, како дѣтемъ чтити родителя“ обязанности дѣтей къ родителямъ излагаются такимъ образомъ: „Се первая заповѣдь: любиши отца своего и матерь свою, благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли. Иже благо чтитъ родителя своего и слушаетъ велѣнія его, сей очиститъ грѣхи своя и отъ Бога прославится; аще ли кто злословитъ родителя своя, си предъ Богомъ грѣшенъ есть, и отъ Бога, и отъ людей проклятъ. А иже біетъ отца или матерь, отъ церкви да отлучится и лютою смертію да умретъ. Покояй матерь свою волю Божію творитъ, угожаяй отцу въ благихъ поживетъ“ (3). „Благословеніе отчее, чи-

---

(1) Смар. Мин. Чет. митр. Мак. ркп. Син. биб. № 996 л. 751. Измар. рук. Сол. биб. № 270 л. 89—96. Прологъ 5 іюня и 26 іюля. Опис. Сол. биб. 571 стр. Златоструй № 259 л. 463—464.

(2) О происх. Домостр. Чт. въ Общ. Ист. и Др. 72 г. III т. 107—108.

(3) Смарагд. рук. Син. библ. № 996 л. 751 обор. 752.

таемъ въ прологѣ, утвердитъ домы чадомъ и молитва матерня спасаетъ отъ напасти“ ([1]). И наоборотъ „отча клятва изсушитъ, а матерня искоренитъ“ ([2]). Основанiемъ къ почитанiю родителей указываются болѣзни матери при рожденiи дѣтей и заботы о дѣтяхъ при ихъ воспитанiи ([3]).

На ряду съ почитанiемъ родителей древнерусскiя поученiя внушаютъ мысль о повиновенiи власти какъ свѣтской, такъ и духовной. Въ словѣ „яко покарятися властемъ“ мы читаемъ: „Братiе, при всемъ повинуйтеся прововѣрнымъ княземъ. Властителемъ покланяй главу свою и званiя ихъ не буди преслушая... Противу судiямъ не вѣщай, аще и пронырыва суть, но отъ Бога дана имъ держава, тѣмъ же боятися ихъ подобаетъ, не злобы ихъ дѣля, но повелѣнiя Божiя“ ([4]).

Не только запрещается обнаруживать что-нибудь непрiязненное по отношенiю къ власти, даже думать. „Наипаче же — говорится въ словѣ св. Отцецъ, како крестьяномъ жити—своему князю прiязнь имѣй, а не мысли зла нань. Глаголетъ бо Павелъ апостолъ: отъ Бога власти всяки устроены суть. Рече бо: Бога бойтеся, а князя чтите. Аще бо власти кто противится, тотъ Божiю суду повиненъ есть, повелѣнiю бо противится Божiю“ ([5]). „Царя бойтеся всею силою своею. Предъ царемъ паче бойся лжу глаголати, яко погуби Господь вся глаголющая лжу, но съ покоренiемъ отвѣчай ему, аки къ самому Богу“ ([6]). На ряду съ на-

([1]) Мин. Чет. митр. Мак. рук. Син. библ. 9 авг. № 997 л. 118 обор. 120 обор.

([2]) Измар. рук. Сл. библ. № 270 л. 92 обор. 93.

([3]) Измар рук. Сол. библ. № 270 л. 213.

([4]) Ч. Мин. Митр. Мак. рук. Син. библ. под. 29 iюл. № 996. л. 446.

([5]) Измар. Сол. библ. № 270 л. 213. Назоч. Прав. Собес. 59 г. I т. 132 стр.

([6]) О происх. Домостр. Чт. въ Общ. Ист. и Др. 72 г. 3 кн. 106.

ставленіемъ почитать князя и власть гражданскую въ древнерусской письменности встрѣчается множество наставленій о почитаніи іеревъ. Въ „Златой Цѣпи“ дѣлается наставленіе: „чтите попы и дьяконы, яко служителя Божія“ (1). Въ словѣ Златоуста въ Измарагдѣ представляется основаніе къ почитанію іерейскаго чина. „Увѣдѣте вси, колика іерейска власть и честь: крещеніемъ и покаяніемъ и причащеніемъ поновляютъ вѣрныя и за вся молитвы Богу творятъ, тѣмъ не пререкайте: именемъ добрѣ чтите я и потребна давайте. Божіи бо суть слуги и предстатели тайнамъ Его“ (2). Точно также въ древнерусскихъ поученіяхъ дѣлается наставленіе отдавать должную честь и святительскому чину (3). Не почитаніе священника и осужденіе его почитается грѣхомъ (4). Итакъ вотъ обязанности человѣка въ отношеніи къ власти: „чти стара человѣка и родителя своя. Князя чтите; чтите отъ всего сердца іерея Божія, чтите слуги церковныя“ (5).

Сказавъ объ обязанностяхъ человѣка, какъ члена государства, какъ эти обязанности излагаются въ памятникахъ древнерусской письменности, мы переходимъ къ изложенію народныхъ воззрѣній на эти обязанности.

Что касается семейныхъ отношеній, то нужно замѣтить, что русскій народъ любитъ семейную жизнь и свято оберегаетъ права супружества. Мы уже имѣли случай говорить, какъ народъ русскій относится къ оскорбленію супружескихъ правъ. Мы знаемъ, что Чу-

---

(1) Злат. Цѣпь XVI в. О происх. Дом. Чт. въ Общ. Ист. Др. 72 г. 3 кн. 113.

(2) Смар. Мин. Митр. Мак. рук. Син. библ. № 996 л. 752 Изм. рук. Сол. библ. № 270 л. 91—95 и 211 обор.

(3) Чт. въ Общ. Ист. Др. 72 г. 3 кн. 117.

(4) Памятн. Отр. лит. II т. 195 стр. Мин. М. Мит. рук. С. б. 25 Авг. № 997 л. 1100.

(5) Христ. к Опыту Ист. об. рус. Слов. Миллера I т., 83.

рилю, увлекшій на преступную связь жену Берматы и Алеша Попович жену Добрыни, за оскорбленіе супружескихъ правъ, поплатились жизнію. Въ высшей степени интересно разсужденіе оскорбленнаго Добрыни по поводу втораго брака своей жены. Добрыня положительно недоумѣваетъ, какъ могло случиться подобное обстоятельство.

Гулялъ я молодецъ 12 лѣтъ,
Побилъ я силушки 12 ордъ:
Иншо гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
Отъ живаго мужа жену отнять (¹).

Обычай отнимать жену представляется въ былинахъ языческимъ обычаемъ, невѣрнымъ. О невѣрныхъ царяхъ былины говорятъ иногда, что они не прочь рѣшиться на такое нечестивое дѣло, какъ, напр., Калинъ хотѣлъ отнять жену Владиміра „молоду Опраксю Королевишну“ (²). Что касается русскихъ людей, то такое безобразіе, по мнѣнію русскаго народа, не должно существовать на Руси. Богатыри, оставляя своихъ женъ, просятъ ихъ оставаться вѣрными брачному союзу, а только уже послѣ своей смерти позволяютъ имъ вступить во второй бракъ.

Взаимная вѣрность супруговъ, это—первая и самая важная ихъ обязанность въ отношеніи другъ къ другу. Остальныя обязанности супруговъ сводятся къ тому, чтобы они во всемъ помогали другъ другу: въ воспитаніи дѣтей, поддержаніи домашняго обихода и т. д. Намъ нечего повторять того, что мужъ, по народному представленію, долженъ быть главою семьи. Развѣ упомянуть о томъ только, что народъ русскій даетъ право мужу наказывать жену,—право, которое, при неразвитости мужа, обнаруживается иногда въ

(¹) Пѣсни Киреев. 2 в. 16 стр.

(²) Рыбник. I, 138 стр. 145.

слишкомъ грубой формѣ. „Учи жену до дѣтей, а дѣтей до людей". „Бей жену до дѣтей, а дѣтей до людей". Какъ извращенное пониманіе власти мужа, представляется слѣдующее грубое заключеніе, будто „кто жену не бьетъ — милъ не живетъ" (1). Тѣмъ не менѣе любовь супружескую народъ русскій цѣнитъ чрезвычайно высоко. Въ памятникахъ народнаго творчества встрѣчаются примѣры, что овдовѣвшій супругъ не переживаетъ смерти своей половины. И это народъ заставляетъ дѣлать богатырей. Такъ Дунай, благодаря несчастной случайности, убившій жену свою Настасію, закалываетъ и себя. Гдѣ пала—де голова Настасьи, падай тамъ и голова Дуная (2). Точно также поступаетъ и Донъ, убившій свою жену (3). Въ этихъ фактахъ вполнѣ оправдывается народная пословица, что „мужъ и жена одна душа". Что касается отношенія супруговъ—родителей къ дѣтямъ, то оно, по мнѣнію народа, должно быть проникнуто искренней любовію къ послѣднимъ. На дѣтей народъ смотритъ, какъ на милость Божію. „Дѣти—благодать Божія", говоритъ пословица. „У кого дѣтей много, тотъ не забытъ у Бога" (4). „На што кладъ, коли въ дѣткахъ ладъ" (5).

Русскій народъ даетъ полную цѣну сохраненію и продолженію рода (6), и въ тоже время съ любовію останавливаетъ свое вниманіе на молодомъ поколѣніи. Въ своихъ словесныхъ произведеніяхъ онъ иногда представляетъ примѣры самой горячей привязанности родителей къ дѣтямъ. Припомнимъ народный стихъ объ Іосифѣ Прекрасномъ. Іаковъ, по изображенію стиха, питалъ

(1) Посл. Дал. 395.

(2) Рыбник. I, 778—194; II, 47—51.

(3) Рыбн. I, 194—7; Ibid. 26—32,

(4) Посл. Даля 401; Снегир. 443.

(5) Зап. И. Г. О. Эт. Отд. I, 359 стр.

(6) Припомнимъ настоятельныя просьбы Настасьи къ Дунаю не стрѣлять по ней изъ лука, а дать ей «спустити на свѣтъ свои сѣмены—поотродити младенца». Рыбник. I, 185 стр.

къ своему сыну Іосифу самую горячую отцовскую любовь. Когда принесли къ нему запачканную въ козлиной крови одежду Іосифа, онъ испытываетъ страшную скорбь по любимомъ сынѣ. Іаковъ старается рѣшить, чтобы могло сдѣлаться съ его сыномъ, чтобы могло погубить его, и съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ останавливается на разъясненіи такого печальнаго случая:

Ты куда, мое чадо, подѣвался?
Таки-ль шелъ въ пустыню—заблудился?
Не была бъ твоя риза предо мною;
Какъ бы тебя разбойники убили,
Не оставили-бъ Осиповой ризы,
По частямъ-бъ они ризу разодрали,
Какъ бы тебя звѣри растерзали,—
Знать было звѣриное терзанье,
Какъ бы тебя птицы расклевали,—
Знать было бы птичье клеванье.
Видно, братья Осипа сконцяли (¹).

У Іакова закрадывается сомнѣніе, ужъ не братья ли Іосифа виною его смерти? Какъ бы то ни было, Іаковъ скорбитъ по Іосифѣ, и скорбитъ до той самой минуты, когда онъ встрѣтился съ сыномъ. Превосходно народъ изобразилъ силу тоски Іакова по сынѣ. Когда Іосифъ встрѣтился съ отцомъ, онъ не пошелъ въ его объятія, а привелъ слѣпаго Іакова къ столбу.

Яковъ же столбъ къ себѣ принимаетъ,
Съ обѣихъ сторонъ сокъ выступаетъ.....

Когда потомъ Іаковъ, нѣсколько опомнившись, замѣтилъ хитрость Іосифа, онъ говоритъ сыну:

Спасибо любезное мое чадо,
Что ты не шелъ ко мнѣ въ руки;

(¹) Кал. пер. I вып. 157—158 стр.

Зажалъ бы съ тоски тебя до смерти (¹).

Такъ старикъ натосковался о своемъ Іосифѣ, и, такъ, стало быть, сильно онъ любилъ сына! Примѣры сильной материнской привязанности мы уже видѣли въ Пресвятой Дѣвѣ.

Обязанности родителей къ дѣтямъ заключаются въ заботѣ о воспитаніи дѣтей. „Умѣлъ дитя родить, умѣй и научить“. „Не тотъ отецъ — мать, кто родилъ, а тотъ, кто вспоилъ-вскормилъ и добру научилъ“ (²). Относительно воспитанія и наученія дѣтей мы замѣтимъ, что народъ совѣтуетъ не давать много воли дѣтямъ: „Дай дѣтямъ волю, то самъ пойдешь въ неволю“. „Коли матка сына балуетъ, петлю ему готовитъ“ (³). О дѣтяхъ родители должны заботиться до тѣхъ поръ, пока они не будутъ въ твердомъ разумѣ, родители должны пристроить дѣтей — какъ сыновей, такъ и дочерей, выдавъ послѣднихъ замужъ. Въ духовныхъ стихахъ дѣлается еще наставленіе не проклинать дѣтей. Въ средѣ русскаго народа есть обычай посылать иногда проклятіе дѣтямъ. Судя по духовнымъ стихамъ, народъ дошелъ до пониманія несостоятельности этихъ проклятій (⁴). Итакъ, „сына корми — себѣ пригодится, дочь корми — людямъ снадобится“.

Воспитанные любовію и заботами родителей, дѣти должны въ свою очередь, платить родителямъ тѣмъ же. Въ своихъ словесныхъ произведеніяхъ народъ представляетъ образцы самой высокой сыновней любви. Припомнимъ, какимъ высокимъ достоинствомъ отличается любовь къ отцу своему Іосифа, привязанность къ матери — Ѳеодора Тирона, уваженіе къ родителямъ — богатырей.

(¹) Кал. пер. I. в. 171 стр.

(²) Посл. Даля 406 — Тр. Эт. Общ. Ест. V 2 — 247.

(³) Этн. Сбор. библ. указ. 78 стр.

(⁴) Зап. И. Г. Об. Эт. Отд. I, 327 стр.

(⁵) Кал. перех. VI. 164. 166.

Іосифъ, проданный братьями, на чужой сторонѣ скорбитъ о своемъ отцѣ, какъ и отецъ о немъ, а проходя мимо могилы матери, онъ останавливается и плачетъ. Народъ русскій даже составилъ стихъ „плачь Іосифа“. Въ плачѣ Іосифъ обращается къ Богу и предъ Нимъ изливаетъ свою тоску (1). Ѳеодоръ Тирянинъ, узнавъ, что его матерь унесъ страшный змѣй, идетъ выручать ее, несмотря на всѣ опасности, какимъ подвергалъ себя (2). Относительно богатырей нужно сказать, что они питаютъ къ родителямъ почтеніе и на свои подвиги отправляются не прежде, какъ принявъ родительское благословеніе. Василій Буслаевичъ, при своей удали, ничего не считалъ священнымъ (кромѣ, развѣ, монастырей), но мать для него была святынею. Правда, въ одной былинѣ онъ говоритъ, что еслибы мать вовремя борьбы его съ Новгородомъ не сзади подошла, то онъ и ее бы убилъ (3); но въ другихъ былинахъ Василій Буслаевичъ категорически заявляетъ, что онъ не можетъ ослушаться матери, чѣмъ бы то ни было оскорбить ее:

Никого я не послухалъ бы,
А послухалъ бы тебя, родну матушку,
Не послухать мнѣ законъ не даетъ (4).

Изъ указанныхъ примѣровъ видимъ, что почитаніе родителей и послушаніе имъ, а на старости лѣтъ забота о нихъ, составляютъ первую обязанность для дѣтей. „Живы родители — почитай, померли—поминай“. „Кто родителей почитаетъ, тотъ во вѣки не погибаетъ“. „Покояй матерь свою волю Божію творитъ“ (5). На покорныхъ дѣтей изливается родительское благословеніе. А „родительское благословеніе на водѣ не тонетъ, на огнѣ не горитъ“. „Материнская мо-

---

(1) Ibid.—VII в. 199—205 стр.

(2) Ibid.—III в. 533 стр,

(3) Рыбник. I. 351 стр.

(4) Рыбник. I, 357 стр.

(5) Посл. Даля 409—4011 стр.

литва со дна моря достаетъ. И „дѣтямъ не жить, коли не умомъ да не благословеньемъ родителей". Что касается отношеній къ братьямъ и родственникамъ, то они также должны быть проникнуты взаимною любовію и уваженіемъ (¹).

Мы указали на самыя характеристическія и рѣзкія черты въ народныхъ воззрѣніяхъ на человѣка, какъ члена семьи, и указали его обязанности. Теперь покажемъ обязанности человѣка по отношенію къ міру. На міръ народъ смотритъ, какъ на общину, какъ на совокупность большаго количества семей, связанныхъ одними общими интересами. Въ этой связанности, въ этомъ союзѣ семей народъ сознаетъ свою силу, онъ не боится враждебнаго отношенія со стороны племенъ неродственныхъ. „Міръ—великое дѣло". „Мірская шея толста". Въ мірѣ только и спасеніе человѣка. Человѣкъ, какъ членъ міра—общества, долженъ повиноваться требованію міра. „Міръ—великъ человѣкъ". Поэтому „съ міромъ не расходись". „Въ какомъ обществѣ живешь, такого и обычья держись". „Съ міромъ не поспоришь". „Одинъ міра не перетянешь". Что міръ положитъ, такъ тому и быть. „Гласъ міра—гласъ Божій". Обязанности, налагаемыя на каждаго міромъ, это (въ общихъ чертахъ) воинская служба, взносъ подати, временная выборная служба на міру. Что касается службы военной, то она выпадаетъ не на всякаго („наборъ не поголовщина"), а только на того, кого укажетъ Богъ. Жеребей—судъ Божій. Защищать свой родной міръ, свое общество, отечество, государство—долгъ каждаго члена этого міра вообще и каждого члена, который на то и поставленъ, вчастности. На сколько высоко народъ ставитъ дѣло защиты родины, видно изъ того, что почти всѣ любимые богатыри—защитники Кіева, а съ нимъ, конечно, и всей русской земли. Дѣло богатырей и борьба ихъ со врагами имѣетъ, по былинамъ, двоякую цѣль: съ одной стороны,

(¹) Ист. предан. мал. нар. I, 179. 190. 195.

защитить отечество, съ другой—усилить еще, расширить его владѣнія". „Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ", отправляясь на подвиги, такимъ образомъ опредѣляетъ цѣль своей поѣздки.

Надо намъ тамъ битися да ратиться
Да стоять ли за стольный Кіевъ градъ,
За свое ли за родное за отечество,
За ту ли вѣру христіанскую ([1]).

А такъ какъ представителемъ народа является Государь, на которомъ, главнымъ образомъ, и лежитъ забота о храненіи Руси, то былины, обыкновенно, цѣлью богатырскихъ подвиговъ, на ряду съ храненіемъ Руси, ставятъ и храненіе царя, помощь—его начинаніямъ. Илья Муромецъ, отправляясь на богатырскіе подвиги и прося благословенія родителей, указываетъ, что онъ ѣдетъ въ Кіевъ къ Владиміру „на поможеніе и на сбереженіе" ([2]), хочетъ

Заложиться за князя Владиміра,
Послужить ему вѣрою—правдою ([3])

Ставя для себя цѣлью постоять за вѣру христіанскую, за родное за отечество, за стольный Кіевъ градъ, за князя за Владиміра, за княгиню Апраксію Тимоѳеевну, за вдовъ, за сиротъ и за бѣдныхъ людей, богатыри, какъ мы выше замѣтили, не только заботятся о сохраненіи Руси, они хотятъ еще усилить Русь, расширить ея владѣнія, дать ей господство надъ другими народами. Разсказывая о подвигахъ Добрыни, цѣлью поѣздки богатыря былина ставитъ то, что онъ поѣхалъ

([1]) Гильф. 657.
([2]) Пѣсни собр. Кирѣев. I, 25.
([3]) Кирѣев. I, 34.

Корить-то (покорять) тамъ языки невѣрныи,
А прибавлять земельки свято-русскіи (1).

Илья Муромецъ Михайлу Потоку Ивановичу, отправляющемуся на богатырскіе подвиги, дѣлаетъ тоже наставленіе:

Кори ко ты языки тамъ невѣрныи,
Прибавляй земельки святорусскіи (2).

И про свои подвиги Илья разсказываетъ, что онъ тоже, когда выѣзжалъ на ратные подвиги, — „корилъ языки невѣрныи, прибавлялъ земельки святорусскіи“ (3). Обязанность „постоять“ за русскую землю, оберегать, защищать ее отъ враговъ, пріобрѣтать ей славу, какъ видимъ, въ представленіи русскаго народа одна изъ самыхъ священныхъ обязанностей сыновъ Руси. Смерть на бою представляется мученичествомъ. „Солдатъ— Богу свѣча, Государю—слуга“ (4). Какъ высоко народъ русскій цѣнитъ павшихъ за вѣру, царя и отечество, прекрасно изображаетъ картина видѣнія князя Дмитрія (въ духовномъ стихѣ „о Дмитревской субботѣ“).

Князь задумался во время Богослуженія,—и представилось ему Куликовское поле.

Изустлано поле мертвыми тѣлами
Христіанами да татарами:
Христіане-то какъ свѣчки теплятся,
А татары-то какъ смола черна.
По тому-ль полю Куликову
Ходитъ мать Пресвятая Богородица,
А съ нею апостоли Господни,
Архангели—ангели святыи,

---

(1) Гильф. 1091. 1179.

(2) Гильф. 259.

(3) Гильф. 263.

(4) Послов. Даля 266.

Со святыми со свѣщами,
Отпѣвають они мощи православныхъ,
Кадитъ на нихъ мать Пресвятая Богородица.
И вѣнцы съ небесъ на нихъ сходятъ.

Такъ какъ Димитрій въ это время былъ въ храмѣ, то Пресвятая Богородица замѣчаетъ ему, что онъ „не въ своемъ мѣстѣ", что ему „слѣдуетъ предводить лики мучениковъ" ([1]). Стихъ этотъ „о Дмитріевской субботѣ" вполнѣ выражаетъ народное воззрѣніе на дѣло защиты родины и смерть за родину. Павшіе за отечество—это „мученики", награда за ихъ мученическую смерть—„небесные вѣнцы". На сколько русскому народу кажется дикимъ и неестественнымъ явленіемъ измѣна отечеству, лучше всего можетъ показать отвѣтъ Крымскому хану, будто бы взятаго имъ въ плѣнъ, Пожарскаго. По народнымъ историческимъ пѣснямъ, Пожарскій попадаетъ въ руки крымскихъ татаръ. Крымскій ханъ уговариваетъ Пожарскаго измѣнить родинѣ, а служить вѣрой-правдою ему, хану. За то онъ обѣщаетъ наградить Пожарскаго золотомъ, серебромъ, красными дѣвицами. Но что же отвѣчаетъ Пожарскій?

Я бы радъ тебѣ служить самому хану Крымскому,
Кабы не скованы мои рѣзвы ноги;
Да не связаны бѣлы руки во чембуры шелковые,
Послужилъ бы я тебѣ вѣрою на твоей буйной головѣ,
Я срубилъ бы тебѣ буйную голову.

Пожарскій надсмѣялся надъ предложеніемъ хана, и конечно поплатился за это жизнію: ему „отрубили буйну голову", „изсѣкли его бѣло тѣло во части во мелкія" и разбросали ихъ по чистому полю. Если ханъ надругался надъ тѣломъ Пожарскаго, то народъ, съ своей стороны, спѣшитъ воздать ему честь,—онъ за-

---

([1]) Калѣки перех. 3 вып. 674 стр.

ставляетъ казаковъ собрать разбросанныя части тѣла, сложить ихъ и отпѣть. Стихъ замѣчаетъ, что лишь только сложены были части тѣла Пожарскаго, совершилось чудо, которому всѣ „дивова́лися“: „его тѣло въ мѣсто срасталося“ (¹).

Мы передали воззрѣніе русскаго народа на служеніе каждаго человѣка своему отечеству, на служеніе родному русскому міру. Но „міръ не безъ начальника“. Этимъ начальникомъ міра въ древнюю пору считался родоначальникъ, затѣмъ, — выборное лицо; потомъ, — при увеличеніи русскаго народа, верховными начальниками міра сдѣлались князья. Наконецъ, при громадномъ расширеніи Руси, міроправителемъ признанъ былъ уже царь. Сосредоточеніе власти въ рукахъ одного лица, объединившее и усилившее русскій народъ, какъ извѣстно, сдѣлало его способнымъ вынесть даже такія тяжелыя испытанія, какъ борьба съ татарами, шведами, и т. д. Такимъ образомъ, съ одной стороны, сознаніе своей народной силы, связываемое съ лицомъ царя, съ другой церковная проповѣдь на тему—„воздадите кесарева кесареви“ сдѣлали то, что русскій народъ полюбилъ русскаго царя до обожанія и съ гордостію сознается, что „русскій народъ царелюбивый“. Съ царемъ, какъ съ своимъ высшимъ начальникомъ, русскій народъ такъ сроднился, что безъ царя онъ себя и мыслить не можетъ. Царь, какъ человѣкъ, представляется русскимъ народомъ совершенствомъ. Онъ—воплощенная правда: „гдѣ царь, тутъ и правда“, онъ—олицетворенная милость: „нѣтъ больше милосердія, какъ въ сердцѣ царевомъ“.—Какъ начальникъ русскаго народа, царь выше закона. Его „святая воля царская—законъ“. „Воля царская не судима“. „Одному только Богу Государь отвѣтъ держитъ“, хотя съ другой стороны,—Самъ Богъ судитъ царя несравненно строже, чѣмъ всякаго другаго человѣка.

(¹) Сказ. Рус. Нар. Сахар. I, 258.

„За царское согрѣшеніе Богъ всю землю казнитъ, за угодность милуетъ“ (1)

Такъ высоко цѣня своего Государя, русскій человѣкъ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ умереть за него, если бы того потребовали обстоятельства, а личность царя въ его глазахъ должна быть неприкосновенною. Хорошо о неприкосновенности царской особы народъ высказывается въ былинѣ, по случаю казни сына Грознаго. Царь Іоаннъ Грозный, рѣшившись въ запальчивости казнить своего сына, потомъ сознаетъ свою ужасную ошибку:

Растужится-расплачется нашъ грозный царь:
Какова змѣя лютая
И та не поядаетъ своихъ чревъ,
А я съѣлъ—сгубилъ своего дѣтища,
Молода зелена царевича (2).

Царь жалуется на своихъ приближенныхъ, что они не защитили его сына отъ его гнѣва: „по ворахъ, да по разбойничкахъ есть заступнички“, говоритъ онъ, а по его „дитяткѣ нѣтъ заступушки“... Есть! Есть!... отвѣчаетъ Грозному народъ. На Руси не можетъ быть царской казни, — царскій сынъ спасенъ! Никита Романычъ приводитъ къ Грозному его сына живымъ и объясняетъ, что онъ вырвалъ его изъ рукъ Малюты, а самого Малюту убилъ,—

Зачимѣ же иде казнить царскій родъ:
Царскій родъ на казни не казнится (3).

Нечего и говорить, что Грозный былъ чрезвычайно обрадованъ такимъ поворотомъ дѣла, и по одной былинѣ онъ такъ оцѣниваетъ поступокъ Никиты Романыча:

---

(1) Послов. Даля 246.

(2) Пѣсни собр. Кирѣев. 6 вып. 65.

(3) Гильфердц. 109.

Вѣдь не мнѣ бы чаремъ, а тео (тебѣ) должно бытсь,
Ты умѣлъ соблюсти чарьски сѣмены (¹).

Царская кровь настолько священна, въ глазахъ русскаго человѣка, что когда Грозный приказалъ казнить своего сына, онъ на всѣхъ навелъ ужасъ,

Всѣ бояре испугалися,
Другъ за друга хоронилися,
Малый прячется за стараго,
Старый прячется за малаго (²).

Завзятые палачи,—даже крови не русской,—и тѣ не рѣшаются поднять руки на царевича:

Намъ нельзя поднять руки татарскія
На твои роды на царскіе (³).

Только одинъ Малюта Скурлатовъ не прочь исполнить страшное порученіе.

А моя-то работушка во мнѣ пришла...
Много казнивалъ я князей, бояръ,
Не казнивалъ рода царскаго:
Пойдти сказнить молодаго царевича (⁴).

Можно видѣть изъ словъ Малюты, что онъ за человѣкъ. Это—извергъ, это—воплощенный діаволъ; человѣческихъ чувствъ въ немъ нѣтъ, казнь—его наслажденіе. Только такой человѣкъ, по мнѣнію народа русскаго, и можетъ дерзнуть на священную особу царя и царскихъ дѣтей, только такой человѣкъ и способенъ пролить царскую кровь.

Что касается отношенія царя къ Руси, то оно, по мнѣнію народа, должно быть проникнуто духомъ

(¹) Этн. сбор. V вып. смѣсь 30 стр.

(²) Кирѣев, VI вып. 91 стр.

(³) Гильфер. 900 стр.

(⁴) Рыбн. I, 391; Кир. 6 вып. 95 стр.

любви, милости и справедливости. Идеальныя черты царя, какъ его понимаетъ народъ, высказываются въ рѣчи Софьи Романовны, жены Грознаго, которая передъ своею смертію даетъ мужу слѣдующее наставленіе.

Не будь ты яръ, будь ты милостивъ,
До своихъ князей, до думныхъ бояръ....
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ солдатушекъ служащіихъ,
До всего народу православнаго (1).

Общія требованія отъ каждаго человѣка по отношенію къ царю заключаются въ исполненіи его воли и уваженіи къ нему и молитвѣ за него. „Царя не всякъ видитъ, а всякъ за него Бога молитъ" (2). Слово, оскорбительное для царя, считается преступленіемъ (3).

Требуя отъ человѣка уваженія къ Государю и исполненія его царскихъ законовъ, народъ вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ требованіе вообще повиноваться всякой власти. Повиновеніе начальству—повиновеніе Богу, потому что „всякая власть отъ Бога". Что касается отношенія властей между собою, то народъ даетъ одно правило: „чинъ чина почитай" (4).

Прежде чѣмъ излагать народныя воззрѣнія объ обязанностяхъ человѣка къ ближнимъ, объ отношеніи человѣка къ семьѣ и государству, о почитаніи родителей и начальниковъ, мы представили вкороткѣ ученіе объ этихъ предметахъ, какъ оно предлагалось народу пастырями церкви, какъ оно излагалось въ памятникахъ древнерусской письменности. Припомнивъ церковное ученіе объ обязанностяхъ человѣка къ дру-

---

(1) Пѣсни собр. Кир. 6 вып. 115 стр.

(2) Послов. Снегир. 445.

(3) Гильфер. 1059.

(4) Посл. Даля 249 стр.

гимъ людямъ и народныя воззрѣнія о томъ же предметѣ, мы должны сказать, что народныя воззрѣнія въ значительной степени подчинились церковному ученію. Да, это нужно замѣтить и вообще относительно всего нравственнаго міросозерцанія русскаго народа.

Если мы вздумаемъ пересмотрѣть народные стихи о страшномъ судѣ и о великой грѣшницѣ, сравнимъ грѣхи, перечисляемые въ народныхъ стихахъ съ грѣхами, указываемыми церковію въ чинѣ исповѣди, то мы въ этимъ убѣдимся, какъ нельзя болѣе. Въ духовномъ стихѣ „грѣшная душа" вспоминаетъ, какъ извѣстно, содѣланные ею грѣхи. А въ стихахъ о страшномъ судѣ передаются рѣчи І. Христа, Божіей Матери и Михаила Архангела, обращенныя къ грѣшникамъ, которые просятъ ихъ о помилованіи. Вотъ что, по народнымъ стихамъ, скажетъ Господь грѣшникамъ на страшномъ судѣ [1].

Того ради васъ прочь отсылаю
Отъ своего царства небеснаго:
Какъ жили вы на вольномъ на свѣтѣ,
Вы воли Господней не творили,
Заповѣдь Божію преступали (78 стр.),
За хрестъ, за молитву не стояли (80 стр.);
У васъ были церкви соборныя (124);
Вы не охочи были ходить въ Божьи Церкви (160);
Колокольнаго звона вы неслыхали (98)
Вы заутрени, грѣшные, просыпали,
Вы обѣдни въ обѣдахъ прообѣдали,
Вы вечерни на улицахъ проиграли,
Вы къ отцамъ духовнымъ на исповѣдь не хаживали
Вы грѣховъ своихъ не объявливали (160—1)
Едина причастьевъ Христовъ тѣла не примывали, (233)
Вы постовъ, вы молитвъ не знавали (601),
Земляныхъ поклоновъ не кладывали (80),
На Божій престолъ свѣчей не пріузнашивали (233),

---

[1] Изъ всѣхъ подобныхъ стиховъ, напечатанныхъ въ пятомъ томѣ сборника Безсонова «Калѣки Перехожіе» мы сдѣлали сводный стихъ. Страницы, откуда заимствованы стихи обозначены при самыхъ стихахъ.

Вы не середы, ни пятничи не требовали,
Да не свѣтлова Христова Воскресеньица (164);
Великаго говѣнья не гавливали (217),
Поздо говѣнье (позднее говѣнье во время поста) все ложью сцитали (164);
И даны вамъ книги Божьи (98),
А въ церквахъ кни'и уложенныя (124),—
Пѣтья церковнаго вы не понимали (98);
Писанію Божію не вѣровали (239),
Вы Божье Писанье ложно читали (243);
Поповъ и дьяковъ ни во что чли (124);
Отца духовнаго въ домъ не водили (243);
Отца съ матерью вы не почитали (80);
Вы другъ друга не любили,
Вы нищую братью обиждали (78);
Святой милостыни не сдавали (80):
Вы нагого не одѣли,
Вы босаго не обули,
Вы гладнаго не накормили,
Жаднаго не напоили (78),
Вы заблудящимъ дорогу не показали,
И вы мертвыхъ въ гробахъ не провожали (142);
Красную дѣвицу изъ стыда не вывели (56);
Вы свою волю творили (98),
Дьявольскія помышленія
Вы всегда помышляли;
Вы въ гусли во свирѣли играли,
Скакали—плясали,
Все ради его—ради діавола (130).

Если мы добавимъ къ указаннымъ въ приведенномъ стихѣ грѣхамъ еще тѣ, въ которыхъ изобличаетъ себя грѣшная душа, то у насъ составится полная картина нравственно-практическихъ воззрѣній русскаго народа, составившихся подъ непосредственнымъ вліяніемъ церковной письменности. Мы приводимъ здѣсь и стихъ о грѣшной душѣ, то есть не стихъ, а вѣрнѣе, тѣ части его, которыя могутъ служить дополненіемъ къ приведенному сводному стиху (1).

---

(1) Мы тоже сдѣлали сводный стихъ. Въ основу положенъ «стихъ про душу великой грѣшницы», напечатанный въ Лѣт. Рус. Нар. Лит. I т.

Въ полюшкахъ душа много хаживала,
Не по праведну землю раздѣливала:
Я межку черезъ межку перекладывала,
Съ чужой нивы землю украдывала,
Чужу—полосу за межу зажинывала,
По насердки (со злости) зароды (стогъ ржи) зажигивала.
Не по праведну покосы я раздѣливала,
Чужую полосу позакашивала,
Въ соломахъ я заломы заламывала,
Со всякаго хлѣба споръ отнимывала;
Скотину въ поле понапущивала,
Сусѣдній хлѣбъ повытравливала,
Я добрыхъ людей оголаживала.
Изъ коровушекъ молока я выкликивала (др. отнимывала),
Во сырое коренье я выдаивала...
Съ малешеньку дити свое проклинывала,
Во бѣлыхъ во грудяхъ я его засыпывала,
Въ утробѣ младенца запорчивала (засушивала),
сгубливала,
Змія люта къ бѣлымъ грудямъ припускивала,
Мужа съ женой я поразваживала,
Золотые вѣнцы поразлучивала,
Я чужова много мужа любливала.
По улицамъ душа много хаживала,
По подоконью душа много слушивала,
Хоть не слышала, скажу: слышала,
Хоть не видѣла, скажу: видѣла,
Изъ бесѣды въ бесѣду вѣсти снашивала,
По свадьбамъ душа много хаживала,
Подъ всякія игры много плясывала,
Самого сатану воспотѣшивала;
А я съ утра душа да бранилася,
А я у вечера душа да не прощалася;
По темнымъ лѣсамъ душа хаживала,
По дорожкамъ душа да много сиживала,
Я головушекъ душа да много сгубливала,
Я злата и серебра отбирывала,
Подъ колодушки головушки подкачивала,

II отд. 155—166. Др. варіанты изъ об. Варенц. 144—147. 232—9
Кирѣев. XXIV, XLVII.

По темнымъ лѣсамъ душа много хаживала,
Я на бортушки душа много лаживала,
Да я пчелушекъ душа много выламывала,
Я салодзенкій мядокъ душа облизывала;
Я ходила душа по царевымъ кабакамъ,
Выпивала душа много зелена вина,
Померла душа безъ покаянія,
Безъ того ли безъ попа безъ духовнаго.

Перечисляемые въ стихахъ грѣхи даже въ формѣ, какъ видимъ, очень напоминаютъ собой вопросы въ чинѣ исповѣди,—они являются какъ бы отвѣтомъ на эти вопросы. Такъ чинъ исповѣди (¹) спрашиваетъ: „отрочате у себе не уморила ли еси“? Грѣшная душа отвѣчаетъ: „я въ утробѣ младенца спагубливала“, „во бѣлыхъ грудяхъ я его засыпывала“. Въ чинѣ исповѣди читаемъ: „не разлучила ли еси жену съ мужемъ, или остудила мужа отъ жены, или жену отъ мужа?“ Въ стихѣ народномъ находимъ: „мужа съ женой я поразваживала, золотые вѣнцы поразлучивала“. Въ чинѣ исповѣди: „не ѣдала ли еси скоромно въ постные дни“? — Въ стихѣ: „середы и пятницы я не пащивалась, и никакова-ль я говѣньица не сдерживала“ и „великаго говѣнья не гавливалася“. Въ чинѣ исповѣди: „или сварился еси съ кѣмъ и не простился“? Въ стихѣ: „ а я съ утра душа да бранилася, а я у вечера душа да не прощалася“. Въ чинѣ исповѣди: „или сотворилъ еси пиръ съ смѣхотвореніемъ и плясаніемъ, и слушалъ еси скомороховъ и гусельникъ, или пѣлъ еси пѣсни бѣсовскія, или слушалъ еси иныхъ поющихъ“. Въ стихѣ: „по игрищамъ душа много хаживала, подъ всякія игры много плясывала, самого сатану воспотѣшивала“. Въ чинѣ исповѣди: „или осудилъ еси іерея или діакона въ чтеніи и пѣніи или иномъ въ чемъ“? И Господь въ стихѣ о страшномъ судѣ говоритъ: „поповъ и дьяковъ ни во что чли“. Въ чинѣ

(¹) Треб. рук. Сол. биб. № 1111. Вопросы взяты между 45 и 68 стр.

исповѣди: „или помышлялъ еси невѣріе на святыню Божію"? Въ стихѣ: „Писанію Божію не вѣровали".— Приведенныхъ примѣровъ достаточно, кажется, для того, чтобы еще разъ показать зависимость нравственныхъ воззрѣній народа отъ ученія церкви: что церковь считаетъ грѣхомъ, то и народъ. При этомъ народъ старается иногда общее правило церковное примѣнить къ частнымъ случаямъ изъ своей жизни, отъ чего церковное ученіе облекается въ чисто-русскую форму и, не теряя прежняго своего духа, въ тоже время становится чисто русскимъ по духу. Такъ, краткій исповѣдной вопросъ, касающійся кражи чужаго имущества: „не украла ли еси что?"—народъ развиваетъ и осложняетъ значительными подробностями, имѣющими непосредственное отношеніе къ русской жизни. Припомнимъ то мѣсто изъ стиха „о грѣшной душѣ", гдѣ грѣшная душа вспоминаетъ, какъ она „чужу полосу за межу зажинывала, непоправедну покосы раздѣливала, свою скотинку въ поле попапущивала, сосѣдній хлѣбъ повытравливала, по чужимъ бортямъ нахаживала и чужихъ пчолъ выламывала, чужихъ коровушекъ подаивала, изъ квашонки тѣстицо украдывала, изъ подъ курицы яичко уворовала".

Нужно замѣтить, что каждому мѣсту изъ стиха также можно найти соотвѣтствующее мѣсто въ чинѣ исповѣди. Вотъ нѣсколько исповѣдныхъ вопросовъ, разъясняющихъ рѣчь Господа, обращенную къ грѣшникамъ на страшномъ судѣ. „Согрѣшихъ лѣностію и небреженіемъ о церковномъ пѣніи и въ праздники Христовы и пречистыя Богородицы и святыхъ великихъ и во святую четыредесятницу и въ прочая святыя постныя дни, промедливъ всяко церковно пѣніе. Согрѣшихъ обѣщая во святую церковь приношеніе кое принести или церковникомъ или нищимъ подати и алчныхъ накормити и жадныхъ напоити, и въ томъ солгахъ и преступихъ. Согрѣшихъ непочитаніемъ отецъ духовныхъ и несохраненіемъ заповѣдей его." Согрѣшихъ родителей своихъ непослушаніемъ и злословіемъ всякимъ

и осужденіемъ и досажденіемъ. Согрѣшихъ, въ темницахъ больныхъ не посѣтихъ и ничтоже имъ подахъ" и т. п. ([1]). Мы указали, что народъ русскій считаетъ грѣховнымъ. Что касается добрыхъ дѣлъ, то, конечно, они представляютъ собою противоположность дѣламъ злымъ, грѣховнымъ. Праведникамъ, по свидѣтельству духовныхъ стиховъ, Богъ скажетъ на страшномъ судѣ:

Подите вы, души праведныя,
У Меня про васъ растворенный рай стоитъ...
Какъ жили—были на вольномъ свѣтѣ,
Вы охочи были ходить въ Божьи церкви,
Вы охочи были Богу молитися.
Вы заутрени не просыпали,
Обѣдни въ обѣдахъ не прообѣдывали,
Вы вечерни на улицахъ не проигрывали,
Вы на исповѣдь къ отцамъ духовнымъ хаживали,
Святыхъ Таинъ вы пріимывали ([2]).
Вы мое Писаніе прослушивали,
Заповѣди Божіи исполняли,
Отца съ матерью почитали,
И братъ брата любили ([3]).

Изъ приведеннаго сейчасъ стиха, какъ и изъ стиховъ, указанныхъ выше, мы видимъ полный кругъ добродѣтелей и всю совокупность грѣховъ, какъ они понимаются русскимъ народомъ. Молитва, посѣщеніе храма и слушаніе церковнаго богослуженія, уваженіе къ церковнымъ святынямъ, забота о благолѣпіи храма, выполненіе церковныхъ постановленій (какъ напр. о постѣ) въ народныхъ воззрѣніяхъ представляютъ изъ себя тѣ христіанскія добродѣтели, которыя основываются на исполненіи человѣкомъ возложенныхъ на него обязанностей къ Богу. Грѣхами же противъ Бо-

---

([1]) Требн. рук. Солов. биб. № 1115. 179—181 стр.
([2]) Калѣки перех. 5 вып. 160 стр.
([3]) Кал. пер. 5 вып. 95 стр.

га такимъ образомъ признаются: нерадѣніе къ молитвѣ, пренебреженіе къ храму и церковному богослуженію, неуваженіе къ святынямъ, небрежность въ выполненіи церковныхъ постановленій.

Добродѣтелями, основанными на выполненіи человѣкомъ христіанскихъ обязанностей къ ближнему, народъ русскій считаетъ уваженіе къ власти, почитаніе родителей, любовь къ равнымъ и низшимъ, оказываніе услугъ и помощь нуждающимся. Грѣхами противъ ближнихъ въ такомъ случаѣ являются: неуваженіе къ старшимъ, холодность къ ближнимъ вообще и отказываніе въ помощи нуждающимся въ частности, а особенно сознательное (и преднамѣренное) стремленіе повредить имуществу, жизни и чести другаго. Добродѣтелями, имѣющими отношеніе только къ самому человѣку, являются смиреніе, воздержаніе въ пищѣ и питіи, цѣломудріе, а пороками: гордость, зависть, ненависть, объяденіе, пьянство, и т. д. Не полна бы была картина нравственныхъ воззрѣній народа, если бы мы не представили еще, какимъ изъ добродѣтелей народъ отдаетъ предпочтеніе и какіе изъ грѣховъ онъ считаетъ самыми тяжкими и великими. Изъ добродѣтелей народъ чаще всего останавливается на молитвѣ, постѣ, воздержаніи и на милостынѣ или вообще помощи нуждающимся.

Душу спасти—постомъ и молитвою,
Въ рай—отъ дойти да чистой милостыней (1).

Въ духовныхъ стихахъ, особенно въ „плачѣ Адамовомъ“, многократно замѣчается, что на страшномъ судѣ намъ помогутъ только молитвы съ покаяніемъ, да постъ со святою милостыней (2).

---

(1) Труд. Этн. Отд. Об. Ест. V кн. 2 в. 38 стр.

(2) Кал. перех. 6 вып. 295—7 стр.; 317—322; 2 вып. 333 ст.; Варенц. 43.

Изъ грѣховъ особенно тяжкими считаются: непочитаніе отца и матери, преступная связь съ кумою крестовою, убійство въ полѣ ([1]), затравливаніе дѣтей во чревѣ ([2]) и проклинаніе ихъ, волшебство ([3]), матерное слово ([4]) и хула на св. Духа. Всѣ эти грѣхи, по народному представленію, чрезвычайно тяжкіе,

Хоть и есть грѣхамъ тѣмъ покаяніе,
Приложить труды надо великіи
Самому Христу—Царю небесному.
Кто жъ охулитъ Св. Духа Божія,
Тому грѣху нѣтъ покаянія
Ни въ семъ свѣтѣ, ни въ будущемъ ([5])

По нѣкоторымъ стихамъ, также не прощается грѣхъ убійства ([6]). Да и скверноматерная брань представляется такимъ грѣхомъ, за который трудно разсчитывать на прощеніе. Божія Матерь на страшномъ судѣ будетъ ходатайствовать предъ Богомъ за тѣхъ только грѣшниковъ, „кои съ роду матернымъ словомъ небранилися“.

([1]) Варенцовъ 161 стр.

([2]) Калѣки пер. 2 вып. 298 стр.

([3]) Кал. пер. 6 вып. 107—1; 164—5.

([4]) Кал. пер. 5 вып. 136 стр.

([5]) Кал. пер. 2 вып. 298 стр.

([6]) Варенц. 161 стр.

VIII.

НАРОДНЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ О ЗАГРОБНОМЪ СОСТОЯНІИ.

Познакомившись съ нравственно-практическими воззрѣніями русскаго народа и разсмотрѣвши ихъ отношеніе къ древнерусской письменной литературѣ, мы сдѣлали бы громадный пробѣлъ, если бы (хотя въ краткихъ чертахъ) не коснулись вопроса о возмездіи за ту или другую жизнь. Русскій народъ вѣруетъ, что въ будущей жизни человѣкъ получитъ возмездіе за земную жизнь, что творившіе на землѣ добро будутъ блаженствовать, а творившіе зло будутъ мучиться. И человѣкъ, по мнѣнію народа, самъ виновникъ того, что онъ получитъ въ будущей жизни. Правда, народъ русскій убѣжденъ, что зло человѣкъ мыслитъ и дѣлаетъ по наущенію дьявола, что дьяволъ къ тому же и чрезвычайно назойливъ въ обольщеніи человѣка („заступи чорту дверь, а онъ въ окно“) и даже святыхъ искушаетъ, правда, далѣе, что народъ готовъ свалить вину съ человѣка на „немощность плоти человѣческой“, на то, что „грѣхъ сладокъ, а человѣкъ падокъ“ (¹) по природѣ; тѣмъ не менѣе онъ признаетъ человѣка виновникомъ своихъ дѣйствій и лицемъ отвѣтственнымъ предъ Богомъ. „Не умомъ грѣшатъ—волей“,—говоритъ народъ. Человѣкъ можетъ поступать такъ и иначе, хорошо и худо, и за это долженъ получить достойную

(¹) Посл. Снегир. 79 стр.

награду. „Чья душа въ грѣхѣ, та и въ отвѣтѣ“ (1). А результатъ отчета понятенъ: — „по заслугѣ почетъ“, „по работѣ и плата“. „Каковъ до Бога, таково и отъ Бога“ (2). Такъ что „своя воля—по выраженію народа — или рай, или дьяволъ въ человѣкѣ“ (3), влечетъ его или къ царству небесному, или въ мѣсто мученія. Что касается путей въ царство небесное и въ адъ, то—по замѣчанію Господа—первый путь узокъ, второй широкъ. Тоже признаетъ и народъ русскій. На путь погибели, по мнѣнію народа, увлечься легко: „грѣхъ такъ сладокъ“, но исправляться потомъ, поворотить на путь спасенія уже чрезвычайно трудно. „Грѣшному путь вначалѣ широкъ, да послѣ крутъ“ (4). Во всякомъ случаѣ земная жизнь человѣка представляется народу періодомъ испытанія человѣка, а загробная возмездіемъ за первую. Земная жизнь только временная жизнь, и человѣкъ собственно родится не для земной жизни, а для наслѣдія жизни блаженной на небѣ. „Родится человѣкъ на смерть, умретъ на животъ“ (5). Смерть есть предѣлъ, гдѣ оканчивается испытаніе человѣка и начинается возмездіе за жизнь.

Народныя воззрѣнія о смерти и загробномъ состояніи носятъ на себѣ сильное вліяніе памятниковъ древнерусской письменности — особенно апокрифической. Въ библейскомъ ученіи говорится о загробномъ состояніи въ общихъ чертахъ, въ апокрифической же литературѣ загробное состояніе души разсматривается подробно, причемъ подробности въ картинахъ страшнаго суда, адскихъ мученій и райскаго блаженства доходятъ до мелочей. Русскому народу нравились эти

(1) Посл. Даля 143 стр. Зап. Им. Г. Общ. Этн. Отд. I, 495 стр.

(2) Этногр. сбор. II, 74 стр.

(3) Посл. Снегир. 163 стр.

(4) Посл. Снегир. 79 стр.

(5) Посл. Даля 289 стр.

подробныя картины загробнаго міра и даже вызвали массу духовныхъ стиховъ, изображающихъ судьбу человѣка съ момента его смерти. Мы не останавливаемся на подробномъ разборѣ эсхатологическихъ сочиненій, оказавшихъ вліяніе на народныя воззрѣнія (¹), а укажемъ только то, что народъ заимствовалъ, и изъ какого источника? Нужно сказать, что всѣхъ подробностей касательно загробнаго состоянія, какія указывались въ эсхатологическихъ сочиненіяхъ (напр. о мытарствахъ) народъ не запомнилъ. Такъ что народныя воззрѣнія въ этомъ случаѣ ближе стоятъ къ библейскимъ сказаніямъ, чѣмъ апокрифическая письменность, хотя народъ вообще любитъ разукрасить не только библейское сказаніе, но и апокрифическое. Больше всего оказали вліяніе на народныя воззрѣнія о загробномъ состояніи слово Палладія Мниха о второмъ пришествіи Христовѣ, о страшномъ судѣ и будущей мукѣ, житіе Василія Новаго, слова Ефрема Сирина, слово о небесныхъ силахъ, чего ради созданъ Адамъ. Также замѣчается вліяніе (на народныя воззрѣнія) слова Меѳодія Патарскаго, житія Андрея Юродиваго, апокрифовъ: Хожденія Богородицы по мукамъ, слова о видѣніи Павла, вопросовъ Іоанна Богослова І. Христу на Ѳаворской горѣ, вопросовъ Іоанна Богослова Авраамý и Епистоліи о недѣлѣ и др.

Какъ же, спрашивается, изображается смерть человѣка въ древнерусскихъ духовныхъ письменныхъ памятникахъ и какъ представляетъ кончину человѣка народъ въ своихъ словесныхъ произведеніяхъ? Въ „повѣсти о преніи живота со смертію", а также въ житіи Василія Новаго явленіе смерти объясняется такимъ образомъ: говорится, что смерть является къ человѣку

(¹) Вопросъ объ эсхатологическихъ сочиненіяхъ и вліяніи ихъ на народные духовные стихи разработанъ въ сочиненіи г. Сахарова: «Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности и вліяніе ихъ на народные духовные стихи. Тула, 1879 г.

съ пилами, ножами и косами, и ими разрушаетъ человѣческое тѣло (1). Въ „Словѣ о небесныхъ силахъ“ происхожденіе смерти объясняется содроганіемъ души, когда она увидитъ явившихся за нею двухъ ангеловъ. Душа тогда „ужаснется, образъ лица ея пременится, и руцѣ и нозѣ ея премолкнуть и слуха съ нима неимать, и языкъ молчаніемъ заградится, и будетъ человѣкъ тотъ унылъ, и скорбенъ, и за симъ явится смерть, носяше съ собою всяко оружіе, мечи и пилы, и сѣчива и рожны“ (2). Такъ же и народъ изображаетъ смерть. Въ стихѣ о смерти Аники воина говорится, что когда настала часъ смерти Аники,

Вынимаетъ смерть пилы невидимыя,
Потираетъ его по костямъ, по жиламъ.
Аника на конѣ шатается
И смертныя уста запекаются (3).

По другому духовному стиху, когда

Душа съ тѣломъ раставается,—
Умъ съ главою распрощается,
Лѣпота вся въ лицѣ измѣняется,
Рѣзвыя ноги опускаются,
Ясныя очи помрачаются (4)...

Отдѣлившись отъ тѣла, душа, говоритъ авторъ „Слова о небесныхъ силахъ“, всматривается въ свое тѣло. „И тако, и нужею душа отъ тѣлеси изыдетъ, и станетъ одержима душа, зрящи на свое тѣло; яко же бо кто изъволкся изъ ризы своя, и потомъ сталъ бы,

---

(1) «Преніе живота со смертію»—повѣсть рус. происхожденія встрѣчается въ рукоп. XVII стол. Ученыя Зап. И. Ак. Наукъ. Очеркъ лит. ист. стар. повѣст. 135 стр.

(2) «Слово о небесныхъ силахъ». Чт. Общ. Ист. и Др. 47 г. № 8. 6 стр. Сахар. Эсх. сочин. 185 стр.

(3) Лѣтоп. рус. литер. I т. 2 отд. 96—8. Буслаевъ. «Рус. нар. пѣсни». Лубочн. карт. Снегир. 54 стр. Ровин. IV, 565 и дал.

(4) Кирѣев. XX. Чт. Им. Общ. Ист. и Древн. 49 г. № 9-й.

зря ея: тако станетъ душа на свое тѣло зрящи, отъ него же изыде" [1]... Въ „словѣ о видѣніи св. апостола Павла" указывается даже основаніе, почему душа должна смотрѣть на свое тѣло. Апостолъ увидѣлъ смерть праведника. Въ часъ смерти предстали умершему ангелы и, взявъ его душу, сказали: „познай, душе, свое тѣло, откуда вышла; въ день воскресенія ты снова должна будешь возвратиться въ свое тѣло". Душа простилась съ тѣломъ и облобызала его. Потомъ ангелъ отвелъ душу на поклоненіе Богу [2]. Состояніе души съ момента смерти въ духовныхъ стихахъ изображается подобнымъ же образомъ.

Душа съ тѣломъ раставалася,
Отошедши, она тѣлу поклонилась,
Ты прощай, ты прощай тѣло бѣлое!
Ты пойдешь тѣло бѣлое во сыру землю,—
Я, душа, пойду къ Самому Христу,
Къ Самому Христу, въ Судьѣ Праведному [3].

При смерти человѣка, по древне-русскимъ письменнымъ духовнымъ памятникамъ, являются и ангелы, и бѣсы,—ангелы чтобъ отвести душу къ Богу,—бѣсы, чтобъ задержать душу ея грѣхами въ своихъ рукахъ. Иногда между ангелами и діаволомъ по этому случаю происходитъ борьба [4]. Въ этотъ моментъ, то есть часъ смерти, душѣ открываются всѣ ея грѣхи. Лукавые духи „вся предложатъ грѣси ея, яже содѣя отъ юности и до старости, вся написана въ свитцѣхъ, и начнутъ обли-

---

(1) Слово о небесныхъ силахъ 47 г. № 8. 6 стр Чт. И. Об. Ист. и Др. Сахаровъ. Эсхатол. сочиненія и сказанія 186 стр.

(2) Памятники отреч. литер. II, 43—45. Ист. рус. слов. И. Я. Порф. 265.

(4) Кирѣев. XXIV. Лѣтописи рус. литер. I т. 2 отд. 94.

(3) Припомнимъ, какъ въ сказаніи о Моисеѣ дьяволъ оспариваетъ у арх. Михаила тѣло Моисея. Палея. Апокр. Сказ. И. Я. Порф. Зап. И. А. Наукъ. 17 т.

чати душу, отвѣвающи свитки, а не будетъ лзѣ отпрѣтися ихъ, понеже и лѣта, и мѣсяцы, и времена, и дни, и часы, и праздницы паметію исписаны имутъ, еже когда согрѣшилъ, въ какое лѣто и въ который мѣсяцъ, или въ какое время и въ кой часъ" (1). Въ житіи Василія Новаго, а также въ „Словѣ о небесныхъ силахъ" разсказывается, что прежде чѣмъ душа дойдетъ до Бога и Господь укажетъ ей ея участь, она должна пройдти черезъ рядъ мытарствъ (которыхъ въ житіи Василія Новаго насчитывается 21 мытарство, а въ словѣ о небесныхъ силахъ—20). Народъ не запомнилъ мытарствъ, онъ знаетъ только, что по смерти

Возмутъ душу грозные ангелы,
Пронесутъ мытарства многіи
И покажутъ царство небесное.
Потомъ покажутъ муки вѣчныя.

Въ другихъ стихахъ путешествіе души по мытарствамъ изображается нѣсколько полнѣе, но тоже въ неопредѣленныхъ чертахъ. Говорится, что когда душа поднимется „ко лѣстницѣ ко небесной", то на первой ступени встрѣчаютъ ее полтараста враговъ, на второй двѣсти, на третьй двѣ тысячи... Встрѣтивши душу, враги разсказываютъ ея грѣхи.

Вотъ несутъ они письма, да раскатываютъ,
Да раскатываютъ, всѣ грѣхи разсказываютъ (2).

Наконецъ душа является къ Богу и узнаетъ о своей участи изъ устъ Самого Бога, который ей опредѣляетъ или блаженство, или мученіе. Но это еще не окончательный судъ. Послѣдній судъ будетъ при второмъ славномъ пришествіи І. Христа на землю. Наступленіе и ходъ страшнаго суда въ Библіи изображается такимъ

(1) Мин. Чет. митр. Мак. рко. Син. биб. № 976 Смарагдъ л. 797.
(2) Кирѣев. XXII. Варенц. 142—144. Эсхат. сочин. и сказ. Сах. 190.

образомъ. Пріити имать Сынъ человѣческій во славѣ со ангелы своими: и тогда воздастъ коемуждо по дѣяніямъ его (Мѳ. 16, 27). Господь явится на судъ міру внезапно. Пріидетъ же день Господень, яко тать въ нощи, въ онь же небеса убо съ шумомъ мимоидутъ, стихіи же сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дѣла сгорятъ (2 Петр. 3 гл. 10 и 12 ст.),—явится небо ново и земля нова. (Апок. 21, 1). Якоже молнія исходитъ отъ востокъ и является до западъ, тако будетъ пришествіе Сына человѣческаго. (Мѳ. 24, 27. Лук. 17, 24). Прежде всего, Господь пошлетъ ангелы своя съ трубнымъ гласомъ веліимъ, и соберутъ избранныя его отъ четырехъ вѣтръ, отъ конецъ небесъ до концѣ ихъ (Мѳ. 24, 31) и соберутъ отъ царствія его вся соблазны, и творящихъ беззаконіе (Мѳ. 13, 111), и отлучатъ злыя отъ среды праведныхъ (—49). Тогда явится знаменіе Сына человѣческаго (по объясненію Ефрема Сирина св. крестъ) на небеси: и тогда восплачутся вся колѣна земная (рук. 27 Мѳ. 24, 30). Затѣмъ уже явится Самъ Сынъ человѣческій во славѣ своей и вси святіи ангели съ нимъ: тогда сядетъ на престолѣ славы своея (Мѳ. 25 31), и объявитъ совѣты сердечныя и тогда похвала будетъ коемуждо отъ Бога (1 Кор. 4, 5. Апок. 2, 23). Затѣмъ Господь разлучитъ представшихъ на судъ другъ отъ друга, якоже пастырь разлучаетъ овцы отъ козлищъ. И поставитъ овцы одесную себѣ, а козлища ошуюю (Мѳ. 25, 32, 33). Затѣмъ уже будетъ произнесенъ окончательный приговоръ тѣмъ и другимъ. Тогда речетъ Царь сущимъ одесную его: пріидите благословеннії отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра (Мѳ. 25, 34); а сущимъ ошуюю его: идите отъ Мене проклятіи въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его (41). И тогда идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный (Мѳ. 25, 46). Что касается мѣста мученія, то оно представляется въ Библіи то бездною, страшною и для самихъ демоновъ (Лук. 8, 31), то землею тмы вѣчныя, идѣже нѣсть свѣта (Іов. 10, 22), то геенною

огненною (Мѳ. 5, 22, 28), пещію огненною (Мѳ. 13, 50) езеромъ огненнымъ и жупельнымъ (Апок. 19, 20; 20, 14; 21, 8) то какъ состояніе плача и скрежета зубовъ (Мѳ. 13 ;г. 42). Что касается рая, то особенности его: постоянное пребываніе съ Богомъ и Госп. І. Христомъ. Въ дому Отца моего обители многи суть; аще ли же ни, реклъ быхъ вамъ: иду уготовати мѣсто вамъ. И аще уготовлю мѣсто вамъ, паки прииду и поиму вы къ себѣ: да идѣже есмь азъ и вы будете (Іоан. 14, 1—3). Блаженство будетъ состоять въ созерцаніи Бога (Мѳ. 5, 8). Въ этомъ лицезрѣніи праведники найдутъ полное удовлетвореніе для своего ума, жаждущаго истины (I Кор. 13—12), полное удовлетвореніе для своей воли, жаждущей добра (Мѳ. 5, 6), полное удовлетвореніе для своего сердца жаждущаго блаженства (Іоан. 4, 16, Іоан. 17, 21. 23). И тѣла будутъ блаженствовать. Они сдѣлаются нетлѣнными, сильными, свободными отъ нуждъ настоящей жизни. Не взалчутъ ктому, ниже вжаждутъ, не иматъ же пасти на нихъ солнце, ниже всякъ зной (Ап. 7, 16). И отъиметъ Богъ всяку слезу отъ очію ихъ, и смерти не будетъ къ тому: ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будетъ ктому. Вотъ какимъ образомъ въ Библіи изображается пришествіе и ходъ страшнаго суда. Въ твореніяхъ отцевъ церкви картины эти сложнѣе, въ апокрифической литературѣ, какъ мы замѣтили, и еще того сложнѣе. Въ народныхъ воззрѣніяхъ замѣчается вліяніе апокрифовъ.

Предъ временемъ страшнаго суда, по свидѣтельству Христа и апостоловъ, явится антихристъ, который будетъ совращать людей съ пути истины. Сказаніе объ антихристѣ часто встрѣчается въ эсхатологическихъ памятникахъ древнерусской письменности. И оно сильно заинтересовало русскій народъ. Въ духовныхъ стихахъ о кончинѣ міра удѣляется мѣсто и изображенію времени и дѣятельности антихриста. Особенно много стиховъ объ антихристѣ раскольническихъ, въ которыхъ антихристъ представляется народившимся уже и накладывающимъ свою печать на людей: на

ихъ главы, руки и персты (1). Народъ запомнилъ даже сказаніе о томъ, что предъ вторымъ пришествіемъ Христовымъ явятся на землю съ проповѣдью Енохъ и Илія, которые затѣмъ будутъ убиты (2).

Сошлетъ Господи пророчество
Илію пророка и Онофрія,
И станутъ святые пророчити,
И сойдетъ бездушный богъ,
Бездушный богъ антихристовъ:
Онъ исколетъ святое пророчество,
Отъ той то отъ святой крови
Загорится матушка сыра земля (3).

Хотя время антихриста будетъ тяжелое, но по апокрифу (Вопросы Іоанна Богослова), протечетъ оно скоро: „три мѣсяца (протекутъ) аки три недѣли, а три недѣли, аки три дни, аки три часы“ (4). Народъ точно также рисуетъ скорость теченія времени царствованія на землѣ антихриста.

И будетъ царства его подчетверта года,
Три года Господь обратитъ яко въ три мѣсяца;
Три мѣсяца Господь обратитъ яко въ три часа;
Три часа Господь обратитъ яко окомъ мигнуть (5).

Затѣмъ наступитъ уже самый судъ. Наступленіе страшнаго суда, говоритъ народъ, обнаружится страшными знаменіями.

Сошлетъ Господь грозныхъ ангеловъ,
Ангелы съ небесъ слетятъ,

---

(1) Варенц. 198 202.

(2) Сл. Ефрема Сирина на пришествіе Господне и антихр. Твор. Св. Отц. XIV т. 33. Въ житіи Андрея Юродив. говорится, что съ Енохомъ и Иліей будетъ еще Іоаннъ Богословъ. Мин. Чет. митр. Мак. 2 окт. 19 стр.

(3) Чт. Общ Ист. и Др. 1848. № 2.

(4) Эсхатолог. сочиненія и сказанія Сахар. 133 стр.

(5) Кирѣв. сбор. XX. Эсхат. соч. и сказ. Сахар. 132,

Во утробѣ огня снесутъ,
Зажгутъ землю съ четырехъ сторонъ
И выгоритъ земля на тридесять локоть ([1]).

Здѣсь видно вліяніе того же апокрифа—„Вопросовъ Іоанна Богослова“. Въ „апокрифѣ“ говорится, что ангелы зажгутъ землю и она выгоритъ на 560 локтей въ глубину ([2]). Въ другихъ духовныхъ стихахъ разрушеніе міра представляется иначе. Когда наступитъ страшный судъ, говоритъ стихъ,

Тогда небо и земля потрясется,

Или:

Небо возсіяетъ, яко совьется,
Солнце и мѣсяцъ померкнетъ,
Звѣзды на землю распадутся,
Пройдетъ рѣка огненная,
Пожретъ она тварь всее земную.
Михаилъ Архангелъ съ небесъ сойдетъ,
Во трубы небесные вострубитъ,
Мертвихъ отъ гробовъ всѣхъ разбудитъ ([3]).

Въ иныхъ стихахъ пробужденіе мертвыхъ рисуется полнѣе.

И въ первый разъ онъ вострубитъ,
И души въ тѣлеса пойдутъ,
Во второй разъ онъ вострубитъ,
Отъ гробовъ мертвы встаютъ.
Въ третій разъ вострубитъ,
Всѣ на судъ Божій пойдутъ ([4]).

([1]) Калѣки пер. 5. в. № 482.
([2]) Эсхат. сочиненія и сказ. Сахар. 132.
([3]) Кал. перех. 5 вып. 75 стр.
([4]) Кал. перех. 5 вып 240 стр. подоб. свит. Іерус. 6 вып. 93 стр.

Притомъ въ нѣкоторыхъ стихахъ замѣчается, что мертвые (и старые, и малые) востанутъ въ одномъ возрастѣ, въ „тридцать лѣтъ" (¹). Эти картины народъ заимствовалъ изъ „Вопросовъ Іоанна Богослова" и слова Ефрема Сирина на второе пришествіе Господа нашего І. Христа. Въ „словѣ" говорится, что, по Божественному повелѣнію, „всякое дыханіе человѣческое во мгновеніе ока востанетъ со своего мѣста, что со страхомъ и трепетомъ земля и море отдадутъ своихъ мертвецовъ. Потомъ, говоритъ проповѣдникъ, мы увидимъ огненную рѣку, отъ огня которой оскудѣютъ рѣки, изчезнутъ источники, спадутъ звѣзды, солнце померкнетъ, луна мимоидетъ, небо свіется, аки свитокъ. (Ис. 34, 4). Тогда ангелы потекутъ во всѣ страны, собирая людей отъ всѣхъ концовъ; тогда увидимъ небо ново и землю нову. (Ис. 65, 17) (²). Картина пробужденія мертвыхъ черезъ троекратный звукъ трубъ, мы замѣтили, заимствована изъ апокрифа „Вопросы Іоанна Богослова", гдѣ рисуется она такимъ образомъ: первая „труба вострубитъ отъ полунощи,— тѣлеса въ гробѣхъ оснуются, аки паучина зародятся; другая труба вострубитъ предъ куры — и тѣлеса созижются и нетлѣнны будутъ, и души каяждо въ тѣлеса внидутъ; и паки третья труба вострубитъ предъ зарями, и мертвіи воскреснутъ преже о Христѣ (³). Встрѣчается эта картина и въ житіи Василія Новаго, гдѣ представляется, что послѣ перваго трубнаго звука—земля поколеблется отъ страха и кости одѣнутся плотью и жилами, послѣ втораго трубнаго звука отверзутся гробы и явится воинство, которое вложитъ въ тѣла ихъ души, послѣ третьяго—всѣ умершіе востанутъ (⁴). Что касается возраста, въ какомъ во-

(¹) Эсхат. сочин. и сказ. Сахар. 183 стр.

(²) Мин. Чет. ркп. Синод. библ. № 994.

(³) Памят. отр. литер. II. 209 стр.

(⁴) Эсхат. сочин. и сказ. Сахар. 173 стр.

станутъ мертвые, то народъ заимствовалъ воззрѣніе на этотъ предметъ также изъ „Вопросовъ Іоанна Богослова", въ которыхъ говорится, что „всякая вещь человѣческая въ 30 лѣтъ воскреснетъ" (1). Въ словѣ Василія Новаго также замѣчается, что всѣ при воскресеніи будутъ въ одномъ возрастѣ (2). Эта мысль встрѣчается даже въ церковныхъ пѣсняхъ. Въ стихирѣ на стиховнѣ въ недѣлю мясопустную поется: „Предъ явленіемъ Судіи труба воcшумитъ зѣльми и основанія земли подвижатся, мертвіи отъ гробовъ воскреснутъ и возрастомъ единѣмъ вси будутъ" (3). — Послѣ того какъ умершіе востанутъ отъ гробовъ своихъ, праведные, по народному стиху, будутъ унесены въ восточную сторону, а грѣшные на западную (ихъ будетъ отдѣлять Сіонъ рѣка огненная) (4), — причемъ у праведныхъ лица будутъ „хорошія", а у грѣшныхъ „черныя" (5) Когда же всѣ воскресшіе будутъ установлены на своихъ мѣстахъ,

Съ небесъ подвигнутся
Вси ангели, архангели,
Велитъ Господь поставити
Престолъ Его среди земли (6).

Тогда сойдутъ съ небесъ ангелы Божіи,
Снесутъ престолъ Господень съ небесъ на землю
И снесутъ животворящій крестъ,
Поставятъ на мѣсто на лобное,
Гдѣ Господь претерпѣлъ вольное распятіе (7).

(1) Пам. отр. литер. II. 177. 185.

(2) Эсхат. соч. и сказ. Сахар. 174.

(3) Ibidem.

(4) Калѣки перех. 5 вып. 154—5.

(5) Ibid. 5 вып. 240—241 стр.

(6) Калѣки перех. 5 вып. 116 стр.

(7) Калѣки перех. 5 вып. 200. 207. 214 стр.

Наконецъ самъ Господь сойдетъ съ небесъ, окруженный тьмами ангеловъ, и сядетъ на престолѣ своемъ. Раскроются „евангельскія книги“ и явятся всѣ наши грѣхи (¹). Картина наступленія суда въ такомъ видѣ ближе всего стоитъ къ подобной картинѣ въ „Вопросахъ Іоанна Богослова“, словѣ о второмъ пришествіи Ефрема Сирина и словѣ Палладія Мниха. Въ „Вопросахъ“ представляется, что, послѣ воскрешенія людей, Господь пошлетъ ангеловъ, и они во славѣ принесутъ честный животворящій крестъ и священныя книги, затѣмъ вознесутся на облакахъ и поклонятся честному кресту (²). Въ словѣ Палладія добавляется къ этому, что крестъ Господенъ будетъ поставленъ на лобное мѣсто, гдѣ Господь претерпѣлъ вольное распятіе: „идѣже судити хощетъ Судія всѣхъ, зане свидѣтельствуютъ книги письменныя, яко сѣсти Ему во Іерусалимѣ, то бо нарицается среди мірови“ (³). Что касается замѣчанія, что праведные будутъ поставлены на восточной сторонѣ и будутъ имѣть лица свѣтлыя, а грѣшные будутъ поставлены на западной сторонѣ и будутъ имѣть лица черныя, то оно также встрѣчается въ эсхатологическихъ письменныхъ памятникахъ не рѣдко (⁴). Самый судъ надъ праведными и грѣшными, по народнымъ стихамъ, произойдетъ такимъ образомъ. Всѣ грѣхи человѣческіе въ то время сдѣлаются ясными, книги, въ которыхъ они будутъ записаны, будутъ раскрыты. Сообразно съ жизнію людей, Богъ и опредѣлитъ однимъ изъ людей райское блаженство, другимъ—адское мученіе. Праведникамъ Онъ скажетъ:

(¹) Калѣки перех. 5 вып. 171. Варенц. 156.

(²) Памятники отреч. литер, II. 178. 187.

(³) Эсхат. сочин. и сказ. Сахар. 155—6.

(⁴) Мин. Чет. митр. Макар. № 996. л. 797—798. Слово о. Кирилла о исходѣ души.

Вы подите, мои христолюбивцы,
Въ отце небесное царство;
Дарую я Вамъ жизнь вѣчную.

Приэтомъ Господь укажетъ имъ и на тѣ добрыя дѣла, которыми они заслужили себѣ царство небесное.

Вы жили на вольномъ свѣтѣ,
Отца со матерью почитали,
И братъ брата вы любили,
Во Божьи церкви ходили,
Вы мое писаніе прослушали,
Заповѣди Божьи исполняли,
Царство небесное уготовляли (¹).

Къ грѣшникамъ, наоборотъ, Господь обратится грозно:

Идите вы прочь, проклятые,
Во пропасти земляныя;
Тамъ мука вамъ будетъ вѣчная,
Огни вамъ горятъ негасимые,
Смола вамъ кипитъ неумолимая,
Черви вамъ кишатъ неусыпущіе (²).

Господь указываетъ и основаніе, почему Онъ опредѣляетъ грѣшникамъ адъ.

Того ради васъ прочь отсылаю
Отъ своего царства небеснаго, —
Какъ жили вы на вольномъ на свѣтѣ,
Вы воли Господней не творили,
За хрестъ, за молитву не стояли,
Вы нищую братью обижали,
Вы другъ друга не любили,
Заповѣдь Божью переступали,

(¹) Кадѣкн перех. 5 вып. 93. Тр. Эт. От. Об. Ест. V, 2 вып. 48—49.

(²) Кадѣкн перех. 5 вып. 88.

Меня Христа не посѣтили,
Вы нагаго не одѣли,
Вы босаго не обули,
Вы гладнаго не накормили,
Жаднаго не напоили (¹).

По другимъ стихамъ, Господь напоминаетъ о своихъ заслугахъ по отношенію къ людямъ, которыя еще болѣе увеличиваютъ виновность грѣшныхъ.

Я Самъ Христосъ отъ Дѣвы родился,
Три дня я былъ на распятіи,
Все ради вашего согрѣшенія,
Ради вашего беззаконія:
И тутъ вы не постились
И Богу не молились,
Законъ мой Господній не поимѣли (²).

Грѣшники, услышавъ отъ Господа строгій приговоръ себѣ, жестоко будутъ раскаяваться въ своихъ грѣхахъ.

Возрыдаютъ они съ воплемъ великимъ
Къ Самому Христу Царю небесному,
И съ кровавыми слезами возмолятся:
Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ.

Но Господь уже не умилосердится.

Вы грѣшные, беззаконные рабы!
Теперь плачете вы, молитеся!
Послѣднія слезы проливаете вы мнѣ.
А право глаголю, не знаю васъ!
Отъидите отъ Мени: ненавижу васъ!
Сами вы себѣ мѣсто уготовали,
Съ самимъ сатаною, со угодниками его (³).

(¹) Калѣки перех. 5 вып. 78.

(²) Калѣки перех. 5 вып. 81.

(³) Калѣки перех. 5 вып. №№ 503—516.

Тогда грѣшники будутъ прощаться со святыми и праведными. „Со слезами умильными они скажутъ:

Прости ты насъ, мати Богородица,
Владычица, царица небесная,
Прости насъ крестъ пресвятый Христовъ,
Простите насъ вы, всѣ ангели,
Простите насъ святіи всѣ Божіи!
Уже бо намъ не видати васъ (¹).

Въ другихъ стихахъ добавляется:

Прости насъ страшный Судія нашъ Іисусъ Христосъ
Прости нашъ Іоаннъ Предтеча!
Прости насъ Михаилъ Архангелъ святой!
Прости насъ Гавріилъ Архангелъ святой!
Простите всѣ ангелы, архангелы...
Простите всѣ пророки и апостолы.
Вы вошли въ радости неисповѣдимыя,
Во царство во небесное;
А мы пошли грѣшные
Въ муки, плачь не утѣшный (²).

Божія Матерь, по нѣкоторымъ стихамъ, будетъ ходатайствовать за грѣшныхъ; но Господь І. Христосъ ей отвѣтитъ, что помиловать грѣшныхъ не допускаетъ правда Божія, что для помилованія необходима снова крестная жертва. И тогда Богоматерь оставляетъ свою просьбу. Часъ наказанія для грѣшниковъ насталъ. Грѣшники будутъ связаны: еретикъ съ еретикомъ, клеветникъ съ клеветникомъ, двуязычникъ съ двуязычникомъ, ненавистникъ съ ненавистникомъ, блудникъ съ блудникомъ, пьяница съ пьяницей (³). Послѣ этого, по стиху, задернетъ Господь грѣшниковъ

(¹) Калѣки перех. 5 вып. 198. Эсхат. сочин. и сказ. Сахар. 163 стр.
(²) Калѣки перех. 5 вып. 221 стр. Кирѣев. XVI.
(³) Кирѣев. XXI Эсхат. соч. и сказ. 161.

Землей, травой, муравой
(По другимъ: горой, доскою чугунною),
Чтобъ отъ грѣшниковъ отъ рабовъ не слышати
Ни писку, ни визгу, ни взрыду
И ни зубнаго скрыжданія (скрежетанія) (¹).

Картины опредѣленія блаженства праведнымъ и наказанія грѣшнымъ составляютъ видимое подражаніе евангельскимъ картинамъ суда Божія, только рѣчи Господа, обращенныя къ праведникамъ, носятъ на себѣ вульгарный характеръ, хотя въ тоже время духъ Божественнаго опредѣленія схваченъ. Въ евангеліи ничего не говорится о томъ, чтобы грѣшники стали просить о помилованіи; но народъ, какъ мы видѣли, признаетъ, что грѣшники будутъ обращаться къ милосердію Божію и будутъ просить о помилованіи святыхъ. И эти картины народомъ заимствованы изъ книжныхъ источниковъ. Въ словѣ Палладія, говорится, что, послѣ приговора Судіи, грѣшники еще обратятся съ мольбою „умильно глаголюще со слезами: помилуй ны, Владыко, помилуй ны“. Но Господь скажетъ имъ: „право, глаголю вамъ: не вѣдѣ васъ, молящася въ животѣ вашемъ ко мнѣ, не просите отъ мене прощенія согрѣшеніемъ вашимъ“ (²).

Картина обращенія грѣшниковъ съ мольбою ко Пресвятой Богородицѣ, ангеламъ и святымъ составилась подъ вліяніемъ подобной картины въ словахъ Ефрема Сирина и въ словѣ Палладія, гдѣ также представляется, что грѣшники будутъ обращаться съ мольбой къ святымъ. „Простите, святые и праведные, съ которыми разлучены мы! Простите друзья и родные! Простите сыновья и дочери! Простите апостолы, мученики, пророки Господни! Прости чинъ монашескій! Прости и ты, Богородица, много ходатайствовавшая за насъ, чтобы спастися намъ, но мы не захотѣли по-

(¹) Калѣки перех. 5 вып. 197. под. 188 и 242
(²) Эсхат. сочин. и сказ. Сахар. 160.

каяться и спастись. Прости и ты, честный и животворящій крестъ!" и т. д. (¹). Мысль о ходатайствѣ за грѣшныхъ на судѣ взята изъ апокрифа: „Хожденіе Богородицы по мукамъ"—только передѣлана народомъ. Въ „хожденіи" Богородицы по мукамъ говорится, что Божія Матерь послѣ того, какъ увидѣла муки грѣшниковъ, заплакала и, вознесшись на небо къ Богу Отцу, стала молиться за грѣшниковъ. „Помилуй, Владыко, грѣшныя, яко видѣхъ я, и не могу терпѣти, да ся мучу и азъ со крестьяны". Господь отвѣчаетъ, что Онъ не можетъ помиловать ихъ, видя гвозди на рукахъ Сына. Божія Матерь приглашаетъ къ молитвѣ святыхъ, и по общей ихъ молитвѣ грѣшнымъ была дана свобода отъ мученій отъ „великаго четверга до пентикостія" (²). Народъ молитву Пресвятой Богородицы отнесъ ко времени страшнаго суда. И если въ апокрифѣ молитва Пресвятой Дѣвы достигаетъ цѣли—облегченія участи грѣшныхъ, то въ народномъ стихѣ она оказывается уже позднею и остается безъ удовлетворенія.

Что касается картины связыванія грѣшныхъ по группамъ, сообразно съ грѣхами осужденныхъ, то она, какъ картина мольбы грѣшниковъ послѣ суда Господу, взята изъ слова Палладія. Въ словѣ говорится, что послѣ приговора Судіи, ангелы „начнутъ совокупляти коегождо лика подобно ему, еже есть сіе: блудники купно съ блудницами, прелюбодѣйцы и скверняшія тѣлеса своя съ сквернителями, разбойники съ разбойниками, тати съ татьми, грабители съ грабителями злыми, убійцы съ убійцами, сребролюбцы съ сребролюбцами, немилосердые съ немилосердыми и невѣрные съ невѣрные и пр.—(³)"...

(¹) Эхатт. сочин. и сказ. Сахар. 162.

(²) Ibid. 196—7.

(³) Ibid. 161.

А картина сверженія грѣшниковъ, какъ видится, придумана самимъ народомъ и отсюда въ ней нѣтъ уже той положительности, какая замѣчается въ предшествующихъ картинахъ. То Господь закрываетъ грѣшниковъ горой, то землей съ муравой, то доскою чугунною.

Послѣ окончательнаго приговора на страшномъ судѣ, праведники пойдутъ въ рай и будутъ наслаждаться райскою жизнію, а грѣшные будутъ мучиться въ аду.

Рай представляется въ народныхъ произведеніяхъ въ видѣ прекраснаго сада съ чистою водою, свѣжею зеленью, пріятнымъ запахомъ. Кромѣ того,—

Въ раю птицы райскія
Поютъ пѣсни херувимскія,
Ангелы и архангелы
Веселятъ души праведныхъ;
Стоятъ дерева кипарисовы.

Такъ рай описывается въ стихѣ о „грѣшной душѣ“. Хорошо рай описанъ въ малорусскихъ легендахъ о св. Николаѣ и св. Петрѣ. Рай въ этихъ легендахъ рисуется въ формѣ березовой рощицы. По рощѣ течетъ потокъ. Кругомъ зелень, цвѣты, растилается шелковая трава, на деревьяхъ висятъ спѣлые плоды. Всюду разносится благовонный запахъ. Слышится пѣніе соловьевъ и др. пѣвчихъ птицъ. Около чистой воды прекраснѣйшія дѣти въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, одеждахъ и съ длинными волосами поютъ пѣсни, и такъ сладко поютъ, что и выразить невозможно... Народное представленіе о раѣ напоминаетъ тотъ рай, какой существовалъ въ эдемѣ. Мы видѣли, что въ чисто библейскомъ ученіи раю приданы духовныя черты, но въ другихъ письменныхъ памятникахъ, касающихся рая и райской жизни, блаженства райскія напоминаютъ собою красоты и радости земныя. Въ раю заключено все, что только есть лучшаго и прекраснѣйшаго на землѣ: зелень, цвѣты, благоуханіе, хоры птичекъ, ди-

стыя рѣки, текущія виномъ, млекомъ и медомъ, — миръ, радость, веселіе. Такъ, напр., изображается рай въ житіи св. Андрея Юродиваго (¹). Земля райская представляется усѣянною цвѣтами. Одни изъ цвѣтовъ благоухали, съ другихъ капалъ медъ, третьи цвѣли безпрестанно и неувядали, четвертымъ назначено было плодами и листьями украшать садъ. Чудо же болѣе въ саду томъ было — птицы многія „врабіе и щюри и славіе — красны златыми крилы — сѣдяще кождо на своемъ листѣ, пояху кождо по своему гласу“. Пѣніе ихъ было „сладкое и непремолчное“. Посреди рая идетъ великая рѣка, напоя сады прекрасные и обрызгивая тихо корни цвѣтовъ. „Птицы красныя“ сходили на нее и, напившись, безпрестанно пѣли. Около рѣки простирался виноградъ, украшенный листьями златыми; вѣтви его исполнены были прекрасныхъ гроздій, которыя были подобны вѣнцамъ. Подулъ благоуханный вѣтеръ (благовонное дыханіе), какъ бы отъ кадила, которымъ ангели на небеси кадятъ предъ престоломъ Божіимъ. Потомъ подулъ другой духъ, — потомъ третій, — деревья начали тихо колебаться и испускать благоуханіе... Потомъ настала тишина... Св. Андрей недоумѣваетъ: духовными ли это онъ очами видѣлъ или тѣлесными? „Мнѣ бо ся мняше, говоритъ онъ, яко по плоти хожю тамо“. Во время пути по раю св. Андрей подходитъ съ ангеломъ ко кресту. „Крестъ великъ красенъ и страшенъ взоромъ, яко же дуга бѣяше“. Ангелъ велитъ облобызать крестъ. Когда св. Андрей облобызалъ крестъ, то насытился духовнаго меда и насладился прекраснаго благоуханія. Потомъ св. Андрей восходитъ на вторую тверды и на третью. Тамъ онъ замѣчаетъ необыкновенный свѣтъ. Въ заключеніи св. Андрей удостоивается видѣть на престолѣ Самого Сына Божія.

(¹) Минея Чет. митр. Мак. окт. 2. О видѣніи рая 99—100 Сахар. Эсхат. сочин. и сказанія 224 стр

Совершенно противоположную картину райской жизни представляютъ собою адскія мученія. Если въ раю кругомъ замѣчается радость, веселіе, блаженство, то въ аду можно встрѣтить только плачъ, вопли, страданія. Въ библейскомъ ученіи указывается на различныя степени мученій грѣшниковъ. Адъ представляется то бездною, то мѣстомъ вѣчной тьмы, то геенною огненною, то пещію огненною, то озеромъ огненнымъ. Разные есть (говоритъ св. Ефремъ Сиринъ) роды мученій, какъ слышали мы въ Евангеліи. Есть тьма кромѣшная (Мате. 8, 12): а изъ сего видно, что есть и другая тьма глубочайшая; геенна огненная (Мате. 5, 22)—иное мѣсто мученія; скрежетъ зубовъ (Мө. 13, 42)—особое также мѣсто; червь неусыпающій (Мө. 9, 48)—въ иномъ мѣстѣ; озеро огненное (Апок. 19, 20)—опять иное мѣсто; тартары (2 Петр. 2, 4)—также свое мѣсто; огнь неугасающій (Мр. 9, 43)—особая страна; преисподняя (Фил. 2, 10) и пагуба (Мө. 7, 13)—на своихъ мѣстахъ; дольнѣйшія страны земли (Еф. 4, 9)—иное мѣсто; адъ, гдѣ пребываютъ грѣшники, и дно адово—самое мучительное мѣсто. На сіи-то мученія распредѣлены будутъ несчастные, каждый по мѣрѣ грѣховъ своихъ, или болѣе тяжкихъ, или болѣе сносныхъ: плѣницами своихъ грѣховъ кійждо затязается (Прит. 5, 22), біенъ будетъ много и біенъ будетъ мало (Лук. 12, 47. 48). Какъ есть различіе наказаній здѣсь, такъ и въ будущемъ вѣкѣ" [1]. „Иначе мучится прелюбодѣй, иначе блудникъ, иначе убійца, иначе воръ и пьяница" [2] Въ иныхъ мѣстахъ св. Ефремъ Сиринъ намѣчаетъ даже, за какой грѣхъ кто чѣмъ будетъ мучиться. „Кто на землѣ грѣшилъ и оскорблялъ Бога, и скрывалъ дѣла свои, тотъ будетъ ввержень во тму

(1) Слово на второе пришествіе Господа нашего І. Христа. Твор. св. Отецъ XII, 390.

(2) Слово на честный крестъ, на второе пришествіе. Твор. св. Отецъ XIV. 50 стр. срав. 18.

кромѣшную, гдѣ нѣтъ ни луча свѣта. Кто таилъ въ сердцѣ своемъ лукавство, и въ умѣ своемъ зависть, того сокроетъ страшная глубина, полная огня и жупела. Кто предавался гнѣву и не допускалъ въ сердце свое любви, даже до ненависти къ ближнему, тотъ преданъ будетъ на жестокое мученіе ангеламъ" ([1])... Въ другихъ эсхатологическихъ памятникахъ древне-русской письменности нерѣдко перечисляются степени мученія и указывается: за какіе грѣхи какія слѣдуютъ мученія. Говорится, напр., что „немилостивіи отъидутъ въ мразъ студенъ, идѣже ледъ многъ зѣло, піянницы отъидутъ въ смолу горящую, плясцы и свирѣльники и смѣхотворцы отъидутъ въ плачь неутѣшимый никогдаже" ([2]).

Особенно подробно показывается, за какіе грѣхи какія будутъ муки, въ апокрифахъ: „Хожденіе Богородицы по мукамъ" ([3]) и Хожденіе ап. Павла по мукамъ" ([4]).

Въ этихъ апокрифахъ указываются слѣдующіе виды адскихъ мученій:

1) Змѣи ядовитыя ([5]) будутъ для читавшихъ святыя книги и объяснявшихъ ихъ другимъ, но нетворившихъ воли Божіей (26), для блудниковъ (26) и блудницъ (36),

2) Черви лютые—для ростовщиковъ (24), калугеровъ, творящихъ блудъ и оскверняющихъ св. крестъ (36), дьяковъ, берущихъ недостойно приносы (51), для

([1]) О страхѣ Божіемъ и о послѣднемъ судѣ. Твор. св. Отецъ XV 308.

([2]) Рукоп. Солов. библ. № 916 л. 29.

([3]) Памят. отр. литер. II, 23 — 30. Спис. XII в. Троицко Сергів. Лавры.

([4]) Памят. Отр. литер. II, 40 — 58. Спис. XV в. Новгородск. Соф. библ.

([5]) Памятники отреченной литературы II томъ. Страницы указаны въ текстѣ.

немилующихъ сиротъ, вдовъ и нищихъ (52), для отрицающихъ, что I. Христосъ воскресъ (55).

3) Смола кипучая—для жидовъ, распявшихъ Христа (27, 37), для творящихъ блудъ съ кумами и дочерями, для отравителей и дѣтоубійцъ (27).

4) Рѣка огненная. До колѣна погружены въ нее разговаривающіе въ церкви и рано выходящіе изъ нея (50), не ходившіе въ благочестіи епископы, не миловавшіе вдовъ и сиротъ (50); до пояса погружены—дѣти, проклятыя отцами и матерями (24, 33), блудники (50), клеветники, не милостивые, разбойники (36), до пазухи погружены бившіе кумовъ (24), до шеи—ѣвшіе человѣческое мясо (24), до верху—ложноклявшіеся (24), особенно честнымъ крестомъ (33).

5) Повѣшеніе за языкъ—для клеветниковъ и для тѣхъ, которые разлучаютъ брата отъ брата, мужей отъ женъ (25. 35).

6) Пропасть огненная—для поганыхъ, сотворившихъ милость, но непознавшихъ Бога (53) и для содомскихъ беззаконниковъ.

7) Пекло—для неправедныхъ черноризцевъ, похотниковъ и немиловавшихъ сиротъ (53).

8) Облако огненное—съ одромъ посрединѣ для мужей и женъ, которые въ святую недѣлю по лѣни не вставали „на заутреню" (25. 34).

9) Озеро огненное—для крестившихся и дѣлавшихъ дѣла діявольскія (27).

10) Столы огненные—для тѣхъ, „иже поповъ не чтутъ, то ни встаютъ имъ, егда приходятъ отъ церкви Божія" (25, 34). Кромѣ приведенныхъ мученій, въ этихъ апокрифахъ указываются еще муки женщины, повѣшенной за зубы и терзаемой змѣями (она занималась подслушиваніемъ и сплетничаніемъ 23), женщины, повѣшенной за уши (клеветница), женщины, повѣшенной и опаляемой огнемъ (попадьи, кои се суть женіли по смерти поповь своихъ 36), съ отрѣзаннымъ языкомъ учителя (который жилъ не по слову Божію 51), висящаго мущины; отъ края ногтей котораго

исходилъ огонь и опалялъ его (это священникъ, который, проскимисуя просфору, ронялъ на полъ крупицы 26. 35) и др.

Въ народныхъ духовныхъ стихахъ указываются тѣже виды мученій.

1) Змѣи ядовитыя предназначаны: блудницамъ—дѣвицамъ и женамъ (V. 181. 189. 185. 187. 193. 201), губительницамъ дѣтей (V. 213. Зап. И. Г. Об. Этн. Отд. II. 72), чародѣямъ (V. 195) клеветникамъ и еретикамъ (VI. 104).

2) Черви лютые: сребролюбцамъ — ростовщикамъ и пьяницамъ (V. 180. 181. 187. 195. 202. 206. 213).

3) Смола кипучая: глумотворцамъ-просмѣшникамъ (VI. 112. 115. 180), смѣхотворцамъ (V. 179. 187). сквернословцамъ (V. 195), и пьяницамъ (V. 181).

4) Рѣка огненая: прелюбодѣямъ—блудникамъ (V. 195. 206. 213), волхвамъ (V. 187.) чародѣямъ и пьяницамъ (VI. 100) ворамъ и разбойникамъ (VI. 104).

5) Повѣшеніе за языкъ: клеветникамъ, ябедникамъ, доносчикамъ, злоязычникамъ и язычникамъ (V. 179. 185).

6) Пропасти неисповѣдимыя: для сребролюбцевъ (V. 179. 195. 201. 206).

7) Преисподняя: для еретиковъ и колдуновъ (201. 213).

8) Скрежетъ зубный: убійцамъ (V. 195 213) лжеучителямъ и неправымъ толкователямъ (V. 133), глумотворцамъ и смѣхотворцамъ (V. 197. 195. 187. 201).

9) Морозъ лютый въ погребахъ: недостойнымъ іереямъ, судьямъ неправеднымъ (V. 179. 187) и гордымъ, душегубцамъ и разбойникамъ (V. 179. 195. 187. 201:

10) Смрадъ-чадъ горькій: пьяницамъ (V. 181. 201. 206. 193), корчемникамъ (V. 180. Зап. И. Г. Об. Эт. От. II. 73) и чародѣямъ (V. 180).

11) Печи каленыя: ворамъ—разбойникамъ, грабителямъ (V. 187), недостойнымъ попамъ и дьяконамъ (Зап. И. Г. Об. Эт. От. II. 72).

12) Терзаніе пилами: сводникамъ (V, 187), ворамъ и разбойникамъ (Зап. И. Г. Об. Эт. От. П. 72).

13) Повѣшеніе за хребетъ: плясунамъ (V, 180, 185).

14) Плачъ неутѣшимый: для плясуновъ и свирѣльщиковъ и смѣхотворцевъ (V, 179, 195, 201).

15) Полки горячіе: для субботниковъ-баенщиковъ (V, 193).

Итакъ мы видимъ, что народное представленіе объ адскихъ мученіяхъ и соотвѣтствіи ихъ тѣмъ или другимъ грѣхамъ носитъ на себѣ прямое вліяніе эсхатологическихъ письменныхъ памятниковъ, хотя народъ въ тоже время и самъ придумалъ нѣкоторые роды мученій для грѣшниковъ. Въ библейскомъ ученіи, какъ мы помнимъ, адъ представляется подъ формою: огня неугасающаго, геенны огненной, пещи огненной, озера огненнаго, плача и скрежета зубовъ, червя неусыпающаго, тьмы, бездны, тартара, преисподней, дна адова. Въ апокрифахъ мы видѣли, что изъ видовъ мученій, упоминаемыхъ въ библіи, указываются только геенна огненная, озеро огненное, да червь неусыпающій, а вмѣсто другихъ мученій указываются новыя: змѣи ядовитыя, смола кипучая, пекло, рѣка огненная, пропасть огненная, облако огненное, столы огненные, повѣшеніе за языкъ, зубы, уши. Въ духовныхъ стихахъ изъ библейскихъ мученій упоминаются печь огненная, червь неусыпающій, плачъ и скрежетъ зубовъ (послѣднихъ двухъ мученій въ апокрифѣ не упоминается), изъ апокрифическихъ мученій приводятся змѣи ядовитыя, черви лютые, смола кипучая, рѣка огненная, повѣшеніе за языкъ, пропасти неисповѣдимыя и преисподняя. Кромѣ того, самъ народъ еще находитъ новые виды мученій: морозъ лютый, смрадъ-чадъ горькій, терзаніе пилами, повѣшеніе за хребетъ (заимствованіе изъ картины страшнаго суда), полки горячіе.—

Преобладающею формою мученій какъ по письменнымъ эсхатологическимъ памятникамъ, такъ и по народнымъ стихамъ оказывается мученіе въ огнѣ, бу-

детъ ли то огненная рѣка, печь, озеро, облако. Что касается соотвѣтствія адскихъ мученій съ злодѣяніями людей, то соотвѣтствіе это (какъ въ письменныхъ памятникахъ, такъ и народныхъ) во многихъ случаяхъ видимое, почти осязательное. И здѣсь и тамъ смѣхотворцамъ назначается плачь и зубное скрежетаніе, клеветникамъ вытягиваніе языка, пьяницамъ чадъ или смола кипучая, сгарающимъ отъ похоти прелюбодѣямъ—горѣніе въ огнѣ, сребролюбцамъ—грызущіе черви, немилостивымъ, то есть холоднымъ душою—морозъ. Наконецъ, что касается грѣховъ, за которые будутъ люди мучиться въ аду, то нужно сказать, что въ письменныхъ памятникахъ на первый планъ выдвигаются грѣхи противъ Бога—грѣхи вѣры: неисповѣдываніе, что І. Хр. снидетъ во плоти, невѣрованіе во Отца, Сына и Св. Духа, непризнаваніе хлѣба и вина тѣломъ и кровью Господней, нестояніе въ церкви, непочитаніе мощей, иконъ и т. д., хотя указываются и грѣхи противъ ближнихъ. Народъ чаще останавливается на грѣхахъ противъ ближнихъ: убійствѣ, воровствѣ, ростовщичествѣ, чародѣяніи, клеветѣ, ябедѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Прежде чѣмъ сдѣлать окончательный выводъ о вліяніи христіанскаго ученія и древнерусской письменности на міросозерцаніе русскаго народа и народную словесность, мы окинемъ бѣглымъ взоромъ все сказанное нами.

Въ своемъ сочиненіи мы остановились сначала на вопросѣ: какимъ образомъ народъ, будучи неграмотнымъ, могъ усвоить истины христіанскія, проводившіяся въ древнерусской духовной письменности? И нашли, что главную роль въ религіозномъ воспитаніи народа играли духовенство и монашество, которымъ въ этомъ благомъ дѣлѣ оказывала содѣйствіе княжеская (сначала, а потомъ царская) власть (¹). Религіозно-нравственное просвѣщеніе народа производилось или путемъ наученія частнаго—въ училищахъ и при домашней бесѣдѣ, или путемъ общественнаго наученія—въ храмахъ, гдѣ народъ научался истинамъ христіанскимъ изъ богослуженія и поученій.

Замѣтивъ, что въ памятникахъ народной словесности: пословицахъ, загадкахъ, пѣсняхъ, сказкахъ, легендахъ, духовныхъ стихахъ и т. д. заключено все духовное богатство народа, его убѣжденія, вѣрованія, идеалы, мы перешли къ разсмотрѣнію самаго міросозерцанія народнаго допетровской эпохи, чтобы видѣть, насколько отразилось въ немъ вліяніе древне-

(¹) Подробно разсмотрѣнъ нами этотъ вопросъ въ статьѣ: «Воспитатели русскаго народа въ древней Руси». Виленск. Епарх. Вѣдомости. 1883 г. №№ 7, 15 и 18.

русской допетровской духовной письменности. Тотъ фактъ, что въ религіозно-нравственномъ міросозерцаніи русскаго народа, на ряду съ привившимися къ народу христіанскими понятіями, есть много элементовъ языческихъ, заставилъ насъ уяснить себѣ отношеніе языческихъ воззрѣній къ христіанскимъ, показать ихъ взаимодѣйствіе. Мы рѣшились, на основаніи памятниковъ народнаго творчества, въ краткихъ чертахъ представить историческій ходъ міросозерцанія русскаго народа, черезъ что намъ понятною становилась и роль тѣхъ или другихъ языческихъ или христіанскихъ воззрѣній, занимаемая въ народномъ міросозерцаніи. Въ своемъ изслѣдованіи мы обратили вниманіе на самыя отдаленныя времена исторической жизни нашихъ предковъ, когда у нихъ не было еще ни знаній, ни опыта, — и потомъ мы въ краткихъ чертахъ прослѣдили, какъ воззрѣнія предковъ осложнялись и перерабатывались. Мы показали предѣлы, до которыхъ возвысились народныя воззрѣнія.

Вотъ въ какомъ видѣ, по нашему мнѣнію, представляется историческій ходъ религіозно-нравственнаго міросозерцанія русскаго народа. — Какъ дѣти всѣ предметы, съ которыми они встрѣчаются, считаютъ живыми, такъ и для предковъ нашихъ все, ихъ окружающее, казалось живымъ. Міръ представлялся единымъ живымъ существомъ, богомъ; его опредѣленія казались роковыми, человѣкъ считался рабомъ рока. Рожденіе человѣка, бракъ его и смерть признавались дѣломъ судьбы. Со временемъ, при большемъ запасѣ знаній и опыта, взглядъ предковъ на міръ сталъ мѣняться. Наши предки ясно провели черту между небомъ и землею. Образъ единаго живаго божескаго существа въ ихъ воззрѣніяхъ сдѣлался уже тусклымъ; а божественныя черты міра были перенесены на новое живое существо — небо, отъ котораго и было поставлено въ зависимость все происходящее въ мірѣ. Роковая необходимость повелѣній неба осталась по прежнему.—Съ принятіемъ нашими предками христіан-

ства, божественныя черты неба переносятся ими на христіанскаго Бога. Богъ также рисуется вначалѣ неумолимымъ, деспотичнымъ; но со временемъ къ языческому образу прибавляются высоконравственныя черты христіанскія. Творческая и промыслительная дѣятельность неба уступаетъ мѣсто творческой и промыслительной дѣятельности Божественной. Въ словесныхъ произведеніяхъ народныхъ допетровскаго періода показывается уже отеческое отношеніе Бога къ міру. Божественное вмѣшательство въ человѣческія дѣла уже не дѣйствуетъ на человѣка гнетущимъ образомъ. Богъ помогаетъ человѣку, руководитъ имъ, и въ тоже время постоянно даетъ человѣку средства проявить свою волю. Въ словесныхъ произведеніяхъ Богу приписываются вполнѣ христіанскія черты всемогущества, всевѣдѣнія, премудрости, справедливости, благости, святости, какія приписываются Ему и въ памятникахъ допетровской духовной письменности. Изъ чертъ Божественныхъ, какъ бы въ противовѣсъ року, въ памятникахъ народной словесности особенно часто и рельефно указывается на милосердіе Божіе. Но если народъ русскій легко могъ усвоить христіанское ученіе о промыслительной дѣятельности и свойствахъ Божіихъ, то труднѣе для него было составить себѣ понятіе о существѣ Божіемъ. Народъ не былъ подготовленъ къ пониманію этого догмата, — въ его прежнихъ воззрѣніяхъ не было ничего подобнаго. Поэтому догматъ о троичности лицъ въ Богѣ народомъ усвоенъ въ краткихъ чертахъ, какъ онъ представлялся и въ тѣхъ письменныхъ памятникахъ, откуда народъ почерпнулъ знаніе этого догмата. Въ народномъ представленіи о Богѣ, какъ Творцѣ міра, замѣчается много сбивчивости. Знанія о твореніи Богомъ міра народъ получалъ изъ двухъ источниковъ—изъ Библіи и апокрифовъ. Отсюда въ народныхъ воззрѣніяхъ на происхожденіе міра и Бога, какъ Творца міра, замѣчается смѣшеніе элементовъ и библейскаго, и апокрифическаго, хотя нужно сказать, что сколько народъ ни переви-

раетъ библейскихъ сказаній о твореніи міра, тѣмъ не менѣе ученіе библейское о Богѣ, какъ Творцѣ міра, народомъ усвоено въ христіанскомъ смыслѣ.

Переходя къ пониманію народомъ лица І. Христа, мы замѣтили, что лице Спасителя рисуется въ словесныхъ произведеніяхъ двояко: то въ видѣ Владыки міра, то въ видѣ страдальца, для спасенія людей принявшаго крестную смерть. Народъ помнитъ библейскія сказанія объ І. Христѣ, о Его рожденіи, крещеніи, жизни, страданіи, смерти, воскресеніи и вознесеніи на небо, хотя нѣсколько и разукрашиваетъ ихъ, обставляя подробностями, которыхъ нѣтъ въ Библіи. Рождество І. Христа народъ представляетъ въ русской бѣдной обстановкѣ; къ бѣгству въ Египетъ приплетаетъ исторію объ аллилуевой женѣ, бросившей для спасенія Христа отъ жидовъ своего ребенка въ огонь. Крещеніе І. Христа народъ рисуетъ наподобіе крещенія младенцевъ въ храмѣ, прибавивъ къ сему нѣкоторыя черты изъ евангельскихъ сказаній о преображеніи и вознесеніи Господа. Преображеніе Господне рисуется въ общемъ согласно съ библейскимъ сказаніемъ, хотя замѣчается фактическая шаткость народныхъ представленій объ этомъ предметѣ. Что касается народныхъ представленій о страданіяхъ І. Христа, то нужно сказать, что народомъ замѣчена почти каждая мелкая черта страданій Христовыхъ. Народъ знаетъ и про предательство Іуды, и про прощальную бесѣду І. Христа, и про всѣ мученія Господа: и поношеніе, и заушеніе, и распятіе. Народъ долго останавливается на материнскихъ мукахъ Богоматери, при видѣ распятаго Сына. Говоря о вознесеніи Спасителя, народъ какъ будто съ жалостію прощается съ Господомъ, предоставивъ высказать эту жалость нищимъ и убогимъ. Вообще многія библейскія сказанія о Христѣ, какія проводились въ памятникахъ древне-русской духовной письменности, народомъ усвоены нетвердо и неправильно, но въ тоже время нельзя не видѣть, что народъ стремился усвоить библейскія сказанія о Христѣ и да-

же въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ замѣтилъ мельчайшія подробности.

Говоря о святыхъ, изслѣдователи народной словесности, обыкновенно, останавливаются на отысканіи миѳическаго элемента въ народныхъ воззрѣніяхъ на святыхъ и нерѣдко приходятъ къ признанію святыхъ старыми языческими богами, только съ христіанскими именами. Мы въ своемъ сочиненіи нашли, что если нельзя отрицать сходства въ народныхъ представленіяхъ о святыхъ и о древнихъ языческихъ богахъ, то нельзя также признать за этими представленіями и тождества. Христіанскимъ святымъ приданъ особенный обликъ, котораго не было и не могло быть у языческихъ боговъ, владыкъ видимаго міра. Христіанство не отрицаетъ чудесъ, совершенныхъ молитвою святыхъ. Въ житіяхъ многихъ святыхъ указываются чудесныя дѣянія, совершенныя ими какъ при жизни, такъ и по смерти. Народъ русскій во множествѣ замѣтилъ эти чудесныя дѣянія, особенно такія, которыя касались благополучія человѣка. И вотъ, благодаря дивнымъ сказаніямъ о святыхъ и ихъ чудесахъ, народъ обратилъ особенное вниманіе на свв. Іоанна Крестителя, Илію пророка, Власія, Георгія, Михаила архангела, Николая чудотворца, Косьму и Даміана и др. На основаніи житій, народъ призналъ св. Илію пророка—владыкою дождя и грозъ, покровителемъ царства растительнаго и животнаго, борцомъ съ вражескою силою, св. Георгія—покровителемъ животныхъ, устроителемъ русской земли, борцомъ съ нечистою силою и мученикомъ за вѣру, св. Власія—покровителемъ животныхъ, также свв. Флора и Лавра, св. Модеста, свв. Косьму и Даміана (послѣднихъ, кромѣ того, покровителями святости и ненарушимости брака); св. Николая народъ призналъ покровителемъ царства животнаго и земнаго плодородія, а также брачныхъ узъ, помощникомъ въ нуждѣ и опасностяхъ, особенно на морѣ, цѣлителемъ болѣзней. Кромѣ св. Николая, цѣлителями болѣзней и недуговъ народъ считалъ и считаетъ—св. апостола Петра и Сисинія (цѣлителями ли-

хорадии), Іоанна Крестителя (головной боли), Антипія (зубной боли и грыжи), архидіакона Лаврентія и сотника Логина (глазной болѣзни), Конона (оспы), Мартеніана, Іоанна многострадальнаго, преп. Моисея (блудной страсти), Вонифатія и Моисея Мурина (пьянства) и др. Что касается моральнаго образа святыхъ мужескаго типа, то болѣе всѣхъ сложился въ народныхъ воззрѣніяхъ духовно-нравственный образъ св. Николая, какъ милостиваго заступника за людей, и св. Георгія, какъ страдальца за вѣру.

Святыхъ женскаго типа народъ знаетъ мало; за то особенное вниманіе останавливаетъ онъ на Пресвятой Дѣвѣ. Какъ въ памятникахъ древне-русской духовной письменности Пресвятая Дѣва представляется радостью скорбящихъ, заступницей обидимыхъ, питательницей алчущихъ, посѣщеніемъ больныхъ, покровомъ немощныхъ, высшею всѣхъ тварей небесныхъ и земныхъ, такъ и въ народныхъ воззрѣніяхъ Божія Матерь представляется владычицею міра, царицею неба и земли, помощницею въ нуждахъ и скорбяхъ, цѣлительницею болѣзней и страстей. Богоматери приданы народомъ самыя высокія, самыя чистыя христіанскія черты святости и милосердія. Особенно высокъ образъ Пресвятой Дѣвы, какъ любвеобильной матери. Другія святыя женскаго типа, какъ напр. свв. Параскева, Екатерина, Варвара, не сложились въ народномъ представленіи въ такой опредѣленный образъ, какъ образъ Богоматери. Тѣмъ не менѣе на основаніи житій, народъ считаетъ св. Параскеву покровительницею земнаго плодородія, хранительницею невѣстъ и скота, цѣлительницею болѣзней, св. Екатерину признаетъ помощницею женамъ въ болѣзняхъ чадорожденія, св. Варвару хранительницею отъ внезапныя смерти, св. Агафію—покровительницею отъ пожара и т. д.

Какъ дѣятельность святыхъ, когда она обращена на людей, всегда клонится ко благу людей, такъ дѣятельность дьявола направлена ко вреду человѣка. Дьяволъ, по древнерусскимъ письменнымъ памятникамъ, всячески

старается вредить человѣку. Онъ причиняетъ болѣзни, возбуждаетъ страсти, вводитъ человѣка въ грѣхи, влагаетъ въ душу суетныя мысли и развлекаетъ на молитвѣ. А потомъ, когда человѣкъ согрѣшитъ, онъ записываетъ грѣхи и на томъ свѣтѣ представитъ ихъ Богу въ обличеніе человѣка. Мѣсто дѣятельности дьявола—вся земля: и воздухъ, и рѣки, и горы, и лѣса. Ангелы и святые стараются ограничить вредоносную дѣятельность дьявола, и потому дьяволу приходится постоянно бороться съ ними. Хотя дьяволъ оказывается сильнымъ борцомъ, но въ борьбѣ со святыми потерпѣваетъ пораженіе. А послѣ страшнаго суда дьяволъ будетъ окончательно пораженъ и ввергнутъ въ адъ на вѣчныя мученія. Народъ въ тѣхъ же краскахъ изображаетъ вредоносную дѣятельность дьявола, какъ обольстителя людей и виновника недуговъ; хотя народныя воззрѣнія на дьявола съ фактической стороны отличаются сбивчивостію и запутанностію, причину чего нужно видѣть въ томъ, что народъ, съ одной стороны, слышалъ библейскіе разсказы о дьяволѣ, съ другой—апокрифическіе, шедшіе въ разрѣзъ съ первыми. Примиряя ихъ, онъ, такъ сказать, запутался въ противорѣчіяхъ. Въ нѣкоторыхъ легендахъ народъ приписываетъ дьяволу творческую дѣятельность, поставивъ въ зависимость отъ дьявола твореніе земли; затѣмъ, переврявъ исторію грѣхопаденія первыхъ людей и наказанія ихъ Богомъ, происхожденіе болѣзней человѣческихъ народъ объясняетъ оплеваніемъ первыхъ людей дьяволомъ; далѣе, дьяволу народъ приписываетъ изобрѣтеніе вина. Кромѣ того, дьяволу, какъ обольстителю людей, народъ въ своихъ сказаніяхъ придаетъ видъ то змѣя, то сатира. Впрочемъ, если библейскій образъ дьявола отличается отъ духа злобы, созданнаго русскимъ народомъ, то не по духу, не по существу, а только по внѣшней формѣ. На миѳическія черты, придаваемыя иногда дьяволу, нужно смотрѣть какъ на остатокъ переходной ступени въ пониманіи духа злобы. Дьяволъ, какъ типъ необыкновенно гордаго, за-

вистливаго и вредоноснаго существа, какимъ онъ изображается въ Библіи, народомъ уловленъ и усвоенъ; только факты библейскіе относительно дьявола, повторяемъ, переврапы народомъ. Что касается борцевъ противъ вражеской силы дьявола, то таковыми народъ считаетъ, прежде всего, Іисуса Христа, затѣмъ, Матерь Божію, свв. Георгія, Илію Пророка, Николая Чудотворца, Өеодора Тирона, на что даютъ основаніе памятники древнерусской духовной письменности.

Показавъ народныя представленія о Богѣ и окружающемъ человѣка мірѣ, мы перешли къ народнымъ воззрѣніямъ на человѣка, его происхожденіе, судьбу и назначеніе. Мы замѣтили, что народныя представленія о происхожденіи человѣка отличаются сбивчивостію и запутанностію, происшедшей отъ того, что народъ свои знанія о происхожденіи человѣка, какъ и о происхожденіи міра и дьявола, почерпнулъ изъ двухъ источниковъ—библейскаго и апокрифическаго, имѣвшихъ межсобою мало общаго. Тѣмъ не менѣе народъ русскій помнитъ имена первыхъ людей: Адама, Евы, Каина, Еноха; представляетъ и дальнѣйшую судьбу человѣчества: останавливая вниманіе на Ноѣ, Хамѣ, Аврамѣ, Исаакѣ, Іаковѣ. Но особенно останавливаетъ вниманіе народъ на Іосифѣ, Давидѣ и Соломонѣ, представляя Іосифа — образцомъ чистоты и невинности и сыновней привязанности, Давида—образцомъ кротости, мудрости (вѣдѣнія) и святости, Соломона—образцомъ мудрости (находчивости). Что касается общаго взгляда на человѣка, то нужно сказать, что человѣкъ, по народному представленію, является существомъ, для котораго собственно и предназначенъ видимый міръ. Рыбамъ—вода, птицамъ воздухъ, а человѣку принадлежитъ вся земля. Царственную силу человѣку даетъ его разумъ, воля и совѣсть. Если народъ высоко цѣнитъ тѣлесныя силы и достоинства человѣка, то безусловно выше онъ ставитъ душу и духовныя силы человѣка.

Положеніе человѣка въ семьѣ, обществѣ и государствѣ налагаетъ на человѣка рядъ обязанностей какъ къ окружающей его семьѣ, такъ государству и обществу, членомъ котораго онъ состоитъ. Эти обязанности представлены нами подробно при изложеніи нравственнаго міросозерцанія народа.

Переходя къ изложенію нравственнаго міросозерцанія русскаго народа, мы прежде всего остановились на вопросѣ о назначеніи человѣка, какъ основаніи для нравственной дѣятельности, и нашли, что какъ въ древнерусской духовной письменности человѣкъ представляется предназначеннымъ для служенія Богу и прославленія имени Божія, такъ и народъ понимаетъ назначеніе человѣческой жизни: „жить—Богу служить".

Такъ какъ человѣкъ по своему существу необходимо связанъ съ Богомъ и окружающимъ міромъ (людьми), а затѣмъ, и по отношенію къ нему самому дѣйствія его не безразличны, то обязанности человѣка раздѣляются на обязанности къ Богу, ближнимъ и себѣ самому. И мы въ своемъ сочиненіи въ томъ же порядкѣ разсматривали эти обязанности. Въ памятникахъ древнерусской духовной письменности, особенно поученіяхъ, часто указывалось на обязанности человѣка къ Богу. Прежде всего ставилась въ обязанность крѣпкая привязанность къ вѣрѣ христіанской; затѣмъ, рекомендовалась молитва домашняя и общественная; далѣе, ставилось въ необходимость принятіе таинствъ крещенія и мѵропомазанія (и при женитьбѣ—таинства брака), заповѣдывалось исповѣданіе и причащеніе св. таинъ; потомъ, внушалось уваженіе къ церковнымъ постановленіямъ, каковы праздники и посты, и церковнымъ святынямъ: храму, кресту, иконамъ, Евангелію, мощамъ; рекомендовалась также денежная жертва на устроеніе храмовъ. Въ произведеніяхъ народной словесности мы замѣчаемъ, что народъ русскій крѣпко привязанъ къ своей вѣрѣ, даже до готовности умереть за нее, что онъ вполнѣ признаетъ необходимость таинствъ церковныхъ: крещенія, покаянія, причащенія и

другихъ,—въ высокой степени расположенъ какъ къ общественной, такъ и домашней молитвѣ, съ благоговѣніемъ относится къ святынямъ: кресту, иконамъ, мощамъ, съ уваженіемъ и покорностію—къ церковнымъ постановленіямъ о соблюденіи праздниковъ и постовъ,—признаетъ обязательность матеріальной поддержки храма. На ряду съ правилами вѣры и жизни, обязательными для каждаго христіанина, церковь предлагаетъ и необязательныя, каковы отреченіе отъ міра и отшельническая жизнь. Въ древней Руси аскетическая письменность была въ большомъ ходу. Иноческое житіе уяснялось и восхвалялось во множествѣ сочиненій, причемъ взглядъ на инока—отшельника проводился самый строгій. Инокъ, по письменнымъ аскетическимъ памятникамъ, долженъ былъ отказаться отъ своей воли, жизнь обязанъ былъ проводить въ непрестанной молитвѣ, постѣ и трудѣ, долженъ былъ воздерживаться отъ всякихъ суетныхъ мыслей. Въ томъ же духѣ понялъ отшельника и народъ русскій. „Не всякъ монахъ, на комъ клобукъ", говоритъ народъ, а тотъ, кто неустанно молится день и ночь, соблюдаетъ самый строгій постъ, такъ сказать, „испостился — измолился въ нитку", кто отказывается отъ славы, почестей, богатства, удовольствій семейной жизни. Образцами иноческой жизни, по народному пониманію, являются Данило Игнатьевичъ—представитель монастырской жизни, откликающійся молитвою на современныя событія, Іосафъ царевичъ—представитель пустынническрй жизни, удалившійся отъ соблазновъ міра и питающійся только гнилою колодой и болотной водой, Алексѣй человѣкъ Божій—представитель отшельника, живущаго среди соблазновъ міра и въ тоже время соблюдающаго душевную и тѣлесную чистоту. Отличательная черта всѣхъ этихъ типовъ отшельнической жизни—необыкновенная суровость жизни, требующая громадныхъ духовныхъ и нравственныхъ силъ.

Указывая на обязанности человѣка къ нему самому, древнерусскія поученія прежде всего внушали че-

ловѣку смиреніе и сознаніе своихъ грѣховъ, и потомъ въ зависимость отъ смиренія ставила всѣ грѣхи и добродѣтели, основанныя на обязанностяхъ человѣка къ къ себѣ самому. Гордость, зависть, ненависть, гнѣвъ, объяденіе, пьянство и распутство—вотъ что запрещалось въ древнерусскихъ поученіяхъ. А рекомендовалось, наоборотъ, самоуничиженіе, всепрощеніе, воздержаніе въ пищѣ и питіи, душевная и тѣлесная чистота. Чаще всего рекомендовалось воздержаніе въ пищѣ и питіи, особенно въ установленные церковію посты. Постъ внушался строгій. Народъ русскій усвоилъ церковное ученіе объ обязанностяхъ человѣка къ самому себѣ, но придалъ имъ нѣсколько другой оттѣнокъ: въ основу этихъ обязанностей привнесъ новую черту—поддержаніе человѣческаго достоинства. Человѣкъ, по народному представленію, не долженъ бесчестить своего достоинства. Что унижаетъ человѣка, какъ существо, созданное по образу Божію, то не должно быть допускаемо, то порокъ. А унижаетъ человѣка обыкновенно излишество. Отсюда излишество въ пищѣ и питіи, особенно въ употребленіи вина, излишество во снѣ, смѣхѣ, веселіи, гнѣвѣ, разговорѣ, излишество въ сознаніи своего достоинства безусловно порицается въ словесныхъ народныхъ произведеніяхъ. И наоборотъ, рекомендуется воздержаніе какъ въ пищѣ и питіи, такъ въ разговорѣ, веселіи, смѣхѣ и т. д.

Въ основѣ обязанностей къ ближнимъ, по духовнымъ памятникамъ древнерусской письменности, должна лежать любовь. Съ положительной стороны обязанности къ ближнимъ должны состоять въ дѣланіи добра, съ отрицательной—въ недѣланіи зла. Дѣланіе добра представляется въ формѣ милостыни нищимъ, убогимъ, сиротамъ, страннымъ, причемъ приводится мысль, что растрачивая добро въ здѣшней жизни, мы собираемъ его въ будущей. А дѣланіе зла опредѣляется заповѣдію: не убій, не укради, не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна, отъ чего бы это ни произошло—отъ гнѣва, зависти, ненависти, мщенія и т. д.

Такъ и народъ понимаетъ обязанности къ ближнимъ. Дѣланіе добра онъ представляетъ подъ формою милостыни голоднымъ, нагимъ, нищимъ; а зло—въ лишеніи другаго жизни, имущества, чести, покоя, счастія.—Но человѣкъ, кромѣ общихъ обязанностей къ ближнимъ, несетъ обязанности, какъ членъ семьи. Супругамъ какъ въ памятникахъ древнерусской письменности, такъ и въ памятникахъ народной словесности предписывается обоюдная вѣрность и забота о воспитаніи дѣтей въ христіанской вѣрѣ, а дѣтямъ предписывается почитаніе родителей и забота объ нихъ въ ихъ старости. Какъ члену общества, человѣку и въ духовной письменности, и въ народной словесности внушается повиновеніе власти, несеніе налагаемыхъ міромъ повинностей, долгъ стоять крѣпко, даже до пролитія крови, за отечество и царя, который представляется народу совершеннѣйшимъ человѣкомъ, воплощеніемъ правды и милости.

Сводя всѣ обязанности христіанина къ основнымъ, мы видѣли, что обязанности человѣка къ Богу сводятся къ постоянной молитвѣ, обязанности къ ближнимъ сводятся къ любви—милосердію, обязанности къ себѣ самому сводятся къ посту—воздержанію. Говоря вообще объ усвоеніи народомъ христіанскаго нравственнаго ученія, мы пришли къ заключенію, что христіанское нравственное ученіе усвоено русскимъ народомъ. Обыкновенно общее церковное правило народъ старается примѣнить къ частнымъ случаямъ изъ своей жизни, отчего церковное ученіе, не теряя своего духа, облекается въ чисто русскую форму.

Такъ какъ человѣкъ свободно-разумное существо, то онъ отвѣтственъ за свои дѣйствія. И какъ по христіанскому ученію, такъ и по народному представленію, онъ получитъ себѣ въ будущей жизни возмездіе: или блаженство, или мученіе. Земная жизнь —періодъ испытанія человѣка, загробная возмездіе за земную. Загробное состояніе человѣка въ библейскихъ книгахъ изображается кратко; наоборотъ, въ твореніяхъ отеческихъ, а особенно въ апокрифиче-

скихъ сказаніяхъ, описывается подробно. Народъ русскій также рисуетъ подробныя картины загробной жизни, начиная съ момента смерти. При смерти человѣка, по древнерусскимъ эсхатологическимъ письменнымъ памятникамъ, являются къ нему ангелы и нечистые духи со свитками съ записанными грѣхами. Душа должна пройдти рядъ мытарствъ (народъ не замѣтилъ всѣхъ мытарствъ) и потомъ предстать предъ Богомъ, который совершитъ временный судъ надъ душей. Затѣмъ, будетъ время—настанетъ судъ всеобщій, страшный, предъ наступленіемъ котораго явится антихристъ (по раскольническимъ стихамъ онъ уже явился). Страшный судъ надъ міромъ совершится такимъ образомъ. Архангелы вострубятъ, по повелѣнію Божію; весь видимый міръ потрясется и возобновится; всѣ умершіе воскреснутъ. Господь возсядетъ на престолѣ славы своея и воздастъ каждому должное. Народъ въ духовныхъ стихахъ подробно останавливается и на явленіяхъ, которыя произойдутъ въ мірѣ во время страшнаго суда, и на самомъ опредѣленіи праведникамъ и грѣшникамъ ихъ участи. Излагая народныя представленія о раѣ и адѣ въ народныхъ легендахъ и стихахъ и древнерусскихъ эсхатологическихъ письменныхъ памятникахъ, мы видѣли, что рай, по тѣмъ и другимъ памятникамъ, совмѣщаетъ въ себѣ все хорошее, что только знаетъ человѣкъ на землѣ, а адъ—всѣ страшныя мученія, какія только человѣкъ можетъ вообразить. Главнымъ видомъ мученій представляются страданія въ огнѣ.

Разсматривая христіанское ученіе, какъ оно представлялось въ духовныхъ памятникахъ древнерусской письменности и какимъ являлось въ произведеніяхъ народной словесности, мы видѣли, что народъ русскій въ древній допетровскій періодъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія его исторической жизни и совершенную недостаточность средствъ къ просвѣщенію,

все таки не оставался темнымъ язычникомъ, но старался по возможности усвоить себѣ христіанское ученіе. И дѣйствительно, если народъ не знаетъ христіанскаго ученія въ полнотѣ, обязательной для христіанскаго богослова, то онъ усвоилъ его въ главныхъ существенныхъ чертахъ, понялъ его духъ. Система христіанскаго ученія система сложная: съ глубокимъ смысломъ и широкимъ содержаніемъ. Во всей своей широтѣ она доступна только сильному и образованному уму, хотя въ своихъ главныхъ чертахъ, со стороны своего духа, доступна и такому младенцу въ вѣрѣ, какимъ являлся въ древній допетровскій періодъ нашъ русскій народъ. Для насъ образованныхъ людей, знающихъ христіанское ученіе въ точномъ и ясномъ книжномъ изложеніи, дикими кажутся народныя опредѣленія христіанскихъ понятій. Но мы забываемъ, что безграмотный народъ, узнавшій ученіе Христово не непосредственно, а черезъ передачу отъ другихъ лицъ, и не знакомый съ христіанской терминологіей, и не можетъ передавать христіанскаго ученія богословско-философскимъ языкомъ. Народъ, повторяемъ, богословскому и философскому мышленію, а равно рѣчи богословско-философской, еще не пріученъ. Мышленіе народное и народная рѣчь своеобразны. Народъ не можетъ мыслить отвлеченно. Онъ мыслитъ образами. Онъ напр. не можетъ представить болѣзни, какъ болѣзни, а олицетворяетъ ее въ видѣ дѣвы трясавицы,—исцѣленіе болѣзни рисуетъ въ формѣ отстрѣливанія ея. Пословицы среди другихъ словесныхъ произведеній народа конечно составляютъ самое отвлеченное и сжатое (въ нѣкоторомъ родѣ философское) выраженіе мысли, но и онѣ почти всей своей совокупностію представляютъ рядъ удачно схваченныхъ картинъ, только мѣтко выражающихъ какую нибудь отвлеченную мысль. Далѣе, мысля образно, народъ беретъ образы изъ окружающей его среды, отчего мышленіе народное отличается слишкомъ рѣзкою обыденностію, а рѣчь, соотвѣтствующая подобному мы-

шленію, представляется слишкомъ грубою и вульгарною, съ внѣшней стороны не совсѣмъ гармонирующею съ возвышеннымъ христіанскимъ ученіемъ, какъ оно представляется въ библейскихъ книгахъ и твореніяхъ отцовъ церкви. При внимательномъ разсмотрѣніи народныхъ воззрѣній оказывается, что народъ русскій понимаетъ христіанское ученіе, въ глубокихъ вопросахъ какъ бы чутьемъ доходитъ до духа его, но самъ отъ необработанности и неразвитости мышленія и языка передать его не умѣетъ. Нерѣдко въ народной передачѣ усвоенная, понятая народомъ, библейская мысль является какъ бы другою, не библейскою и, пожалуй, иногда нехристіанскою. Возьмемъ напр. народную пословицу: „Панкратъ лѣзетъ на небо, а чортъ его за ногу". Мысль о томъ, что дьяволъ препятствуетъ человѣческому спасенію и старается совратить человѣка на путь погибели, передается народомъ чуть не въ комическомъ видѣ,—въ такой картинѣ, которая черезъ чуръ ужъ обыденна и осязательно наглядна. Мысль о томъ, что святые молитвенники предъ Богомъ за людей, народъ также выражаетъ въ слишкомъ ужъ обыденныхъ чертахъ: „Молись Николѣ, а онъ Спасу *скажетъ*". Хочетъ народъ выразить, что дьяволъ старается возбуждать въ человѣкѣ чувственныя страсти,—онъ говоритъ: „въ чужую жену чертъ ложку меду кладетъ". На страшномъ судѣ, по духовнымъ стихамъ, Богъ такъ обратится къ грѣшникамъ: „Охъ вы гой еси, души грѣшныя, я васъ буду судити, буду спрашивать"... Возьмемъ еще болѣе рѣзкій примѣръ— народныя преданія о странствованіи Бога съ св. Петромъ и Николаемъ. Припомнимъ хотя сказаніе, какъ Богъ позволилъ волку у одной бѣдной вдовы взять послѣднюю корову, указавъ на ея примѣты и цвѣтъ, и какъ св. Николай, изъ жалости къ женщинѣ, во время сна Господа, вымазалъ корову, чтобы волкъ не узналъ ея. Богъ, по сказанію, хотя спалъ, но обличилъ св. Николая въ его противленіи волѣ Божіей, причемъ разсказъ замѣчаетъ: „все знае" Богъ! Нуж-

но было народу выразить свою мысль о всевѣдѣніи Божіемъ и милости св. Николая, и народъ уже не могъ обойтись безъ наглядной картины; мало того, выразилъ эту мысль въ самой обыденной картинѣ, въ самыхъ грубыхъ безъискуственныхъ краскахъ. Народъ, на основаніи житія, понялъ св. Николая, какъ особеннаго ходатая за людей предъ Богомъ, и милостиваго угодника,—и онъ не только оттѣняетъ эту черту въ угодникѣ, а разукрашиваетъ факты, какіе передаются въ житіи святаго, и даже въ томъ же духѣ выдумываетъ новые. У него въ словесныхъ произведеніяхъ св. Николай является не только молитвенникомъ за людей предъ Богомъ, а и прямо работникомъ, помогающимъ мужику вытащить возъ изъ грязи.

Припомнимъ еще народный стихъ объ Іосифѣ, какъ онъ открывается своимъ братьямъ, послѣ того какъ въ мѣшкѣ Веніамина оказалась скрытая чаша. Братья Іосифа оправдываются.

Грозный царь Харавоне!
Такой же дуракъ былъ его братъ Осипъ.
Така ему дураку и смерть случилась..

На это Іосифъ рекомендуется имъ, какъ ихъ братъ.

Ай же вы старѣйшая большая братья!
Какъ бы я не дуракъ былъ, не мошенникъ,
Не кормилъ бы васъ хлѣбомъ солью,
Не засыпалъ бы возы вамъ бездежно,
За что вы меня, братія, убили?
За что купцинамъ продавали?

Народу, какъ видимъ, показалось мало библейской картины оправданія братьевъ предъ Іосифомъ, и онъ разукрашиваетъ библейское сказаніе. — Итакъ неумѣнье народа философско-богословски мыслить и вести рѣчь въ значительной степени подрываетъ довѣріе къ правильности и чистотѣ пониманія имъ христіанскихъ истинъ.

Затѣмъ, еще болѣе подрывается убѣжденіе въ христіанскихъ воззрѣніяхъ русскаго народа тѣмъ, что въ его воззрѣніяхъ на предметы вѣры и жизни, среди христіанскихъ понятій, проглядываютъ остатки понятій языческихъ. Но мы уже говорили, что народъ, бывъ сначала язычникомъ, не могъ сразу отрѣшиться отъ языческихъ понятій. Сначала онъ усвоялъ христіанскія истины съ тѣхъ сторонъ, которыя были доступнѣе для пониманія его, какъ язычника. А затѣмъ, подъ вліяніемъ духовной письменности, раскрывающей христіанское ученіе, онъ со временемъ восходилъ выше и выше въ своемъ религіозно-нравственномъ развитіи. И мы видѣли, что даже въ усвоеніи глубокихъ истинъ христіанскихъ, трудныхъ для пониманія, народъ русскій дошелъ до высокой ступени, дающей ему полное право на званіе истиннаго христіанина. Остатки языческихъ воззрѣній среди христіанскаго міросозерцанія играютъ ту же роль, какъ у каждаго человѣка воспоминанія дѣтства. Отсюда нѣтъ достаточнаго резона, на основаніи внѣшняго сходства, отожествлять христіанскіе образы съ языческими и лишать первые самостоятельности въ пользу послѣднихъ. Если напр. въ народномъ образѣ Богоматери находимъ черты, общія съ чертами языческой богини плодородія (Лады), то это еще не значитъ, что въ Богоматери народъ видитъ Ладу, а значитъ только то, что хотя смутно, но все-таки Ладу народъ помнитъ. И если мы ближе всмотримся въ эти два образа, то найдемъ, что одинъ образъ (Лады) представляетъ уже не цѣльный образъ съ духовно-нравственной физіономіей, а какіе-то обрывки, между тѣмъ другой образъ (Богоматери) является живымъ образомъ, полнымъ, цѣльнымъ, съ высокими духовно-нравственными чертами. При этомъ мы увидимъ, что если Божія Матерь представляется въ народныхъ воззрѣніяхъ владычицею міра, подательницею плодовъ земныхъ, покровительницею плодовитости животныхъ и чадородія, то не потому, что она является Ладой съ измѣненнымъ име-

немъ, а потому, что въ письменныхъ духовныхъ сказаніяхъ о Богоматери, какъ пріявшей особенную благодать у Бога, передается бесчисленное множество чудесныхъ дѣяній, совершенныхъ Богоматерію, въ которыхъ она дѣйствительно является владычицею міра, царицею неба и земли. А образъ Лады на первыхъ порахъ христіанства русскаго народа могъ только помочь образованію образа Богоматери. Со временемъ народъ усвоилъ столько христіанскихъ духовно-нравственныхъ чертъ Пресвятой Дѣвы, что нѣтъ уже основанія сомнѣваться въ чистотѣ христіанскаго образа Богоматери. „Матушка—Покровъ, покрой сыру землю снѣжкомъ, меня женишкомъ"—иногда такъ обращаются дѣвушки къ Пресвятой Дѣвѣ. Такое обращеніе къ Покрову — не язычество (Матушка Покровъ не зоря, не Лада, не Фрея, а Пресвятая Богородица), а, такъ сказать, дѣтскость христіанства, наивность, простота, пожалуй, грубость. Тоже нужно сказать и о другихъ христіанскихъ образахъ, которые носятъ признаки, дающіе нѣкоторое право сближать ихъ съ языческими образами. Св. Власій—не Волосъ, языческій богъ скота, св. пророкъ Илья — не Перунъ громовержецъ; это христіанскіе образы. Признать перваго покровителемъ скота, а втораго — тучегонителемъ и сводителемъ дождя съ неба даютъ народу жизнеописанія этихъ святыхъ. А сходство въ имени Власія съ Волосомъ и совпаденіе времени празднованія памяти св. пророка Иліи съ временемъ чествованія Перуна только благопріятныя условія для скорѣйшаго составленія этихъ образовъ. Образы эти, какъ мы знаемъ, со временемъ очертились рельефно и осложнились чисто христіанскими чертами. Тогда какъ отъ языческихъ образовъ Волоса и Перуна остались только жалкіе обрывки, да и имена-то ихъ у народа не осталось, а сохранились они въ лѣтописяхъ.—Нужно сказать, что сближенію языческихъ и христіанскихъ образовъ много даетъ основаній то, что народъ на всѣ предметы (и въ частности христіанскіе образы) смотритъ съ прак-

тической, съ житейской стороны, останавливается настолько, насколько они представляютъ пользы или вреда человѣку. Дьяволъ вредоносное существо,—поэтому народъ останавливаетъ на дьяволѣ серьезное вниманіе, и въ произведеніяхъ народной словесности мы найдемъ развитыми черты вредоносной дѣятельности дьявола. Святыхъ народъ считаетъ своими помощниками. И преимущественно онъ смотритъ на святыхъ съ этой стороны. На жизни же святыхъ (за исключеніемъ очень не многихъ святыхъ) онъ останавливается меньше. Несвѣдующій слабый въ борьбѣ съ разнообразными невзгодами, онъ внимательно слѣдитъ по житіямъ святыхъ, какой святой оказывалъ содѣйствіе въ той или другой болѣзни. И вотъ находитъ, что св. Николай Чудотворецъ помогаетъ на морѣ, на работахъ и въ болѣзняхъ, св. Георгій, Власій и Модестъ берегутъ домашнихъ животныхъ, св. Екатерина помогаетъ въ мукахъ чадорожденія, св. Антипій врачуетъ зубныя боли, Кипріанъ защищаетъ отъ наважденія вражеской силы, мученикъ Іоаннъ Воинъ помогаетъ находить украденныя вещи и т. д. Итакъ приписываемая народомъ спеціальная дѣятельность святымъ обусловливалась сказаніями о святыхъ въ ихъ житіяхъ. Народъ подмѣтилъ тѣ или другіе случаи изъ жизни святыхъ и, сообразно съ ними, составилъ и очертилъ образы того или другаго святаго, придавъ каждому спеціальную дѣятельность. Такая спеціализація дѣятельности святыхъ не противорѣчитъ церковному ученію. Что касается моральныхъ чертъ, приданныхъ святымъ, то нельзя не замѣтить, что народъ, съ одной стороны, оттѣняетъ въ святыхъ твердость духа и устойчивость въ трудныхъ моментахъ своей жизни (таковы: Георгій—въ мукахъ, Іосафъ — въ пустынѣ, Алексѣй Божій человѣкъ — среди соблазновъ міра и др.), съ другой—нѣжность, мягкость и доброту по отношенію къ людямъ, (таковы: Божія Матерь, св. Николай, Іосифъ въ отношеніи къ отцу и братьямъ и др.)

Наконецъ, что касается догматическихъ вопросовъ христіанской вѣры, каковы—вопросы о Богѣ, Его существѣ и свойствахъ, творческой и промыслительной дѣятельности, вопросы объ І. Христѣ, цѣли его пришествія на землю и его крестной заслугѣ, о происхожденіи міра и человѣка и ихъ будущей судьбѣ и т. п., то, какъ мы видѣли, при разсужденіи объ этихъ вопросахъ, народъ часто перевираетъ библейскія факты, и этимъ также значительно подрываетъ довѣріе къ чистотѣ и правильности его христіанскихъ воззрѣній. Дѣйствительно, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ фактическая сторона, тамъ народъ русскій обнаруживаетъ сбивчивыя представленія, потому что библейскія сказанія, какъ мы не разъ замѣчали, къ народу переходили не непосредственно, изъ первоисточника, а изъ вторыхъ уже рукъ и часто въ искаженномъ видѣ, будучи заимствованы изъ апокрифовъ. Но нужно сказать, что перевираемые народомъ библейскіе факты—въ большинствѣ факты, не имѣющіе слишкомъ рѣшающаго значенія въ дѣлѣ вѣры. Если народъ напр. нѣсколько неправильно представляетъ фактическую сторону жизни І. Христа, то правильно понимаетъ цѣль его пришествія на землю и значеніе его заслугъ. Если, далѣе, Бога народъ представляетъ съ внѣшней стороны нѣсколько въ грубыхъ чертахъ, то дѣятельность и промышленіе Божіе онъ понимаетъ уже глубоко. Если народъ перевираетъ исторію происхожденія міра и первыхъ людей, то онъ все-таки знаетъ, что міръ не самъ какъ нибудь произошелъ, а созданъ Богомъ. Если, наконецъ, говоря о загробномъ состояніи человѣка, страшномъ судѣ, райскомъ блаженствѣ и адскихъ мученіяхъ, народъ разсказываетъ многое такое, что не имѣетъ достаточнаго основанія въ библейскомъ ученіи, тѣмъ не менѣе онъ правильно усвоилъ библейское ученіе о томъ, что человѣкъ въ загробной жизни долженъ будетъ отдать отчетъ о жизни земной и на страшномъ судѣ получить достойное возмездіе. Перевираніе библей-

скихъ фактовъ говоритъ не о языческомъ состояніи народа, а о его дѣтскости еще въ христіанствѣ.

Излагая нравственное міросозерцаніе русскаго народа, мы видѣли, что оно носитъ, какъ нельзя болѣе, вліяніе духовныхъ памятниковъ древне-русской письменности. Исполненіе множества обязанностей, которыхъ народъ не зналъ въ язычествѣ, въ допетровскій періодъ онъ считалъ своимъ долгомъ. Но какъ въ нравственномъ ученіи древне-русскихъ письменныхъ памятниковъ выдвигалась на первый планъ обрядовая сторона, такъ и въ нравственныхъ возрѣніяхъ народа замѣчается особенное преобладаніе обрядовой стороны. Впрочемъ нужно сказать, что добро, какъ добро, съ его внутренней, духовной стороны, не понятно для народа; оно понятно только въ своихъ проявленіяхъ, въ формѣ утренней и вечерней молитвы, поста, милостыни и т. д. Хотя нами замѣчено, что христіанское нравственное ученіе народомъ усвоено, тѣмъ не менѣе нельзя оставить безъ вниманія и того факта, что многое, что народъ признаетъ обязательнымъ въ теоріи, на практикѣ не исполняетъ. Въ пословицахъ и духовныхъ стихахъ народъ возстаетъ противъ разгула, объяденія и пьянства и предписываетъ взамѣнъ умѣренность и воздержаніе; но во время праздествъ (напр. масляницы) онъ далеко не соблюдаетъ составленныхъ имъ постановленій. Нужно сказать, что въ этомъ случаѣ въ жизни цѣлаго народа происходитъ тоже явленіе, что и въ жизни каждаго человѣка въ отдѣльности. (Впрочемъ, и самъ народъ не иное что нибудь отъ людей, а тѣже люди,—собраніе людей). Какъ у каждаго человѣка въ отдѣльности есть лучшія стремленія, высокія цѣли, достиженіе которыхъ составляетъ мечту и предметъ желаній; такъ и у народа есть высокія стремленія, есть высокіе идеалы, осуществленіе которыхъ онъ и ставитъ цѣлью своей жизни. Но какъ человѣкъ способенъ увлекаться, такъ и народъ на пути къ своей завѣтной цѣли, къ осуществленію своего любимаго идеала (уподобленія Христу) дѣлаетъ не ма-

ло промаховъ, подвергается нерѣдко увлеченію. Такъ что евангельскія слова „духъ бо бодръ, плоть же немощна" — настолько же относятся и къ каждому человѣку въ отдѣльности, какъ и къ цѣлому народу. Впрочемъ нельзя думать, что нравственныя воззрѣнія русскаго народа со своей практической стороны расходятся съ жизненной практикой народа. Нѣтъ, они даютъ окраску жизни народной,—ими народная жизнь регулируется. А выходящее изъ границъ этихъ предписаній нравственности есть только временное отклоненіе жизни народной отъ признанной нормы,—хотя, строго говоря, естественное и, пожалуй, законное. Какъ бы то ни было, но самыя нравственныя воззрѣнія русскаго народа съ своей теоретической стороны находятся въ полной зависимости отъ церковнаго ученія. Въ нихъ тотъ же церковно-библейскій духъ, хотя и принявшій національную чисто русскую окраску.

Отвѣчая въ своемъ сочиненіи на вопросъ о вліяніи церковнаго ученія и древне-русской духовной письменности на міросозерцаніе русскаго народа и народную словесность въ допетровскій періодъ, мы старались показать, что̀ заимствовалъ народъ изъ памятниковъ древне-русской духовной письменности и какъ заимствовалъ. Сопоставленіе народныхъ воззрѣній, выразившихся въ произведеніяхъ народной словесности, съ воззрѣніями, проводившимися въ памятникахъ древне-русской духовной письменности наглядно показывало намъ отношеніе народнаго міросозерцанія къ церковному ученію и древне-русской духовной письменности. Мы не оставили безъ вниманія и уцѣлѣвшихъ въ народномъ міросозерцаніи языческихъ представленій, указавъ роль, какую они играли въ христіанскихъ воззрѣніяхъ народа въ допетровскій періодъ. Мы показывали, какъ языческія воззрѣнія уступали христіанскимъ свое мѣсто, какъ они теряли подъ собою почву и отходили въ область миѳовъ, и какъ, напротивъ, христіанскія воззрѣнія глубже и глубже проникали въ сознаніе народа, и народъ выше и выше восходилъ въ пониманіи ихъ. Въ вопросѣ о

каждомъ предметѣ вѣры мы указывали тотъ пунктъ, до котораго дошелъ народъ въ своемъ пониманіи, намѣтивъ тѣмъ, что еще слѣдуетъ узнать народу, до чего еще слѣдуетъ ему подняться.

Итакъ отрицать подлинный характеръ христіанской религіозности русскаго народа въ допетровскій періодъ нельзя. Правда, усвоеніе церковно-библейскаго ученія совершалось въ народѣ русскомъ медленно, переходило множество градацій, прежде чѣмъ восходило на высоту надлежащаго пониманія предметовъ вѣры, но за то христіанское ученіе ложилось въ сознаніи народа глубоко и въ самомъ существѣ проникало всѣ народныя воззрѣнія. Памятники народнаго творчества, заключающіе въ себѣ духовное богатство народа, его думы, вѣрованія, убѣжденія, чаянія и идеалы—во многихъ экземплярахъ представляютъ собою выраженіе тѣхъ или другихъ христіанскихъ понятій народа, выраженіе вполнѣ проникнутое русскимъ духомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ согласное съ духомъ библейскимъ. Библейское ученіе, выразимся хотя нѣсколько грубо, но образно, не клиномъ врѣзалось въ народное міросозерцаніе и стало въ немъ особнякомъ, а привилось къ народу послѣ продолжительнаго процесса переработки народныхъ воззрѣній, усвоилось народомъ, сдѣлалось неотъемлемой и, пожалуй, существенной частію его духовной природы. Языческія воззрѣнія не затемнили свѣта ученія христіанскаго; напротивъ, христіанское ученіе прогнало мракъ языческихъ суевѣрій и заблужденій и пролило свѣтъ на всю область народныхъ воззрѣній. Правда, и доселѣ высокія христіанскія понятія въ народномъ міросозерцаніи переплетаются съ уцѣлѣвшими остатками языческихъ воззрѣній и какъ будто отъ этого теряютъ свою чистоту; но, повторяемъ, внимательное изученіе памятниковъ народнаго творчества показываетъ, что христіанскій духъ и главныя христіанскія воззрѣнія усвоены русскимъ народомъ, а языческія представленія являются не болѣе, какъ жалкими, утратившими

свой смыслъ, остатками старины, мракъ которыхъ нисколько не подавляетъ и не тушитъ свѣта христіанскаго ученія. Къ міросозерцанію русскаго народа до петровскаго періода вполнѣ примѣнимы евангельскія слова: „и свѣтъ во тьмѣ свѣтится и тьма его необъять“.

Оглавленіе.

ОПЕЧАТКИ,

ЗАМѢЧЕННЫЯ ВЪ СОЧИНЕНІИ

Стр.	*Строк.* сверху.	*Напечатано:*	*Должно быть*
13	20	отличительные	отличительныя
14	21	произведенія:	произведенія.
20	9	Исаіи.	Исаіи:
21	20	кругъ	въ кругъ
31	4	смиряетъ,	смиряетъ
35	5	они.	они
—	6	помiе	помiг
38	20	Работой	работой
56	4 снизу	Прол рук. Сол. библ.	рук. анзер. скита.
57	4 снизу	II, 321	II, 348
61	12	Богъ	Богѣ
63	32	отличалось	отличались
83	23	преобразованiяхъ	прообразованiяхъ
86	7	Іоанномъ.	Іоанномъ,
—	8	Наконецъ.	Наконецъ,
105	12	послѣд	послѣдованія
—	6 снизу	сол. библ.	анзер. скита.
108	5 снизу	I, 74	I, 474.
—	6	6 в. 120.	6 в. 121.
109	25	туча	туча,
121	20. 22.	что бы	чтобы
132	15	Бъ	Въ
137	17	плавающаю	плавающею
142	3	по	то
150	1	сына,	сына.
—	21	съ келью	въ келью
153	7	чистоты	чистоты,
—	10	ученiе	ученія
177	33	оцѣнепѣваетъ	оцѣпенѣваетъ
181	9	отличается	отличаются
185	2. 3.	побѣждѣтъ	побѣждаетъ
187	11	кормчѣ	корчмѣ
230	7	другъ къ	другъ къ другу

Стр.	Строк. сверху.	Напечатано.	Должно быть.
260	4	по	про
263	6 снизу	№ 270. л. 1026	№ 270 л. 437 об. 447.
268	16	в	и
282	13	аскетическія	аскетическіе
283	1	въ	къ
288	8. 10. 25. 33.	Іосифъ	Іосафъ
304	1	тщесловіи	тщеславіи.
306	27	хлѣльнаго	хмѣльнаго
313	24	соревнованіемъ,	соревнованіемъ.
326	9	дущѣ	душѣ
327	17	народъ	народъ;
352	7	книи	книги

Vlijanie cerkovnago učenijo i drevne-russkoj duhovnoj pismennosti na mirosozercanie russkago naroda i v častnosti na narodnuju slovesnost, v drevnij do Petrovskij period.

Aleksěj Popov
Kazan' 1883

The influence of the teachings of of the Church and of the old Russian religious literature on the manner of thought of the Russian people, especially the popular literature, in the ante-Peter period.

Aleksěj Popov
Kazan 1883

(Russian)

II

ВЛІЯНІЕ ЦЕРКОВНАГО УЧЕНІЯ

И

ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

НА

МІРОСОЗЕРЦАНІЕ РУССКАГО НАРОДА

И ВЪ ЧАСТНОСТИ НА НАРОДНУЮ СЛОВЕСНОСТЬ,

ВЪ ДРЕВНІЙ ДОПЕТРОВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСѢЯ ПОПОВА

Aleksyei Popov

КАЗАНЬ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1883.

3 2044 011 605 995

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.
CANCELLED
SEP 9 - 1986
SEP 1 2 1986
2025759
CANCELLED
CHARGE
WIDENER
BOOK DUE
SEP 0 1991
WIDENER
BOOK DUE
CANCELLED
DEC 28 1987
WIDENER
STALL STUDY
CHARGE